

902.6
А 87

Археологические исследования на новостройках Кабардино- Балкарии

НАЛЬЧИК • 1985

2

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

Археологические
исследования
на
новостройках
Кабардино-
Балкарии
в 1972—1979 гг.

48094
2
ТОМ

В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Керефов

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
(IX—VII вв. до н. э.—II в. н. э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК
1985

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
от 24 июня 1983 года

Под редакцией кандидатов исторических наук
М. П. АБРАМОВОЙ и В. И. КОЗЕНКОВОЙ

В книге дается характеристика
и анализ археологического материала эпохи поздней бронзы
и раннего железа (IX—VII вв. до н.э.—II в. н.э.),
полученного при раскопках могильников
в районах новостроек КБАССР
в 1972—1979 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя второй том книги «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии» посвящен целиком древностям эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Являясь коллективным трудом трех авторов В. М. Батчаева, Б. М. Керефова (Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики) и Т. Б. Барцевой (Институт археологии АН СССР), книга эта — яркое свидетельство плодотворности совместного сотрудничества специалистов двух институтов.

Открывает том интересная работа В. М. Батчаева «Древности предскифского и скифского периодов». Несомненная ценность первой ее главы прежде всего в том, что, благодаря публикации, в научный оборот введены новые превосходные памятники конца II — середины I тыс. до н. э. На археологической карте республики появились 15 новых пунктов, во многом дополняющие и конкретизирующие уже известные страницы древней истории Центрального Кавказа, а в ряде случаев позволяющие по-новому взглянуть на те или иные ее аспекты. Таковы, например, находки из погребений раннекобанского периода у сел. Лашкуты, выразительные материалы из Бедыка, свидетельствующие о заметной роли обряда кремации у кобанцев Баксанского ущелья в раннескифский период. Обилие материалов документирует тесные контакты коренного горского населения с ранними кочевниками евразийских степей в самом начале I тыс. до н. э. Однако атрибуция автором таких памятников, как кочевнических, представляется излишне прямолинейной. В частности, отнесение к «кочевническому комплексу» ряда предметов (двукольные удила, биметаллические кинжалы, каменные молоты), составляющих в массе своей органику комплекса кобанской культуры IX — начала VII вв. до н. э., не представляется таким уж бесспорным, как это изложено в статье. Конечно, В. М. Батчаев — сторонник определенной концепции, но концепция эта не единственно возможная, что, к сожалению, почти не оговаривается в работе.

Вторая глава посвящена публикации блестящих материалов из раскопок курганного могильника близ сел. Нартан, произведенных экспедицией сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики в 1978—1979 гг. В ней приведено подробное описание каждого кургана, особенностей погребальных сооружений и ритуала, предметов, положенных в могилы. Основные выводы, хотя и носят предварительный характер, изложены В. М. Батчаевым подробно и достаточно аргументированно. Вполне приемлема общая датировка могильника в пределах рубежа VII—VI вв. до н. э. В целом справедлива попытка выделения двух хронологически разных групп курганов, хотя с включением в ту или другую группу конкретных курганов можно поспорить. Так, по нашему мнению, курган 10 скорее следует отнести в группу V в. до н. э., а не VI. Думается, что скорее к VI веку до н. э., а не к V в., как у автора, следовало бы отнести курганы 2—5, 7, 8.

Наиболее проблематична часть, посвященная атрибуции материалов культурной и этнической. Автор располагает значительной и весомой суммой данных, позволяющих ему относить Нартанский курганный некрополь к памятникам кочевников скифо-савроматского круга.

Не оспаривая этот основной вывод автора, который, как мы надеемся, получит в дальнейшем более тщательно разработанную аргументацию, отметим лишь те моменты в концепции, которые вызывают сомнения. Настораживает термин «несамоопределившиеся савроматы» для изучаемого района, и тем более для указанного автором восточного рубежа функционирования могильника. Вполне правомерный для Поволжья, где савроматская культура, по К. Ф. Смирнову, в этот период только формировалась, этот термин весьма сомнителен для предгорий Центрального Кавказа. Ведь он, хочет того автор или нет, предполагает возможность включения территории Север-

ного Кавказа в ареал формирования савроматской культуры, что в корне противоречит каким-либо историческим свидетельствам.

Отдавая должное наблюдательности автора, справедливо выделившего, наряду с признаками скифской и местной кобанской культур, признаки савроматской культуры в материалах Нартана, обратим внимание читателя на те особенности в них, которые делают концепцию кочевнической принадлежности памятника уязвимой. Очевидность факта длительного функционирования погребального поля (не менее 200 лет, т. е. 7 поколений), зримые черты преемственности в погребальных конструкциях, ритуале, керамике, особенности погребального инвентаря ранних и поздних могил, ставят еще один вопрос, на который в статье не дается ответа. Почему одна и та же, судя по комплексу признаков, родственная группа «кочевников», захороненная в Нартанских курганах, в начале функционирования кладбища была носителем культуры скифской культуры, а впоследствии приобрела черты савроматской. На наш взгляд, подобная метаморфоза могла произойти лишь в одном случае: эта группа в основе своей была этнически родственна какой-либо горской племенной группировке. Именно в подобном случае, в силу близкого территориального контакта с чужеродной культурой, такая группа могла последовательно поглощать в одном поколении элементы скифской культуры, а позднее собственно савроматской и сарматской, приобретая синкретические черты, но оставаясь местной, кобанской. Воспринимая некоторые черты военизированного кочевнического быта, костюма, даже восприняв от кочевых племен обычай сооружения надмогильных курганов, такая группа не обязательно растворилась среди пришельцев (скорее было наоборот), а лишь приобрела определенный социальный статус по отношению к своим соплеменникам более глубинных областей.

Не убеждает и вывод В. М. Батчаева о «куда более высоком» уровне социальной и имущественной стратификации культур «скифского мира» по сравнению с кобанцами. Думается, что столь ответственное заявление не должно основываться на изучении только одного могильника. Кроме того, понятие «скифский мир» широко и неоднозначно. Оно включало культуры, существенно отличавшиеся по своему производственному потенциалу, и далеко не всегда этот потенциал был выше, чем у кавказцев.

Материалы Нартанского некрополя, несомненно, еще долго будут объектом скрупулезного изучения и осмысления не только самим В. М. Батчаевым, но и теми счастливыми, для научных интересов которых могильник оказался поистине подарком. Не исключено, что в дальнейшем удастся восполнить пробелы, допущенные в ряде случаев во время раскопок. Несомненно, их было бы меньше, если бы не условия срочной работы и не всегда зависящие от воли археологов обстоятельства графика новостройки.

К работе В. М. Батчаева теснейшим образом примыкает статья кандидата исторических наук Т. Б. Барцевой «Химический состав цветного металла из курганного могильника у сел. Нартан (по данным спектрального анализа)». В статье приведены обзор и технологические характеристики ведущих металлических форм предметов из погребений. В лаборатории Института археологии АН СССР автором были досконально изучены 380 вещей всех категорий; выявлены особенности состава цветного металла и установлена основная тенденция в характеристике химико-металлургических групп. В результате получены более обстоятельные данные для объективной оценки большинства металлических предметов из обихода населения предгорий Центрального Кавказа на рубеже VII—VI вв. до н. э. и в самом начале VI в. до н. э. На основе ряда гистограмм Т. Б. Барцева установила единство и однородность металла Нартанского могильника на всем протяжении его функционирования. Химические группы оказались четко связанными с определенными категориями вещей. Это позволило, по мнению автора статьи, установить не только группы предметов из местных (в широком смысле северокавказских) мастерских, но также и импортный характер некоторых предметов. Разделы, посвященные конкретным итогам технологического исследования, чрезвычайно важны и интересны, но некоторые соображения Т. Б. Барцевой по поводу полученных объективных данных, особенно касающихся связи культурно-типологических групп бронзовых изделий с определенными природными источниками сырья, оставляют место для сомнений. Не убеждает стремление автора статьи связать рецептуру металла вещей с их происхождением. В частности, показалось не-

убедительным утверждение Т. Б. Барцевой об импортном характере нартанских панцирей, а также шлемов так называемого «кубанского типа». Рискованным представляется и основанный только на данных рецептуры металла вывод о том, что узда из 20-го кургана Нартанского могильника, совершенно не отличающаяся от остальных предметов этой категории из других погребений, якобы изготовлена «в особом центре или мастерской, и не была изделием местных мастеров-бронзолитейщиков».

К сожалению, должны констатировать, что сравнение металла Нартана с металлом разных областей проведено Т. Б. Барцевой далеко не равноценно. Автором подробно и скрупулезно проведены сравнения с далекими памятниками собственно скифской и собственно савроматской территорий, т. е. с теми, которые подкрепляют вывод о кочевническом, некавказском характере памятника. Проблема же связи металла вещей Нартана с местной металлургической базой оказалась неразработанной. Проведено сравнение металла Каррасского могильника (Пятигорье) с металлом памятников северо-восточной части, оказавшихся скрытыми под общим, ничего не говорящим специалистам, наименованием «Чечня». Собственно, и Каррас привлечен Т. Б. Барцевой в определенной мере потому, что по непонятным причинам он оказался причисленным ею к «всадническим погребениям», хотя ни конструкции могил, ни обряд погребений, ни погребальный ритуал, ни большая часть погребального инвентаря не дают для этого заключения ни малейших оснований. А вот цветной металл Каррасского и Нартанского могильников оказался сходным. И это лишний весомый аргумент в пользу более пристального внимания к тем спектрально-аналитическим данным, которые помогут уяснить связи металла Нартана с местной металлообрабатывающей базой, с одной стороны, а с другой — выявить специфические черты и особенности северокавказского цветного металлопроизводства в скифскую эпоху.

Имеются в статье мелкие, но существенные фактические неточности, придающие материалам Нартанских курганов определенный акцент односторонней общей оценки. Так, например, колчанские наборы (количество стрел от 15 до 190) обнаружены только в половине курганов, а не «практически во всех комплексах», как пишет Т. Б. Барцева.

В целом же публикуемая работа Т. Б. Барцевой, несомненно, очень важна и полезна для более углубленного дальнейшего проникновения в тайны великолепного материального наследства, оставленного древними насельниками центральных областей северокавказских предгорий.

Вторая часть тома посвящена публикации материалов нового памятника — Чегемского кургана, раскопанного Б. М. Кереевым совместно с А. Х. Нагоевым в 1975 г. Это второй, после Нижне-Джугатского, крупный могильник сарматского времени, открытый на территории Кабардино-Балкарии. Характерной особенностью обоих могильников является наличие большой группы катакомбных погребений. В настоящее время в предгорной зоне центральных районов Северного Кавказа известно пять подобных могильников, но лишь в двух из них (Нижне-Джугатском и Чегемском) хорошо представлены катакомбные погребения ранней группы (последние века до нашей эры).

Учитывая тот факт, что катакомбный обряд погребения, а следовательно, и эти могильники принято связывать с пришлым сармато-аланским этносом, всестороннее рассмотрение материалов именно этого раннего периода может пролить свет на проблему сложения аланской культуры Северного Кавказа. В этой связи публикация материалов Чегемского кургана представляет несомненный интерес.

Проделанный Б. М. Кереевым тщательный анализ инвентаря открытых погребений позволил ему, дав правильную их датировку, выделить две хронологические группы погребений Чегемского могильника (II—I вв. до н. э. и I—I вв. н. э.). В работе даются подробная характеристика погребального обряда и типология инвентаря могильника по хронологическим периодам. Работа хорошо иллюстрируется графическими и цифровыми таблицами, подтверждающими выводы автора.

Необходимо особо остановиться на некоторых спорных положениях, касающихся, главным образом, вопросов этнической принадлежности исследуемого памятника. В первую очередь это касается характера самого могильника.

Все открытые погребения совершены в насыпи большого кургана, возведенного в более древнее время. Однако, учитывая общее количество найденных в кургане по-

гребений (135), а также тот факт, что многие из них представляли собой семейные склепы и содержали коллективные захоронения, вряд ли можно рассматривать их, как это делает автор, впускными подкурганными. При этом необходимо учитывать и то, что все северокавказские могильники этой эпохи устраивались обычно на холмах, так что и в данном случае мы имеем аналогичный пример использования кургана в качестве могильного холма. Поэтому представляется, что заключение автора об исключительном характере этого памятника, по сравнению с другими — грунтовыми могильниками, является неправомерным.

Касаясь погребального обряда, автор выделяет два основных типа погребальных сооружений: грунтовые ямы и катакомбы. Значительно меньшим числом представлены подбойные могилы. Однако необходимо иметь в виду условность количественного соотношения выделенных автором типов погребальных сооружений, учитывая при этом два обстоятельства: относительно сжатые сроки работы экспедиции, а также тот факт, что большая часть погребений находилась в насыпи кургана, что затрудняло прослеживание конструкции погребальных сооружений. Поэтому выделение такого типа погребальных сооружений, как катакомбы, базируется во многих случаях лишь на наличии в могиле коллективных захоронений и сдвинутых костяков, тогда как ямы с индивидуальным захоронением трактуются как грунтовые могилы или подбой, что не всегда правомерно. Однако это замечание, как отмечалось, касается лишь количественного соотношения типов погребальных сооружений, сам факт наличия на могильнике всех выделенных типов погребений несомненен.

Разделяя общепринятую точку зрения, Б. М. Кереев связывает грунтовые погребения с местным кавказским этносом, а катакомбы и подбой — с ираноязычными сарматами, однако в данном случае он вступает в противоречие с самим собой, поскольку, если он считает все погребения впускными подкурганными, он может все их (и грунтовые, и камерные) трактовать как сарматские, так как для местного оседлого населения этой эпохи были характерны лишь грунтовые могильники.

Некоторой натяжкой выглядит и попытка автора приписывать катакомбные погребения аорсам, а также стремления автора связывать возникновение катакомбного обряда на Северном Кавказе с передвижением сюда среднеазиатских племен. Последний вопрос поднимается в археологической литературе не впервые, однако имеющиеся археологические материалы пока не дают возможности решить его положительно.

Для подтверждения общепринятой точки зрения о сарматской принадлежности катакомбных погребений на Северном Кавказе, а также впервые выдвинутого автором мнения об аорской принадлежности ранних катакомбных погребений (II—I вв. до н. э.), Б. М. Кереев приводит и ряд других, более частных доказательств, на наш взгляд, недостаточно убедительных. Но автор, несомненно, имеет полное право придерживаться выдвинутой им точки зрения.

Отмеченные замечания касаются главным образом спорности ряда положений, выдвигаемых автором при трактовке материала. В целом работа Б. М. Кереева представляет большой интерес, так как в ней впервые вводится в научный оборот новый, в ряде случаев уникальный материал, освещающий историю и культуру племен Центрального Предкавказья в сарматскую эпоху. Использование этого материала и сопоставление его с материалами других синхронных могильников Северного Кавказа поможет разрешить ряд спорных вопросов, касающихся этнической принадлежности этих могильников.

Завершает том статья Т. Б. Барцевой «Итоги изучения цветного металла Чегемского кургана». В результате изучения химико-металлургического состава бронзовых изделий из 35 закрытых чегемских комплексов ей удалось выделить четыре металлургические и две химические группы. Сопоставление по схеме «тип химико-металлургической группы», в свою очередь, позволяет определить круг изделий как местного производства, так и импортного происхождения. Последняя группа вещей свидетельствует о наличии широких торговых связей местного населения, оставившего Чегемский комплекс, с населением других областей — Северного Причерноморья, сарматского Поволжья и др.

Все вошедшие во второй том работы представляют значительный интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

М. П. АБРАМОВА, В. И. КОЗЕНКОВА

В. М. Батчаев

ДРЕВНОСТИ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ПЕРИОДОВ

Глава I

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В настоящей главе представлены древности из потревоженных в 1968—1980 гг. строительными работами погребальных комплексов на территории Кабардино-Балкарии. Описание их дается в той же последовательности, что и в изданной ранее археологической карте Кабардино-Балкарии¹, т. е. с северо-западной части республики к юго-востоку, по бассейнам рек.

ХАБАЗ, сел. (Зольский район). В окрестностях селения обнаружены бронзовый топорик кобанского типа и оселок. Конкретное место и условия обнаружения не выяснены, но, скорее всего, вещи происходят из Хабазского могильника, расположенного в 2 км восточнее селения, на левом берегу р. Малки². Топорик имеет прямой корпус с двумя широкими желобками на обухе. Длина его 18,3 см (табл. 1, 1). Морфологически он относится к типу «Б» кобанских топоров (по классификации П. С. Уваровой³), как и большинство кобанских топоров с территории Кабардино-Балкарии⁴. Такие топоры обычны для предскифского периода, хотя спорадически встречаются и в комплексах раннескифского времени.

Оселок имеет вытянуто-прямоугольную форму, в верхней части — отверстие двустороннего сверления для шнура. Изготовлен из мягкой зеленовато-серой породы (табл. 1, 2). Длина его 11 см.

КАМЕННОМОСТСКОЕ, сел. (Зольский район). В 1978 г. археологической экспедицией КБИИФЭ на известном Каменномоустском могильнике исследованы два погребения, частично разрушенных местными жителями.

Погребение 1. В 100 м к западу от ветеринарного пункта и в 8—10 м южнее крутого обрыва поймы реки Кич-Малки обнаружен массивный каменный ящик, приближающийся в плане к квадрату (1,75 × 1,4 м) и сложенный из четырех грубо обтесанных плит песчаника шириной 0,5—0,6 м. Сверху он был перекрыт такой же плитой. Дно ящика находилось на глубине 1,75—1,8 м от современной поверхности. Продольными стенками ящик ориентирован по линии восток—запад. От скелета сохранилась лишь одна берцовая кость (табл. 1, 3).

¹ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

² Мизиев И. М. Некоторые итоги археологических работ в верховьях р. Малки в 1966 г.— Вестник КБНИИ, Нальчик, 1968, вып. 1, с. 155, рис. 2; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии, с. 33.

³ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, № 8, 1900, с. 15—16.

⁴ Чеченов И. М. Очерки древней истории и археологии Кабардино-Балкарии (готовится к печати).

В юго-западном углу ящика стоял крупный, высотой 26 см, черно-глиняный сосуд, орнаментированный налепным зигзагообразным валиком, двойными сосцевидными выступами и плотными горизонтальными рядами треугольных вмятин. Поверхность сосуда гладкая, но не лощеная, местами отслаивается, в глине обильная примесь песка и шмота, обжиг умеренный (табл. 1, 20). Здесь же, у южной стенки, стояла глубокая слаболощенная чаша серовато-бурого цвета, украшенная параллельными двойными и зигзагообразными нарезными линиями. Глина с примесью песка и дресвы, обжиг умеренный (табл. 1, 21).

Под большим сосудом находился железный наконечник копья с широким листовидным пером (табл. 1, 22). Длина наконечника 18 см. В 0,5 м от западной и в 15 см от северной стенок ящика лежал обломок оселка (табл. 1, 19).

Погребальный инвентарь из ящика обычен для Каменномоетского могильника. Привлекают внимание лишь несколько необычные пропорции первого сосуда, его двойные выступы и четкое членение отдельных частей — тулова, шейки, венчика — признаки, ассоциирующиеся с особенностями некоторых гальштатских сосудов⁵. На отдельные параллели в формах кобанской и гальштатской керамики указывалось неоднократно⁶. Ближайшие аналогии наконечнику копья имеются в памятниках VII—VI вв. до н. э. в районе Пятигорья⁷. Близок он и наконечникам 1-го типа (отдел I) по классификации А. И. Мелюковой, также датирующей их VII—VI вв. до н. э.⁸

Погребение 2. В 10—12 м к северо-западу от первого находилось второе погребение. Захоронение было совершено в овальной грунтовой яме на глубине 0,8 м от современной поверхности и перекрыто сверху небольшой булыжной наброской. Сохранилась лишь половина могилы (табл. 1, 4). Погребенный лежал, видимо, скорченно, на правом боку, головой на запад. К югу от него находился железный меч-акинак с сердцевидным перекрестьем и антенновидным навершием рукояти. Ножны железные, расширяющиеся на нижнем конце (табл. 1, 17). Под рукоятью найден предмет неизвестного назначения — короткий железный стержень с одним расплюснутым концом (табл. 1, 16). Под ножнами меча лежали точильный брусок и бронзовый пинцет (табл. 1, 12, 15). У западной стенки погребения обнаружен железный клевец с уплощенным овальным обухом и четырехгранным в сечении острием (табл. 1, 18). В области груди и черепа собраны 2 костяных четырехгранных и 3 бронзовых трехлопастных наконечника стрел, обломок бронзового браслета, две бронзовые фигурные подвески и несколько бусин из янтаря (табл. 1, 5—11, 13—14). Дата погребения определяется по типу акинака с простым антенным навершием и расширяющимися ножнами, широко известному у кочевников скифо-савроматского круга в VI—V вв. до н. э.⁹ С этой датой согласуется также хронология наконечников¹⁰ и железного клевца¹¹.

⁵ Граков Б. Н. Ранний железный век. М., 1977, рис. 12, 28, 5.

⁶ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 343—344; Граков Б. Н. Ранний железный век, с. 27; Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели). — В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 62—64.

⁷ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунин А. П. Киммерийско-Кавказские связи. — В сб.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, рис. 1, 23, 3, 4, 7, 26.

⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ, М., 1964, вып. Д 1—4, с. 36.

⁹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 53—55, 61; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, с. 17, 23; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 105—106.

¹⁰ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 7, А-11—14, Б-10—12, Г-9.

¹¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, табл. XXXVI, 1—2; Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 68; Батчаев В. М. Позднекобанские погребения у сел. Нижний Черем. — Вестник КБНИИ, Нальчик, 1972, вып. 1, с. 40. табл. 1, 3—4.

ПРИШИБО-МАЛКИНСКИЙ, пос. (Майский район). В августе 1976 г. во время работ по строительству озера для зверосовхоза «Майский» в районе поселка инженером М. Д. Сафоновым найден каменный молоткообразный предмет с круглым в сечении, слегка изогнутым корпусом и сквозным конусовидно сужающимся отверстием в средней части. На одном конце предмета имеется незначительное повреждение, другой отбит полностью, длина его в сохранившемся виде около 10 см. Корпус «молотка» сверху и снизу от втулки опоясан небрежно процарапанной линией (табл. 1, 23).

О форме отбитого конца, а следовательно, и о предмете в целом судить трудно. По некоторым признакам (отсутствие зеркальной полировки, форма, размеры и способ сверления) находка из Пришибо-Малкинского не может быть отнесена к эпохе средней бронзы и сближается скорее с молоткообразными и секировидными навершиями культовых жезлов VIII—VII вв. до н. э. (Северо-Западный Кавказ, Ставрополье, Нижний Дон, Северное Причерноморье, и т. д.)¹². Два таких навершия найдены и в погребениях Каменномоетского могильника в Кабардино-Балкарии¹³.

Тырныаузский клад. В мае 1976 г. на северо-восточной окраине г. Тырныауза, на правом берегу реки Баксана на склоне горного массива при строительных работах на глубине около 2 м от современной поверхности ножом бульдозера был задет бронзовый сосуд, наполненный обломками слитков бронзы. В грунте почти над самым сосудом располагался огромный валун, часть которого выходила на дневную поверхность. Вскоре находка была передана в сектор археологии КБНИИФЭ начальником геологической партии Е. В. Аксаментовым и механиком С. И. Джаппуевым. Хотя сосуд и обнаружен на территории древнего могильника, но, по наблюдениям, с погребениями связан не был. Есть все основания рассматривать находку Тырныаузских строителей как клад древнего мастера-литейщика.

Сосуд имеет вытянутое, умеренно вздутое в верхней части тулово и короткую, плавно расширяющуюся шейку. Изготовлен он из двух равных по величине кусков листовой бронзы, скрепленных по швам специальными заклепками. Подобным же образом приклепано и днище. На плечиках две петлевидные ручки (одна повреждена бульдозером), вырезанные из более толстого листа бронзы. На стенках следы неоднократного ремонта: аккуратно вырезанные кусочки листовой бронзы — четыре «заплаты» на корпусе и одна на дне (табл. 2, 1).

Содержимое сосуда, т. е. собственно клад, как отмечено, состоит почти исключительно из разбитых слитков бронзы. К сожалению, половина их оказалась утерянной. В Нальчик было доставлено только 18 фрагментов слитков общим весом 23,5 кг (табл. 2, 5—8, 10—16, 18—24). Следовательно, первоначальный вес клада равнялся не менее 48—50 кг. Размеры обломков от 4×5,6 см до 12×14 см, толщина от 1,5 до 7,5 см. Судя по этим обломкам, первоначальная форма слитков представляла уплощенно-выпуклые диски — отливки в круглодонном тигле.

Помимо обломков, в сосуде находились еще фрагменты двух бронзовых пластинок. Одна из них, худшей сохранности, имела толщину 3—4 мм и длину сторон 5×5 см (табл. 2, 9).

¹² Дударев С. Л. О некоторых предметах погребального инвентаря из захоронений Пятигорского варианта кобанской культуры. — В сб.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в г. Краснодаре. (Тезисы докладов). М., 1976, с. 21—22; Тереножкин А. И., Киммерийцы. Киев, 1976, с. 140.

¹³ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. — Уч. зап. КНИИ, Нальчик, 1950, т. 5, с. 243; Батчаев В. М. К вопросу о датировке Каменномоетского могильника (в свете раскопок 1971 г.). — В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 305, рис. 23, 12.

Второй фрагмент — прямоугольная пластинка толщиной 4—5 мм, длиной 7,3 и шириной 5 см (табл. 2, 17). Оба конца его обломаны в древности. Судя по всему, это было какое-то режущее орудие. Однако образовавшиеся при литье заусенцы остались неустранимыми, а лезвие — незаточенным. Следует полагать, что при его изготовлении был допущен брак, и орудие пришлось разломать на части, с тем чтобы повторить весь процесс сначала.

Дата Тырныаузского клада определяется по типу бронзового сосуда. На Центральном Кавказе подобные сосуды появляются в VIII веке до н. э., но время их наиболее широкого распространения приходится, главным образом, на два последующих столетия¹⁴. Таким образом, наиболее вероятной датой Тырныаузского клада представляется VII век до н. э., хотя не исключена и возможность ее уточнения.

По подсчетам Е. И. Крупнова (1952 г.), в 9 пунктах Кабардино-Балкарии в разные годы было обнаружено 26 бронзовых сосудов эпохи поздней бронзы и раннего железа¹⁵. К сожалению, большая часть их фрагментирована, и поэтому выделить среди них сосуды типа Тырныаузского трудно. Относительно хорошей сохранности лишь сосуд из Советского¹⁶. Еще три таких сосуда различной степени сохранности выявлены в погребальных комплексах Нартана и Бедыка (см. ниже).

БЕДЫК, сел. (Баксанский район). Весной 1979 г. в 2 км к югу от села Бедык, на правом берегу р. Баксана в урочище Адай-кол земляными работами по прокладке водопровода были потревожены позднекобанские захоронения. Археологические раскопки на территории могильника пока не проводились. Но скорее всего здесь были погребения с трупосожжением: большая часть предметов и человеческих костей, выявленных в траншее на глубине 0,7—1,5 м, несут следы длительного и интенсивного воздействия огня. Многие бронзовые предметы сильно оплавлены и спеклись в единую бесформенную массу, состоящую из ошлакованного металла вперемешку с обломками человеческих костей. Это обстоятельство затрудняет определение точного количества, размеров и форм той или иной категории вещевого материала. Относительно хорошей фиксации поддаются лишь следующие вещи:

— 18 трехлопастных и трехгранных наконечников стрел скифосавроматского типа длиной от 2,8 до 4 см. Три наконечника железных, остальные бронзовые. Представлены 11 разновидностями (табл. 2, 25—35), характерны для VI—V вв. до н. э.¹⁷;

— 14 литых бронзовых подвесок в виде головок животных (табл. 3, 1);

— статуэтка лежащего животного (табл. 3, 2);

— бронзовая булава с навершием в виде двух птичек (табл. 3, 3). Точно такая же булава была обнаружена в 1971 г. в одном из погребений Каменномоетского могильника¹⁸. Еще пять экземпляров происходят из разрушенных погребений близ селений Советское, Заюково,

¹⁴ Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952; Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. — СА, 1972, № 3, рис. 2, 244, 286, 314; его же. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. — В сб.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 241—242; Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия). — СА, 1977, № 1, с. 277.

¹⁵ Крупнов Е. И. Жемталинский клад, с. 24.

¹⁶ КБКМ, экспозиция.

¹⁷ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 6, В-3, Ж-1, 3, Л-7, табл. 7, А-12—12, Б-10—12, табл. 8, Е-4; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, рис. 9, 2а-1, 2, рис. 14-п и др.

¹⁸ Батчаев В. М. К вопросу о датировке..., рис. 23, 15.

а также известны по публикации беспаспортной коллекции И. Урусбиева¹⁹;

— 2 крупных сосуда из листовой бронзы. От одного из них сохранился лишь небольшой фрагмент тулова. Другой по форме и размерам почти идентичен с сосудом из Тырнаузского клада (табл. 3, 4);

— бронзовый короткий стержень с утолщением на конце (табл. 3, 5);

— фигурная пластинчатая бронзовая пряжка (табл. 3, 6). В Кабардино-Балкарии такие пряжки найдены в Гижгиде, Верхнем Чегеме, Вольном Ауле и др.²⁰;

— бронзовый проволочный браслет с разомкнутыми концами (табл. 3, 7);

— 3 целые и 11 фрагментированных трубочек из листовой бронзы (табл. 3, 8);

— пластинчатый бронзовый браслет кобанского типа (табл. 3, 9);

— круглый в сечении точильный брусок (табл. 3, 10);

— 5 бронзовых колокольчиков с узкими боковыми вырезами (табл. 3, 11, 13);

— 3 бронзовых и 8 железных язычков от колокольчиков (табл. 3, 12);

— миниатюрный глиняный стаканчик серовато-охристого цвета (табл. 3, 14);

— фрагмент железной дугообразной фибулы (табл. 3, 15);

— маленький железный нож с выгнутой спинкой (табл. 3, 20);

— 62 бронзовые кинжаловидные подвески (табл. 3, 21—22);

— два глиняных пряслица (табл. 3, 16, 23);

— бронзовое литое грузило (?) с отверстием в центре (табл. 3, 17);

— стеклянные бусины диаметром 1—2 см, 30 экземпляров. Цвет их варьирует от светло-серого до темно-фиолетового (табл. 3, 24);

— Крупная бочковидной формы бусина из белой пасты (табл. 3, 18);

— цилиндрическая бронзовая подвеска с петелькой (табл. 3, 19);

— 13 раковин каури (табл. 3, 25);

— 20 крупных бронзовых бусин, изготовленных в виде полых ажурных шариков с черной пастой внутри (табл. 3, 26).

Большинство из перечисленных вещей типичны для кобанской культуры. Лишь отдельные из них, по всей вероятности, были привозными (раковины каури, стеклянные бусы) или же изготовлены по образцам предметов скифо-савроматского типа. Таковы, в частности, трехлопастные и трехгранные наконечники стрел, на основе которых Бедыкский некрополь можно предварительно датировать VI—V веками до н. э.

Бедыкский клад. Клад обнаружен в 1979 г. на территории вышеотмеченного Бедыкского могильника и, в отличие от остальных находок, не связан с погребальными комплексами. Он состоит из 45 бронзовых литых кинжаловидных подвесок. Подвески лежали компактной массой (судя по взаиморасположению, нанизанные на шнурок) на глубине около 1 м от современной поверхности, в специальной ямке, обложенной по краям камнями. Длина кинжаловидных подвесок в среднем 11—14 см. Поверхность их покрыта 6—7 параллельными вертикальными валиками (табл. 2, 2—4). По форме и декору они стан-

¹⁹ Миллер В. Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды.— МАК, 1888, вып. 1., табл. XXIV, 32; КБКМ, № 1965/254С.

²⁰ Миллер В. Ф. Археологические экскурсии..., табл. XXI, 6; КБКМ, № 1965/2354, 2532, 2568.

дартны, так как отливались в ограниченном числе литейных форм по несколько штук.

Такие же подвески известны по находкам в селениях Гижгиде, Мукулане, Заюково, Кызбуруне и т. д.²¹ Общее количество их в Кабардино-Балкарии (вместе с описываемыми, а также с подвесками из разрушенных захоронений Бедыкского могильника) доходит до полутора сотен. Интересно, что за единственным исключением (подвеска из кургана 18 в Нартане; см. след. главу) они обнаружены лишь в одном районе — бассейне реки Баксана.

По аналогии с подвесками из разрушенных погребений Бедыкского могильника Бедыкский клад можно датировать в пределах VI—V вв. до н. э.

ЛАШКУТА, сел. (Баксанский район). В 1970 г. при земляных работах, связанных с прокладкой дороги на правом берегу реки Баксана между селениями Верхняя и Нижняя Лашкута, было разрушено несколько грунтовых погребений. В них обнаружены:

— крупная Т-образная бронзовая булавка, орнаментированная характерным для эпохи средней бронзы литым шнуровым узором;

— массивная бронзовая фибула кобанского типа с сильно утолщенной дужкой, орнаментированной геометрическими узорами (табл. 4, 1);

— бронзовая подвеска в виде «рогатой» птички (табл. 4, 3);

— пышное нагрудное украшение в виде бронзовой цепи со свисающими подвесками. Каждое звено цепи имеет по три петли, между которыми помещено изображение волчьей (?) головы; к третьей (нижней) петле подвешена узкая горизонтальная пластинка со шнуровым узором, а к каждой из этих пластинок — по три листовидные подвески. К одному из концов цепи была прикреплена статуэтка обнаженной женщины с венками на шее и поясе, к другому — головка тура. Украшение изготовлено на довольно высоком художественном уровне (табл. 4, 2).

Находка кобанских предметов вместе с булавкой эпохи средней бронзы, а также шнуровой орнамент на нагрудном украшении и генетическая связь имеющихся на нем листовидных подвесок с подобными подвесками II тыс. до н. э.²² могут свидетельствовать о ранней дате кобанских погребений Лашкуты, возможно, хронологически смыкавшихся с погребениями «северокавказской» культуры, которые здесь могли быть представлены. Поэтому считаю допустимым датировать древности из Лашкуты концом II — началом I тысячелетия до н. э.

КЫЗБУРУН I, сел. (Баксанский район). Осенью 1976 г. житель села Кызбурун I Б. Гедгафов обнаружил два крупных обломка каменной стелы, лежавшей на размытом берегу безымянной речушки в 2,5 км к северо-востоку от села. Общая высота указанных обломков стелы, овальной в сечении, достигает 76 см, ширина ее сверху 23 см, внизу 25 см, толщина варьирует от 14,4 см до 18,5 см. Материал — светло-серый гранитопорфир. Судя по характеру нанесенных на ее поверхность изображений, стела олицетворяла собой фигуру человека. Ее слегка скошенный верхний торец опоясан узкой рельефной полоской, воспроизводящей, по всей видимости, налобную ленту, или же окантовку головного убора. Здесь же изображены две круглые височные подвески с прикрепленными к ним фигурными щитками. На «шее» висит пышное ожерелье из биконических и цилиндрических бусин. В средней части стелы показан широкий пояс; концы пояса н

²¹ Нессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — МИА, № 3, 1941, табл. IV, 8—9; ОИПКГЭ, инв. № 1320/11; КБКМ, инв. № 1935/2339, 2578, 4092; Школьный музей сел. Заюково, экспозиция.

²² Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, рис. 19, 12.

сходятся и соединены посредством двух дополнительных узких ремешков. К концу одного из ремешков прикреплен точильный брусок и еще какой-то предмет, остающийся пока неопознанным. На левом боку «фигуры» нанесены изображения кинжала, меча и лука в горите, а на правом — маленькой полуовальной сумочки (?) и топорика (табл. 5, 1). находка Б. Гедгафова поистине уникальна, и не только для Кабардино-Балкарии, но и для всего Центрального Предкавказья. Такие стелы, известные в литературе под наименованием «оленные камни», характерны для Сибири и Центральной Азии, где они исчисляются сотнями²³. В Восточной Европе их насчитывается пока не более 10—11 экз., причем на данной территории этнокультурную атрибуцию оленных камней принято связывать с киммерийцами²⁴. Помимо Кызбурунской, на Северном Кавказе известны еще три стелы. Все они найдены в Прикубанье: одна у Зубовского хутора, другая — у станции Усть-Лабинской, третья — близ Армавира²⁵.

Некоторые из изображенных на Кызбурунской стеле вещей можно отождествить с древностями, известными нам по инвентарю погребений каменноостско-березовского типа и обнаруживающими близкое типологическое сходство с подобными древностями Евразии, например, с биметаллическими мечами и кинжалами, оселками, «конноголовыми» скинтрами и т. д.²⁶ Другим изображениям подобрать соответствующие параллели труднее, но в любом случае как сам тип стелы, так и изображенные на ней предметы в генетическом отношении чужды для местных культур позднебронзового века. Наличие их в Каменноостско-Березовских комплексах, вероятнее всего, отражает факт интенсивных культурных связей аборигенов с населением Предкавказской степи и неоднородность этнической атрибуции самих комплексов²⁷. По аналогии с остальными оленными камнями Европы Кызбурунская стела датируется VIII—VII вв. до н. э.

Кызбурунский клад. Клад обнаружен в 1977 г. на территории древнего городища в 3 км к югу от селения Кызбурун III при строительстве шоссе Нальчик—Минеральные Воды. Располагался он на глубине около 6 м от современной поверхности городища.

Клад состоял из массивного литого бронзового котла и находившихся внутри котла семи глубоких кобанских чаш, изготовленных из листовой бронзы.

Котел полусферический, на полом коническом поддоне. На краю бортика пара кольцевидных ручек, украшенных концентрическими желобками и грибовидным выступом. В 7,3 см от верхнего края тулова опоясано узким рельефным валиком, а еще ниже — едва выраженным желобком. Под одной из ручек изображен крупный тамгообразный знак. К сожалению, котел сильно поврежден ковшом экскаватора, поэтому определить его точные размеры трудно (табл. 5, 2).

Лучше сохранились чашки; лишь одна из них, с вертикальным рифлением тулова, представлена небольшим фрагментом (табл. 5, 3). Чаши имеют узкие доньшки, плавно расширяющееся кверху тулово и широкое устье с едва отогнутыми наружу краями (табл. 5, 4—9).

²³ Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. (Оленные камни). Новосибирск, 1979, с. 4—5.

²⁴ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— В сб.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, вып. 1, с. 69—89.

²⁵ Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков.— В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 123—128; Членова Н. Л. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии.— КСИА АН СССР, № 162, 1980, с. 6, рис. 3, 2.

²⁶ Батчаев В. М., Кереев Б. М. Олений камень из Кабардино-Балкарии.— СА, 1980, № 3, с. 292—293.

²⁷ Батчаев В. М., Кереев Б. М. Олений камень..., с. 293—294.

Все чаши были вложены друг в друга и в таком виде помещены внутрь котла.

Бронзовые чаши характерны преимущественно для горной полосы Центрального Кавказа (Кобан, Тли, Эшкакон и т. д.)²⁸. В Кабардино-Балкарии одна такая чаша найдена в разрушенном погребении близ сел. Советского²⁹, и еще 10 (почти все фрагментированы) — в Нартанских курганах скифского времени (см. след. главу). Появляются они, судя по материалам Тлийского могильника, в XII—XI вв. до н. э.³⁰

Местное изготовление котлов типа Кызбурунского также вполне вероятно, однако генетически они связаны с культурами позднебронзового века Южной Сибири, а распространение их на Северном Кавказе явилось следствием культурных связей с кочевниками евразийских степей³¹. На Северном Кавказе известно только два таких котла.

Оба найдены на склонах горы Бештау в 1927 и 1951 гг.³² Датировкой этих котлов — VIII — началом VII вв. до н. э. — определяется и дата Кызбурунскогоклада.

БАКСАН, г. В 1968 г. в черте города Баксана (по ул. А. Шогенцукова) при прокладке водопровода были разрушены три грунтовые могилы без наземных признаков. В них лежали скелеты, обложенные булыжником. Более обстоятельных сведений о погребальном обряде не имеется³³. В сектор археологии КБНИИ были переданы из этих захоронений только бронзовые предметы конского снаряжения: три крупных двукольчатых удила с шипами и дополнительными звеньями для крепления повода (табл. 6, 1); муфта в виде пары соединенных между собой круглых блях (табл. 6, 2); два больших круглых в сечении кольца с подвижной муфтой для ремня (табл. 6, 3); четыре трехпетельчатых псалия с изогнутой широкой лопастью (табл. 6, 4); одно малое плоское в сечении кольцо с выступом в виде кнопки (табл. 6, 5).

По классификации А. А. Иессена, указанные предметы составляют уздечный набор I-го типа, датируемый им VIII—VII вв. до н. э.³⁴ Гипотеза о кавказском происхождении всаднического комплекса предметов, в том числе и узды данного типа, по-прежнему находит сторонников³⁵. Но в последние годы некоторые исследователи склонны рассматривать наличие в местных памятниках бронзовых двукольчатых удили, трехпетельчатых псалий и т. д. как следствие связей кобанцев с кочевниками предскифского времени³⁶, что, видимо, более соответствует действительности. Изделия подобного типа обнаружены и в других пунктах Кабардино-Балкарии: в верховьях Баксанского ущелья, в Каменномоетском, Заюково и т. д.³⁷

АЛТУД, сел. (Прохладненский район). В 1980 г. в окрестностях сел. Алтуд, у мясосовхоза «Алтудский» при строительстве канала

²⁸ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 76.

²⁹ КБКМ, экспозиция.

³⁰ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э., с. 76.

³¹ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 126; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 164.

³² Иессен А. А. Некоторые памятники..., рис. 13, 15.

³³ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии, с. 38.

³⁴ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, № 18, с. 57—70, 102.

³⁵ Иессен А. А. К вопросу о памятниках..., с. 104; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 344—345; Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из с. Терезе (Карачаево-Черкесия). — СА, 1980, № 3, с. 234; Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе. — СА, 1980, № 4, с. 46—52.

³⁶ Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. — АЭС, Нальчик, 1974, вып. 1, с. 29; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунин А. П. Киммерийско-кавказские связи, с. 184—185.

³⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках..., с. 58—59, 64; Гриневич К. Э. Новые данные по археологии Кабарды. — МИА, № 23, 1951, с. 136, рис. 14, 2.

разрушена часть древнего кургана, в котором обнаружены следующие бронзовые предметы VIII—VII вв. до н. э.: массивный литой кобанский топор (табл. 6, 8); пара двуколычатых удил с подвижными муфтами на концах (табл. 6, 6); четыре трехпетельчатых псалия с широкой изогнутой лопастью на конце (табл. 6, 7); два больших кольца с подвижной муфтой (табл. 6, 12); одна выпуклая и две плоские круглые бляхи с петельками на обороте (табл. 6, 9—10); одна круглая бляха из листовой бронзы (табл. 6, 11).

Составляют ли эти предметы закрытый комплекс или происходят из нескольких погребений, выяснить не удалось. Удила, псалии и кольца относятся к тому же типу, что и баксанские (см. выше), но, в отличие от них, довольно грубой отливки.

ЛЕЧИНКАЙ, сел. (Чегемский район). Осенью 1980 г. на восточной окраине селения на левом берегу р. Чегема при работах по террацированию горного склона для нужд совхоза были потревожены два грунтовых захоронения. Часть инвентаря из них доставлена в сектор археологии КБИИФЭ Б. Т. Даовым. Это фрагментированная черноглиняная миска, железный наконечник копья и длинный железный меч с обломанным концом (табл. 7, 1—3). Наибольший интерес представляет меч. На его широком клинке имеется шесть продольных узких желобков-нервюр, рукоять орнаментирована елочными узорами и прямыми параллельными линиями. Навершие рукояти «антенное», оформленное в скифском зверином стиле, перекрестье бабочковидное (I тип, 2-й отдел по классификации А. И. Мелюковой). Датируются такие мечи V в. до н. э.³⁸

По форме и орнаментации рукояти Лечинкайский меч аналогичен мечам из Шалушкинского, Николаевского, Лугового и других могильников Северного Кавказа³⁹.

ГЕРМЕНЧИК, сел. (Урванский район). Небольшая серия бронзовых вещей, обнаруженных при невыясненных обстоятельствах в окрестностях сел. Герменчик в 1974 г., почти целиком состоит из принадлежностей конского снаряжения. Это фрагмент одноколычатых удил, три псалии «черногородского» (по классификации А. И. Тереножкина⁴⁰) типа, три небольшие выпуклые бляшки с петелькой на обороте, держатель для ремней и наконечник ножен, характерный только для мечей и кинжалов предскифского времени (табл. 6, 13—18). В Кабардино-Балкарии один такой наконечник найден в сел. Заюково⁴¹; с таким же наконечником изображен и кинжал на описанной выше Кызбурунской стеле. Псалии же черногородского типа обнаружены здесь впервые.

Археологические комплексы юга Восточной Европы с предметами, аналогичными Герменчикским, датируются в пределах IX—VII вв. до н. э.⁴²

НОВО-ИВАНОВСКОЕ, сел. (Майский район). В 1980 г. на северо-восточной окраине селения, близ старого русла реки Баксана, в ходе земляных работ разрушено несколько грунтовых захоронений без наземных признаков. В инвентаре захоронений имелось несколько предметов позднекобанского времени: высокая слабоощенная черно-

³⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 56.

³⁹ Иссен А. А. Археологические памятники..., с. 23, рис. 6, 1; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 3, 3.

⁴⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 150—151.

⁴¹ Школьный музей в сел. Заюково. В экспозиции был помещен вместе с рукоятью биметаллического кинжала, украшенной однорядноколычатым орнаментом. К сожалению, рукоять к настоящему времени утрачена.

⁴² Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 84—86; Аифимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. — Там же, с. 170—177; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 112.

глиняная кружка, орнаментированная нарезными геометрическими узорами в виде параллельных заштрихованных линий и треугольников с отходящими от вершины завитками. В глине содержится примесь песка, обжиг умеренный (табл. 7, 12). Аналогичный сосуд найден в сел. Урванском⁴³; два височных кольца из тонкой бронзовой проволоки (табл. 7, 11); четыре массивных бронзовых браслета, из которых два украшены гравировкой (табл. 7, 4—7); бронзовая ворворка (табл. 7, 10); конусовидно сужающийся округлый в сечении оселок из мягкой серовато-охристой породы (табл. 7, 9); фрагменты железного ножика с выгнутой спинкой (табл. 7, 8). Предметы характерны для кобанских комплексов VI—V вв. до н. э.

ГЕРПЕГЕЖ, сел. (Советский район). В 1972 г. при прокладке дороги в 2—3 км к северо-западу от селения в потревоженных грунтовых захоронениях обнаружены разновременные предметы: железные удила с подвижными кольцами на концах, железный двудырчатый псалий с одним изогнутым концом и бронзовое плоское в сечении кольцо с кнопкообразным выступом (табл. 7, 13—15).

Бронзовое кольцо, так же как в Баксане и Алтуде, может быть датировано VIII—VII вв. до н. э. Концом VI—началом IV вв. до н. э. датируются псалии рассматриваемого типа⁴⁴. Самыми поздними являлись удила с подвижными кольцами (не ранее конца V в. до н. э., но в основном IV в. до н. э.).

* * *

Археологический материал, представленный в данной главе, несмотря на малочисленность, а зачастую и внекомплексный характер, является ценным источником для освещения отдельных вопросов этнокультурной и социально-экономической истории края в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Коренные сдвиги в сфере производящей экономики, обусловленные стабилизацией основных форм хозяйственной деятельности, расцветом металлургии бронзы и переходом к массовому производству по освоению железа, стимулировали активное развитие межплеменного обмена и расширение масштабов и диапазона экономических связей. Подтверждением этому, в частности, служит открытие значительного количества так называемых «кладов торговцев» и «кладов ремесленников», состоявших из серии однородных по назначению вещей, рассчитанных на обмен, и сконцентрированных, главным образом, вдоль важнейших торговых путей Евразии⁴⁵.

На территории Кабардино-Балкарии такие клады, кроме Тырнаузского, Бедыкского и Кызбурунского, обнаружены еще в Былымском и Жемтальском. Если в Былымском кладе преобладали украшения⁴⁶, а в Жемтальском — бронзовые сосуды и топоры⁴⁷, то Кызбурунский клад уже целиком состоял из металлических сосудов, Бедыкский из кинжаловидных подвесок, а Тырнаузский — только из слитков бронзы и «металлолома», которые могут рассматриваться не только как сырьевой запас литейщика, но и как товар для обмена. Очевидно, не случаен тот факт, что все эти клады, за исключением Жемтальского, выявлены в бассейне реки Баксана, который во все времена являлся

⁴³ Иессен А. А. Археологические памятники..., табл. V, 4.

⁴⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 83—84.

⁴⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 5; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976, с. 90.

⁴⁶ Батчаев В. М. Клад с селения Былым.— АВДИКБ, Нальчик, 1980, вып. 1, с. 26—51.

⁴⁷ Крупнов Е. И. Жемтальский клад. М., 1952.

одним из наиболее удобных путей сообщения, связывавших степное Предкавказье с высокогорьем Центрального Кавказа и далее — с Закавказьем и Передней Азией. Не случайно, впрочем, и то, что большинство указанных кладов, как ряд других синхронных им кладов Северного Кавказа, хронологически так или иначе соответствует периоду грабительских скифо-киммерийских походов ⁴⁸.

Персональный характер кладов не подлежит сомнению, что немаловажно с точки зрения социально-имущественной стратификации общества. Достаточно высокая материальная ценность кладов свидетельствует об ощутимой имущественной дифференциации в среде кобанских племен. По материалам кобанских могильников это неравенство прослеживается не столь наглядно. Возможно, что в погребальном обряде удастся проследить лишь зачаточную стадию этого процесса.

Кстати, касаясь вопроса о погребальном обряде кобанцев, нельзя не напомнить, что на территории Кабардино-Балкарии он остается все еще недостаточно изученным ввиду малочисленности широко исследованных могильников. Значительный интерес представляют в этом отношении данные Бедыкского могильника о наличии здесь погребений с трупосожжением. Свидетельства об обычае кремации в культуре конца II — начала I тыс. до н. э. на Центральном Кавказе имелись и раньше, но лишь совсем недавно они стали осмысливаться как определенная разновидность погребального обряда кобанской культуры ⁴⁹.

В настоящее время в ареале кобанской культуры зафиксировано уже 8 пунктов, где выявлены памятники с более или менее четко фиксируемыми признаками трупосожжения ⁵⁰, и, кажется, их перечень можно дополнить не только Бедыкским могильником. Так, экспедицией КБИИФЭ 1976 г. на северо-восточной окраине г. Тырнауза, на территории древнего могильника (где обнаружен Тырнаузский клад) при шурфовке на различной глубине выявлены аморфные комки с включением оплавленной бронзы, сильно обожженных человеческих костей, бусин, астрагалов со сквозными отверстиями в центре и пр. Авторы раскопок сочли этот памятник остатками плавильни ⁵¹, что не вполне согласуется с характером находок. Не исключено, что это остатки древнего крематория.

Особую группу древностей составляют находки, интерпретация которых тесно связана с проблемой этнокультурных контактов кобанцев с кочевниками Юго-Восточной Европы. Таковыми я склонен считать литой бронзовый котел из Кызбурунского клада, бронзовые принадлежности конской узда из Баксана, Алтуда, Герменчика, Герпегежа, наконечник ножен кинжала (или меча) из Герменчика, каменное навершие жезла из Пришибо-Малкинское, Кызбурунскую антропоморфную стелу.

Большая часть этих находок происходит из Баксанского бассейна, входящего в ареал западного, или Кабардино-Пятигорского (по Е. И. Крупнову) локального варианта кобанской культуры ⁵². Е. И. Крупнов выделял в материалах этого варианта ряд предметов собственно киммерийского типа (бронзовые кельты, тесловидные топо-

⁴⁸ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 77.

⁴⁹ Козенкова В. И. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре. — В сб.: IX Крупновские чтения. (Тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 21—22.

⁵⁰ Козенкова В. И. Об обряде трупосожжения..., с. 22.

⁵¹ Мизиев И. М., Стульников Р. Н. Отчет об археологических работах у г. Тырнауза КБАССР в 1976 году. — Архив КБИИФЭ, № 2240, с. 17.

⁵² В настоящее время среднее течение р. Баксана принято считать зоной стыка двух локальных вариантов кобанской культуры (см.: Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 70; Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах..., стр. 25).

ры, кинжалы с перехватом срубного типа, некоторые формы сосудов). Более сложные кавказско-киммерийские взаимосвязи предполагали местные, кобанские, по его мнению, но типологически сходные со степными предметы, такие, как двукольчатые удила и биметаллические кинжалы кабардино-пятигорского типа⁵³. В настоящее время число элементов, указывающих на связи со степными культурами, продолжает неуклонно возрастать. Некоторыми исследователями подвергнута пересмыслению этнокультурная атрибуция ряда известных ранее как кавказские типов оружия, конской узды, и пр. Вообще черты горско-степного синкретизма в инвентаре погребений западного локального варианта, или иначе, памятников «каменномоетско-березовского типа» (по Н. Л. Членовой), можно считать едва ли не самой специфической их чертой⁵⁴. Генетическая чужеродность таких предметов, как биметаллические мечи и кинжалы, бронзовые двукольчатые удила с трехпетельчатыми псалиями, бляхи-лунницы, цилиндрические каменные навершия жезлов, литые котлы на коническом поддоне, и т. д., совершенно очевидна.

Как видно из предшествующего обзора, предметы степного типа достаточно заметны и среди публикуемых древностей. В совокупности со своими неопубликованными или малоизвестными аналогами они при общей малоизученности кобанских памятников Кабардино-Балкарии существенно пополняют источниковедческий базис кавказско-киммерийской проблемы.

Долгое время эта проблема рассматривалась преимущественно в аспекте культурно-экономических и политических связей. В последние годы она ставится в определенную связь с этнической историей края. В некоторых работах Н. Л. Членовой и Д. Г. Савинова, например, памятники каменномоетско-березовского типа рассматриваются как собственно киммерийские⁵⁵. Постановка вопроса о наличии в предгорьях Северного Кавказа элементов киммерийского этноса представляется вполне правомерной. Тем более, что теперь на этой территории известны и «оленные камни», значение которых как этнического индикатора не вызывает сомнений. Однако формулировки, предложенные исследователями, едва ли приемлемы. При всем обилии степных элементов каменномоетско-березовские комплексы остаются в своей основе сугубо кавказскими. К тому же ареал подобных памятников связан со сложным природным рельефом. Если в предгорно-плоскостных районах часть населения действительно составляли пришельцы, то значительная инфильтрация их в глубь лесистых предгорий вряд ли возможна.

Таким образом, рассмотренные в данной главе группы древностей представляют ценный научный материал по некоторым узловым вопросам древней истории Кабардино-Балкарии. Дополняя уже известные представления о раннежелезном веке Центрального Кавказа, о быте, хозяйстве и материальной культуре кобанских племен, они вместе с тем позволяют наметить ряд археологических объектов, наиболее перспективных для будущего полевого стационарного исследования.

⁵³ Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 116, 126—127.

⁵⁴ Виноградов В. Б. Центральные и Северо-Восточный Кавказ..., с. 203—204; Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах..., с. 28—29; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 180; Дударев С. Л. О некоторых предметах..., с. 21—22; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунчи А. П. Киммерийско-кавказские связи, с. 184—199.

⁵⁵ Членова Н. Л. Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В сб.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 331—332; Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии и вопрос об их культурно-этнической принадлежности.— В сб.: VIII Крупновские чтения. (Тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 59—60.

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛЕНИЯ НАРТАН

В 1933—1939 гг. новостроечной экспедицией сектора археологии в окрестностях сел. Нартан исследованы 24 кургана, поданные в связи с планировкой полей под орошение. Сел. Нартан находится в центральной части Северного Кавказа и отстоит от Передового хребта приблизительно на 3—3,5 км к северо-

курганы находились на северо-западной окраине сел. Нартан на расстоянии 1 км в ширину, полоске земли между селом и шоссе на Нальчик — Прохладный. Неоднократными вспашками поля были уничтожены, и, таким образом, первоначальное взаимное расположение курганов и особенности их взаиморасположения не поддавались точному определению. Сохранившиеся курганы располагались группами, но неровными и различными по длине рядами, протянувшись с юго-запада на северо-восток на 500—550 м; расстояние между отдельными курганами варьировало в пределах 20—50 м.

Вершины курганных насыпей заметно уплощены, порой даже неглубоко вогнуты, образуя неглубокую воронкообразную впадину. На основании можно проследить, что вначале эти впадины были достаточно глубокими и едва не достигали уровня основания насыпи. Но со временем воронки оказались почти целиком заполненными сильно гумусированным черным грунтом. Насыпи состояли преимущественно из серовато-коричневого суглинка, а поверхность их покрыта обломками булыжных камней. Древняя погребенная почва толщиной 0,3—0,5 м залегала на глубине 0,35—0,45 м от современной поверхности, под ней следовал материк.

Большинство курганов содержало по одной погребальной камере, расположенной под центром насыпи и представлявшей в плане либо правильный квадрат, либо приближавшийся по своим пропорциям к квадрату. Камеры ориентированы углами по сторонам света, но в 11 случаях из 24 наблюдается заметное отклонение (возможно, сезонное) от восточной оси по ходу часовой стрелки. В курганах 4—5, 7—11, 13 и 15 прослежены надмогильные выкладки, состоявшие из 3—4 слоев суглинка. В плане они соответствовали форме камеры, равняясь или слегка уступая ей по длине сторон. Судя по наличию камней в стенах и намогильных камер, подобные выкладки имелись и в большинстве других погребений. Можно полагать, что они были возведены перед деревянными перекрытиями, которые вскоре истлели, вызвав тем самым оседание курганных насыпей и образование отмеченных выше впадин, а также полное или частичное перемещение камней надмогильных выкладок вовнутрь камер. Как видно из характеристики курганов, есть основания полагать, что почти все захоронения были потревожены. Но грабительские лазы прослеживались отчетливо лишь в единичных случаях; вероятно, чаще всего они были очень небольшими.

Высота курганов определялась от современной поверхности. У курганов с вогнутой вершиной высота обозначена в тексте двумя величинами: напр., 1,2—1,4 м), из которых первая представляет высоту кургана в центре насыпи, а вторая — его максимальную высоту по краю впадины. Глубины погребальных камер во всех случаях фиксировались от уровня максимальной высоты кургана.

Курган 1. Насыпь кургана была сильно разрушена вспашками. К моменту раскопок она достигала в высоту не более 0,4 м и состояла из рыхлого влажного чернозема вперемешку

с булыжными камнями. Диаметр ее около 14—15 м (табл. 10, 1).

Погребальная яма со сторонами 2,4×2,8 м и глубиной 2,8 м ориентирована продольными стенками с юго-востока на северо-запад, углы ее слегка закруглены. Она была заполнена комковатым темно-серым грунтом вперемешку с булыжниками — очевидно, остатками надмогильной выкладки. Костяк разрушен, остатки человеческих костей перемешаны и разбросаны по всему юго-восточному сектору камеры (табл. 10, 2).

Северо-западную половину погребения занимал скелет лошади, лежавшей на правом боку головой на юг. Кости передних ног и одна из лопаток сдвинуты с места.

В центре и южном углу могилы лежали отдельные кости овцы и какого-то крупного животного (возможно, быка).

У северо-восточной стенки, почти вплотную к ней лежало копьё, от которого сохранились лишь металлические части — железные наконечник и вток (табл. 11, 2, 5); судя по их взаиморасположению, общая длина копья равнялась 2,75 м. Рядом с копьем, ближе к его наконечнику, компактной массой лежали 68 бронзовых и 4 костяных наконечника стрел. Костяные наконечники сохранились плохо (табл. 11, 10). Бронзовые наконечники с короткими втулками без шипов, трехгранные, трехлопастные и комбинированные. Морфологически наконечники дифференцируются на 9 типов, каждый из которых представлен в количестве от 1—4 до 9—16 экземпляров (табл. 11, 11—19). Наиболее многочисленны (35 экземпляров) простые трехлопастные наконечники, многие с рельефным зигзагом на лопасти и отверстием в начале втулки (табл. 11, 11, 19).

Вместе с наконечниками стрел найдена крупная шаровидная рифленая бусина из синего стекла; такая же бусина лежала рядом с наконечником копья (табл. 11, 8).

Под костями задних ног конского скелета найдены железная булава с отверстием в головке и обломок железного стержня (табл. 11, 3—4).

В юго-восточном секторе, среди человеческих костей, собрано много мелких колечек из узких полосок листовой бронзы. Некоторые из них фрагментированы, полностью сохранилось лишь три колечка (табл. 11, 9).

В южном углу могилы расчищены фрагменты крупной чернолощеной корчаги хорошего обжига. В глине значительная примесь песка. Тулово сосуда украшено нарезным геометрическим орнаментом. Композиция состоит из трех горизонтальных полос: две верхние полосы заполнены крупными квадратами, покрытыми точками и клетчатой штриховкой, нижняя полоса из цепочки узких ромбов, заполненных точками. Все узоры затерты белой пастой (табл. 11, 1).

Рядом с сосудом лежали остатки железного пластинчатого панциря. Пластинки слегка выгнуты, нижние края их закруглены, по верхнему краю пробиты 2—3 отверстия (табл. 11, 6, 7).

Курган 2. Насыпь его оказалась почти совершенно разрушенной и имела в высоту около 0,3 м при диаметре 10—12 м (табл. 12, 1).

Булыжные камни — остатки надмогильной выкладки — выявлены на уровне современной поверхности и в могильной засыпи. Камера со сторонами 3,3×2,9 м и глубиной 2,8 м ориентирована с юго-запада на северо-восток (табл. 12, 2).

В могиле погребены два человека. Разрушенный скелет одного из них обнаружен у северо-восточной стены камеры, ближе к ее восточному углу. Судя по расположению остатков черепа и ребер, он лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Около черепа обрывки золотой фольги с тиснеными узорами (табл. 14, 12—13). Сзади от скелета найден железный наконечник копья длиной 33,9 см

с ромбическим сечением пера (табл. 14, 1). Рядом лежала подвеска-амулет из зуба животного (табл. 14, 14). Здесь же обнаружена золотая биконическая серьга с проволочным кольцом для подвешивания. Средняя часть серьги опоясана двумя тонкими ложновитыми проволочками, в нижнем конце пять мелких шариков (табл. 14, 9). Между серьгой и наконечником копья лежали три бронзовых наконечника стрел с внутренней втулкой. Один из них комбинированный, трехгранно-трехлопастный, два других трехлопастные (табл. 14, 10—11).

Скелет второго человека находился в средней части камеры. Положение на спине, слабо скорченное, руки также слегка согнуты в локтях, ориентировка юго-западная. У ног погребенного лежал череп лошади; кости крупного животного были разбросаны справа от скелета. В могилу было помещено только копье, железный наконечник которого обнаружен у левого плеча, а вток — недалеко от костей стопы (табл. 14, 2—3). Рядом, около северо-западной стены, расчищен костяк взнузданного коня, лежавшего на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Во рту его были железные удила, состоящие из двух коротких стержней с кольцевидно согнутыми концами. Во внешние кольца вставлены стержневые двудырчатые псалии плохой сохранности (табл. 14, 4—5).

В южном углу могилы стояли две раздавленные крупные чернолощенные корчаги. Внутренняя поверхность одной из них шероховатая, красного обжига. В глине примесь песка. Узор из ряда заштрихованных треугольников процарапан после обжига сосуда (табл. 14, 6). Лощение и обжиг второго сосуда несколько лучше, но глина также с примесями. Орнамент такой же, но выполнен нарезками по сырой глине (табл. 14, 8). Рядом с сосудами найдены 2—3 фрагмента слаболощенной миски с буровато-охристой поверхностью. Глина с примесью песка, обжиг умеренный (табл. 14, 7).

Курган 3. Высота кургана 0,95 м, диаметр 20 м (табл. 13, 1). Могила ориентирована с юго-востока на северо-запад (табл. 13, 2). Длина ее сторон 4×4 м, глубина 2,7 м. Судя по обилию булыжника в засыпи, она имела надмогильную каменную выкладку.

У северо-западной стенки ямы ближе к западному углу расчищен скелет человека, лежавшего на правом боку в умеренно скорченной позе головой на юго-восток. Кости рук сохранились плохо, но похоже, что они были согнуты в локтях кистями перед лицом умершего. На левой руке был бронзовый браслет из тонкого овального в сечении стержня с расплюснутыми концами (табл. 14, 17). У пояса маленький железный нож с выгнутой спинкой и коротким черенком (табл. 14, 22). Рядом с ножом лежали округло-подпрямоугольный в сечении короткий оселок из твердой светло-серой породы (табл. 14, 18) и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы. Наконечник имеет слабо выступающую конусовидную втулку, конец одной из лопастей шиповидно заострен и опущен чуть ниже втулки, у двух других лопастей концы «обрезаны» под прямым углом (табл. 14, 19).

В юго-восточном секторе камеры выявлены останки второго погребенного. Анатомический порядок скелета нарушен, кости его перемешаны с отдельными костями какого-то крупного животного. От инвентаря сохранилась лишь керамика. Она представлена обломками четырех сосудов. В южном углу погребения стояла крупная чернолощенная корчага великолепного обжига, без узоров, с примесью песка в глине. Второй сосуд, видимо, небольшой чернолощенный кувшинчик хорошего обжига с длинной ручкой. Поверхность его орнаментирована клетками, прочерченными по сырой глине (табл. 14, 23, 25). Остальные два сосуда — миски, лежавшие среди костей погребенного. Одна из них имеет почти прямые вертикальные бортики, поверхность ее чернолощенная, орнаментированная двумя горизонтальными рядами

заштрихованных треугольников (табл. 14, 24). Вторая миска серовато-охристого цвета, без лощения. Узоры такие же, как и на первой, но треугольники заштрихованы не косыми, а вертикальными линиями (табл. 14, 26).

Вдоль северо-восточной стены камеры лежал на правом боку конский скелет, ориентированный головой на запад. Во рту лошади находились железные удила с двудырчатыми S-овидно изогнутыми псалиями (табл. 14, 15). В области груди близ шейных позвонков обнаружен бронзовый колокольчик с железным язычком. Колокольчик украшен вертикальными рельефными полосками. Вдоль нижнего края колокольчика нанесены крестообразно пересекающиеся линии, образующие цепочку ромбиков (табл. 14, 21). Около передних ног лошади найдены кусочек кремня и фигурная бронзовая подвеска (табл. 14, 16, 20).

Курган 4. Оплывшая насыпь высотой около 0,5 м (табл. 15, 1), диаметр 14 м. Под курганом на уровне современной поверхности — остатки надмогильной булыжной выкладки со сторонами $3 \times 2,5$ м (табл. 15, 2). При зачистке выкладки найден обломок предмета (возможно, сосуда) из листовой бронзы, орнаментированного треугольниками (табл. 16, 9).

Могила площадью $3,4 \times 4$ м и глубиной 2,25 м была ориентирована продольными стенками с юго-востока на северо-запад (табл. 15, 3). Вблизи от юго-западного угла расчищен скелет человека, лежавшего на спине с подогнутыми ногами, головой на юго-восток.

Кости второго погребенного перемешаны; они находились в южном и юго-восточном секторе камеры. Здесь же найдено несколько крупных костей животного (быка или лошади) и 9 астрагалов овцы.

Центральную и северо-восточную часть камеры занимали останки взызданного коня, лежавшего на животе с подогнутыми ногами, головой на запад-юго-запад. Во рту находились железные удила с длинными двудырчатыми псалиями. Концы псалиев сильно коррозированы, лишь у одной из них сохранился конец, оформленный в виде схематичного изображения головы грифона (табл. 16, 6). К шее лошади был подвешен бронзовый колокольчик (табл. 16, 5).

Погребальный инвентарь обнаружен лишь в той части камеры, где выявлены останки второго погребенного, т. е. в южном и юго-восточном секторе.

В 1,2 м от южного угла находился раздавленный крупный глиняный сосуд. Форма и размеры его неясны. Сосуд был черного цвета со слаболощеной поверхностью и довольно умеренного обжига. в глине обильная примесь песка. Плечики сосуда украшены изображением бегущих оленей, разделенных заштрихованными треугольниками. Изображения процарапаны на поверхности сосуда после обжига, а нарезные линии заполнены белой пастой (табл. 17).

Рядом с этим сосудом лежали фрагменты второго. По размерам он несколько меньше предыдущего. Цвет варьирует от красновато-охристого до черного. Этот сосуд также был с изображениями оленей, но, к сожалению, худшей сохранности. Сохранилось только 2—3 черепка с изображением рогов и части тела животных (табл. 16, 7—8).

В погребении найдена также чернолощенная миска, орнаментированная заштрихованными треугольниками (табл. 16, 1).

Близ первого сосуда лежали: обломок плиты из серого песчаника (табл. 16, 16) и несколько украшений — два железных умбона с отверстием в центре, короткая золотая трубочка и ромбовидная подвеска из золотой пластинки (табл. 16, 2—3, 10, 21). Здесь же найдены две обоймицы, свернутые из узкой полоски железа (табл. 16, 4). В 0,5 м от юго-западной стены обнаружено костяное навершие в виде стилизованной головки льва (табл. 16, 11).

Золотая серьга найдена близ берцовых костей второго человеческого костяка. Она представляет собой проволоочное кольцо с отверстиями на расплющенных и сомкнутых концах; от кольца отходят три коротких стерженька с пятью гроздевидно спаянными шариками на концах (табл. 16, 12).

Оружие и доспехи представлены остатками пластинчатого панциря и наконечниками стрел. Панцирь лежал в 0,8 м от второго погребенного. Он был собран из 128 бронзовых и 70—80 железных пластинок, соединенных между собой методом напуска. Все пластинки прямоугольной формы с закругленным концом, слегка выгнутые наружу. В верхней части имеют по 2—3 отверстия для крепления на кожаную (?) основу (табл. 16, 13—15).

Наконечники стрел оказались разбросанными по всему юго-восточному сектору камеры. Два из них костяные, с внутренней втулкой, четырехгранные в сечении, с угловыми вырезами на основании граней (табл. 16, 20). Бронзовые наконечники трех типов. Пять наконечников с внутренней втулкой, на треть своей длины они трехгранные, далее посредством двойных глубоких выемок грани переходят в лопасти (табл. 16, 18). Другой тип представлен одним наконечником, отличающимся от предыдущего наличием еще одной (треугольной) выемки близ острия и одной шиповидно заостренной лопастью, опущенной чуть ниже втулки (табл. 16, 17). Последний тип — также в одном экземпляре — трехлопастный, с короткой втулкой и заостренным концом одной из лопастей (табл. 16, 19).

Курган 5. Высота кургана 0,5 м, диаметр 17—18 м (табл. 18, 1). Могильная камера глубиной 2,55 м была ориентирована углами по странам света. Площадь надмогильной выкладки $3,2 \times 2,7$ м (табл. 18, 2), размеры камеры $3,4 \times 3,4$ м (табл. 18, 3). Как и в кургане 4, среди камней выкладки найдено несколько кусочков листовой бронзы (табл. 19, 10).

Останки погребенного находились в 1,1 м от юго-восточной стены. Анатомический порядок скелета нарушен, но с уверенностью можно констатировать, что он лежал головой на юг. Погребение, скорее всего женское, судя по глиняному пряслицу, обнаруженному у юго-восточной стены (табл. 19, 7). Вперемешку с человеческими костями лежало несколько костей крупного животного.

В восточном углу погребения стояли два фрагментированных крупных чернолощенных сосуда. Обжиг сосудов хороший, в глине содержится незначительная примесь песка. Поверхность их орнаментирована нарезными геометрическими узорами в виде треугольников, заполненных выемками и штриховкой (табл. 19, 1—3). Рядом найдена маленькая одноручная кружка с чернолощенной поверхностью, украшенной косыми насечками с белой пастой (табл. 19, 4). Около одного из крупных сосудов лежал длинный и узкий однолезвийный железный нож (табл. 19, 5).

На запястье левой руки погребенной был одет бронзовый проволоочный браслет с расплющенными концами (табл. 19, 12). В области грудных и тазовых костей выявлено 9 шаровидных бусин различного диаметра, изготовленных из янтаря, кости и красного сердолика (табл. 19, 15—17). Найдены также три полые бусины с рифленой поверхностью из золотой фольги и еще три золотые полусферические бляшки (табл. 19, 18—19).

Справа от скелета оказалась костяная стержневидная булавка с фигурным навершием и двумя бронзовыми колечками (табл. 19, 11), а в ногах — короткая костяная трубочка с узким внутренним желобком (табл. 19, 14).

В 15—20 см от черепа лежали компактной массой 4 железных и 36 бронзовых наконечников стрел. Железные наконечники двух ти-

пов: трехлопастные с длинной втулкой (3 экз.; табл. 19, 27), и наконец с такой же втулкой, но двухлопастный, с широкой ромбической головкой (1 экз.; табл. 19, 28).

Из бронзовых наконечников наиболее многочисленны трехлопастные с шипом на короткой втулке (31 экз.; табл. 19, 21—22). Два наконечника оканчиваются шиповидным заострением на лопасти (табл. 19, 23). Остальные три типа (по 1 экз.) представлены трехлопастным наконечником с узкой овальной головкой, комбинированным трехгранно-трехлопастным с едва выступающей втулкой и двухлопастным с длинной внутренней втулкой (табл. 19, 24—26).

У северо-восточной стены находился скелет коня, лежавшего на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. У шейных позвонков найден бронзовый распределитель для ремней (табл. 19, 8). В зубах — железные удила с двудырчатыми псалиями (табл. 19, 6).

Из остальных находок отметим одну раковину каури и бронзовое колечко, найденное приблизительно в 1 м от восточного угла погребения (табл. 19, 9, 13).

Курган 6. Высота насыпи с оплывшими пологими склонами не превышала 0,6 м, диаметр 20—21 м (табл. 20, 1). Среди камней надмогильной выкладки, располагавшейся под центром кургана, найдены кусочки листовой бронзы и отдельные человеческие кости.

Квадратная в плане могильная камера (4×4 м) глубиной 2,6 м была ориентирована углами по странам света, но с существенным отклонением (табл. 20, 2).

В погребении выявлены останки двух человек. Первый скелет лежал в 0,4 м от северо-западной стены камеры, на правом боку с подогнутыми ногами, головой на запад-юго-запад. Положение рук нарушено. Обе руки погребенного были украшены браслетами — одним железным и восемью бронзовыми. Концы последних расплющены и орнаментированы параллельными черточками, клеткой, косыми крестиками и пр. (табл. 21, 6—12). Перед черепом лежало несколько мелких колечек из тонкой бронзовой проволоки, а сзади, близ шейных позвонков, — короткая бронзовая булавка с цепочкой. На верхнем конце булавки имелось отверстие, к которому крепилась цепочка с двуспиральной проволочной подвеской; еще несколько таких же фрагментированных подвесок лежали отдельно, в 20 см от черепа (табл. 21, 19—22). Спереди от скелета, в 25—30 см от его груди, обнаружена россыпь из трех десятков янтарных, сердоликовых и стеклянных бусин. Выделяются следующие разновидности:

- плоские ромбовидные разделители для нитей из красного сердолика с двумя сквозными перекрещивающимися отверстиями, 5 экз. (табл. 21, 15).

- неправильной формы плоские разделители из янтаря с двумя параллельными отверстиями, 2 экз. (табл. 21, 13);

- крупные биконические янтарные бусы, 8 экз. (табл. 21, 14);

- такой же формы, но из стекла, более мелкие, 5 экз. (табл. 21, 16);

- мелкие цилиндрические, из янтаря, 10 экз. (табл. 21, 17).

В центре ямы находились отдельные разрозненные кости второго человеческого скелета. Некоторые из этих костей (ребра, предплечье и пр.) оказались в результате ограбления в верхних слоях засыпи. В могилу было помещено несколько сосудов. Один из них — крупная чернолощеная корчага — найден в восточном углу камеры. Поверхность сосуда украшена нарезными белоинкрустированными узорами в виде косой клеткой и двух рядов заштрихованных треугольников (табл. 21, 1). Другой сосуд, обнаруженный там же, — маленькая чашка черного цвета. По линии максимального расширения тулова нане-

сены ряды сосцевидных выпуклин, шейка украшена точечными вертикальными зигзагами (табл. 21, 4).

Две миски найдены в центре ямы вместе с останками второго погребенного. Обе они с чернолощеной поверхностью. Орнаментированы заштрихованными треугольниками и зигзагообразными линиями (табл. 21, 3, 5). Внутри более крупной миски лежало несколько костей животного, вероятно, овцы. Все четыре сосуда фрагментированы.

Единственный сосуд, обнаруженный в полной сохранности (внутри корчаги), — одноручная чарка, по форме почти идентичная с предшествующей, но серо-охристого цвета, без узоров, и несколько меньших размеров (табл. 21, 2).

В центральной части погребения найдены также астрагал овцы, распределитель для ремней, изготовленный из кабаньего клыка, и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом на короткой втулке (табл. 21, 25—26).

Наиболее интересные вещи выявлены недалеко от южного угла, в 1 м от юго-восточной стены камеры. Здесь компактно лежали кусочки реалъгара, костяная ложечка и два зооморфных навершия. Одно из наверший, меньшее по размерам и худшей сохранности, воспроизводит головку грифона с кольцевидно загнутым клювом, глаза обозначены двумя полусферическими выступами (табл. 21, 24). Второе навершие, также в виде головы грифона, крупнее и более тонкой работы: место соединения клюва с головкой подчеркнуто уступом, а изображение глаз «оживлено» двумя резными концентрическими кругами с точечным углублением в центре. На головке грифона фигурка горного козла с подогнутыми ногами и повернутой назад головой; туловище орнаментировано волнистой линией и точками (табл. 21, 23). Изображение головы грифона угадывается и на конце ручки костяной ложечки (табл. 21, 18).

Курган 7. Высота 0,65 м (табл. 22, 1), диаметр кургана около 17 м. Уже в верхних слоях могильной засыпи, вперемишку с камнями надмогильной накладки, разрушенной грабителями (табл. 22, 2), стали попадаться отдельные кости человека и крупного животного.

Погребальная камера глубиной 2,6 м и длиной сторон по 3 м, как и предыдущая, была с заметным отклонением ориентирована своими закругленными углами по странам света. Здесь также было погребено два человека (табл. 22, 3).

Один из них был захоронен скорченно, на правом боку, около северо-западной стены. Левая рука согнута таким образом, что кисть находилась перед лицом, а правая вытянута вдоль тела к согнутым коленям. Скелет ориентирован головой на запад-юго-запад. В левую руку были вложены две железные стержневидные булавки с кольцевидными навершиями. Булавки соединены бронзовой цепочкой, распавшейся на несколько коротких обрывков. Общая длина цепочки 0,6—0,7 м (табл. 23, 13—14). На запястьях рук по одному бронзовому браслету из тонкой проволоки со слегка расплюснутыми, заходящими друг за друга концами; еще три браслета (один из них витой) лежали на земле перед лицом (табл. 23, 18—19).

От второго скелета кости сохранились частично у северо-восточной и юго-западной стенок. Вокруг юго-западной группы костей обнаружен ряд украшений, а также обломок песчаниковой плиты зеленовато-серого цвета (табл. 23, 22). Рядом стояла миниатюрная чернолощенная мисочка хорошего обжига, орнаментированная белоинкрустированными узорами в виде заштрихованных треугольников, косых насечек и пр., венчик миски слабо отогнут наружу (табл. 23, 3).

Поблизости от нее рассыпано более полусотни бусин. Среди них крупные шаровидные бусины из белой пасты с широкими светло-синими зигзагами на поверхности, 3 экз. (табл. 23, 7); биконические бу-

сины из янтаря, 48 экз. (табл. 23, 8, 12), продолговатая янтарная бусина неправильной формы, 1 экз. (табл. 23, 9); роговая бусина вытянуто-ромбовидных пропорций, 1 экз. (табл. 23, 10); полые бусинки, квадратные в сечении, из золотой фольги, 8 экз. (табл. 23, 11).

Интересны две зооморфные янтарные бусины. Фигурки имеют округлые контуры, глаза обозначены точками, в задней части просверлено по одному отверстию (табл. 23, 20—21).

Вместе с бусинами найдена украшенная зернью золотая серьга, имеющая форму полого калачика с высокой дужкой. Концы дужки обмотаны 5—6 витками тонкой золотой проволочки. Снизу к серьге подвешен полусферический колпачок с шестью бубенчиками. По обе стороны колпачка к калачику припаяно по одному лепесточку, украшенному мелкой зернью (табл. 23, 17).

В южном и юго-восточном секторе погребения обнаружено несколько костей крупного парнокопытного животного, очевидно, быка. Вместе с костями положен узкий и длинный железный нож с массивной рукоятью, а в 1,2 м южнее — бронзовая булавка с отверстием на головке (табл. 23, 6, 16).

В восточном углу камеры стояла чернолощенная корчага хорошего обжига. Тулово и шейка сосуда покрыты нарезным геометрическим узором, затертым белой пастой (табл. 23, 1—2). По обе стороны от корчаги стояли две чернолощенные чарки с белоинкрустированными узорами. Одна из них маленькая, приземистая, распалась на несколько частей; другая — более высокая и изящная, с косыми насечками на ребристом тулове, отреставрирована полностью (табл. 23, 4—5). Между корчагой и первой чаркой на земле лежал кусок реалгара.

Курган 8. Высота насыпи 1,15 м. диаметр 22 м (табл. 24, 1). Квадратная погребальная камера (3,6 м × 3,6 м), ориентированная углами по странам света, была перекрыта каменной выкладкой (3 × 3 м), сложенной из 3—4 слоев булыжных камней. Камни встречались и ниже в засыпи (табл. 24, 2).

Глубина камеры 3,7 м (табл. 24, 3). В ней были погребены два человека. Останки первого выявлены у юго-западной стенки, ближе к ее восточному углу. Скелет лежал в слабо скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток. Анатомический порядок частично нарушен: сдвинуты с места руки и берцовая кость правой ноги, от черепа сохранилась лишь нижняя челюсть.

Перед грудью лежал бронзовый проволочный браслет с расплюснутыми несходящимися концами (табл. 25, 11). У тазовых костей найден оселок из мягкого светло-охристого камня. На одном конце оселка имеется отверстие для ремешка, другой конец обломан (табл. 25, 10). Рядом с ним обнаружены два овечьих астрагала, 9 костяных четырехгранных наконечников стрел с втулкой и угловым вырезом в основании граней, и 2 железных трехлопастных наконечника с выступающей втулкой (табл. 25, 15, 26—27). У колен находилась железная плоская обоймица, очевидно, наконечник кожаного футляра или кинжальных ножен (табл. 25, 9). Около нижней челюсти найдены фрагменты железных колец (табл. 25, 6—7).

Останки второго погребенного оказались потревожены. Отдельные кости найдены в центре ямы и недалеко от восточного угла. В восточном углу обнаружена и часть связанных с этим захоронением вещей — бусы, золотая серьга, умбон и 107 бронзовых наконечников стрел. Серьга того же типа, что и в кургане 2 (табл. 25, 19).

Умбон сохранился во фрагментах. Изготовлен он из железа, наружная поверхность покрыта тонкой серебряной фольгой, в середине пробиты два сквозных отверстия (табл. 25, 13).

Наконечники стрел делятся на четыре основных типа. Подавляющее большинство их (90 экз.) имеет комбинированную трехгранно-трех-

лопастную головку с едва выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (табл. 25, 17). Вариантом этого типа можно считать наконечники, близкие по форме, но короткие и не со столь четко выраженным заострением лопастей (15 экз.; табл. 25, 25). Два других типа представлены трехлопастными наконечниками: один — с шипом на короткой втулке, другой — с внутренней втулкой (по 1 экз.; табл. 25, 16, 18).

Немногочисленны, но разнообразны бусы. Интересна, например, крупная цилиндрическая бусина из черной пасты с плотными рядами зигзагообразных белонкрустированных линий на поверхности (табл. 25, 14). В одном же экземпляре обнаружены стеклянная черная бусина с «глазками» и круглая нашивка с радиально расходящимися каннелюрами из золотой фольги (табл. 25, 22, 24). Четыре другие нашивки меньших размеров и не орнаментированы (табл. 25, 21). Найдены также две мелкие золотые бусинки в виде двойных полусферических колпачков с петелькой и мелкой зернью на нижнем конце (табл. 25, 23). С бусами был найден и зуб животного с отверстием, возможно, служивший амулетом (табл. 25, 20).

Около северо-западной стенки погребения лежал скелет лошади — на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Под черепом у него обнаружены железные удила, изготовленные из двух коротких стержней. Во внешние кольца удила были вдеты псалии плохой сохранности (табл. 25, 5). Здесь же найдены три железных столбика для ремней, а у шейных позвонков — маленький бронзовый колокольчик с железным язычком (табл. 25, 8, 12).

Юго-восточнее скелета коня, в 25—30 см от его крупа, расчищен череп быка; еще несколько массивных костей какого-то животного лежали вместе с глиняными сосудами в южном углу камеры. Самый крупный сосуд представлял собой корчагу темно-серого цвета, обжиг ее великолепный, в глине содержится много песка и шамота. Орнаментирована косыми насечками, треугольниками и пр. (табл. 25, 2). Второй сосуд, видимо, кувшин с ручкой, меньше по размерам. Цвет его буровато-охристый с черными пятнами, поверхность лощеная. В глине также имеются примеси, но обжиг неплохой. Орнаментация его состоит из сочетания заштрихованных зигзагообразных полос и длинных узких треугольников (табл. 25, 3—4). Третьей была маленькая черно-лощенная миска грубоватой, несколько асимметричной лепки, без узоров и довольно умеренного обжига (табл. 25, 1).

Курган 9. Высота 1,1 м, диаметр 27 м (табл. 26, 1). Площадь погребальной камеры 5×5 м при глубине 3,3 м. На дне камеры имеется неглубокая канавка, проходящая вдоль всех ее четырех стен. Ширина канавки 35—40 см, глубина 7—8 см, дно плоское. Ориентировка камеры углами по странам света (с отклонением), в надмогильной выкладке обнаружено несколько глиняных черепков и разрозненных костей человеческого скелета (табл. 26, 2—3).

Из ритуально-культовых находок отметим каменную плиту-жертвенник овальных очертаний с неровными краями, изготовленную из твердого светло-серого песчаника. Лицевая плоскость ее тщательно отшлифована, обратная сторона обработана небрежно. Плита лежала у северо-восточной стены камеры, ближе к ее северному углу (табл. 27, 16). В 1,8 м от южного угла отмечено скопление из 7 округло-шаровидных галек. Заупокойная пища представлена отдельными костями (главным образом, костями ног) овцы и крупных животных, судя по форме копыт, — лошади, быка, коровы.

В камере выявлены останки двух человек. Первый скелет обнаружен в 0,6 м от северо-западной стены. Первоначальное положение оказалось нарушенным. Можно понять лишь то, что он лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Под ним отмечены мелкие ча-

стицы древесного угля. На левой руке бронзовый спиральный браслет из подтреугольно-овального в сечении стержня (табл. 27, 24). Рядом обломки бронзовой булавки и несколько обрывков бронзовой цепочки общей длиной около 13 см (табл. 27, 29, 34). За спиной погребенного и в его ногах пять глиняных сосудов. К сожалению, сохранность сосудов очень плохая. Удалось восстановить лишь две чернолощенные чарки, из которых одна, с заштрихованными треугольниками на тулове, стояла рядом с описанной выше каменной плитой (табл. 27, 12). Другая чарка, меньших размеров и с неорнаментированной поверхностью, обнаружена вместе с обломками одного из крупных сосудов — возможно, ею было покрыто устье корчаги (табл. 27, 14). Крупных сосудов четыре. Все они черного цвета с лощенной поверхностью и прекрасного обжига. Один из них имел круглую в сечении, Г-образно изогнутую в верхней части ручку. В глине у всех сосудов содержится примесь песка. Узоры — нарезные клетки, треугольники, параллельные полосы из 2—4 линий, сосцевидные налеты и пр.; на сосуде с ручкой имеется также овальная вмятина, окантованная косыми насечками, на другом нарезные линии заполнены белой пастой (табл. 27, 3—7).

В центре и близ южного угла камеры были разбросаны кости второго погребенного. С ним, вероятно, связан и весь остальной инвентарь, сконцентрированный, главным образом, в юго-восточной половине камеры, и в особенности — на участке 1,5×1,5 м, примыкающем к восточному углу. Здесь лежали обломки бронзовой кобанской чаши (табл. 27, 19) и большого бронзового блюда. Блюдо имеет низкие, плавно расширяющиеся кверху бортики диаметром 30 см. Резко отогнутый наружу край имел венчик шириной 2 см. Сосуд орнаментирован кольцевидными узорами различной величины, обрамляющими его днище несколькими концентрическими кругами, а также радиально расходящимися от днища прямыми линиями. Узоры выполнены пунсоном (табл. 27, 18). В 20 см от блюда стоял цилиндрический бронзовый сосуд с едва выступающим дном. Форма его напоминала пиксиду. Об этом свидетельствует и орнаментация сосуда: вся поверхность тулова покрыта сетчатой гравировкой, а внутри каждой клетки изображено по одному свастическому узору. Спорадически между ними встречаются одиночные крестовидные знаки. По верхнему краю сосуда нанесен пояс из мелких концентрических кружков, а по низу — ряд косых семечковидных и кольцевидных узоров (табл. 27, 21).

Рядом с пиксидой лежало несколько фрагментов черноглиняного сосуда и миска (табл. 27, 15), внутри которой находились следующие вещи:

— чернолощенная чарка с сосцевидными выпуклинами на ребристом тулове и несколькими рядами косых насечек (табл. 27, 13);

— литой бронзовый предмет в виде полусферического колпачка с отверстием в центре; края колпачка отогнуты наружу и образуют два продолговатых фигурных щитка со сужающимися концами (табл. 27, 20);

— маленький бронзовый черпачок овальной формы, со слегка загнутыми вовнутрь краями и трубчатым сливом. Конец высокой плавно изогнутой ручки оформлен в виде головы фантастического животного (табл. 27, 22).

Между пиксидой и бронзовым блюдом лежали две золотые калачиковидные серьги с невысокими дужками. Концы их обмотаны 6—7 витками тонкой проволоки, поверхность орнаментирована зернью (табл. 27, 25—26). Обнаружено также около двух десятков янтарных бусин (табл. 27, 39, 41—44), три шаровидные бусины из черного сердолика с односторонним сверлением (табл. 27, 40), а также четыре

цилиндрические и одна биконическая бусины из листового золота (табл. 27, 36—37).

В 25—30 см северо-западнее этих украшений среди костей животного лежали три бронзовых колокольчика и наконечник копья. Колокольчики все литые, с узкими боковыми вырезами, поверхность их украшена литым узором из параллельных вертикальных полосок. Язычки у колокольчиков железные, судя по единственному экземпляру, относительно хорошей сохранности, в сечении четырехгранные, равномерно сужающиеся кверху (табл. 27, 45—48).

Наконечник копья выкован из железа, его узкое листовидное перо имеет рельефный валик, проходящий по середине пера от втулки к острию (табл. 27, 28). Втулка раскрытая.

В 40 см к западу от пиксиды обнаружен один из наиболее любопытных предметов погребального инвентаря — маленький столик — поднос на трех ножках. Столик круглой формы, из толстой листовой бронзы. По краю вертикальный бортик шириной около 3 см. Ножки изготовлены отдельно (литьем) и прикреплены к столику клепкой. Столик имел следы неоднократного ремонта (табл. 27, 17).

На столике стояли две миниатюрные чернолощеные миски с нарезным белоинкрустированным узором в виде заштрихованных треугольников (табл. 27, 9, 11).

В юго-восточной части могилы на расстоянии 45—90 см друг от друга найдены три золотые пластинки. Одна из них — круглая накладка с загнутыми краями, богато сраментирована тисненными узорами в виде крестовидного солярного знака в центре и кольцевидных и дуговидных валиков, круглых выпуклин вокруг него (табл. 27, 27). Вторая пластинка квадратной формы. Она украшена двумя концентрическими кругами, между которыми помещено тринадцать колец, а в центре — шестиконечная звезда. По углам пластинки, а также между лучами звезды и кольцевидными узорами выбиты пунсоном мелкие выпуклины, расположенные группами по 2, 3 и 6 (табл. 27, 23). Особенно интересна третья пластинка-накладка, изображающая хищника (львицу или пантеру) с поднятым и вытянутым вдоль линии спины хвостом и повернутой назад головой. Мышцы плеча выделены овальной выпуклостью, неумело, но старательно обозначены мощные когти (табл. 27, 35). В 1,2 м от западного угла камеры лежали обломки средней величины корчаги. Сосуд имел блестящую чернолощеную поверхность, в глине примесь песка, обжиг хороший. Декор отличается изысканностью и сравнительно разнообразными формами: ромбы, треугольники, широкая полоса, покрытая клетчатой штриховкой, треугольники из широких желобчатых линий с круглым углублением в центре, растительные побеги и пр. (табл. 27, 1—2). Второй сосуд находился рядом с бронзовым столиком. Он также чернолощеный, хорошего обжига, орнаментирован клетчатыми нарезными узорами, косой насечкой, треугольниками. Сосуд имел одну ручку (табл. 27, 8, 10). Вокруг этого сосуда были рассыпаны 60 раковин каури и 38 бронзовых наконечников стрел, а в 2,3 м от южного угла камеры найдены два костяных наконечника с внутренней втулкой. В сечении они четырехгранные, на каждой грани имеется глубокая клиновидная выемка с продольным ребром в середине (табл. 27, 30). Бронзовые наконечники лежали вблизи столика, а также в самом центре погребения. Они представлены тремя типами: двухлопастными, с шипом на втулке и продольным ребром (35 экз.; табл. 27, 31), простыми трехлопастными с длинной втулкой (3 экз.; табл. 27, 32), коротким трехлопастным, с прямоугольно обрезанными основаниями лопастей (1 экз.; табл. 27, 33). Все они имеют прямые аналоги в Келермесских курганах.

Курган 10. Высота курганной насыпи 0,65 м, диаметр 17—18 м

(табл. 28, 1). На уровне современной поверхности под насыпью стали выявляться отдельные камни надмогильной выкладки (2,3×3 м). Квадратная камера площадью 3,5×3,5 м и глубиной 2,7 м ориентирована углами по странам света с отклонением (табл. 28, 3). Костяк разрушен, но судя по расположению черепа, берцовых и тазовых костей, он, видимо, лежал вытянуто на спине, головой на юг (с незначительным отклонением к западу) почти по диагонали могилы. В ногах фрагмент каменной плиты из светло-серого песчаника (табл. 29, 13). На руках погребенного было надето по одному проволочному браслету. Первый браслет серебряный. Его несомкнутые концы расплющены и украшены короткими параллельными насечками и двумя крестами с круглыми вдавлениями между ними (табл. 29, 8). Второй браслет из четырехгранного витого бронзового прута, с шишечками на сужающихся концах (табл. 29, 9).

Справа от скелета, в 30—35 см от его пояса, лежал кусочек реальгара, а слева близ тазовых костей две бронзовые булавки со слабо каннелюрованной головкой (табл. 29, 5—6). Рядом с реальгаром найден разделитель для нитей из черного сердолика, имеющий форму узкого прямоугольника с тремя параллельными каналами (табл. 29, 11).

Справа от человеческого скелета, по диагонали камеры лежал костяк лошади, ориентированный головой на юг. Вблизи шейных позвонков найден костяной столбик для ремней, около лопатки — комок реальгара, две янтарные и три золотые бусинки (табл. 29, 7, 10, 12). В 35—40 см от бус, среди костей конского скелета, обнаружены: железные удила с подвижными кольцами на концах, астрагал овцы, четыре круглые бронзовые бляхи с петлей на обороте и отверстиями вдоль краев и одна бляха меньших размеров с прямоугольными вырезами по краю (табл. 29, 4, 16—17).

Слева от человеческих останков, близ голени, лежали остатки жертвенной пищи — кости ног крупного животного (судя по раздвоенному копыту — быка или коровы). Вдоль юго-западной стенки ямы в 40 см от нее были установлены в ряд три глиняных и один бронзовый сосуд. Последний по форме и размерам почти полностью повторяет бронзовое блюдо из предшествующего кургана, но в отличие от него не орнаментирован (табл. 29, 2).

Из глиняных сосудов частичной реставрации поддается лишь один — крупная чернолощенная хорошо обожженная корчага, украшенная пышной нарезной орнаментацией — зигзагами, треугольниками, параллельными пунктирными линиями и т. д. (табл. 29, 1).

Два других сосуда по цвету, обжигу и отделке поверхности аналогичны первому. Один из них имел круглую в сечении ручку и слив, а внутри второго обнаружена чернолощенная чарка с низким ребристым туловом (табл. 29, 3, 14—15).

Курган 11. Высота насыпи 1,2 м, диаметр 17—18 м. Находился в 20 м к северо-западу от кургана 10 (табл. 30, 1). При расчистке надмогильной выкладки обнаружен светло-серый валун продолговато-вытянутых пропорций, длиной 0,85 м, лежавший в полунаклонном положении в центре выкладки. Здесь же среди камней найден фрагмент верхней части бронзового сосуда (табл. 31, 9).

Размеры камеры 3,5×3,5 м, глубина 3,15 м (табл. 30, 3). На дне вдоль стенок оставлен уступ шириной 24—26 см и высотой 15 см. Захоронение было двойным. Анатомический порядок скелетов нарушен. Все же особенности расположения останков первого покойника, выявленных в северном углу камеры, дают некоторые основания полагать, что он лежал скорченно, на левом боку, головой на восток. Перед ним лежала плита подпрямоугольной формы, вытесанная из серого песчаника; лицевая сторона ее тщательно зашлифована (табл. 31, 7).

Кроме того, здесь обнаружено 17 янтарных бусин усеченно-биконической формы, лежавших двумя компактными группами в ногах и в изголовье перед лицевой частью скелета (табл. 31, 10—11).

В центре погребения лежали скоплением семь крупных галек-голышей. Кости второго человека, сильно перемешанные, находились южнее первого, ближе к центру. Возможно, ему принадлежал оселок из плотного светло-коричневого песчаника, найденный близ галек (табл. 31, 8).

Посредине юго-восточной стенки, вплотную к основанию уступа, лежал короткий железный вток от древка копья (табл. 31, 13). В центре ямы беспорядочно разбросано несколько бронзовых наконечников стрел с выступающими длинными втулками: двухлопастный с шипом, трехгранный, трехлопастные с прямоугольно обрезанными или заостренными концами лопастей (все по 1 экз.; табл. 31, 15—16, 18—19). Последняя разновидность — простые трехлопастные наконечники с ромбической головкой (4 экз.; табл. 31, 17).

Около юго-западной стенки камеры расчищен конский скелет, лежавший на животе с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. У грудных костей обнаружен бронзовый столбик для ремней (табл. 31, 14).

У восточного угла камеры стояли три глиняных сосуда. Один из них — миниатюрная черная миска со слегка загнутыми внутрь краями (табл. 31, 4). Второй — приземистый лощеный сосуд с сильно вздутым туловом, узкой шейкой, отогнутым коротким венчиком и круглой в сечении ручкой. Цвет серовато-черный, в изломе красновато-бурый, глина с обильной примесью песка. Тулово опоясано узкой полоской с косой штриховкой; от полоски вниз отходят ломаные линии, образующие углы и зигзаги. Плечики сосуда украшены тремя треугольниками, вершины которых оканчиваются крючком (табл. 31, 1). Третий сосуд — изящная чернолощенная корчага средних размеров с белоинкрустированными геометрическими узорами по тулову, глина с примесями, обжиг хороший (табл. 31, 2).

В южном углу стояли рядом миска, чарка и корчага. Все они черного цвета, на поверхности сохранились следы лощения, глина с примесями, обжиг хороший (табл. 31, 3, 5—6).

Курган 12. Высота кургана 1,85—2,05 м, диаметр 27 м (табл. 32, 1). На глубине 1,2—1,3 м и ниже, до верхних слоев могильной засыпки, прослеживался комковатый перекопанный грунт серого цвета вперемешку с булыжниками от обкладки насыпи. Очевидно, это следы грабительских раскопок. К востоку и западу от ямы в разрезе бровки отчетливо прослеживался материковый выкид из светло-коричневого рыхлого грунта.

Погребальная камера квадратная, площадью 6,7×6,7 м при глубине 3,9 м. Надмогильная каменная выкладка не сохранилась. До глубины 0,5—0,6 м от древней поверхности засыпка могилы состояла из серого комковатого грунта. Далее вплоть до дна камеры следовала обожженная докрасна земля с включениями большого количества золы и древесного угля. На различной глубине встречались мелкие комочки мела.

Вдоль стенок камеры сохранились узкие канавки с частицами древесины, возможно, остатки сруба. В средней части камеры, на расстоянии 2,2 м друг от друга, были вырыты две круглые ямки глубиной 1,1—1,15 м, заполненные, как и вся могила, жженой глиной (табл. 32, 2).

Захоронение совершено по обряду трупосожжения. Судя по немногочисленным полуобгоревшим костям у северо-восточной стены камеры, в 1,8 м от ее северного угла, оно было индивидуальным.

Вместе с этими останками, в радиусе 0,5—1 м вокруг них, найдены разнообразные украшения и наконечники стрел. Несколько на-

конечников лежало компактной массой в 1,4 м от северного угла; большая же часть их была разбросана в юго-восточной части могилы. За исключением одного костяного пулевидного (табл. 33, 16), они все бронзовые. Количественно преобладают узкие двухлопастные наконечники с серединным продольным ребром на головке и шипом на короткой втулке (8 экз.; табл. 33, 7). Четырьмя экземплярами представлены простые трехгранные наконечники с прямоугольным основанием граней и равными по длине головкой и втулкой (табл. 33, 11). Остальные разновидности исчисляются 1—2 экземплярами; двухлопастные без шипов, трехгранные с различными по длине втулками (некоторые с парными выемками на головке), трехгранные и трехлопастные с шипом (табл. 33, 6, 8—10, 12—15). На многих наконечниках сохранились следы пребывания в огне.

Поблизости от наконечников найдены два деревянных цилиндрических столбика с одним округлым торцом и горизонтальным желобком для шнура (табл. 33, 21—22).

В 0,6—0,7 м от северо-восточной стены было разбросано более 40 различных по форме и размерам бусин; одна квадратная и шесть биконических из янтаря (табл. 33, 23, 25), одна круглая из синей пасты (табл. 33, 19), около 25 мелких цилиндрических бусинок из кости (табл. 33, 5), две цилиндрические, свернутые из серебряной фольги (табл. 33, 4), четыре маленьких разделителя для нити из золотой фольги (табл. 33, 24).

Вместе с бусами найдена золотая калачиковидная серьга и пять круглых золотых накладок, украшенных тисненными солярными знаками и узорами в виде колечек и круглых шишечек (табл. 33, 26—27).

В восточном углу камеры обнаружено несколько фрагментов бронзовой миски (табл. 33, 18). В 1,1—1,2 м от них выявлен раздавленный глиняный сосуд с ручкой. Сосуд средних размеров, цвет серовато-бурый, с переходами до охристого, лощение хорошее. В глине обильна примесь песка, обжиг довольно прочный. Поверхность его орнаментирована зигзагообразными нарезными линиями и заштрихованными треугольниками (табл. 33, 1). Рядом найдены 2—3 фрагмента глиняной миски. Цвет, состав глины и обжиг такие же, как и у предшествующего сосуда, но поверхность без узоров (табл. 33, 2). Здесь же найден и железный нож (табл. 33, 3). Между глиняным сосудом и северо-восточной стенкой было рассыпано 11 раковин каури (табл. 33, 17).

Вся южная и юго-западная часть камеры была занята скелетами четырех или пяти лошадей, лежавших на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Спереди от них на полу лежали 15 округлых галек-голышей с закопченной поверхностью. Кости животных от интенсивного и длительного воздействия огня превратились местами в рыхлую порошкообразную массу и почти не поддавались расчистке. Лошади были погребены с набором сбруи. У крайнего от юго-западной стены скелета, перекрывавшего собой одну из упомянутых выше ямок на дне, находились во рту бронзовые удила со стремечковидными концами и одним зооморфным псалием (табл. 33, 30, 32). У остальных лошадей удила железные. Из-за плохой сохранности количество их не поддается точному учету. Отдельные фрагменты позволяют установить, что удила состояли из двух коротких стержней, постепенно расширяющихся к внешним концам, на которых выбито по одному сквозному отверстию для поводьев. Псалии также железные, но лучшей сохранности. Их 8 экземпляров. Это короткие, круглые в сечении стержни с шариками на концах, один конец псалиев плавно изогнут, в средней же части имеется по три петельки (табл. 33, 28—29, 31). Среди костей первого скелета обнаружено железное колечко (табл. 33, 20).

Курган 13. Высота кургана 1,7—1,9 м, диаметр 27 м (табл. 34, 1). Надмогильная выкладка (3×4,6 м) полуразрушена грабительской ямой (табл. 34, 2). Погребальная яма вместе с материковым выкидом была перекрыта слоем хвороста (?), остатки которого в виде черного древесного перегноя 4—6-сантиметровой толщины прослеживались в радиусе 8—9 метров от центра камеры. В южной половине насыпи, в 3 метрах от осевой линии запад—восток, выявлены остатки двух деревянных столбов диаметром 16—18 см, врытых вертикально на расстоянии 9 м друг от друга.

Могила (6,5×6,5×4,2 м) находилась в центре насыпи и была ориентирована углами по странам света. Как и в кургане 12, она заполнена пережженной глиной, золой с частицами древесного угля и редкими включениями какого-то белого вещества, возможно, мела. Над камерой, вдоль ее стен, зафиксированы канавки со следами древесины (табл. 34, 3). Захоронение произведено по обряду трупосожжения. Остатки полуобожженных человеческих костей (фрагмент черепа, несколько ребер, фаланги пальцев) обнаружены в средней части камеры, ближе к юго-восточной стенке.

Восточную четверть площадки камеры занимали скелеты одной или двух лошадей — также сильно обожженные и перемешанные, ориентировка их юго-восточная. Около обломков конского черепа найдены два трехпестельчатых бронзовых псалия. Один из концов псалия оформлен в виде конского копыта, другой — в виде головы бараногрифона (табл. 35, 15). Здесь же обнаружены два бронзовых столбика для перекрестных ремней (табл. 35, 21—22).

У северо-восточной стенки камеры, в 1,1 м от угла, лежало бронзовое навершие штандарта, украшенное ажурным бубенцом с железными шариками внутри и стилизованным изображением головы животного (табл. 35, 14).

Сзади от конских скелетов обнаружены два бронзовых колокольчика и бронзовая чашечка. Один из колокольчиков конусовидный, с кольцом сверху и железным язычком внутри (табл. 35, 13). Другой более крупный, со слегка вздутым и украшенным вертикальными рельефными полосками корпусом (табл. 35, 12). Оба колокольчика с боковыми вырезами. Чашечка была изготовлена из тонкого листа бронзы и распалась на несколько частей. Судя по сохранившимся фрагментам, она усеченно-полусферической формы, верхний край шириной около 1 см резко отогнут наружу, тулово украшено четырьмя параллельными рядами пунсонных точек (табл. 35, 6—8).

В центре и в западном углу могильной ямы выявлены обломки нескольких глиняных сосудов. Из них полностью или частично удалось отреставрировать следующее:

— миниатюрная лощеная миска черного, местами коричневатохристого цвета с вогнутым вовнутрь узким донышком. По окружности сосуда с четырех сторон двойные вертикальные валики, между ними поверхность тулова украшена двумя рядами заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Обжиг миски хороший, глина с примесями (табл. 35, 5);

— вторая миска такого же цвета, обжига и фактуры. Орнаментирована сетчатыми нарезками (табл. 35, 10);

— две светло-коричневые чарки хорошего обжига, поверхность одной из них залощена до металлического блеска. Другая орнаментирована косыми насечками (табл. 35, 9, 11).

Остальная керамика представлена фрагментами трех или четырех крупных чернолощенных сосудов (один с ручкой), из довольно грубой глины, но хорошо обожженных и украшенных геометрическими узорами — параллельными желобками и нарезными линиями, клетками, заштрихованными в шахматном порядке, треугольниками, покрытыми

косой штриховкой или точечными проколами и т. д. (табл. 35, 1—4).

Вместе с обломками сосудов найдены (бронзовое колечко (табл. 35, 24), 110 раковин каури (табл. 35, 25) и бусины следующих типов:

— бочковидные, одинарные и двойные, из синего полупрозрачного стекла (84 экз.; табл. 35, 16—18);

— костяная, цилиндрическая (1 экз.; табл. 35, 23);

— пастовые конусовидные с рифлением, зеленого цвета (42 экз.; табл. 35, 19—20).

Курган 14 высотой 1,3—1,5 м и диаметром насыпи 30 м находился в 30 м северо-западнее от кургана 13 (табл. 36, 1). Могильная яма, ориентированная углами по странам света, была заполнена пережженной землей, углем и золой вперемешку с грунтом. Вдоль стен камеры около дна имелись канавки со следами сгнивших бревен. Размеры камеры 4×4,1×3,3 м (табл. 36, 2).

Сколько-либо удовлетворительно фиксируемых человеческих останков выявить в погребении не удалось. Правда, в 0,9 м от юго-восточной стены, рядом с глиняным сосудом, лежали как будто обломки черепной корсбки. Но при этом здесь не обнаружено ни нижней челюсти, ни зубов. Следы трупосожжения в погребении также не отмечены. Весь восточный угол был занят скелетами нескольких лошадей, лежащих на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Анатомический порядок костей нарушен, что не позволило определить их количество. Но судя по числу удил, могло быть погребено не менее трех лошадей. Удила все железные, внешние кольца не петлевидные, а цельнокованные (табл. 37, 1—3). Вместе с удилами найдено шесть костяных псалиев. Один из концов каждого псалия оформлен в виде головы грифона, другой — в виде сильно стилизованного копыта; в средней части по три узких отверстия (табл. 37, 4—9).

Несколько крупных костей лошади выявлено также у юго-западной стены камеры; возможно, они перенесены сюда грызунами. Вместе с этими костями найдены два бронзовых столбика для перекрестных ремней — один цилиндрический, другой клювовидный (табл. 37, 19—20).

Кроме конских, в могиле найдено еще несколько костей крупного животного, возможно, остатки жертвенной пищи. Некоторые из костей покрыты черной сажистой пленкой.

В 0,7 м от западного угла камеры к северо-западной стене была прислонена плита из светло-серого песчаника. Плита изготовлена в виде высокой трапеции, с закругленным основанием; закруглены и два ее верхних угла. Она тщательно зашлифована, лицевая поверхность имеет едва заметную вогнутость (табл. 37, 24).

В 1,1 м от юго-западной стены найдены обломки орнаментированного бронзового сосуда, очевидно, широкого блюда, такого же, как в кургане 9 (табл. 37, 15). Фрагменты второго сосуда — глиняного — обнаружены справа от конских скелетов. Поверхность сосуда чернелощеная, украшенная геометрическими узорами, в глине примесь песка, обжиг хороший (табл. 37, 10). Вместе с ним лежали обломки двух черноглиняных мисок (табл. 37, 11—12).

Южнее скопления керамики найдены четыре круглые гальки со следами копоты на поверхности, а также 19 раковин каури, более 50 янтарных бусин усеченно-биконической и уплощенно-шаровидной формы, и 2 узких костяных разделителя; еще три янтарные бусины найдены в 0,8 м от северо-восточной стены (табл. 37, 16—18, 21—23). Наконец, с противоположной стороны от глиняного сосуда обнаружены две круглые нашивки из золотой фольги с тисненым геометрическим орнаментом в виде солярных знаков (табл. 37, 13—14).

Курган 15. Высота кургана 1,2 м, диаметр 24 м, размеры надмогильной выкладки 2,8×3,3 м. Размеры погребальной камеры 3,8×4,1×

13,4 м, ориентировка углами по странам света (табл. 38, 1—3).

Захоронение оказалось нарным. Перемешанные кости первого скелета лежали в 0,6—0,8 м от северо-восточной стены камеры. Второй скелет находился в 0,6 м от предыдущего. Анатомический порядок его частично нарушен, но все же ясно, что он лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Непосредственно при нем никаких вещей не было.

В юго-западной стороне могилы расчищен скелет лошади. Ориентировка юго-восточная.

Перед конским скелетом лежали останки какого-то парнокопытного животного — судя по остаткам рогов, очевидно, молодого бычка. Кости его почти полностью перемешаны; не исключено, что с самого начала туша животного была помещена в погребение в расчлененном виде. В пользу такого предположения может свидетельствовать и то, что несколько костей от этого же скелета найдено в противоположном углу камеры (вместе с сосудами).

Инвентарь погребения многочислен и разнообразен. В центре камеры обнаружено 130 железных и 50 бронзовых пластинок от панциря, еще несколько пластинок лежало у северо-восточной стены. Все они прямоугольной формы, слегка выгнутые, нижний конец закруглен. Фигурные пластинки единичны (табл. 39, 28—30).

В восточном углу находились пять фрагментированных глиняных сосудов и рядом три бронзовых колокольчика с железными язычками. Два крупных сосуда (очевидно, корчаги) пока не реставрированы. Оба они чернолощенные, в глине примесь песка, обжиг очень хороший. На одном сосуде нарезные линии узоров заполнены белой пастой (табл. 39, 31). Три других сосуда представляют собой маленькие серовато-черные чарки со слабыми следами лощения, обжиг умеренный; у одной из них тулово украшено короткими вертикальными желобками (табл. 39, 36—37, 39). Колокольчики со слабо выгнутыми стенками и боковыми вырезами. Декорированы вертикальными рельефными полосками, некоторые из полосок соединены попарно косыми перемычками (табл. 39, 1—5). Рядом с сосудами на полу россыпь из 32 раковин каури (табл. 39, 18), 200 мелких круглых костяных бусинок (табл. 39, 26), 1 бипирамидальной и 3 уплощенно-шаровидных из черной пасты (табл. 39, 19, 21) и еще 8 янтарных бусин различных форм и размеров (табл. 39, 20, 22—25).

У юго-восточной стены найдены две бронзовые стержневые булавы (табл. 39, 16—17), а рядом, в 30—35 см от них, — 53 бронзовых втульчатых наконечника стрел. Наконечники с короткими втулками единичны; в большинстве случаев втулки выступают приблизительно на одну треть или же почти наполовину общей длины наконечника. Самый многочисленный тип — трехлопастные наконечники с косо обрезанными концами лопастей (30 экз., табл. 39, 12). Шесть наконечников имели трехгранную головку и очень короткую втулку (табл. 39, 6). Остальные типы представлены в количестве от 2 до 3 экземпляров. Таковы, в частности, наконечники, идентичные по форме с двумя вышеописанными, но отличающиеся лишь своими пропорциями или наличием шипа (табл. 39, 7—10, 13). Имеются также два трехлопастных наконечника с прямоугольными концами лопастей, два — с заостренными концами, и два комбинированных трехгранно-трехлопастных с едва выступающей втулкой (табл. 39, 11, 14—15).

Западнее скопления стрел выявлены обломки крупного сосуда и фрагменты двух мисок. Цвет сосудов варьирует от темно-серого до черного, на поверхности сохранились следы лощения, глина с примесями, обжиг хороший. Миски орнаментированы заштрихованными треугольниками; тулово крупного сосуда покрыто косой клеткой, заполненной в шахматном порядке скобочными выемками (табл. 39, 32, 38, 40).

Еще три крупных глиняных сосуда были установлены вдоль северо-западной стены камеры. Под обломками одного из них найдена миниатюрная черноглиняная мисочка. По цвету, фактуре и обжигу, а также по стилю декора они идентичны с вышеописанными сосудами (табл. 39, 33—35, 41).

Между крайним из этих сосудов и скелетом лошади было сложено компактной кучкой 10 округлых галек. Южнее, почти рядом с конем, найдено широкое бронзовое блюдо. По форме оно аналогично блюдам из курганов 9 и 10, но с двумя ручками. Ручки отлиты по восточной модели, поверхность декорирована рельефной имитацией витого шнура. Край блюда отогнут наружу, донышко окантовано рядом пунсоновых точек (табл. 39, 42). Найдены также две круглые золотые накладки, украшенные тисненными узорами в виде круглых шишечек и шестиконечной розеткой в центре. Одна из них лежала рядом с сосудом, другая в 0,8 м от него (табл. 39, 27).

Часть инвентаря относится к принадлежностям конской узда. Среди костей конского скелета обнаружены бронзовая ворворка и костяной столбик для перекрестных ремней (табл. 39, 46—47). В зубах лошади находились удила с псалиями. Удила железные, с отверстием подтреугольно-овальной формы на внешних концах (табл. 39, 43). Псалии костяные, трехдырчатые. Концы псалиев оформлены в виде головы бараногрифона и копыта лошади (табл. 39, 44—45).

Курган 16. По размерам этот курган резко выделялся среди всех остальных: высота 2,5 м, диаметр 42 м. Южная половина насыпи повреждена земляными работами (табл. 40, 1).

В центре насыпи во впадине на глубине 1,1 м под толстым слоем чернозема лежала грубо обработанная антропоморфная стела из серого туфа, высотой 1,44 м, шириной основания 0,53 м. Голова и плечи обозначены очень условно, посредством небрежных сколов, подбородок выделен слабым дуговидным желобком (табл. 41, 31).

Могила (6×6×4,5 м) была ориентирована углами строго по странам света. Заполнение ее состояло из обожженной докрасна глины, золы и частиц угля, а сверху она вместе с материковым выкидом была перекрыта тонким (5—6 см) слоем черного древесного перегноя, края которого прослеживались в радиусе 8—9 м от центра. Пол камеры, сильно обожженный, был засыпан 10—20-сантиметровым слоем рыхлой темно-серой глины (табл. 40, 2).

Погребение одиночное. Скелет выявлен в 1 м от северо-восточной стены. Анатомический порядок костей нарушен, но достаточно ясно, что скелет лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-восток. Перед погребенным параллельно телу лежали два железных меча плохой сохранности. Один из мечей имел золотую обкладку рукояти из тонкого листа, украшенную прямыми параллельными и крестообразно пересекающимися тисненными полосками; из такого же листа изготовлен и наконечник ножен (табл. 41, 1—2).

В изголовье покойника в восточном углу ямы были прослежены следующие вещи: обломок тонкой плиты из розового гранита с ровной, хорошо отшлифованной поверхностью (табл. 41, 32); фрагменты крупного черного сосуда с умеренно лощеной поверхностью, слабо-обожженного, из очень грубой глины (табл. 41, 38); чернолощенная чарка довольно хорошего обжига (табл. 41, 34); глубокая черная миска с загнутыми внутрь краями и прямыми и зигзагообразными нарезками на тулове (табл. 41, 35); бронзовое зеркало с рельефным ободком по краю и петлей в центре, на поверхности следы копыти (табл. 41, 25); три фигурные накладки из низкопробной золотой фольги, орнаментированные концентрическими кругами, точками и дуговидными линиями (табл. 41, 21—22); раковины каури (табл. 41, 20).

У северо-восточной стены, ближе к северному углу, найден еще один обломок плиты (табл. 41, 33).

Близ северо-западной стенки отмечена россыпь из 11 раковин устриц. 25 галек и фрагменты глиняного черного сосуда средней величины. К северу от этих вещей стояла широкая миска с нарезными симметрическими узорами на тулове (табл. 41, 36—37).

Обнаружены остатки железного пластинчатого панциря (табл. 41, 38), фрагменты двух бронзовых чаш (табл. 41, 23—24), бронзовый козырьчик с железным язычком (табл. 41, 26), железный наконечник стрелы (табл. 41, 8). Здесь же лежал кусочек реальгара и бронзовые наконечники стрел; второе скопление наконечников выявлено южнее человеческого скелета. Всего в погребении обнаружено 189 наконечников стрел. Они все бронзовые, с выступающей втулкой, двухлопастные, трехлопастные и трехгранные, многие с шипами на втулке (табл. 41, 9—18). В наибольшем количестве представлены короткие трехлопастные наконечники с шипом (95 экз; табл. 41, 17). Второй по численности тип — узкие трехгранные наконечники с шипом и двойными выемками у основания головки (42 экз; табл. 41, 14). Другие типы и их разновидности представлены в количестве от 1—2 до 10—15 экземпляров.

Южный угол был занят скелетами нескольких лошадей. Останки животных подверглись интенсивному воздействию огня и в большинстве своем превратились в белую порошкообразную массу кальцинированных костей, почти не поддававшихся расчистке. Поэтому установить число погребенных животных не удалось. Судя по фрагментам узда и по площади, занятой останками, можно говорить о 2—3 конских захоронениях, причем топография находок свидетельствует скорее в пользу юго-восточной ориентировки костяков.

Из-за плохой сохранности не совсем ясны также типы удилищ и псалиев. И те и другие (за исключением двух костяных псалиев) изготовлены из железа. Железные псалии трехпетельчатые, видимо, такие же, как в кургане 20 (см. ниже). Костяные же (к сожалению, также плохой сохранности) украшены клетчатыми нарезками и треугольными выемками. Их слегка изогнутая нижняя часть оканчивается изображением конского копыта, верхняя часть не сохранилась (табл. 41, 3—7; 28—30).

Курган 17 находился в 65 м к югу от предыдущего. Высота его 1,35 м от уровня современной поверхности, диаметр 19,5 м (табл. 42, 1). В каменной выкладке над ямой обнаружен надгробный камень — продолговатая туфовая глыба овальных очертаний, длиной 1,35 м. Профиль поперечное сечение камня неправильной формы. Орнамент занимает треть общей длины камня, и состоит из широких, пересекающихся под прямым углом желобчатых линий (табл. 43, 1). В верхнем слое могильной засыпки найдено несколько обломков маленького бронзового сосуда (табл. 43, 26).

Размеры погребальной камеры 4,2×4,2×4 м. Вдоль ее стен на дне сохранились канавки с частицами перегнившей древесины внутри (табл. 42, 2). Захоронение разрушено. Состав человеческих костей, которые были разбросаны по всей камере, свидетельствует, что оно скорее всего индивидуально.

Вперемешку с человеческими костями попадались разрозненные кости крупного животного — остатки жертвенной пищи. С погребальным ритуалом связаны, скорее всего, округлые гальки (3 шт.), лежащие в 2,3 м от восточного угла, а также найденные в 0,4—0,8 м от них обломок песчаниковой плиты, кусочек реальгара и узкий железный нож со слегка выгнутой спинкой (табл. 43, 5, 22).

Основная часть погребального инвентаря обнаружена в восточной стороне ямы, на площади около 4 кв. м. В восточном углу каме-

ры найден железный кинжал. Сохранность его неудовлетворительная: клинок распался на несколько частей, а рукоять почти целиком уничтожена коррозией (табл. 43, 20). Рядом с кинжалом лежал маленький бронзовый колокольчик, украшенный рельефными узорами в виде «бегущей спирали», вертикальных полос, точек и заштрихованных треугольников (табл. 43, 25). Далее на указанном участке площадки обнаружены фрагмент железного псалма (табл. 43, 21), бронзовый наконечник пожен (табл. 43, 23), костяная поделка с отверстием в середине (табл. 43, 24), четыре бронзовых столбика для перекрестных ремней (табл. 43, 26), один трехгранный и 35 трехлопастных бронзовых наконечников стрел с выступающими втулками, большая часть их с шипами (табл. 43, 37—40). Здесь же две золотые кольцевидные серьги с отверстиями на концах (табл. 43, 34—35), девять круглых накладок из низкопробной золотой фольги, украшенных тисненными геометрическими узорами (табл. 43, 41), пять круглых пуговиц с петельками, изготовленных из такой же фольги (табл. 43, 27—28), бронзовый проволочный браслет (табл. 43, 33), а также две бронзовые стержневые булавки (табл. 43, 31—32).

Разнообразны по форме и размерам бусины, изготовленные из окрашенной белой пасты (табл. 43, 16, 19), из черной пасты (табл. 43, 6, 10), янтаря (табл. 43, 7—9, 11—15), кости (табл. 43, 18), стекла (табл. 43, 17), золотой фольги (табл. 43, 30), — всего 35 экз.

В южном углу камеры собрано 20 раковин каури, лежавших вместе с обломками крупной чернолощеной корчаги с геометрическими узорами на тулове. Сосуд изготовлен из грубой глины с примесью песка и шамота, обжиг крепкий (табл. 43, 3). Рядом с сосудом найдены две бронзовые подвески (табл. 43, 42—43).

Фрагменты еще двух глиняных сосудов выявлены в 0,8 м от северо-западной стены. Один из них по цвету, составу глины и обжигу аналогичен корчаге. Форма не ясна. Узоры в виде крупных, покрытых сетчатой штриховкой ромбов были процарапаны на его поверхности уже после обжига (табл. 43, 4). Второй сосуд восстановлен частично: это изящная, средней величины корчага с блестящей чернолощеной поверхностью. В глине примесь песка, обжиг умеренный. Тулово и шейка корчаги украшены белоинкрустированными узорами в виде заштрихованных треугольников, косых насечек и пр. (табл. 43, 2).

Курган 18 высотой 1,5—1,7 м и диаметром 26 м располагался в 65 м от кургана 17 (табл. 44, 1). Могила размером 4,6×4,7×3 м находилась в центре кургана и была ориентирована углами по сторонам света. Погребение без надмогильной выкладки, не отмечены камни и в насыпи могилы. На стенах камеры прослежена тонкая прослойка серовато-сизого перегноя, очевидно, остатки камышовой циновки (табл. 44, 2).

Инвентарь, а также останки человека и лошадей занимали юго-восточную половину камеры. В другой ее половине обнаружен лишь обломок плиты из белого гранита, прислоненный к юго-западной стене (табл. 45, 42). В 1,8 м от него, на полу, — небольшое овальное кострище из древесного угля размером 0,45×0,5 м.

В 0,5 м от юго-западной стены выявлен скелет человека, обсыпанный сверху незначительным количеством древесных угольков и лежавший скорченно, на правом боку, головой на юго-восток. Перед лицевой частью черепа лежали две бронзовые стержневые булавки (табл. 45, 38—39) и свыше полусотни бусин из янтаря (табл. 45, 17—25), черной и белой пасты (табл. 45, 3—5, 9—10, 14, 12—13, 16), стекловидной массы (табл. 45, 7, 11, 15), фаянса (табл. 45, 1—2, 6). В изголовье найдены железный наконечник копья и бронзовое зеркало. Наконечник с длинной конусовидной втулкой и сравнительно ко-

металлическим пером (табл. 45, 26). Зеркало дисковидное с высоким бортиком и высокой ручкой—столбиком, украшенной фигуркой горного козла с подогнутыми под себя ногами и повернутой назад головой (табл. 45, 37).

В южном углу расчищены четыре глиняных сосуда различной степени сохранности. Это средней величины чернолощенный кувшин с вздутлой в сечении ручкой и желобчатыми узорами на поверхности, чернолощенная чарка, украшенная по ребру тремя горизонтальными рядами крестовидных насечек с белой пастой внутри, и две мяски. Одна миска светло-серого цвета, орнаментирована тройными вертикальными нарезами и семечковидными вдавлениями вдоль верхнего края, другая меньшего размера, чернолощенная, с белоинкрустированными узорами в виде заштрихованных треугольников. Все сосуды с примесью песка, обжиг хороший, первые два сосуда пока не реставрированы (табл. 45, 30—33). Вместе с обломками керамики лежало 6 раковин каури (табл. 45, 8).

У юго-восточной стенки, в 0,5 м от сосудов, найдены колокольчик и кинжаловидная подвеска. По форме, размерам и декору колокольчик идентичен с такими же находками в других курганах (табл. 45, 36). Кинжаловидная подвеска обычного кобанского типа, в кочевническом комплексе она встречена впервые (табл. 45, 40). Вместе с ними найдены и фрагменты бронзового диска с бортиком по краю и петлей в центре (табл. 45, 41).

Восточную часть ямы занимали плохо сохранившиеся скелеты трех лошадей, лежавших на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Среди костей животных найдены костяное перекрестье для ремней и бронзовая ворворка (табл. 45, 43—44). Во рту каждой лошади находились железные удила, причем в удовлетворительном состоянии зафиксирован лишь один экземпляр. Концы удила расплющены и в них пробито по одному отверстию для ремней, псалии костяные, с одним зооморфным концом (табл. 45, 28, 34—35). Остальные удила сохранились значительно хуже. Имеются обломки с двумя петлевидными концами стержней. Псалии к ним железные, но форма их осталась неясной (табл. 45, 27, 29).

Курган 19. Высота кургана 1,3 м, диаметр 25 м (табл. 46, 1). Квадратная в плане могила располагалась под центральной частью насыпи. Размеры ее 3,5×3,6×3,5 м, ориентировка углами по странам света. В насыпи вместе с темно-серым грунтом отмечены также частицы древесного угля и некоторое количество жженой красной глины. На стенках местами следы перегоя серовато-пепельного и черного цвета, возможно, от пиновки. Углы камеры с широкими округлыми выступами (табл. 46, 2).

На отдельных участках дна ямы отмечена черная сажистая прослойка, видимо, от подстилки.

Просторная погребальная камера оказалась почти совершенно пустой. Каких бы то ни было человеческих останков обнаружить не удалось; не исключено, что данное погребение представляет собой кенотаф.

Отдельные разрозненные кости животного, судя по копытам, лошади, обнаружены в восточном углу и в центре могилы. Рядом с костями, ближе к центру, отмечено скопление из закопченных округлых галек. Здесь же два бронзовых столбика для перекрестных ремней (табл. 46, 9—10). В углу вместе с костями лежали 5 раковин каури и обломки чернолощенной корчаги вперемешку с фрагментами миски. На венчике корчаги имеется слабо выраженный слив, тулово орнаментировано нарезными линиями. В глине содержится примесь песка, обжиг великолепный (табл. 46, 3). Миска характеризуется теми же при-

знаками, но лощение у нее было слабое. Украшена узорами в виде треугольников (табл. 46, 4).

В 30 см от сосуда найдены костяной цилиндрический столбик и обломок железного ножа (табл. 46, 11, 13). Рядом с ними длинный железный наконечник копья с продольным ребром на персе (табл. 46, 5).

В 0,7 м от юго-восточной стены лежали пять бронзовых наконечников стрел. Два из них имеют овально-ромбическую двухлопастную головку и слабо выступающую втулку (табл. 46, 6). Еще два наконечника — трехгранные, с короткой втулкой и шиповидно заостренными концами граней (табл. 46, 8). Третий тип наконечников представлен лишь одним экземпляром — трехгранным, с овально-ромбической головкой, двойными вертикальными выемками на гранях и шипом на втулке (табл. 46, 7).

Курган 20. Располагался в 20 м к западу от кургана 19. Высота насыпи 1,3—1,6 м, диаметр около 30 м (табл. 47, 1). Могила размером 6×6,4 м и глубиной 3,9 м была ориентирована углами по странам света. До глубины приблизительно 0,8 м могильная засыпь не отличалась по структуре от насыпи кургана; далее, вплоть до дна ямы, следовал серый комковатый грунт вперемешку с золой и частицами древесного угля, сконцентрированного, главным образом, в нижних слоях засыпи и на полу. В могиле поверх серого грунта в центре был установлен в вертикальном положении камень длиной 1,05 м. Для устойчивости снизу к нему было подложено несколько мелких булыжников, а затем все это скреплено между собой некоторым количеством обожженной докрасна и тщательно утрамбованной глины (табл. 47, 2). Скелет с нарушенным порядком костей верхней половины и без черепа выявлен в 0,7 м от северо-восточной стенки. Возможно, в данном случае имело место преднамеренное расчленение трупа при захоронении, но скорее всего скелет был разрушен грабителями. Судя по костям ног, покойник был захоронен скорченно, на левом боку, головой на юго-восток.

Помимо останков человека, в погребении расчищены скелеты нескольких лошадей. Два из них лежали в центре камеры, на левом боку, головами на восток и юго-восток. Два других обнаружены в южном углу камеры; лошади лежали здесь на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток.

Погребение, как и в кургане 9, резко выделяется богатством сопровождающих вещей.

В непосредственной близости от человеческих останков, в ногах погребенного выявлено около ста костяных пластинок от панциря. Они прямоугольной формы, с одной закругленной стороной, в верхней части имеется по три узких отверстия, расположенных либо в ряд, либо треугольником (табл. 48, 36—37). Южнее скелета лежал фрагмент плиты из светло-охристого песчаника, подпрямоугольный с закругленными углами и слегка выгнутыми краями. Поверхность ее тщательно зашлифована с обеих сторон (табл. 48, 51). Обломок второй плиты, также песчаниковой, найден в 1,4 м от северо-западной стены (табл. 48, 52). Рядом с первым фрагментом стояла раздавленная черноглиняная корчага из довольно грубой глины, но хорошего обжига. Тулово декорировано широкими желобчатыми полосами в виде чередующихся между собой двойных параллельных и крестообразно пересекающихся линий (табл. 48, 44). Здесь же чернолощенная миска, украшенная тройными вертикальными нарезками с белой пастой и косыми насечками вдоль верхнего края (табл. 48, 46). Около сосудов литой бронзовый шлем так называемого «кубанского типа». Он полусферической формы, с вырезом для глаз в виде двойной арки, окантованной рельефным валиком. Вырез имеется и сзади, в затылоч-

той части. Вдоль нижнего края шлема по окружности (кроме переда) расположено в ряд девять отверстий для крепления кожаной бармицы, вверху маленькая петелька (табл. 48, 24).

У юго-восточной стенки, перед мордой одного из коней, стояла глиняная корчага с обломками маленькой чернолощенной чарки внутри. Корчага была довольно крупных размеров, цвет ее черный, поверхность лощеная. В глине примесь песка, обжиг хороший. Узоры — чередование параллельных и зигзагообразных желобков; по линии стыка желобков нанесены точечные наколы (табл. 48, 49). Чарка с низким приплюснуто-ребристым туловом и высокой, плавно сужающейся шейкой украшена заштрихованными треугольниками (табл. 48, 47).

Восточнее плиты и шлема в углу обнаружено скопление различных предметов: бронзовая клепаная ситула кобанского типа с двумя деформированными ручками (табл. 48, 41); широкое одноручное блюдо из листовой бронзы, богато декорированное прямыми радиальными линиями, ромбами и концентрическими кругами (табл. 48, 38); две бронзовые кобанские чаши с квадратными отверстиями на дне (табл. 48, 40, 42); средней величины чернолощенный кувшин с изящным туловом и овальной в сечении ручкой; в глине примесь песка, обжиг хороший, тулово и шейка орнаментированы несложным геометрическим узором (табл. 48, 43); глиняная чернолощенная миска с вложенной в нее одноручной чаркой (табл. 48, 45, 48); две бронзовые иголки с обломанными концами (табл. 48, 56—57); бронзовая овальная в сечении ажурная литая обойма (табл. 48, 63); бронзовое дисковидное зеркало с длинной железной ручкой (табл. 48, 53). Примечательны четыре круглые накладки из золотой фольги, украшенные тисненными узорами в виде «бегущей спирали», кругов и ромбовидным солярным знаком (табл. 48, 54).

Такая же накладка меньшего диаметра, орнаментированная двумя пересекающимися рядами кольцевидных насечек (табл. 48, 61). Из украшений имелись также две полуовальные накладки из золотой фольги с тисненными узорами (табл. 48, 59—60), две полусферически выгнутые бляшки из золотой фольги (табл. 48, 64), две золотые пуговицы с петелькой на обороте (табл. 48, 55), два полых бубенчика из золотой фольги, изготовленные из полусферических колпачков; на обороте имеют по одной петельке (табл. 48, 65). Рядом с глиняной миской обнаружены бронзовые наконечники стрел, лежавшие компактно. Всего их 54 экземпляра; большая часть наконечников с очень короткими втулками (2 экз. — с внутренней втулкой; рис. 48, 33). По форме головок делятся на двухлопастные, трехлопастные и трехгранные, многие с шипами. Преобладают трехгранные наконечники с едва выступающей втулкой (12 экз.; табл. 48, 34). Далее следуют двухлопастные наконечники с овально-ромбической головкой, с шипом (10 экз.; табл. 48, 29) и без шипа (9 экз.; табл. 48, 28). Остальные представлены в количестве от 1—2 до 5—6 экземпляров.

Железный наконечник копья относительно хорошей сохранности с продольным ребром на узком листовидном пере лежал перед скелетом погребенного, в 0,75 м от его колен (табл. 48, 23).

В 0,5—0,6 м от северо-западной стены камеры, на расстоянии 1,6 м друг от друга, лежали две компактные группы галек по 33 и 89 штук. Между ними выявлены кости животного (возможно, овцы), а из вещей, кроме упомянутого выше обломка второй плиты, многочисленны фрагменты черноглиняного сосуда, круглая костяная пряжка срубного типа (табл. 48, 62) и бронзовое блюдо. Глиняный сосуд орнаментирован треугольниками, покрытыми параллельной штриховкой и точечными вдавлениями, поверхность лощеная, обжиг хороший (табл. 48, 50). Блюдо такое же, как и в изголовье погребенного, но орнаменти-

ровано проще: несколько концентрических кругов с зигзагообразными линиями между ними (табл. 48, 39).

Многочисленны предметы конского снаряжения. У двух лошадей в центре камеры и удила, и псалии были железными. Особенно интересны удила у лошади, лежавшей ближе к восточному углу. Внешние концы этих удили имели по два сквозных отверстия (табл. 48, 16). Удила, найденные со вторым костяком, однокольчатые (табл. 48, 13). Псалии сохранились хуже; судя по фрагментам, они были длинные и трехпетельчатые, с одним изогнутым концом (табл. 48, 14—15, 17).

Арханчен конский набор, обнаруженный с двумя другими скелетами близ южного угла ямы. Он включал две пары литых бронзовых удили со стремечковидными концами, причем одна пара лежала среди перемешанных костей и, скорее всего, являлась «запасной» (табл. 48, 1—4). Псалии (8 экз.) железные, в виде длинных четырехгранных в сечении стержней с одним изогнутым концом и тремя выступающими петлями в средней части, сохранность их различна (табл. 48, 5—12). Здесь же, около черепа одной из лошадей, найдена круглая накладка из тонкого листа низкопробного серебра (табл. 48, 58).

Остальные предметы конского набора изготовлены из бронзы. Это один цилиндрический столбик для перекрестных ремней, четыре ажурные бляхи с квадратным щитком и петлей на обороте, четыре кольца от подпруги с клюновидными выступами, а также две большие и пять маленьких ворворок (табл. 48, 18—22).

Курган 21. Высота кургана 1,45 м, диаметр около 20 м. Погребальная яма со сторонами 3,8×3,4 м и глубиной 3,45 м располагалась под центром насыпи. На стенках ее прослеживался тонкий слой сизовато-серого перегноя. Костей человека не обнаружено (табл. 49, 1—2). В центре и близ юго-западной стены ямы выявлено до 10—15 костей крупного животного, лежавших в полном беспорядке. Вероятнее всего, это остатки жертвенной пищи.

Инвентарь располагался преимущественно в центральной части погребальной камеры. Здесь, в 0,9 м от юго-восточной стены, лежали 8 галек, а рядом с ними фрагментированная чернолощеная миска. Верхняя часть ее украшена нарезными узорами в виде заштрихованных треугольников и зигзагообразных полосок из 3—4 параллельных линий. В глине обильная примесь песка, обжиг сосуда умеренный (табл. 51, 19).

Рядом с миской лежали одна большая и четыре маленькие костяные застёжки (табл. 51, 18, 21), а также костяной наконечник кинжальных ножен в виде стилизованной фигуры свернувшегося в кольцо хищника, возможно, пантеры (табл. 51, 20).

У юго-восточной стенки найден маленький отщеп кремня, а в 30 см от миски — аморфный кусочек синей пасты (табл. 51, 23, 25).

Поблизости от галек лежал небольшой железный нож с выгнутой спинкой. Кончик ножа обломан, на черенке сохранились частицы древесины от ручки (табл. 51, 22). Южнее компактно лежали 43 наконечника стрел. Один наконечник костяной пулевидный (табл. 51, 17), все остальные бронзовые, с выступающими втулками. В наибольшем количестве найдены трехлопастные с овально-ромбической головкой и шипом на втулке (14 экз.; табл. 51, 7). Другие типы и их варианты исчисляются в количестве от 1—2 до 4—5 экземпляров (табл. 51, 1—6, 8—16).

В 0,8 м от юго-западной стенки, среди костей животного, обнаружен бронзовый столбик для перекрестных ремней (табл. 51, 24).

Курган 22 высотой 1,9—2,2 м и диаметром 32—33 м располагался в 25 м западнее предыдущего. Могильная яма квадратная, со сторонами 5,6×5,6 м, глубина ее 4,5 м. На дне вдоль стенок сохранилось

в одной узкой канавке с частицами перегнившей древесины внутри (табл. 50, 1—2).

Останки человека крайне неудовлетворительной сохранности: в 1,3 м от южного угла камеры лежали 4—5 ребер, а несколько западных фрагменты черепа.

У северо-восточной стены, почти вплотную к ней, лежал скелет лошади без черепа. Близ шейных позвонков коня обнаружены два бронзовых столбика для перекрестных ремней цилиндрической формы: одно короткое, с четырьмя круглыми отверстиями, другое — вдвое длиннее, с тремя узкими овальными прорезями (табл. 51, 26—27).

В южном углу могилы стояло несколько сосудов. Один из них — раздавленная чернолощенная корчага из очень грубой глины с обильной примесью песка. Поверхность местами отслаивается, несмотря на хороший обжиг. Узоры нарезные белоникрустированные, в виде треугольников со штриховкой и точечными вдавлениями (табл. 51, 33). Рядом с корчагой и внутри нее найдены две чарки: одна маленькая серолощенная, без узоров, другая — несколько крупнее, с ложновитой ручкой и неглубокими вертикальными каннелюрами на чернолощенном тулове (табл. 51, 32, 34). Западнее этих сосудов найдено широкое одноручное бронзовое блюдо, аналогичное найденным в курганах 9, 10, 20 и др. Оно орнаментировано зигзагами и радиально расходящимися от донышка прямыми линиями. Еще один бронзовый сосуд — кобанская чаша — лежал у северо-западной стены погребения. К сожалению, сохранность обоих сосудов очень плохая.

В непосредственной близости от сосудов обнаружены обломок крышки от глиняной чарки, маленький однолезвийный нож, железный наконечник копья с коротким узким пером, и трехгранный втульчатый наконечник стрелы (табл. 51, 28, 30, 31, 35). В 0,6 м от северо-западной стены найдена длинная бронзовая игла (табл. 51, 29).

Курган 23. К моменту раскопок насыпь его была полностью разрушена; местоположение кургана выявлено лишь по незначительному скоплению булыжных камней, видимо, от надмогильной выкладки. Можно полагать, что высота кургана не превышала 0,4—0,5 м, а диаметр был 10—15 м.

Размеры могилы 2,9×2,9 м, глубина 1,4 м от древней поверхности. Вдоль ее стен прослежены канавки, в засыпи встречались булыжные камни (табл. 52, 1). Останки человека не обнаружены, можно полагать, что погребение являлось кенотафом.

В центральной части камеры, на расстоянии 0,7 м друг от друга, найдены два фрагмента тонкой песчаниковой плиты с зашлифованной лицевой поверхностью (табл. 53, 17—18), а в 0,35 м от ее юго-восточной стены лежали пять округлых галек.

Вдоль юго-западной стены лежал скелет лошади. Положение его не совсем ясно: очевидно, вначале животное было положено на живот с подогнутыми ногами, головой на юго-восток, но затем оно несколько завалилось на левый бок. Отдельные кости этого же скелета обнаружены и в других частях погребения, возможно, они перенесены грызунами.

Удила находились не во рту, как обычно, а под нижней губой. Изготовлены они из двух железных, слабо перебитых по оси стержней, концы которых согнуты в кольцо (табл. 53, 2). Вместе с удилами найдены два костяных трехдырчатых псалия. Верхние концы псалиев сформлены в виде головы фантастического животного (табл. 53, 4—5). У шен лошади лежал костяной столбик для перекрестных ремней (табл. 53, 15).

По обе стороны черепа лошади стояли два раздавленных крупных чернолощенных сосуда. Один из них, стоявший в южном углу камеры, неорнаментирован. Другой, с круглой в сечении ручкой, украшен верти-

кальными слабо выраженными каннелюрами и двумя рядами косых насечек, образующих елочный узор. Глина с примесями, обжиг умеренный (табл. 53, 3, 6).

Рядом со вторым сосудом лежал боевой железный топорик с длинным и узким, слегка изогнутым корпусом (табл. 53, 1).

Недалеко от северного угла расчищены остатки жертвенной пищи — нижняя челюсть и несколько ребер овцы, а в 15—20 см от северо-восточной стены компактно располагались кусочки желтовато-серого полупрозрачного кремния (табл. 53, 16) и 95 бронзовых наконечников стрел 8 типов. За исключением одного (табл. 53, 14), они все с выступающими втулками, многие с шипами. Преобладают наконечники с комбинированной трехгранно-трехлопастной головкой и шипом (44 экз.; табл. 53, 9). Кроме того, имелись два десятка трехлопастных без шипов, с лопастями, обрезанными под углом 45 градусов (табл. 53, 8). Еще 15 наконечников подобной формы имеют на втулке шипы (табл. 53, 10). Остальные типы и разновидности насчитывают по 1—3 и по 6—7 экземпляров. Все они (за исключением упомянутого выше трехгранного) трехлопастные, без шипов, у большей части их концы лопастей обрезаны под прямым углом, или шиповидно заострены.

Курган 24. Этот маленький, высотой 0,6 м и диаметром около 11 м, курганчик находился в 37 м к северо-востоку от кургана 1. Стратиграфия насыпи такая же, как и у большинства остальных (табл. 52, 2).

Погребальная камера почти квадратная, (3×3,3 м), ориентирована углами по странам света, глубина ее 2,6 м (табл. 52, 3). В центре могилы обнаружены перемешанные остатки индивидуального захоронения.

В юго-западной части лежал скелет лошади, ориентированный на юго-восток. Вероятно, вначале он лежал на животе с подогнутыми ногами, а впоследствии завалился на левый бок. Среди человеческих останков найдены фрагмент железной обоймы, полая золотая бусина (табл. 53, 30, 33) и 15 бронзовых наконечников стрел. Преобладают трехлопастные наконечники с очень короткой втулкой и заостренным концом одной лопасти (8 экз.; табл. 53, 22), а также наконечники с заостренными концами всех трех лопастей (3 экз.; табл. 53, 21). Два наконечника имели комбинированную головку с внутренней втулкой (табл. 53, 25), другой — также с внутренней втулкой, трехлопастный (1 экз.; табл. 53, 24). Последний тип наконечников — с комбинированной трехгранно-трехлопастной головкой, короткой втулкой и заостренным концом одной лопасти (1 экз.; табл. 53, 23).

Перед скелетом лошади выявлены многочисленные обломки чернелощеного одноручного сосуда среднего обжига. Тулово украшено несложным геометрическим узором (табл. 53, 31—32).

В 0,7 м от восточного угла камеры лежал железный наконечник келья с широким основанием пера и короткой втулкой (табл. 53, 19).

Близ черепа и шейных позвонков коня обнаружены бронзовый столбик для перекрестных ремней (табл. 53, 26) и четыре бронзовые бляшки с петельками на обороте. Одна бляшка изготовлена в виде головы кабана, остальные — головок грифонов (табл. 53, 20, 27—29).

* * *

Даже визуальное знакомство с материалами из Нартана свидетельствует об определенной общности в конструкции погребальных сооружений и в деталях погребального ритуала исследованного могильника. В большинстве своем курганы имели простые земляные насыпи, обложенные сверху слоем булыжника. Они содержат по одной могиле, близкой по пропорциям к квадрату и ориентированной углами по странам света, иногда с отклонениями. В ряде случаев над ямой за-

фиксированы квадратные надмогильные выкладки из 3—4 слоев булыжника. Доминирующей тенденцией погребального обряда можно считать скорченное положение погребенных, а также наличие в камере конских скелетов со сбруей, керамики, оружия и жертвенной пищи. Последнее представлено костями крупного и мелкого скота, а в кургане 15 — скелетом молодого бычка. Конских захоронений не оказалось лишь в курганах 6, 7, 9, 17, 21, но едва ли это обстоятельство свидетельствует о нарушении традиции. Скорее оно обусловлено имущественным положением покойников, а отсутствие коня компенсировано принадлежностями сбруи. Такое объяснение неприменимо лишь в отношении кургана 9 с его необычайно богатым инвентарем. Очевидно, в данном случае имели место какие-то субъективные причины, а в качестве «компенсации» можно рассматривать три бронзовых конских колокольчика.

Указанной общности соответствует и общность основных элементов материальной культуры, а также единство Нартанских курганов в «социологическом» плане, отражающее принадлежность погребенных к привилегированной прослойке общества. Действительно, такие погребения — в огромных камерах, с обильным и разнообразным инвентарем, с останками верховых коней и обязательным наличием оружия — трудно связать с какой-либо категорией населения, кроме представителей военной знати. Сама по себе принадлежность к данной категории, видимо, еще не означала абсолютное равенство «имущественного ценза», и не случайно инвентарь курганов отражает ощутимую внутрисословную дифференциацию в имущественном положении погребенных — достаточно сравнить, например, комплексы 9 и 10 или 20 и 21.

Интересно в этом отношении захоронение в кургане 16. Из всех Нартанских курганов он был наиболее крупный и выделялся относительно сложным погребальным ритуалом. К сожалению, он оказался почти полностью ограбленным, но уже и то, что сохранилось от инвентаря, дает основания поставить его в один ряд с такими богатыми комплексами, как захоронения в курганах 9 и 20. Примечательная деталь: если в курганах 11, 17, 20 камни-стелы устанавливались на надмогильной выкладке (или даже чуть ниже, как в кургане 20) и, следовательно, были скрыты под курганной насыпью, то в кургане 16 антропоморфная стела первоначально была установлена на вершине насыпи, с тем чтобы наряду с размерами самого кургана подчеркнуть особый социальный статус покойника. Последнее как будто подтверждается и двумя железными мечами, служившими в раннескифское время, помимо своего прямого назначения, еще и атрибутами власти¹. Полагаю, что в кургане 16 было захоронение не просто знатного воина, а скорее родоплеменного вождя или старейшины.

Интересны в социологическом плане и парные захоронения в курганах 2—4, 6—9, 11, 15. В них кости одного из погребенных, как правило, находились с нарушением анатомического порядка, но тем не менее все мало-мальски ценные вещи инвентаря с наибольшей вероятностью могут быть связаны именно с этими перемешанными останками. Второй покойник чаще всего не потревожен и отличается бедностью (или даже отсутствием) погребального инвентаря.

Подобная ситуация, как мне кажется, отражает принципиальное различие в социальном статусе погребенных: покойники с бедным инвентарем являлись насильственно умерщвленными лицами — рабами, заложниками и т. д. Возможно, этим объясняется и то, что ни в одном из погребений останки двух покойников не зафиксированы рядом — обычно они находятся в разных частях камеры. Иногда можно пред-

¹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, М., 1964, вып. Д1—4, с. 46.

полагать и различия этнического характера. Рассмотрим, например, ориентировку погребенных, которую принято относить к числу наиболее существенных этнических показателей. Труположение «свободных» покойников (включая сюда и данные одиночных захоронений) поддается определению в курганах 2, 16, 18 и 20. Они лежали скорченно, на боку, головой на юго-восток. «Социально зависимые лица» при той же позе ориентированы преимущественно на юго-запад. И если в данном случае мы действительно имеем дело с фактами насильственного умерщвления «социально зависимых» и этнически инородных лиц, то представляется допустимым видеть хотя бы в некоторых из жертв этого ритуала представителей кавказских аборигенов. В пользу такого предположения свидетельствует, как мне кажется, сочетание свойственной «кобанцам» скорченности костяков с очевидно кобанским обликом сопровождающих их предметов в курганах 6, 8, 9 — железных и костяных наконечников стрел, бронзовых браслетов, колечек, булавок с цепочками, и т. п. (табл. 21, 6—12, 19—22; 25, 11, 15, 26—27; 27, 24, 29—30, 34).

Наряду с приведенными чертами сходства Нартанские комплексы обнаруживают и существенные различия, на которых я остановлюсь ниже.

Вероятность принадлежности Нартанских курганов к кругу местных (по этнокультурной атрибуции) памятников более чем сомнительна. Особенности и детали конструкции погребальных сооружений, равно как и фиксируемый в них погребальный ритуал, ни в коей мере не согласуется с имеющимися представлениями о кобанской культуре Центрального Кавказа, а исключительное богатство инвентаря отражает куда более высокий уровень социально-имущественной стратификации, чем это можно предполагать в отношении кобанских племен. Вместе с тем эти же самые особенности в том или ином сочетании и в различной степени локальной трансформации присущи культурам «скифского мира», распространенным в эпоху раннего железа на обширных пространствах Великого пояса Евразийских степей. В данном случае курганы могут быть связаны только с ираноязычными кочевниками скифо-савроматского круга.

Рассмотрим вкратце некоторые из ведущих категорий погребального инвентаря.

Наиболее многочисленна керамика. Общим для всех сосудов признаком является черный или темно-серый цвет, лощеная поверхность, примеси в глине и хороший обжиг. Орнамент преимущественно нарезной (часто с белой пастой), геометрический — зигзаги, ромбы, треугольники в различных комбинациях. Узоры крупных сосудов сложнее и разнообразнее, чем у мелких. К сожалению, почти все крупные сосуды оказались раздавленными. Те, что удалось восстановить, относились к типу корчаг с высокой, плавно сужающейся кверху шейкой и трубным венчиком (табл. 11, 1; 31, 2; 43, 2; 48, 44). Некоторые из крупных сосудов с одной ручкой, а иногда и слабо выраженным сливом (табл. 31, 1; 48, 43). Много чарок разных размеров и пропорций: приземистых или высоких, иногда изящных геометризованных очертаний. Разнообразны варианты мисок. Бортики у них чаще всего изогнуты либо наружу, либо вовнутрь сосуда, иногда же они почти прямые.

По форме и декору сосуды Нартана тождественны сосудам кобанской культуры² и не имеют даже отдаленного сходства с собст-

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XIX, 1, 4, 8, XXII, 1—4, XXXI, 1; Батчаев В. М. К вопросу о датировке Каменноостовского могильника (в свете раскопок 1971 г.). — В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, рис. 24.

венно скифской или собственно савроматской керамикой. Ведущее значение местных традиций в данном случае совершенно очевидно независимо от того, поступала ли керамика к кочевникам в порядке обмена или изготовлялась ими по кобанским образцам. Местными по происхождению являлись и некоторые бронзовые сосуды, например, такие, как ситупа с зооморфными ручками из кургана 20, а также чаши, которые найдены в погребениях и в верхних слоях засыпи (в виде мелких обломков) в курганах 5, 6, 9, 11, 12, 16, 17, 20, 22 (табл. 19, 10; 27, 19; 31, 9; 33, 18; 41, 23—24; 43, 26; 48, 40—41). На днищах чаш пробито по квадратному отверстию; очевидно, в похоронном ритуале степняков их применение отличалось от кобанского.

Некоторые типы сосудов, например, глиняные кувшины с ручкой и сливом или бронзовые блюда с 1—2 ручками (табл. 27, 18; 29, 2; 39, 42; 48, 38—39), связать с местными формами пока затруднительно. Металлические блюда такого типа нехарактерны для кобанской культуры, но орнамент на них кавказский, встречающийся на кобанских и колхидских бронзовых вазах, кружках и мисках³.

Заметное место занимают в Нартанских комплексах оружие и защитный доспех. Почти в каждой могиле обнаружены наконечники стрел в количестве от 1—3 до 100 и более экземпляров. Большинство их бронзовые, степных форм. Типы чрезвычайно разнообразны, а хронологический диапазон их довольно широк. Здесь не представляется возможным рассмотреть каждый из этих типов в отдельности; отмечу лишь, что, на мой взгляд, они очень близки к колчаным наборам из кочевнических комплексов VI в. (а некоторые даже VII—VI) до н. э.⁴ Вместе с тем в курганах 1, 4, 5, 8, 24 найдены наконечники, характерные главным образом для V—IV вв. до н. э.⁵ (табл. 11, 17, 19; 16, 18; 19, 25; 25, 17, 25; 53, 25).

Костяные и железные наконечники единичны. Они (за исключением пулевидных) более характерны для вооружения местных племен и датируются в пределах VI—III вв. до н. э.⁶ (табл. 16, 20; 19, 27—28; 25, 15, 26—27; 27, 30).

Железные наконечники копий обнаружены в количестве 10 экземпляров (2 экз. в кургане 2, и по одному в курганах 1, 9, 16, 18—20, 22, 24). Полагают, что форма их заимствована кочевниками Предкавказья у кобанцев⁷. Нартанские наконечники также местные по происхождению⁸. Только крупный и изящный наконечник копья из кургана 19

³ Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965, табл. XVIII, 12; Тевхов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, рис. 73-а; его же. Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.). Тбилиси, 1980, табл. 93, 5; его же. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М., 1980, рис. 20, 6.

⁴ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, рис. 3—4; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, рис. 11, А-1—11, В-5—7; 12, б-1, а-2—5, д-1—2; 13, А-2—12; И-1—2, 14, А-1—15, Ж-1—5; Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 6, А-1—3, 6, Г-1—2, Е-1—4, Ж-1—4, Л-2—8, О-1—22.

⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, рис. 16-А, 5-16, 16-Б, 49-51, 19-А, 18, 46, 69, 24, 33—34; табл. II-В, 123—124, У-В, 12, 17; Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 8, В-4, Е-6, 7, И-4, Н-13.

⁶ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 286; Марковин В. И. Скифские курганы у селений Гойты (Чечено-Ингушетия). — СА, 1965, № 2, с. 171; Виноградов В. Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. КБНИИ, Нальчик, 1967, с. 134; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 98; Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 23.

⁷ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 122.

⁸ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, табл. XII, 4, LXII, 3—7, LXIII, 3—5; Мунчаев Р. М. Луговой могильник. — В сб.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, рис. 4, 1—6, 9, 3, 7, 13, 6, 8; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., рис. 31, 1—3, 45, 2—3, 5—9, 59, 1—9.

(табл. 46, 5) аналогичен некоторым бронзовым наконечникам Закавказья⁹.

Специфически местным видом оружия является и железный боевой топорик из кургана 23 (табл. 53, 1)¹⁰.

Защитный доспех представлен пластинками от панцирей и шлемом. Пластинки обнаружены лишь в пяти погребениях; причем в двух случаях они были железные (в курганах 1 и 16; табл. 11, 6—7; 41, 19), еще в двух — железные и бронзовые (в курганах 4 и 15; табл. 16, 13—15; 39, 28—30), в одном костяные (в кургане 20; табл. 48, 36—37). Ими, очевидно, прикрывалась лишь часть кожного панциря. Только панцирь из погребения в кургане 1 мог быть покрыт ими полностью. Такие панцири были заимствованы кочевниками в Передней Азии¹¹.

Литой бронзовый шлем, найденный в кургане 20 (табл. 48, 24), аналогичен раннескифским шлемам так называемого «кубанского типа». Из шести таких шлемов, известных на Северном Кавказе, пять обнаружены в курганах VI в. до н. э. в Прикубанье (у станиц Келермесской и Крымской), а один — в разрушенном кургане близ с. Гвардейское в Чечено-Ингушетии¹².

Принадлежности конского снаряжения выявлены во всех погребениях (за исключением кургана 1) независимо от того, имелись в них конские скелеты или нет. Но не во всех случаях они составляли полный комплект: если в одних погребениях найдены удила, псалии, ременные бляхи, ворворки и пр., то в других — лишь по 1—2 столбика для перекрестных ремней или бронзовые колокольчики. Последние, очевидно, подвешивались к шее коня и служили амулетами¹³.

Архаичны по форме бронзовые удила со стремечковидными концами из курганов 12 и 20 (табл. 33, 32; 48, 1—4). Появляются они еще в предскифское время¹⁴, но в данном случае по типу псалиев их можно датировать первой половиной VI в. до н. э. К этому же периоду следует отнести и их железные дериваты¹⁵ типа найденных в кургане 15 (табл. 39, 43), а также железные удила из курганов 14 и 20, аналогичные бронзовым одноколычатым удилам киммерийского времени (табл. 37, 1—3; 48, 13). Уникальны для Центрального Кавказа железные удила с двуколычатыми концами из погребения в кургане 20 (табл. 48, 16). Генетическая связь их с бронзовыми удилами VIII—VII вв. до н. э. вполне очевидна. Интересно, что здесь они (хотя и в виде деривата) впервые встречены в одном комплексе с бронзовыми стремевидными удилами¹⁶.

Не совсем обычного типа удила обнаружены в курганах 10, 12 и 18. Состоят они из двух коротких стержней, плавно расширяющихся по направлению к внешним концам, на которых пробито по одному узкому отверстию. В первом случае в эти отверстия вдеты подвижные

⁹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 74-6, 75, 76.

¹⁰ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 249—250.

¹¹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 73; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 56.

¹² Виноградов В. Б. Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии. — В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 275—276.

¹³ О назначении колокольчиков в качестве амулетов см.: Трапш М. М. Труды. Сухуми, 1969, т. 2, с. 74.

¹⁴ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, № 18, с. 100—102; Козенкова В. И. Кубанская культура. Восточный вариант. — САИ, М., 1977, вып. 25, табл. XVII, 10.

¹⁵ Смирнова Г. И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долины. — АСГЭ, 1977, № 18, с. 39; Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 109—110.

¹⁶ Нехарактерность такого сочетания отмечалась в литературе неоднократно (см.: Иессен А. А. Некоторые памятники..., с. 127; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 160).

кольца (табл. 29, 4), во втором удила с железными трехпетельчатыми псалиями (табл. 33, 28, 29, 31), в третьем — с костяными трехдырчатыми (табл. 45, 28, 34—35). Аналогии таким удилам мне неизвестны. По форме псалиев удила из курганов 12 и 18 можно датировать в пределах VI в. до н. э. Сложнее обстоит дело с удилами из кургана 10. Удила с подвижными кольцами появляются не ранее конца V века до н. э.¹⁷, однако во всех известных мне случаях и внутренние и внешние петли их образованы сгибом концов стержня. Здесь же они идентичны с двумя предшествующими, и по аналогии с ними могут датироваться (конечно, ориентировочно) либо концом VI, либо рубежом VI—V вв. до н. э.

Более поздние удила из курганов 2—5, 8, 18 (табл. 14, 4—5, 15; 16, 6; 19, 6; 25, 5; 45, 27—28). Все они железные, с согнутыми в петлю концами. В отличие от большинства вышеописанных удил, которые соединялись с псалиями посредством ремней, псалии здесь просто вставлены в петли. Псалии двудырчатые, с восьмеркообразным расширением посередине. Удила с такими псалиями появляются с конца VI в. до н. э., но широкое распространение получают лишь в последующее столетие¹⁸.

В Нартанских курганах обнаружено около трех десятков различных предметов, исполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Остатков лишь на некоторых из них.

Костяная львиная головка из кургана 4 (табл. 16, 11) очень напоминает подобные изображения из Келермесских курганов и из кургана близ г. Шполы на Украине¹⁹. Сходство здесь не только типологическое, но и функциональное: такие головки украшали концы горизонтальных перекладин у табуретов, распространенных в Передней Азии в VII—V вв. до н. э.²⁰ Нартанское изображение весьма схематично (скорее даже условно), поскольку специфика утилитарного назначения предмета ограничивала возможности резчика в скульптурной моделировке.

В такой же манере выполнено и изображение свернувшегося в кольцо хищника на костяном наконечнике ножен из кургана 21 (табл. 51, 20). По стилистическим особенностям (кольцевидные концы лап, сердцевидные контуры уха, и т. д.) оно примыкает к кругу подобных же изображений из Зивие, Кармир-Блур, Тли, Дарьевки и т. д.²¹ В более реалистической манере, но куда менее искусно выполнено изображение кошачьего хищника (барса или пантеры) на оковке, видимо, колчана из кургана 9. Оно выполнено чеканкой на небольшой золотой пластинке (табл. 27, 35). Очевидно, данное изображение так или иначе связано с влиянием древневосточного искусства. Правда, из кошачьих хищников в Передней Азии обычно изображался лев, но в некоторых областях в соответствии со спецификой местной фауны лев иногда заменялся пантерой²².

Наиболее совершенно в художественном отношении костяное навершие (или наконечник лука) из кургана 6, изготовленное в виде

¹⁷ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д2—31, рис. 2, 149, 160; *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 45, рис. 1, 2; *Мелокова А. И.* Краснокутский курган. М., 1981, с. 59, рис. 17, 6.

¹⁸ *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках..., с. 106; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 81—82.

¹⁹ *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, 1958, № 2, рис. 5; *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы..., табл. XXXIV, 1.

²⁰ *Манцевич А. П.* Головка быка..., с. 196—202.

²¹ *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Л., 1970, рис. 96; *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, рис. 1, 6, 5, 6—7; *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ..., рис. 23.

²² *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства.— СА, 1968, № 4, с. 32—33.

головы грифона и лежащего на ней горного козла (табл. 21, 23). Аналогичные фигурки козлов и головки грифонов, генетически восходящие к древневосточным прототипам, обычны в раннескифских комплексах²³. Но обычно и те и другие встречаются порознь, вне композиционной взаимосвязи. Прямые аналогии Нартанскому навершию пока не встречены. Как композиционно близкую параллель можно назвать навершие из Темир-горы в Крыму²⁴ с изображением головы грифона и фигурки коня.

Примечательно то обстоятельство, что при всей насыщенности Нартанских комплексов материальными элементами кобанской культуры (керамика, украшения, отчасти оружие) в них нет ни одного предмета со следами типично кобанского звериного стиля. Думается, не в последнюю очередь это обстоятельство было обусловлено существенными различиями в социальной и идеологической основе изобразительного искусства кобанцев и степняков. Лишь в одном случае удалось проследить своеобразное переплетение местных традиций с кочевническими — это декоративное оформление двух глиняных сосудов из кургана 4.

Относительно полное представление мы имеем лишь об одном из них (табл. 17). Декор сосуда состоит из изображений трех оленей, показанных в стремительном беге, что совершенно нехарактерно для раннего этапа кобанского искусства²⁵. Шей животных вытянуты вперед, длинные ветвистые рога с горизонтальным отростком спереди и кольцевидным окончанием сзади расположены вдоль спины — все это свидетельствует о знакомстве художника с изображениями знаменитого «скифского оленя». Не исключено даже, что «скифский олень» был известен ему в разных изобразительных вариациях. Например, кольцевидное завершение рогов нартанских оленей соответствует Причерноморской манере, а наличие одного переднего горизонтального отростка (а не двух) свидетельствует о знакомстве с минусинскими и восточноказахстанскими²⁶ изображениями раннего периода.

Однако и художественный стиль Нартанского фриза, и техника его исполнения напоминают о кобанской традиции гравировки по металлу. Кобанская изобразительная манера проглядывает и в положении ног животных. Предельная стилизация рисунка, когда отдельные части тела животного как бы приобретают очертания геометрических фигур, хорошо известна нам по образцам кобанской графики²⁷. Ощутим кобанский стиль в штриховке рисунка и профилировке голов оленей. Изображения голов животных, сужающихся в средней части и с вертикально «обрезанной» мордой, обычны как в мелкой пластике (табл. 4-в), так и в графическом искусстве²⁸ кобанских племен. В целом стиль нартанских изображений синкретичен, со следами творческой переработки местным мастером кочевнических мотивов, схем и приемов²⁹.

Многочисленную и разнообразную серию инвентаря составляют украшения. Как и в керамике, кобанское влияние ощущается здесь весьма отчетливо, — даже без учета той части украшений, кобанский облик которых вполне понятен в свете изложенного выше предположе-

²³ Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА, 1965, № 1, с. 96—103, рис. 8, 3—4, 13, 1—6.

²⁴ Там же, рис. 13, 4.

²⁵ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 369.

²⁶ Членова Н. Л. Скифский олень. — МИА, 1962, № 115, с. 169—170.

²⁷ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, М., 1900, вып. 8, табл. VII, 4, XIII-bis, XXIII, 1.

²⁸ Техов Б. В. Центральные Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, рис. 66—74.

²⁹ Виноградов В. Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле. — В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 149.

ния об этнической принадлежности их владельцев («социально зависимых лиц»). Например, биконические серьги с кольцевидной петлей из курганов 2 и 8 (табл. 14, 9; 25, 19) имеют точные аналогии в погребальных комплексах аборигенов. Особенно много их на Луговом могильнике в Чечено-Ингушетии³⁰. Столь же обычны для местных комплексов провололочные браслеты типа найденных в курганах 5, 10, 17 (табл. 19, 12; 29, 8—9; 43, 33), стержневые булавки (табл. 11, 3; 23, 13—14; 29, 5—6; 39, 16—17), колечки (табл. 19, 9; 21, 22; 35, 24), фигурные подвески (табл. 14, 16; 43, 42—43) и т. д.³¹ Кольцевидная серьга с тремя свисающими стерженьками из кургана 4 (табл. 16, 12) скорее всего представляет собой дериват кобанских серег с одним стерженьком³². В этом же погребении найдена трубчатая пронизка (табл. 16, 10) — украшение, распространенное на Центральном Кавказе еще со II тыс. до н. э.³³ Бронзовые колокольчики, обнаруженные в каждом третьем Нартанском кургане, идентичны кобанским как по форме, так и по декору³⁴. Особенностью многих погребальных комплексов каменноостко-березовского типа являются раковины каури. В Нартане они обнаружены в каждом втором захоронении ранней группы. Характерно, что некоторые из перечисленных украшений (кольца, серьги, трубочки), в отличие от бронзовых кобанских, изготовлены из золота, что связано с более высоким уровнем социальной стратификации номадов и принадлежностью погребенных в Нартане лиц к привилегированной прослойке общества.

Говоря об украшениях, следует упомянуть и о круглых золотых пластинках с солярными знаками. Орнамент на них имеет близкое сходство с киммерийским³⁵. Не исключено, однако, что сами киммерийцы могли заимствовать ряд орнаментальных мотивов из Передней Азии³⁶. В предскифский период подобная орнаментация была распространена преимущественно на бронзовых изделиях; золотая же пластинка рассматриваемого типа найдена пока только в одном киммерийском комплексе³⁷. Еще несколько экземпляров найдено в раннескифских комплексах Прикубанья³⁸. Но наиболее многочисленны пока нартанские пластинки: только в семи погребениях их обнаружено свыше трех десятков (табл. 27, 27; 33, 26; 37, 13—14; 39, 27; 41, 21—22; 43, 41; 48, 54).

Обстоятельный анализ материалов Нартана не входит в задачу настоящей публикации, поэтому я не буду останавливаться на всех категориях погребального инвентаря. Не ставилась здесь целью также и тщательно выверенная узкохронологическая дифференциация комплексов, а предлагаемая ниже хронологическая схема пока сугубо предварительна и, естественно, в дальнейшем будет еще доработана.

Наиболее вероятной датой могильника я склонен считать VI—V вв. до н. э. с возможным удревнением отдельных комплексов до конца VII или рубежа VII—VI вв. до н. э. Курганы делятся на две груп-

³⁰ Мунчаев Р. М. Луговой могильник, рис. 7, 4—5, 12, 2, 17, 9—10, 22, 13—15.

³¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, рис. 35, 16, 46, 1—2, 51, 3—4, табл. XI, 1; Козенкова В. И. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дис., М., 1969, с. 10, 15—17.

³² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, рис. 35, 17—18.

³³ См. 1-й том настоящего издания. Кобанские аналогии см.: Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, рис. 28, 4—5, табл. LXIV, 5—7.

³⁴ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. — МАК, М., 1888, вып. 1, табл. XXI, 12, XXII, 21; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, с. 150, рис. 135—137.

³⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 173—185, рис. 9, 2, 16, 1, 17, 2—8, 39, 4—7, 92, 1—16, 93, 1—20, 94, 1—16.

³⁶ Там же, с. 174.

³⁷ Там же, рис. 5, 1.

³⁸ ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 89, рис. 142.

пы: раннюю (VI в. до н. э.) и позднюю (V в. до н. э.). К ранней группе отнесены курганы 6, 9—23, к поздней — курганы 1—5, 7, 8, 24. Основой для датировки послужили, главным образом, оружие и конский набор. В поздней группе это отдельные типы бронзовых наконечников стрел и железные удила с двудырчатыми псалиями (см. выше). Курган 7, в котором ни оружия, ни конского набора не было, датирован по золотой серьге с полыми бубенчиками (табл. 23, 17); такие серьги получили широкое распространение в V веке до н. э.³⁹

Как было сказано выше, наряду со сходством Нартанские курганы по ряду признаков существенно отличаются друг от друга. Возвращаясь к этому вопросу, отмечу прежде всего заметную пестроту культуры погребений в курганах ранней группы. Это ощущается, например, в оформлении и конструктивных деталях погребальных камер. Так, в курганах 12—14, 17, 22—23 на полу по периметру стенок камеры зафиксированы остатки одновенцовых срубов, в кургане 9 — широкая прямоугольная в сечении канавка, в кургане 11 — особые заплечики-уступы. В кургане 12 по центру на дне могилы были вырыты две глубокие ямки, в кургане 19 камера имела овальные угловые выступы, а в курганах 18, 19 и 21 на стенках ям сохранились следы сизовато-серого перегона, возможно, остатки циновки. Погребения в курганах 13 и 16 были перекрыты тонким слоем хвороста, над погребениями 11, 16, 17, 20 вертикально установлены длинные одиночные камни и антропоморфная стела, а могильная засыпь в погребениях 12—14, 16, 19, 20 содержала обожженную докрасна землю с золой и частицами древесного угля. В курганах 12, 13 и 16 захоронения совершены по обряду полного или частичного трупосожжения, в остальных — трупоположения. В кургане 18 погребенный был осыпан угольками. Курганы значительно отличались друг от друга количеством сопровождавших вещей. Различным было и число конских захоронений: от 1 до 4—5. Но в курганах 6, 9, 17, 21 их не было вообще.

Некоторые предметы ритуального назначения характерны только для данной группы — раковины каури, фрагменты обработанных каменных плит, кучки гальки, дисковидные золотые пластинки с солярными знаками и т. д. Органическое единство общих и отличительных признаков с явным преобладанием последних составляет характернейшую особенность не только Нартанских, но и вообще всех известных к настоящему времени скифо-савроматских комплексов архаического периода. Исследователи склонны объяснять это такими явлениями, как распад родовых связей и этническая перегруппировка кочевников в соответствии с изменившимися конкретно-историческими условиями, а также незавершенностью процесса формирования культур «скифского» типа, синкретическая структура которых в VII—VI вв. до н. э. выступает особенно рельефно⁴⁰.

Более цельную картину представляют собой комплексы второй (поздней) группы. Курганы уменьшаются в размерах: если в ранней группе они достигали высоты 2—2,5 м, то здесь они менее 1 м (за исключением лишь кургана 8). Соответствующие уменьшаются и могильные ямы (максимальная длина их сторон 4×4 м, тогда как в ранних погребениях 6,7×6,7 м). Упрощается их конструкция: теперь это квадратные ямы без каких-либо дополнительных конструктивных деталей вроде заплечиков, угловых выступов, срубов и пр. Если в ранних погребениях отмечены трупоположение и трупосожжение, то позд-

³⁹ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — САИ, 1978, вып. Д4—5, с. 29.

⁴⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 198—214; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 57; Мурзин В. Ю. Степная Скифия в VII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1979, с. 7.

нее умершие хоронились только по обряду трупоположения. Число «безлошадных» захоронений резко сокращается, но погребения сопровождались только одним конем. Интересны изменения в составе погребального инвентаря: в целом вещевой материал из поздних погребений несколько скромнее, но еще достаточно богат. Вместе с тем различия в количестве и ценности вещей из разных комплексов прослеживаются далеко не в столь контрастной форме, как в ранней группе. Наконец, наибольшее число достоверно фиксируемых случаев парных захоронений приходится именно на эту группу: из 8 захоронений парными оказались 5 (в первой группе лишь 4 из 16).

Таким образом, комплексы V в. до н. э. отличаются от комплексов предшествующей хронологической группы относительной стабильностью признаков, что, по-видимому, отражает тенденцию к стабилизации социальной структуры общества и основных форм материальной и духовной культуры.

Вопрос об этнической атрибуции памятников наиболее сложный. Хронология курганов ранней группы соответствует времени возвращения скифов из Передней Азии. Именно тогда, как полагают, местом их обитания на какое-то время становится Северный Кавказ⁴¹. Но можно думать, что наряду с собственно скифами здесь кочевали в тот период и еще «несамоопределившиеся» этнически и политически савроматские племена, принимавшие участие в далеких скифских походах⁴². В такой ситуации чрезвычайно сложно выделить бесспорно савроматские или раннескифские комплексы ввиду их значительного сходства. Напомню в этой связи хотя бы о таких «хрестоматийных» памятниках скифского времени, как Келермесские, Ульские, Костромской, и ряде других курганов Предкавказья, об этнической атрибуции которых до сих пор нет единого мнения⁴³. Полагаю, что впредь до более детального изучения материала целесообразнее всего оставить затронутый вопрос открытым, а Нартанские курганы относить к «скифским», но в том широком смысле, в котором он применяется и в отношении некоторых других, кочевнического типа, древностей раннежелезного века.

Как видно из общего обзора, одной из самых заметных особенностей материальной культуры кочевников, представленной вещевыми наборами из Нартанских комплексов, является ее отчетливо выраженный синкретический характер. В генетической структуре этой культуры могут быть выделены два основных (хотя, быть может, и не единственных) инородных компонента: переднеазиатский и кобанский. К элементам первого считаю возможным отнести панцири, бусы из стекла, белой пасты и гешира, калачиковидные серьги, золотые дисковидные пластинки с солярными знаками, а также некоторые мотивы звериного стиля.

Более значителен второй компонент, придающий памятнику черты локального своеобразия и выделяющий его среди синхронных кочевнических древностей Поволжья и Северного Причерноморья. Он включает в себя большинство глиняных и бронзовых сосудов, большую часть украшений (булавки, браслеты, биконические серьги, кольца, колокольчики, фигурные подвески, и пр.), а также некоторые разновидности оружия — наконечники копий, железные и костяные наконечники стрел, топорик и т. д. Но влияние коренного населения на степняков прослеживается не только в сфере материальной культуры. Вне связи

⁴¹ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пр., 1925, с. 21; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 40—42, 71—84; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 226—228; *Мурзин Б. Ю.* Степная Скифия..., с. 19—21.

⁴² *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы. — В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 133.

⁴³ О существующих по этому вопросу точках зрения см.: *Хазанов А. М.* Социальная история..., с. 227—228.

с этим влиянием трудно объяснить, например, скорченное труположение всех «свободных» погребенных. Оно не было характерным для погребального ритуала скифов или савроматов и встречалось у них спорадически, как пережиток эпохи бронзы. Следствием меотского влияния является, по-видимому, наличие в погребениях первой группы округлой гальки.

Примечательно местоположение Нартанских курганов — не в степи, а у самого подножия лесистых хребтов, в непосредственной близости к перевальным путям в Закавказье. Очевидно, топография отражает ситуацию, сложившуюся в связи с грабительскими походами скифов в страны Переднего Востока. Осуществляя контроль над горными перевалами, кочевники закрепили за собой ряд стратегически важных пунктов в предгорьях Кавказа. Традиционно захваченные места оставались в их руках и в VI—V вв. до н. э. Во-первых, хотя после крушения скифского господства в Азии о возобновлении походов в их прежних масштабах не могло быть речи, все же грабеж местного горского населения и возможность спорадических вылазок в близлежащие районы Закавказья оставались вполне реальной перспективой, а во-вторых, по возвращении из Передней Азии скифы столкнулись с необходимостью вторично завоевывать Северное Причерноморье, но смогли осуществить они это лишь к концу VI в. до н. э.⁴⁴

Не приходится сомневаться в том, что отношения кочевников с кобанскими племенами носили преимущественно враждебный характер. Тезис о том, что «подлинное господство кочевников начинается лишь в степях к северу от Терека»⁴⁵, быть может, и верен в отношении большей части Северного Кавказа, однако уже само местоположение Нартанского курганного некрополя в глубине исконно кобанских земель существенно меняет наши представления как об исходе указанной конфронтации, так и об этногеографических границах господства пришельцев. Следует учесть, что Нартан лишь некрополь военной знати, и что число связанных с ним рядовых кочевнических захоронений должно быть гораздо больше. Да и в самом Нартанском могильнике многие курганы были снесены сравнительно недавно.

Таковы предварительные выводы и обобщения относительно материалов Нартанских курганов. Пожалуй, не будет особым преувеличением отметить, что по количеству исследованных комплексов в границах одного могильного поля, по многочисленности и разнообразию вещей, а также по своей информативности об отдельных моментах политической, социальной и этнокультурной истории ранних кочевников Нартанский могильник пока не имеет себе равных на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Введение в научный оборот и дальнейшее обстоятельное изучение этого памятника значительно расширяет круг знаний также и по истории местных племен в раннежелезном веке.

⁴⁴ Хазанов А. М. Социальная история..., с. 229—231; Мурзин В. Ю. Степная Скифия..., с. 19—21.

⁴⁵ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 291.

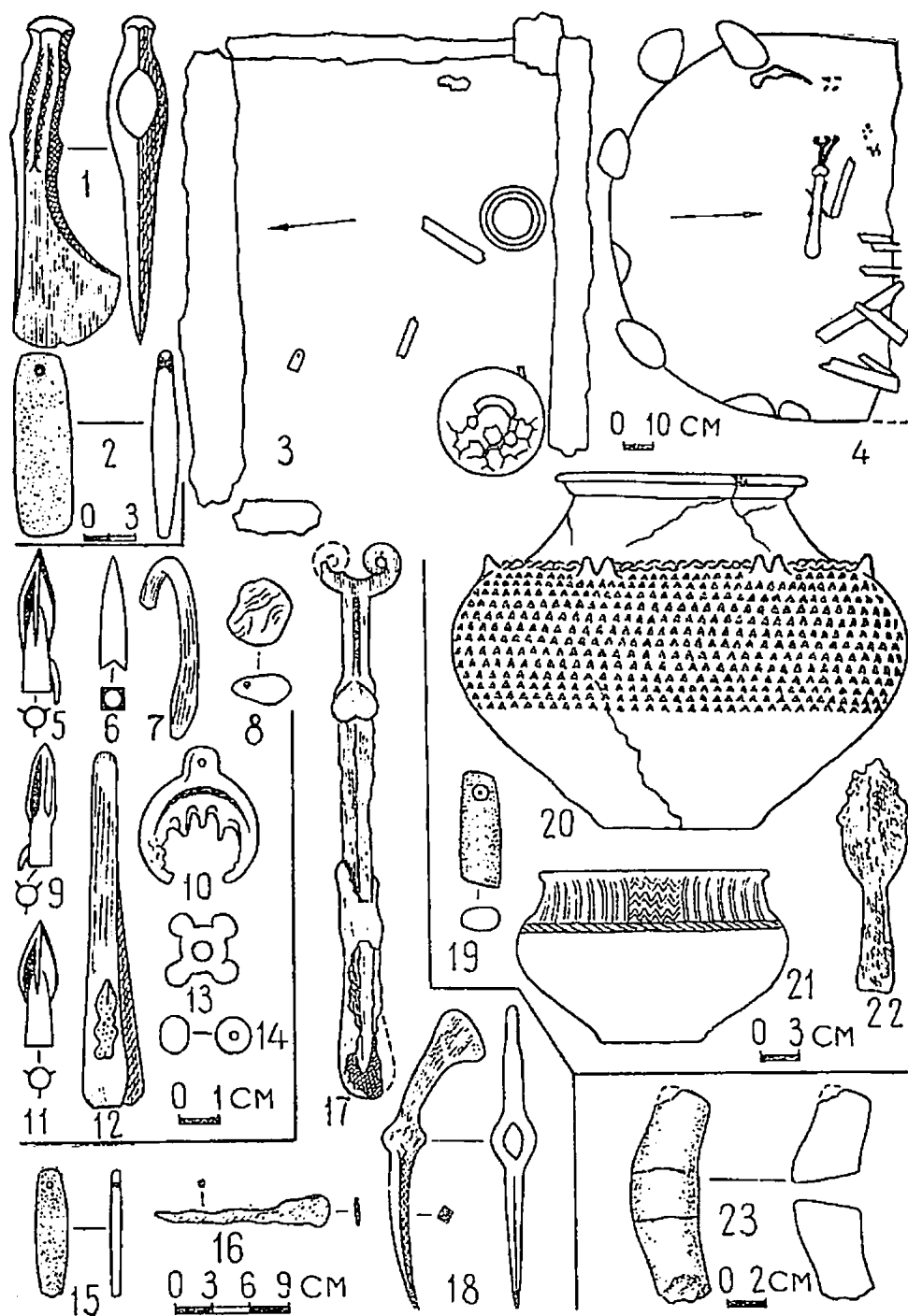

Табл. 1. 1—2 — случайные находки у сел. Хабаз; 3—22 — погребальные комплексы из Каменноостровского могильника (3, 19—22 — погр. 1; 4—18 — погр. 2); 23 — находка у пос. Пришибо-Малкинский

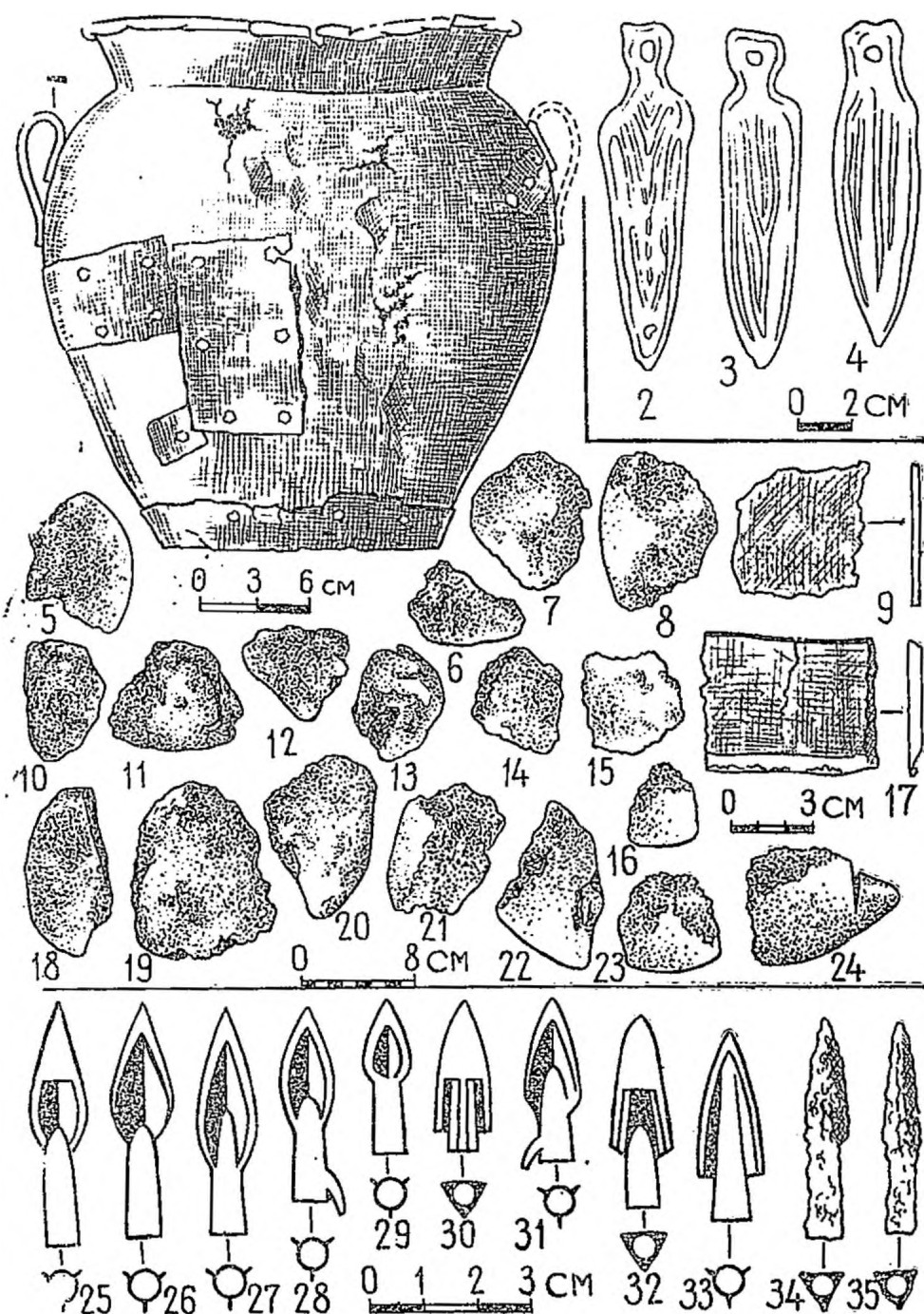

Табл. 2. 1, 5—24 — Тырнаузский клад; 2—4 — образцы подвесок из Бедынского клада; 25—35 — наконечники стрел из разрушенных погребений Бедынского могильника

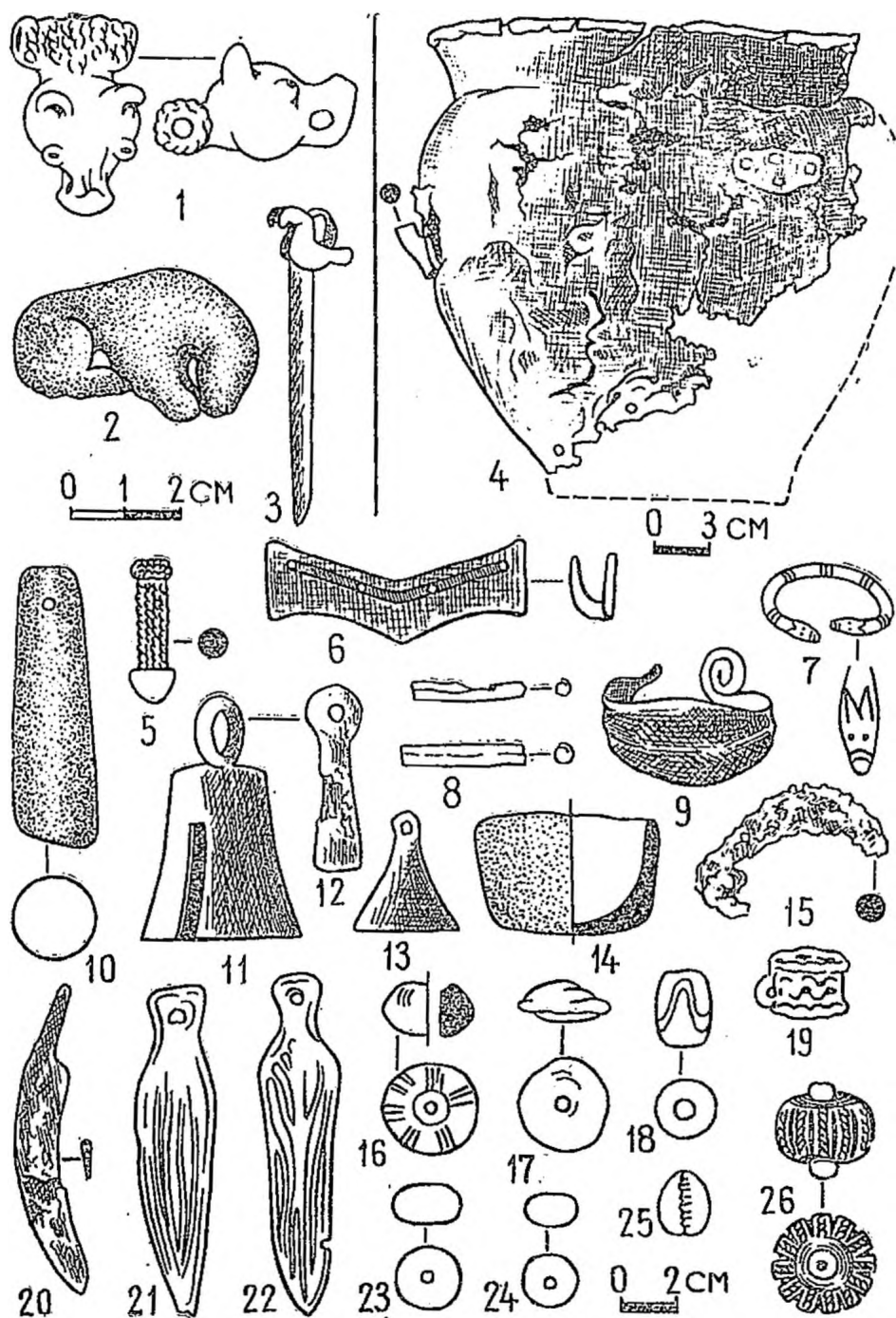

Табл. 3. Вещи из разрушенных погребений Бедыкского могильника

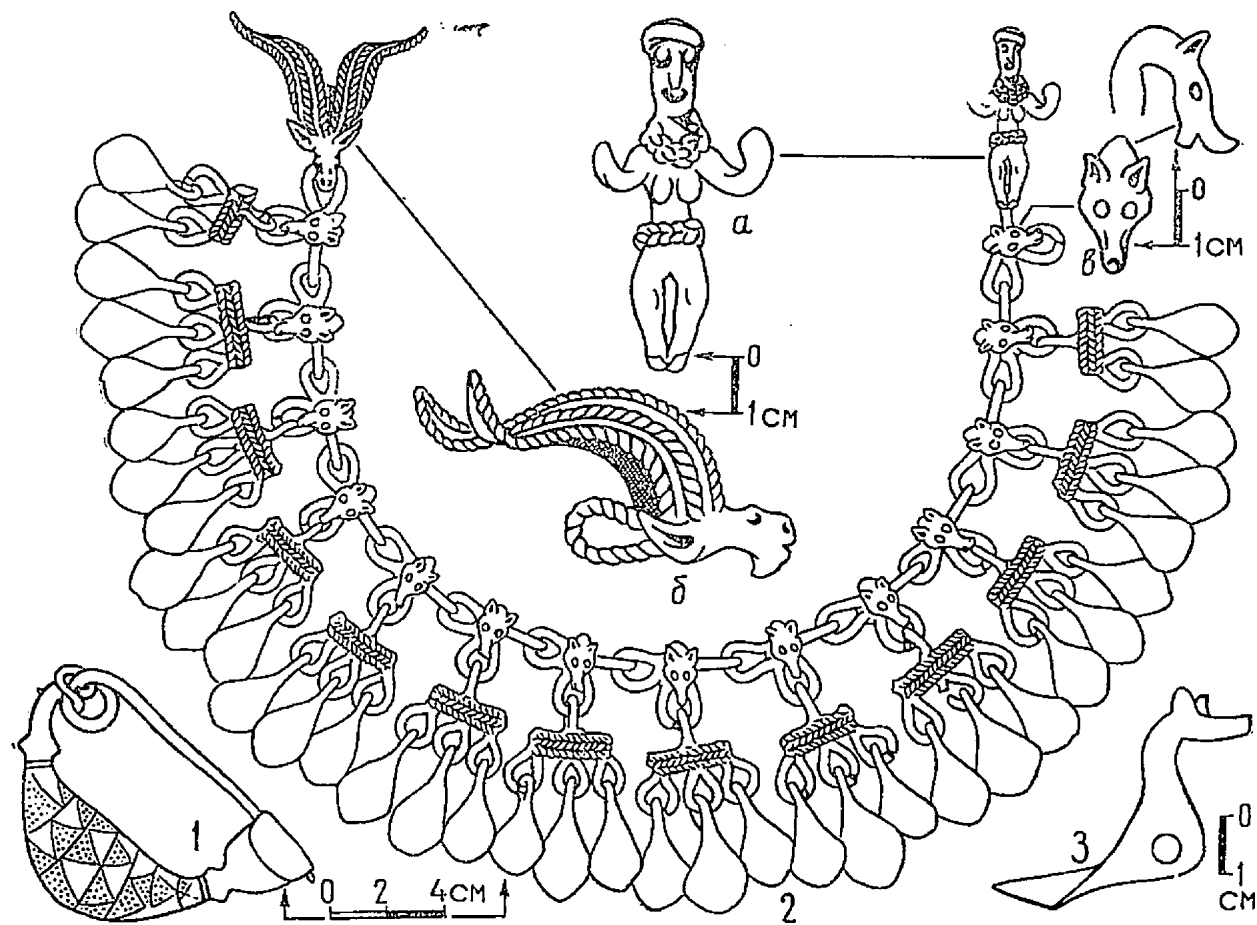

Табл. 4. Вещи из разрушенных погребений Лашкутинского могильника

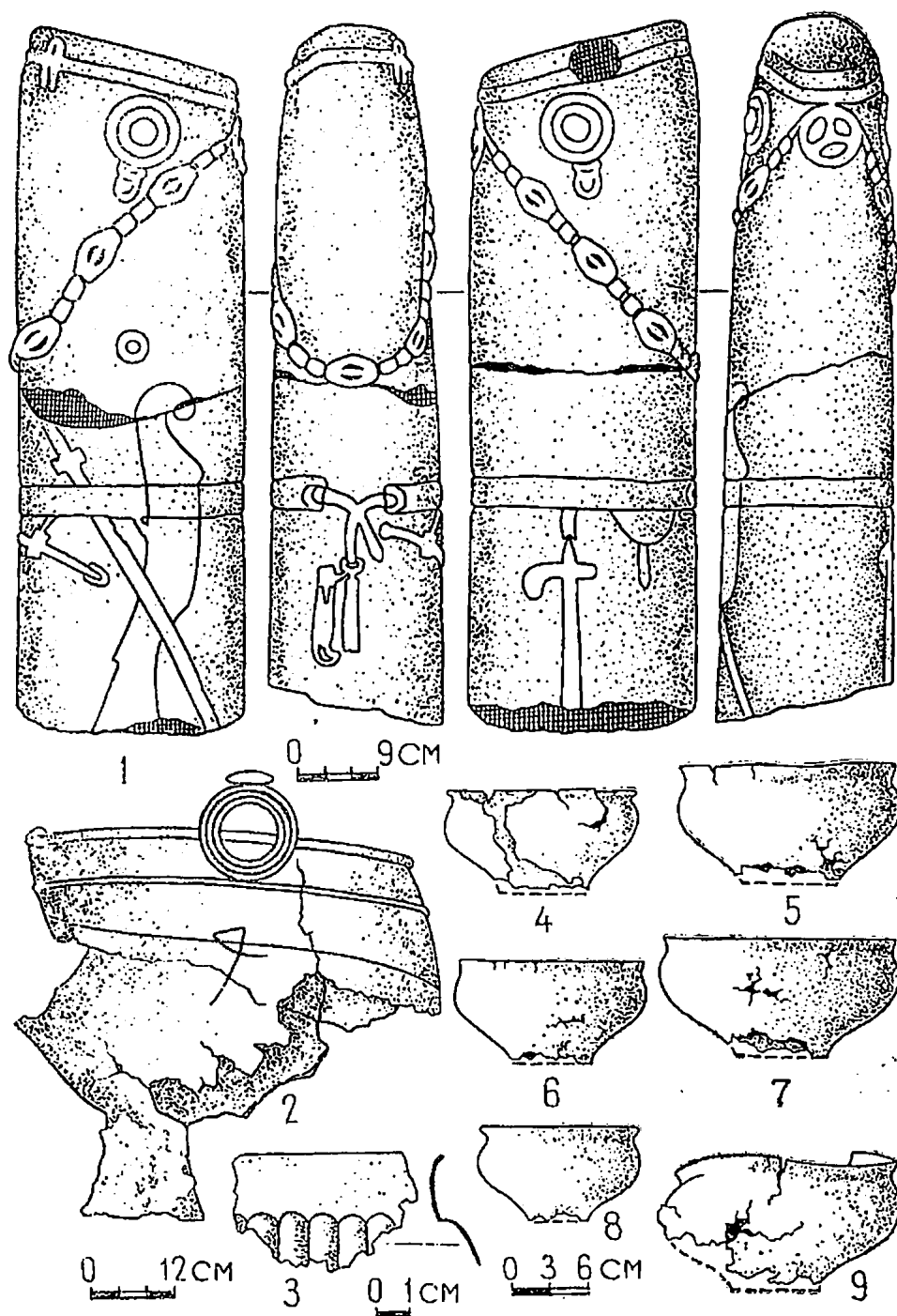

Табл. 5. 1 — олений камень из сел. Кызбурун I; 2—9 — клад из сел. Кызбурун III

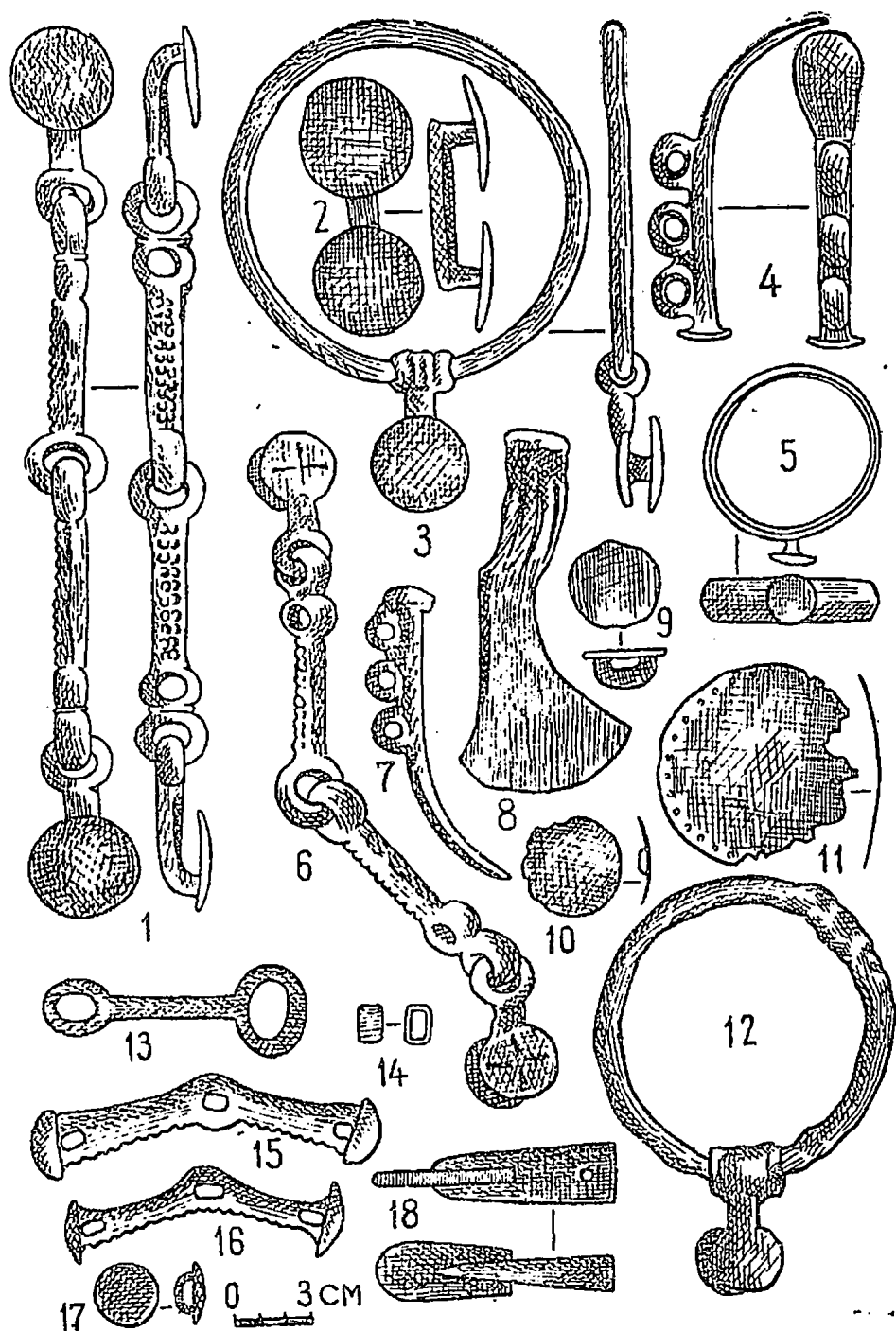

Табл. 6. Находки в разрушенных погребениях (1—5 — г. Бакса; 6—12 — сел. Алтуд; 13—18 — сел. Гермечик)

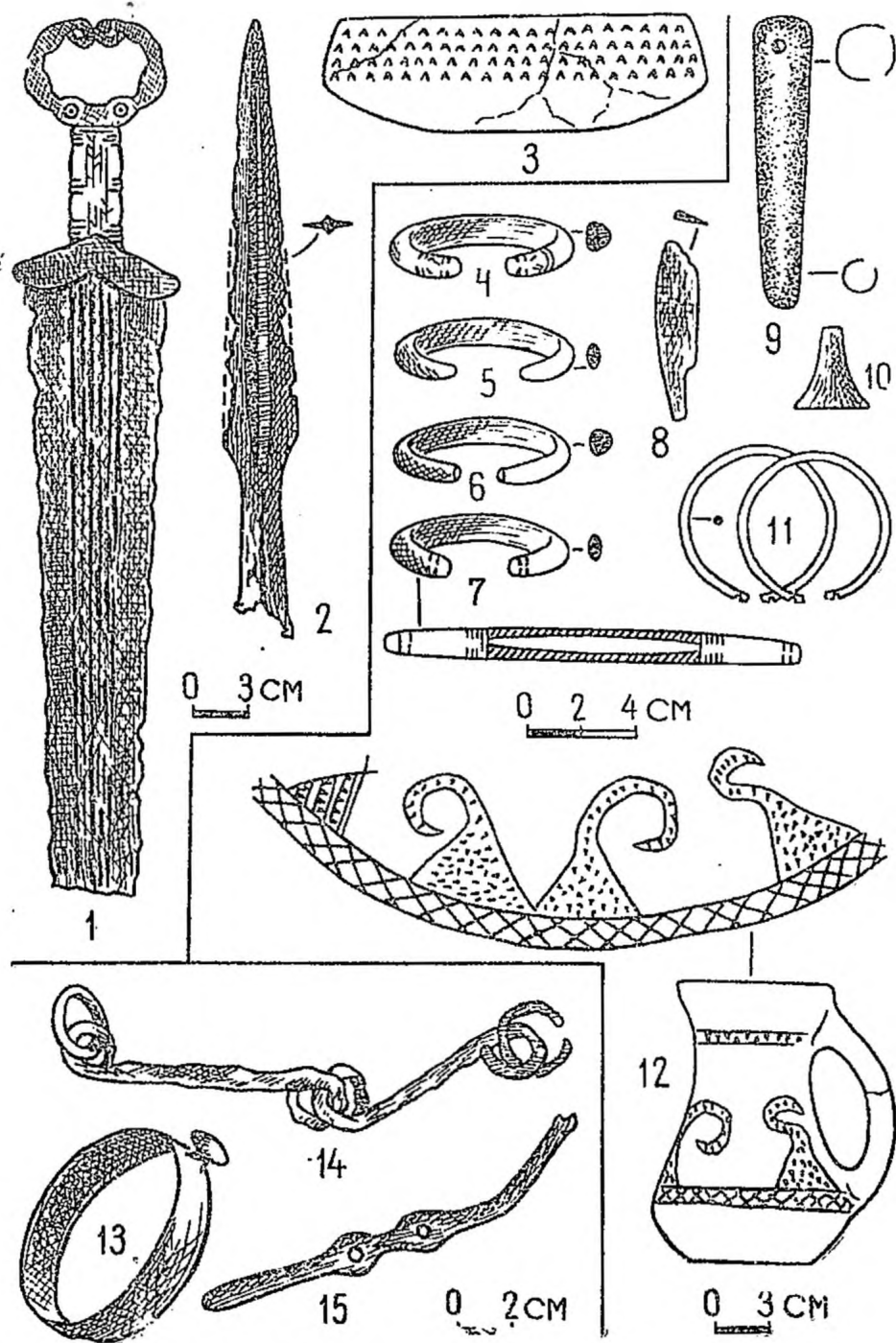

Табл. 7. Вещи из разрушенных погребений (1—3 — сел. Лечинкай; 4—12 — с. Ново-Ивановское; 13—15 — сел. Герпегеж)

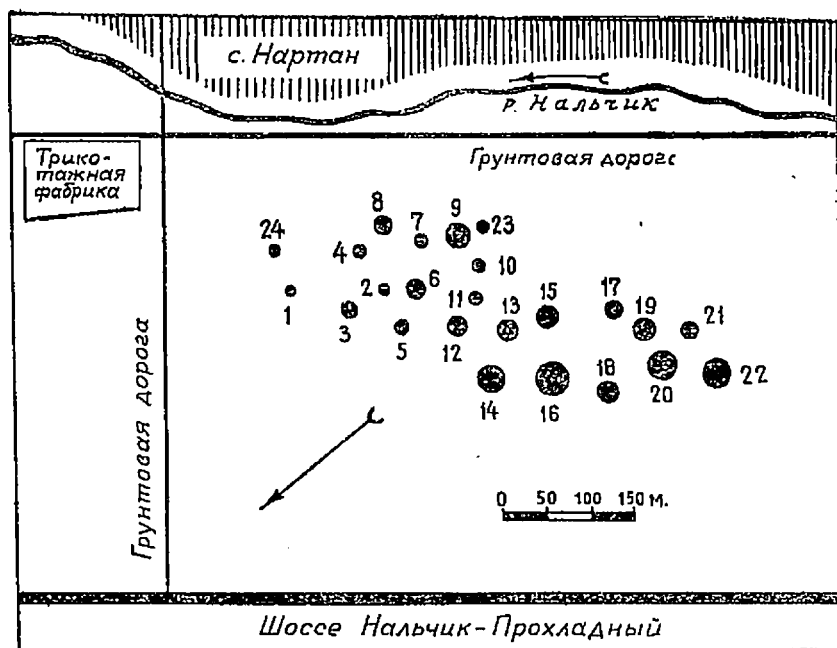

Табл. 8. План расположения Нартанских курганов

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12

1-гумус; 2-суглинок; 3-древняя погр. почва; 4-материк;
5-камни; 6-жженная глина; 7-зола; 8-выкид; 9-дре-
весный уголь; 10-прослойка хвороста; 11-канавки
с частицами древесины; 12- камышовый тлен.

Табл. 9. Сводная таблица условных обозначений

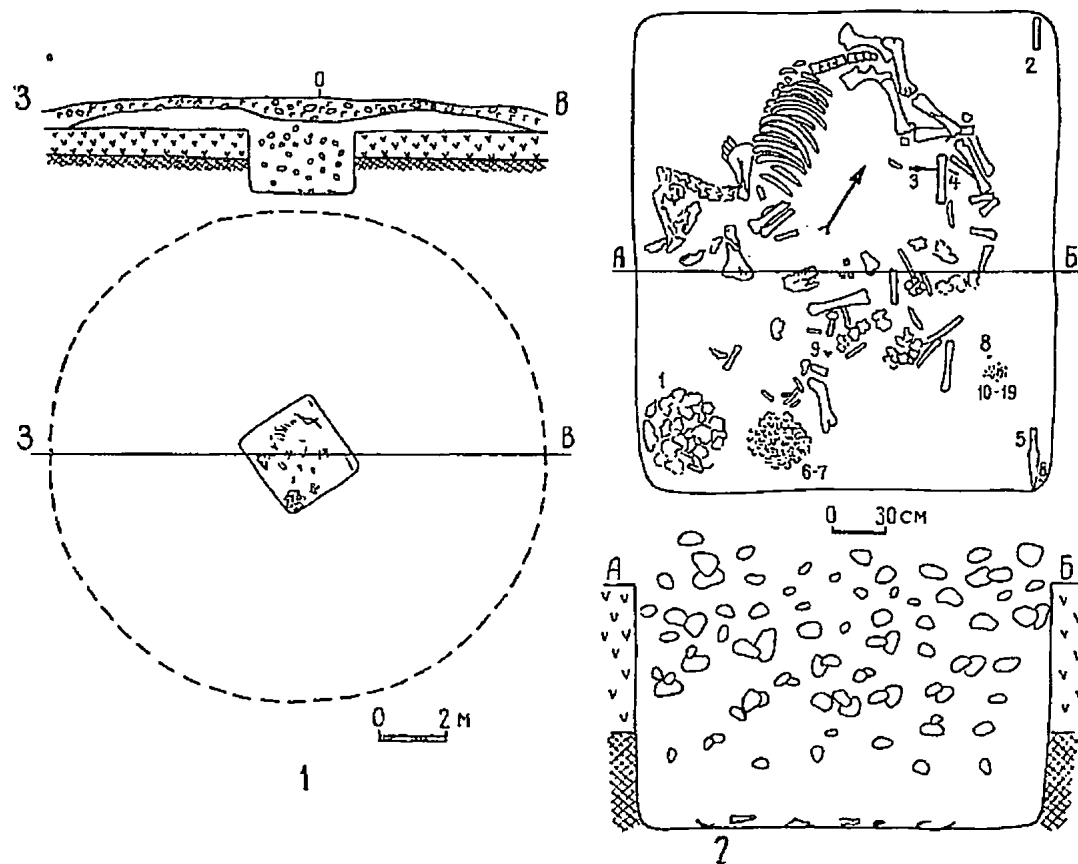

Табл. 10. Курган 1 (здесь и далее: нумерация находок на плане погребения соответствует нумерации их на таблице инвентаря этого погребения)

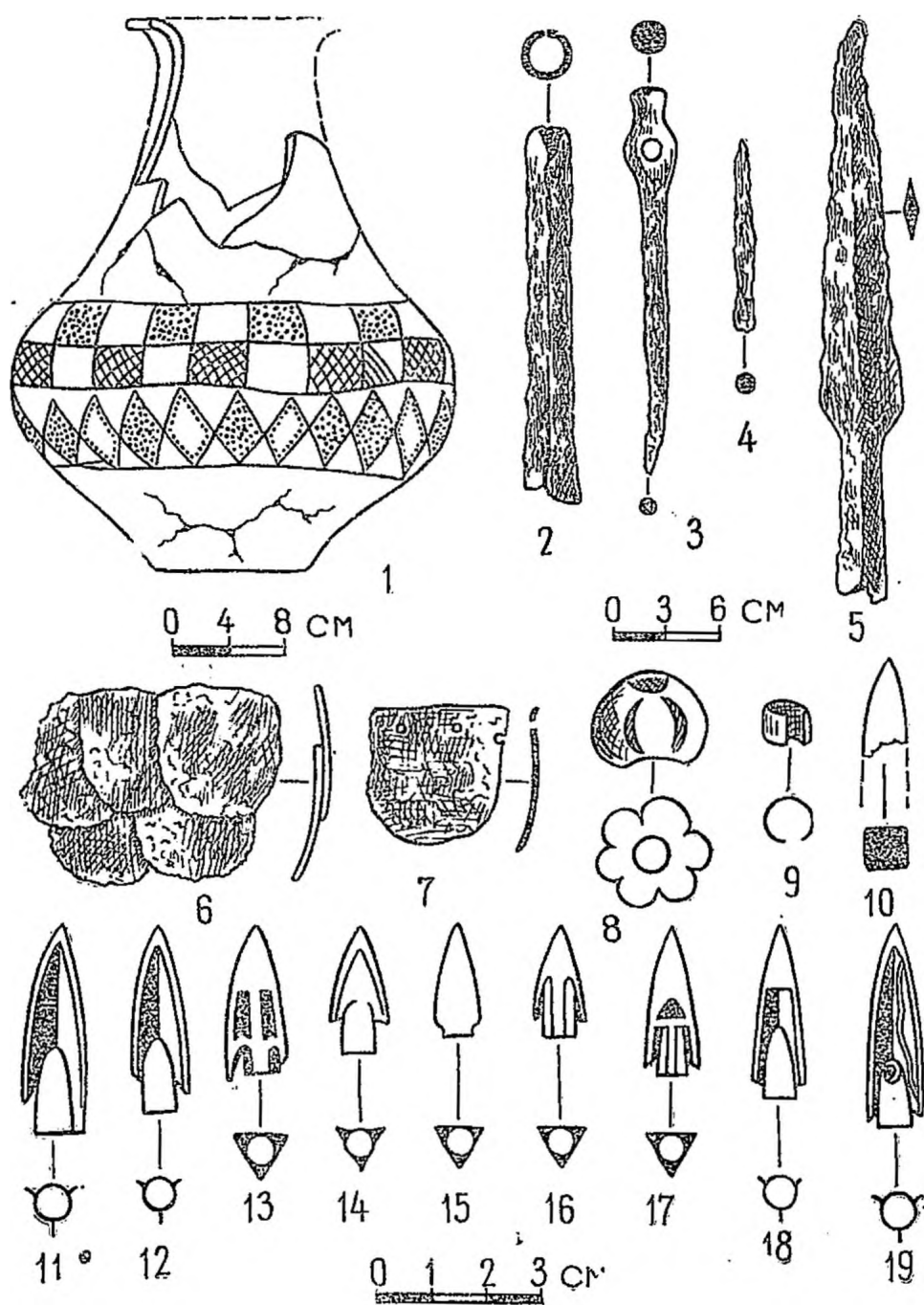

Табл. 11. Инвентарь погребения в кургане 1

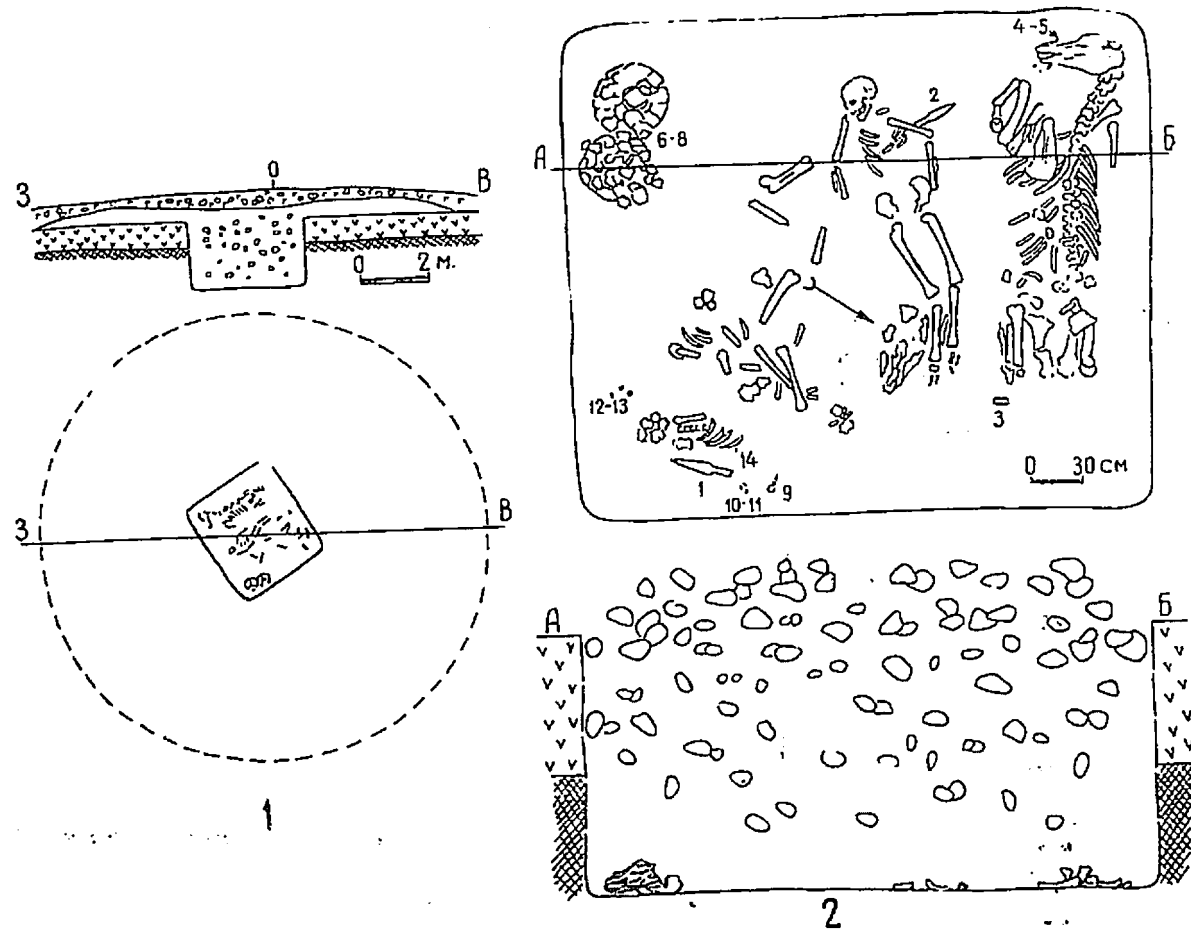

Табл. 12. Курган 2

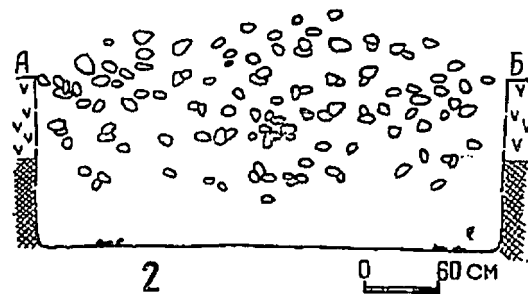
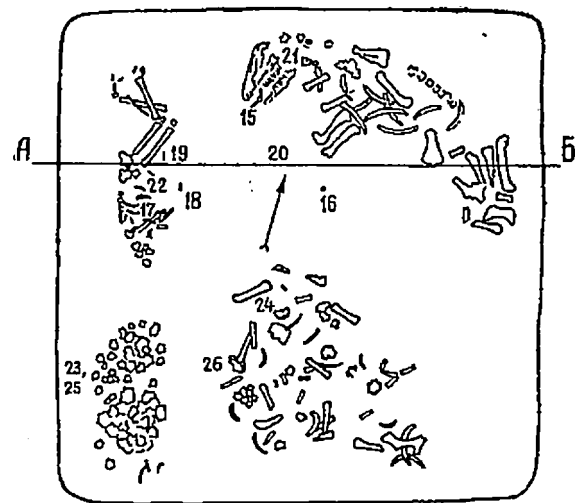
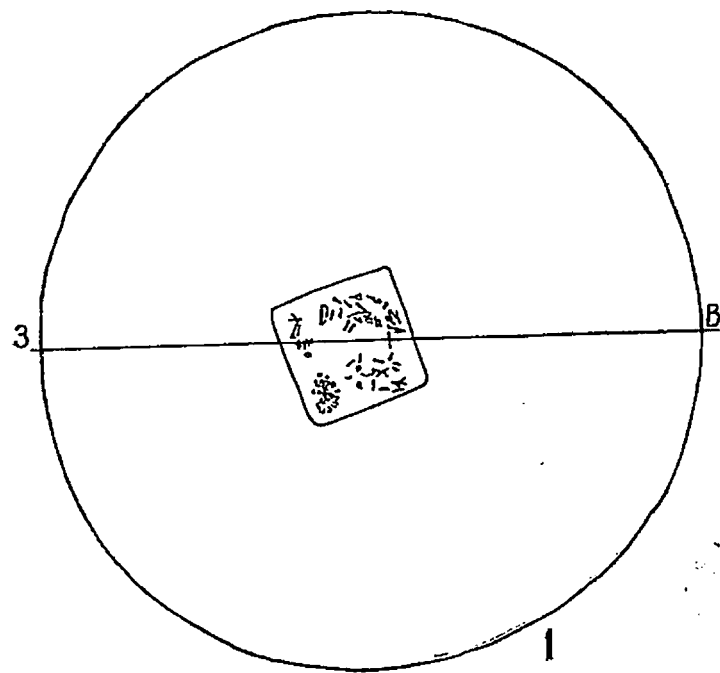
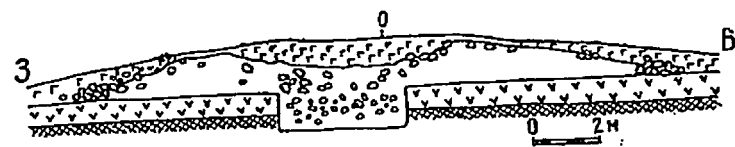

Табл. 13. Курган 3

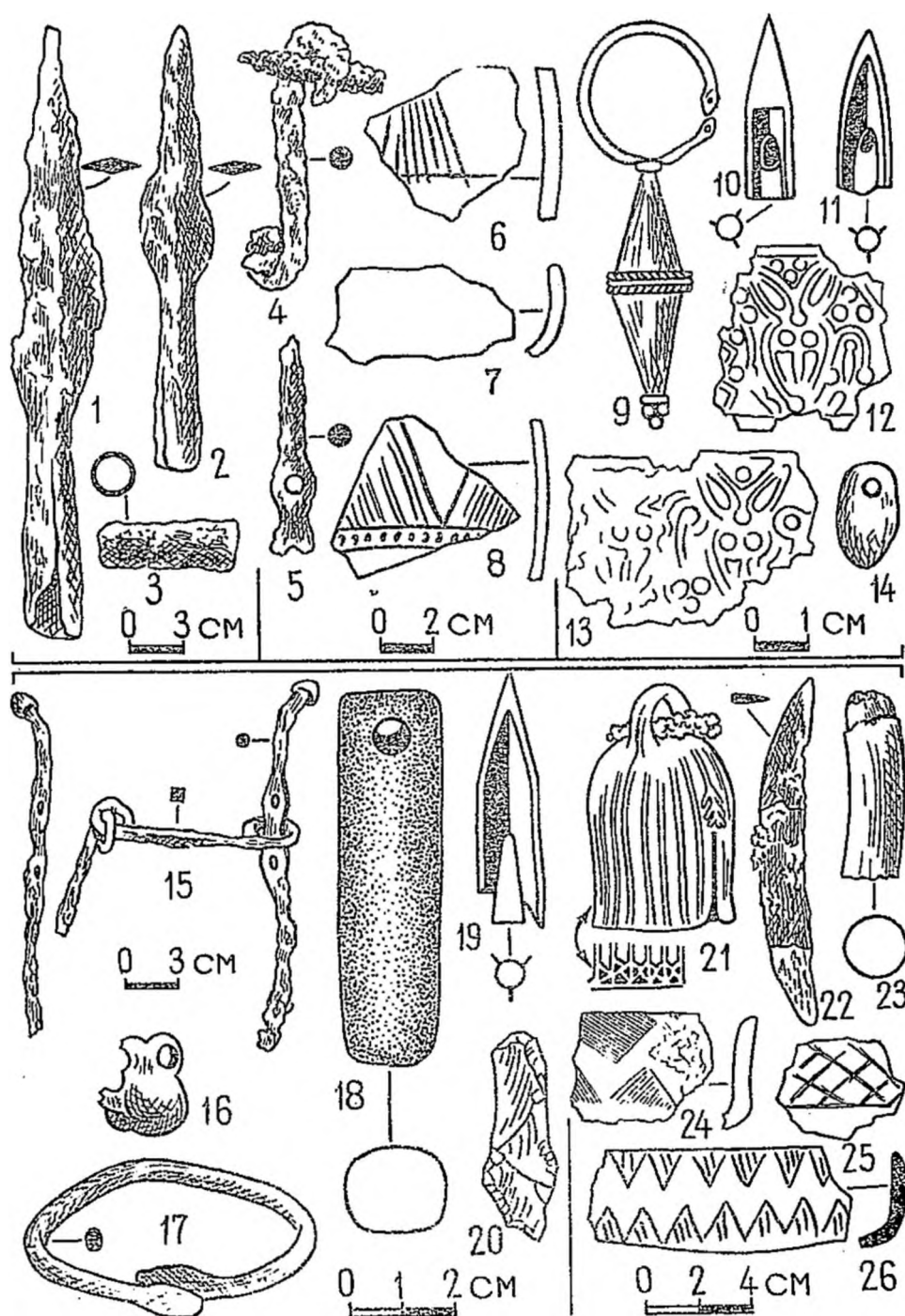

Табл. 14. Инвентарь погребений в курганах 2 (1—14) и 3 (15—26)

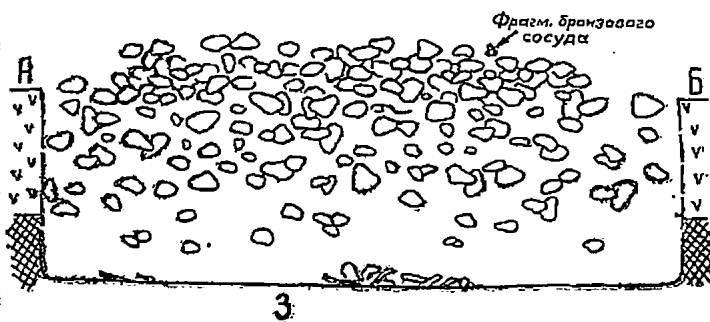
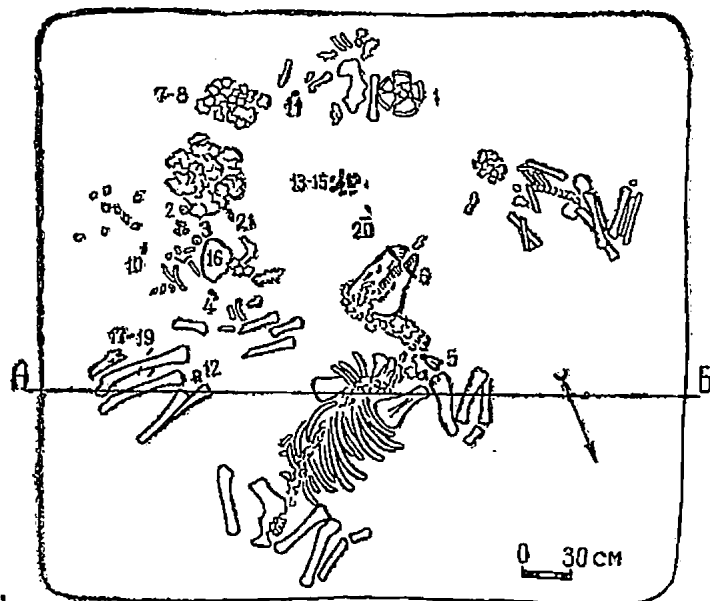
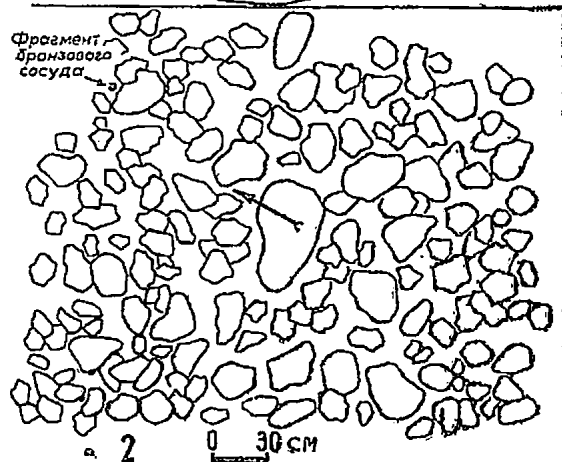
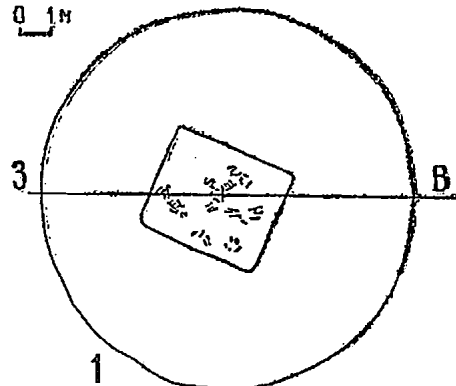
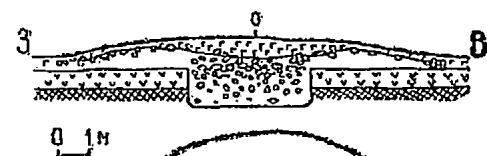

Табл. 15. Курган 4

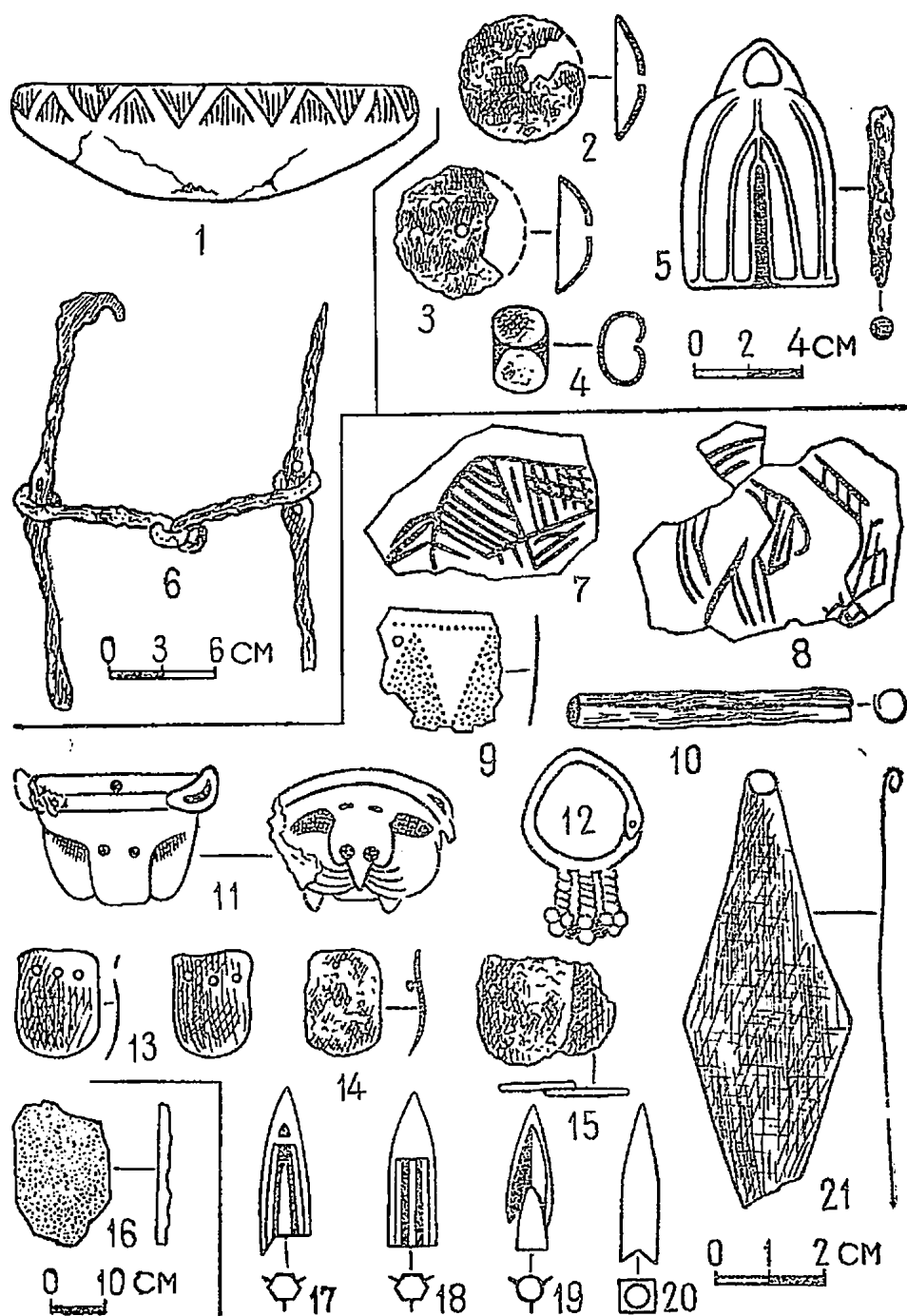

Табл. 16. Инвентарь погребения в кургане 4

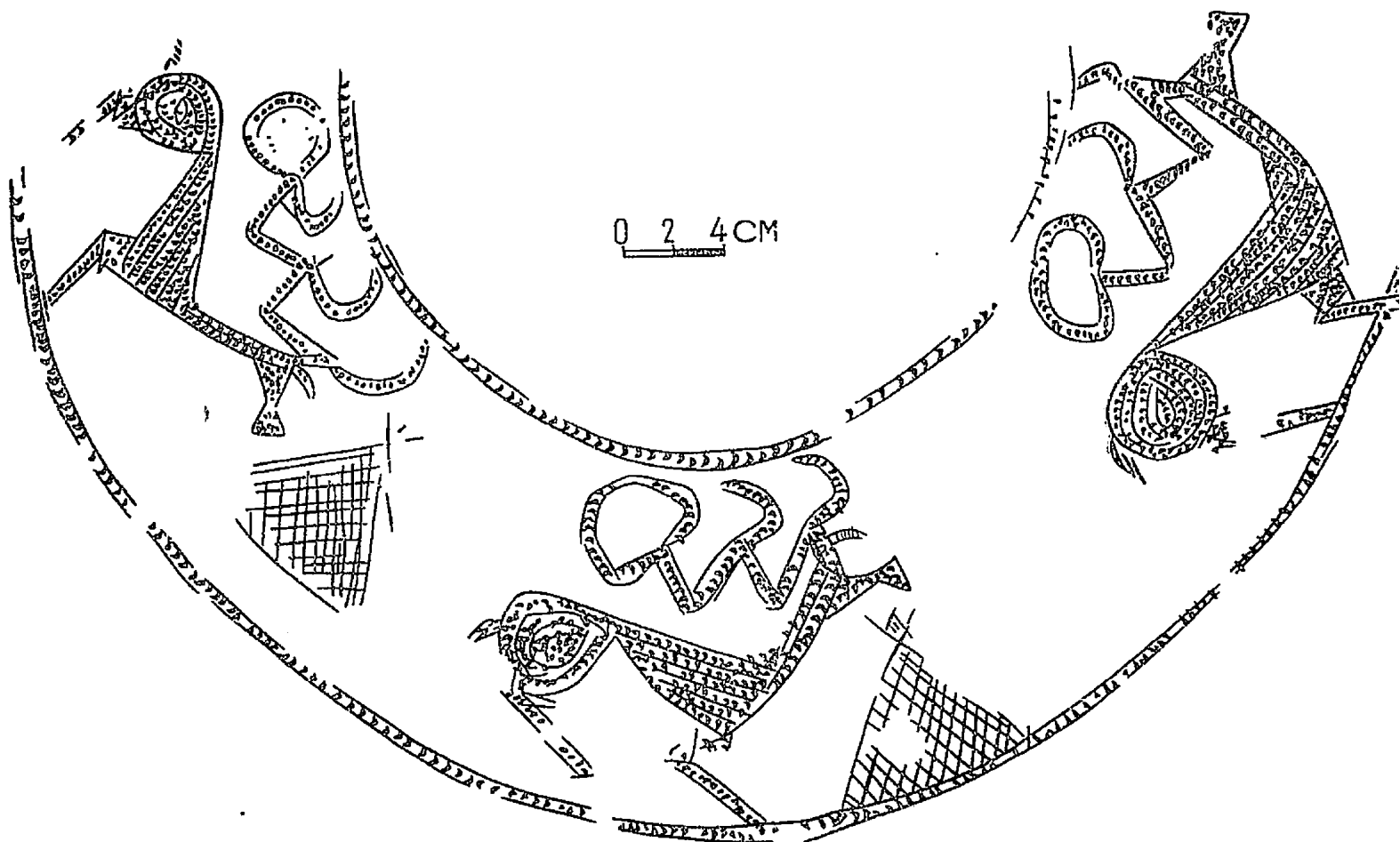

Табл. 17. Рисунок на глиняном сосуде из кургана 4

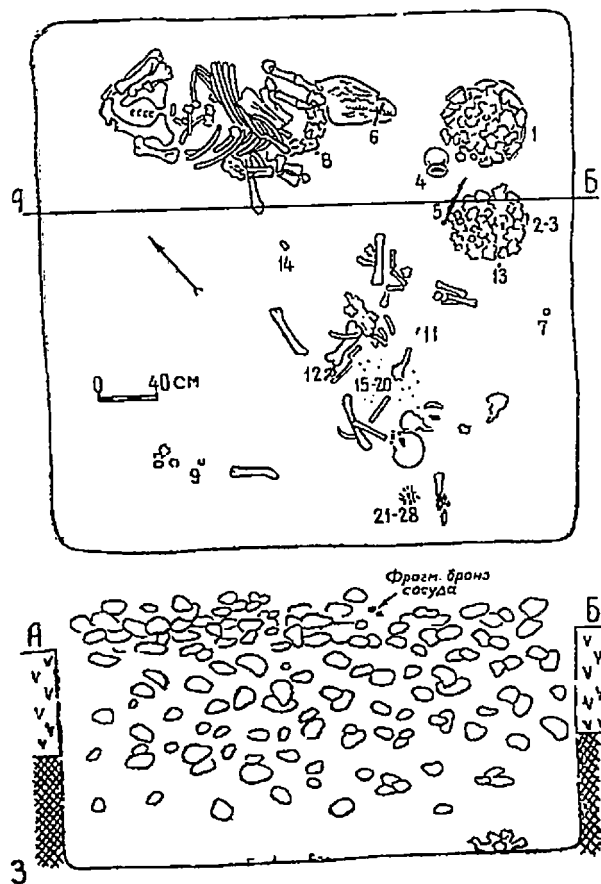
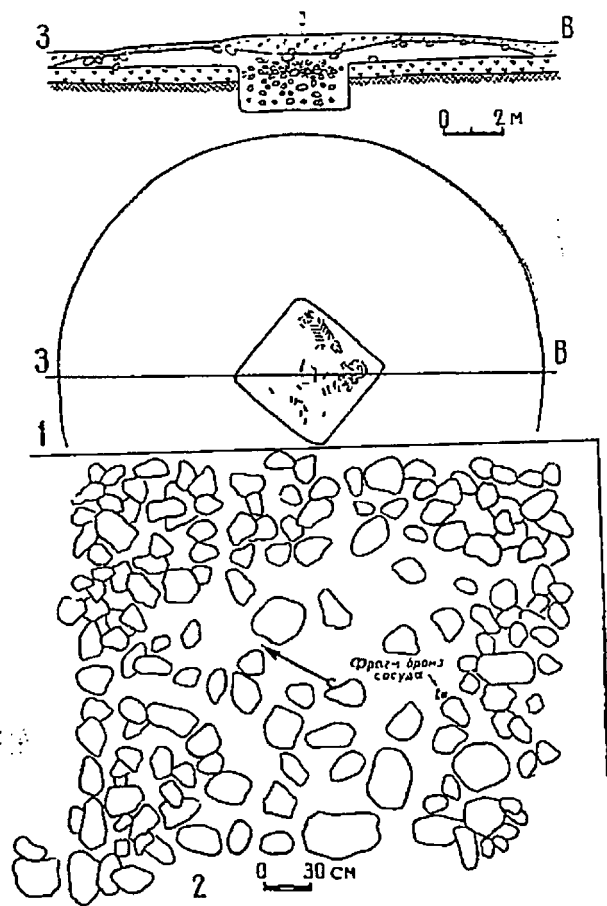

Табл. 18. Курган 5

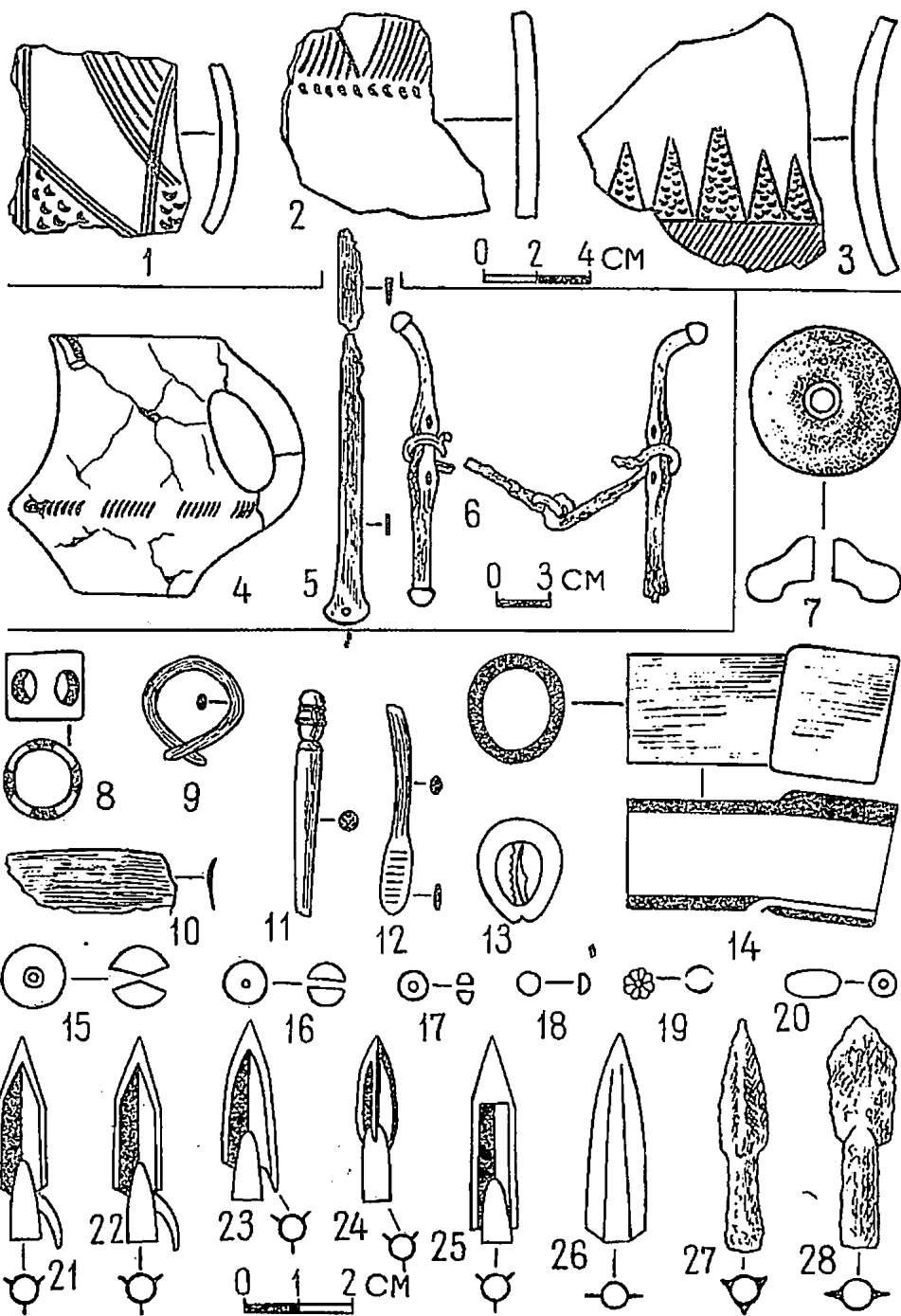

Табл. 19. Инвентарь погребения в кургане 5

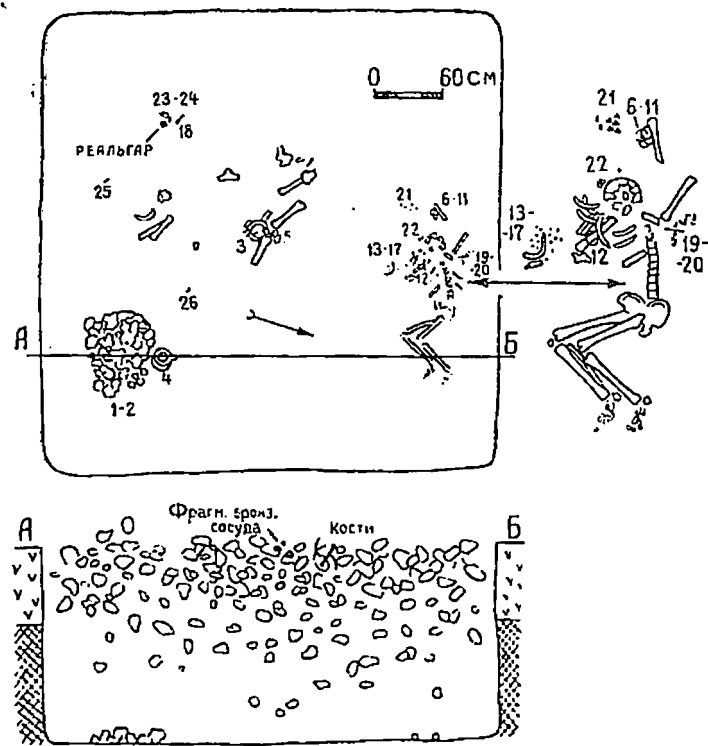
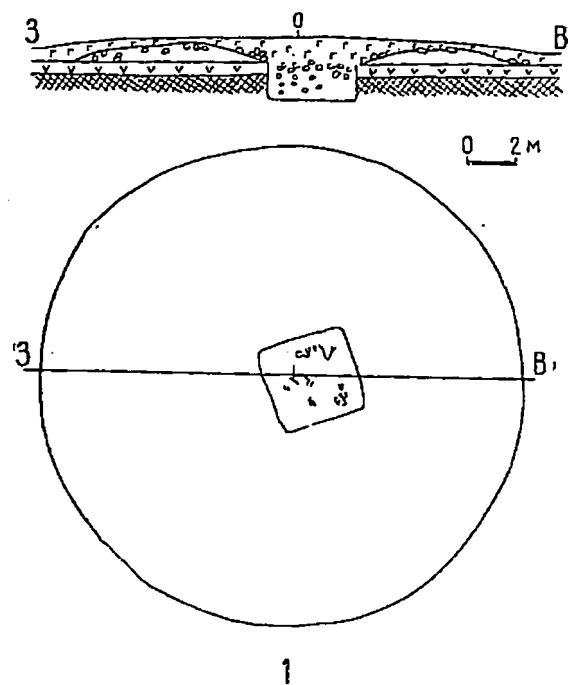

Табл. 20. Курган 6

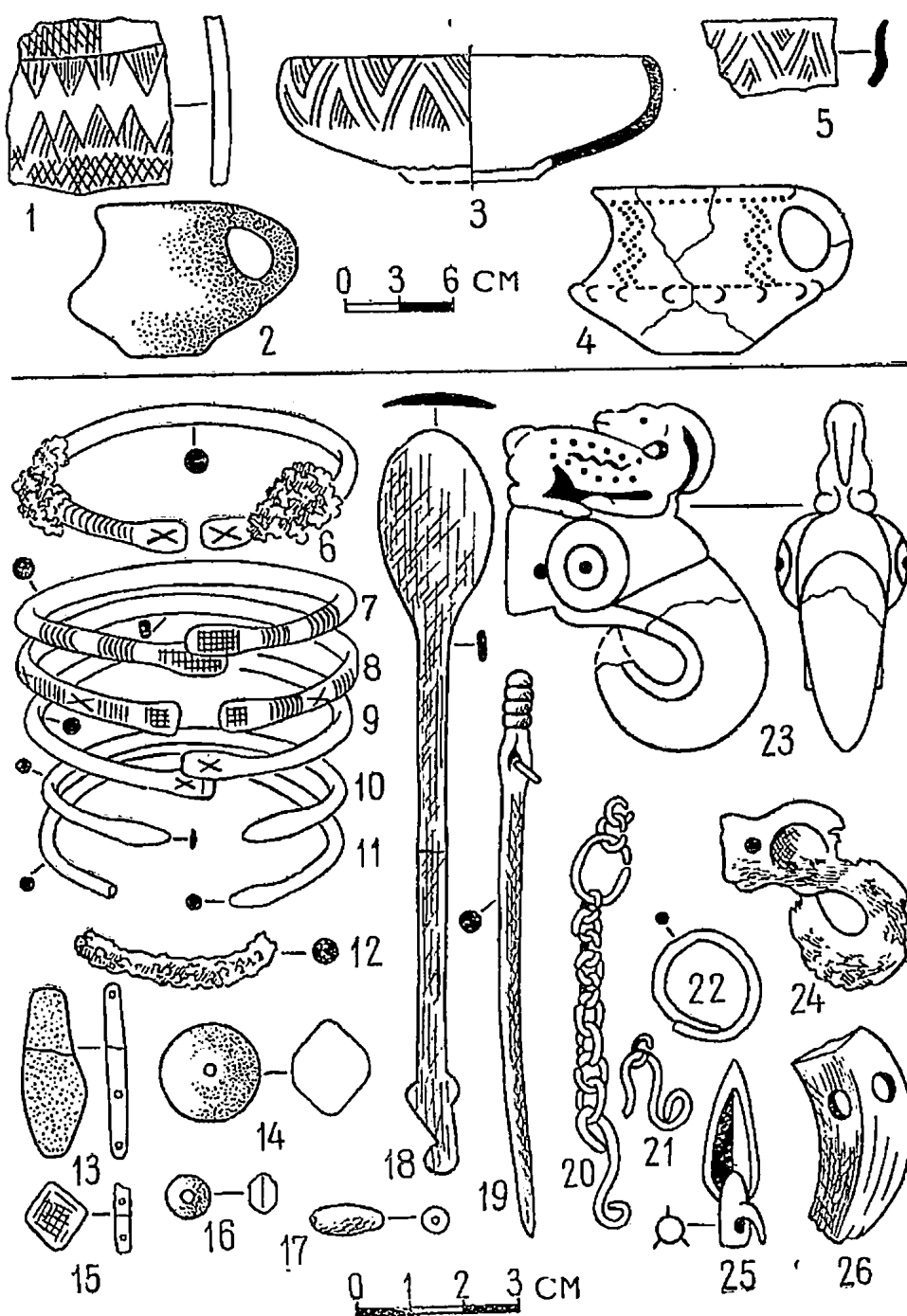

Табл. 21. Инвентарь погребения в кургане 6

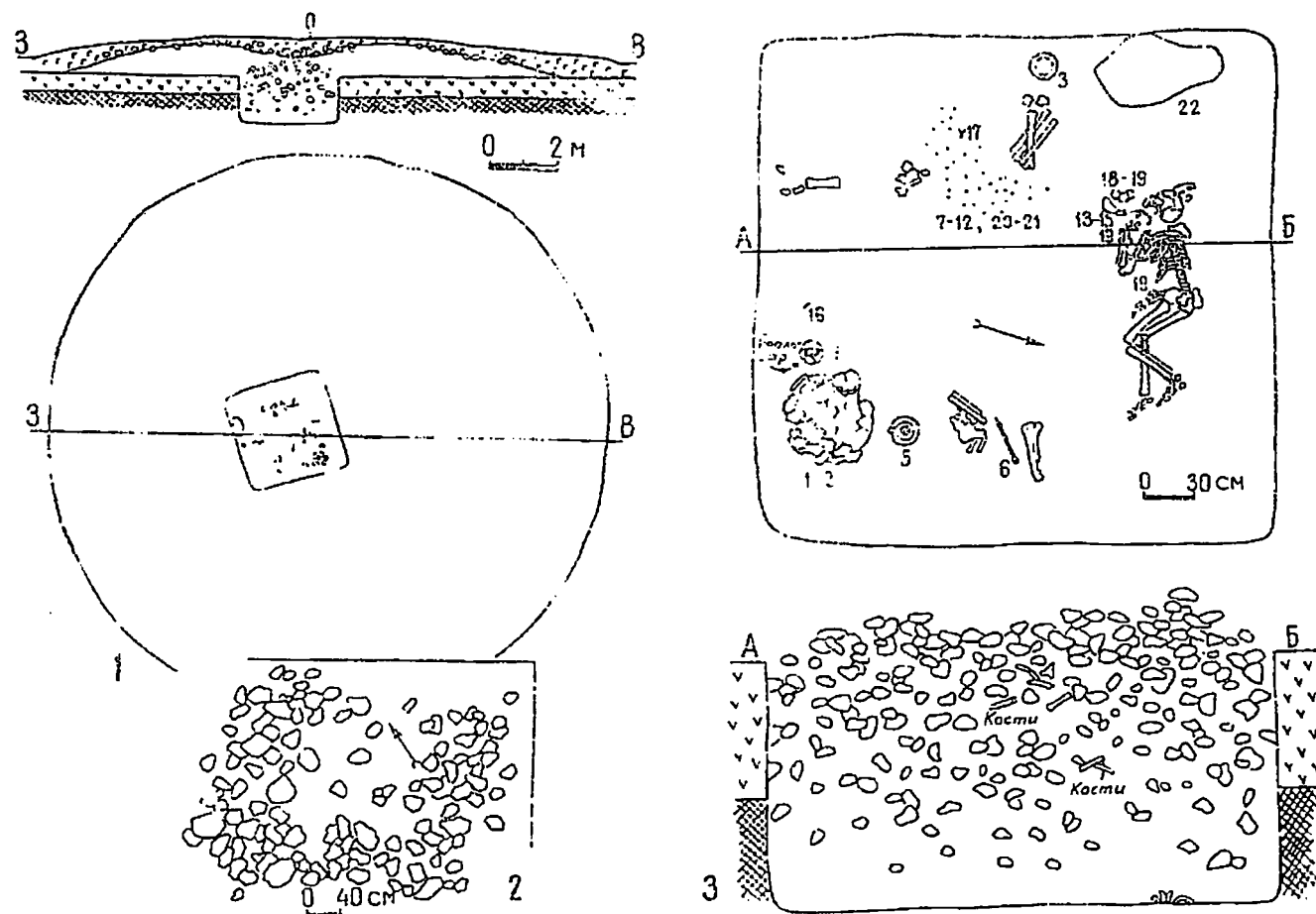

Табл. 22. Курган 7

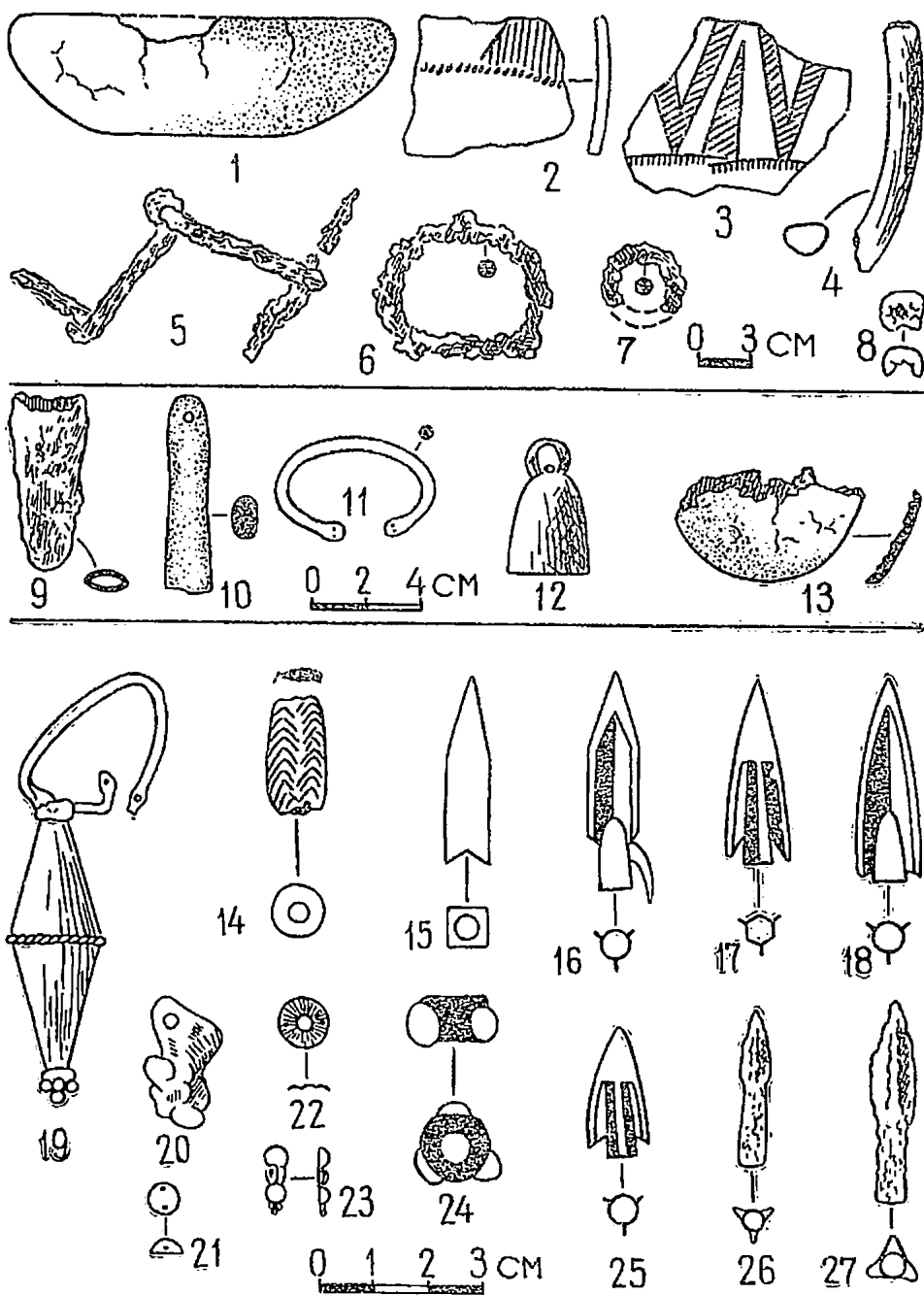

Табл. 25. Инвентарь погребения в кургане 8

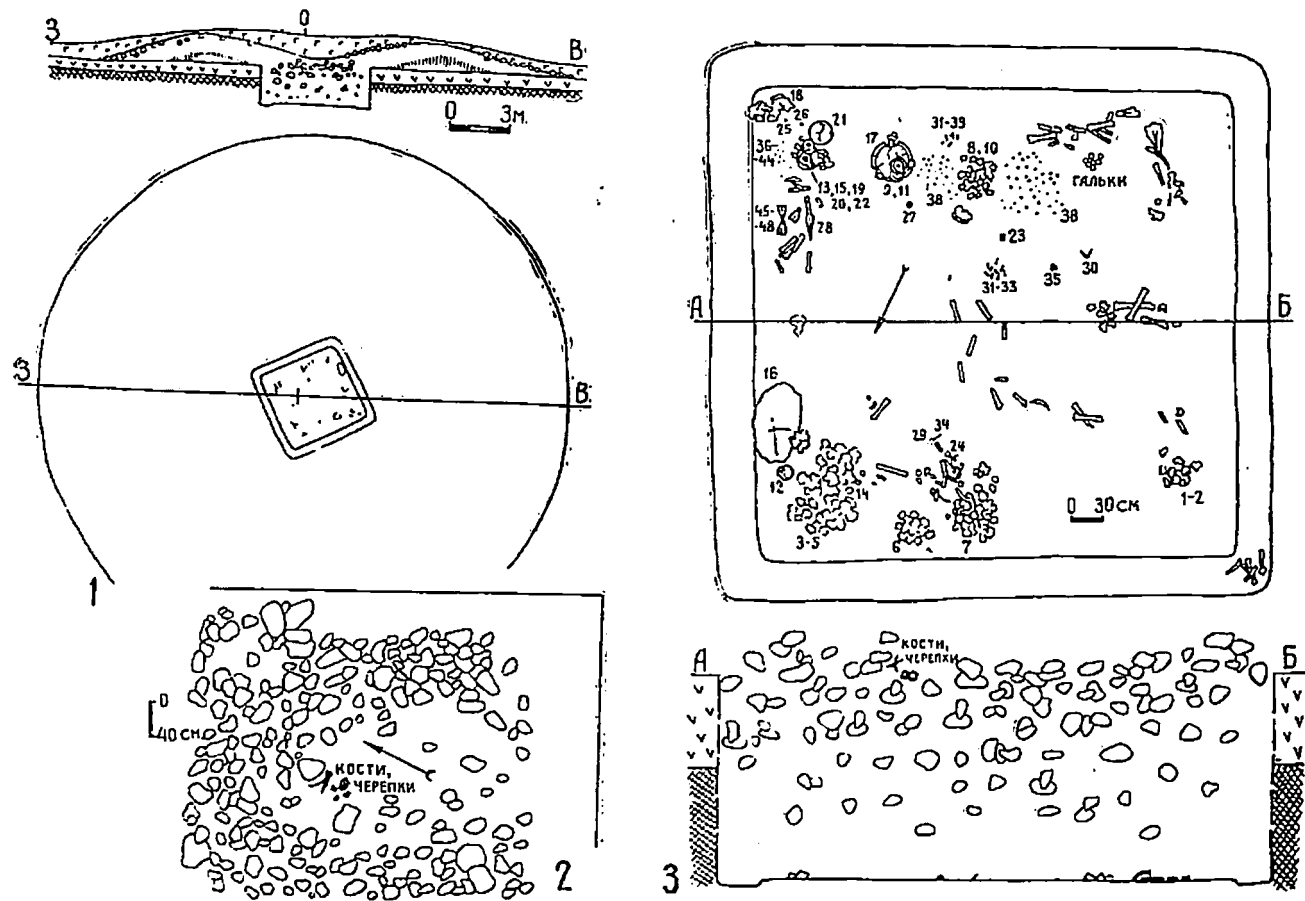

Табл. 26. Курган 9

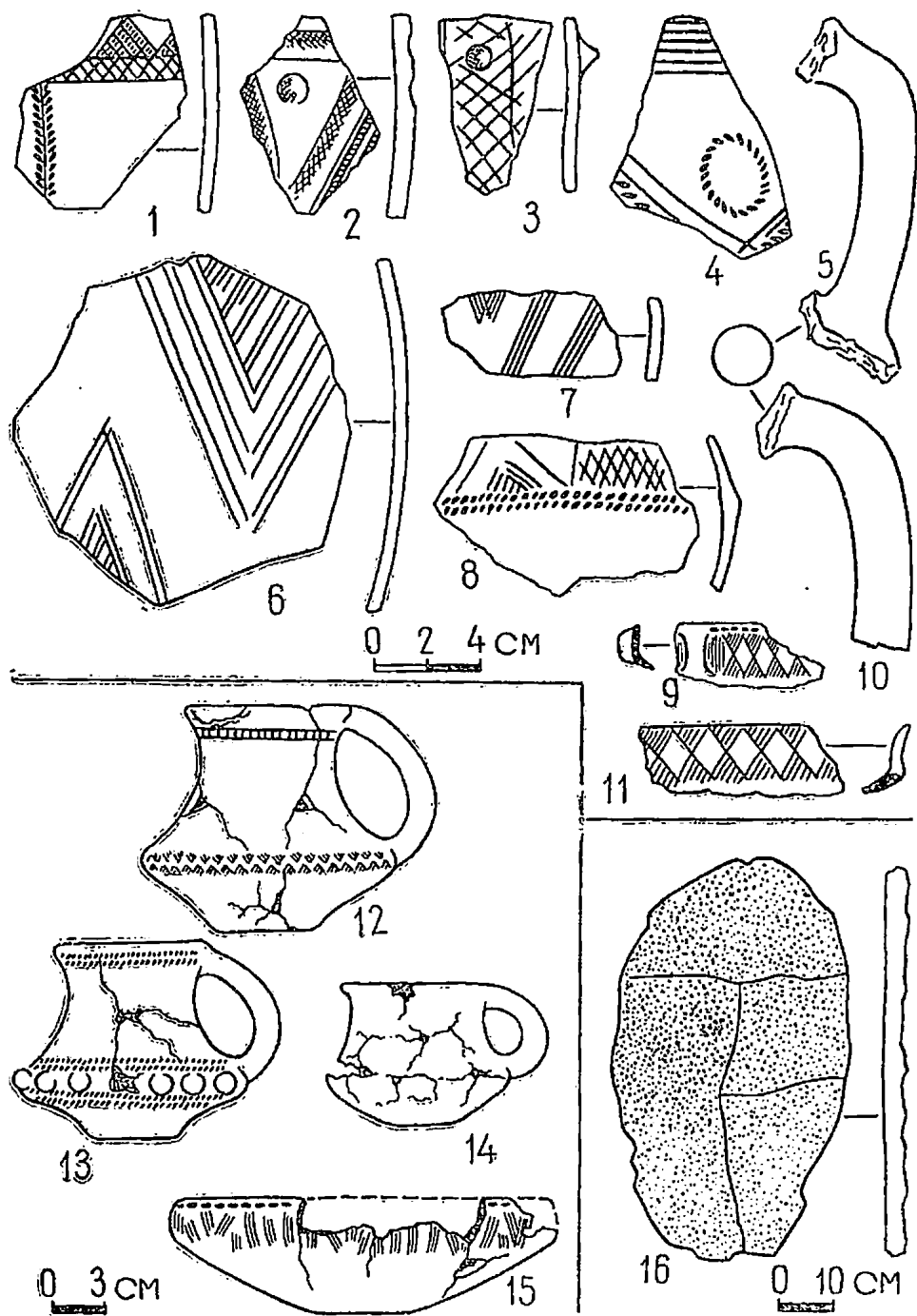

Табл. 27. Инвентарь погребения в кургане 9 (1—16)

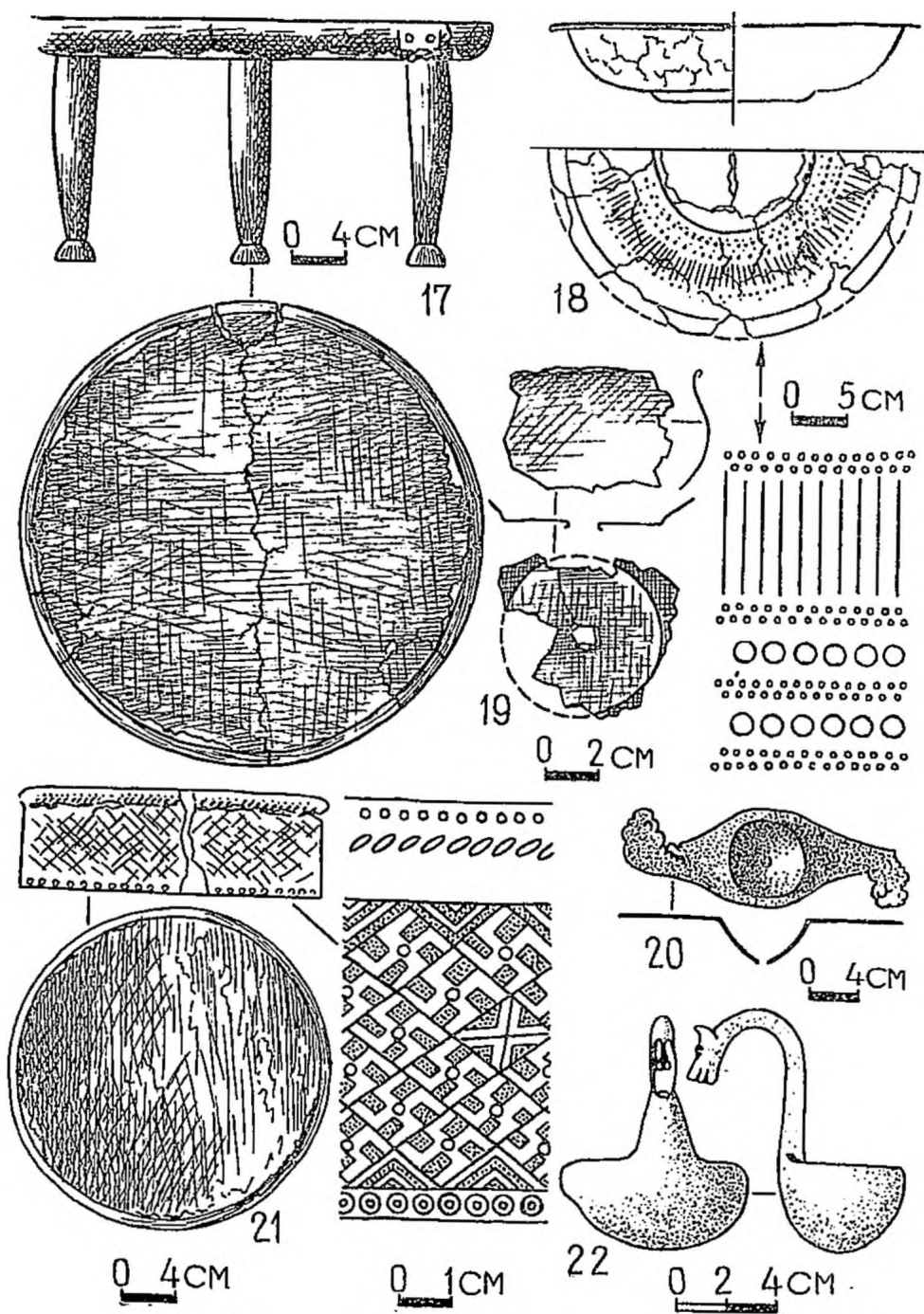

Табл. 27. Продолжение (17—22)

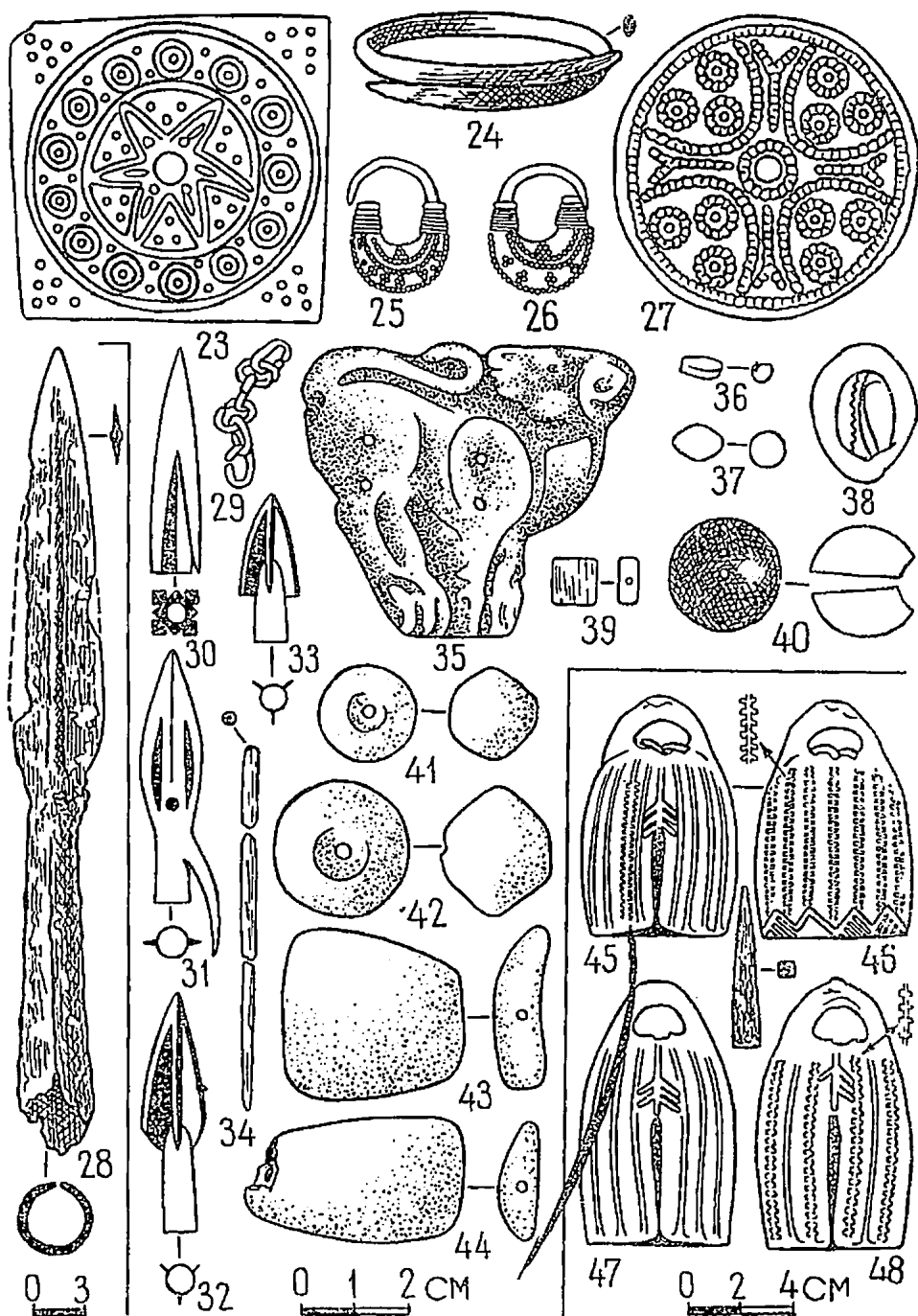

Табл. 27. Продолжение (23—48)

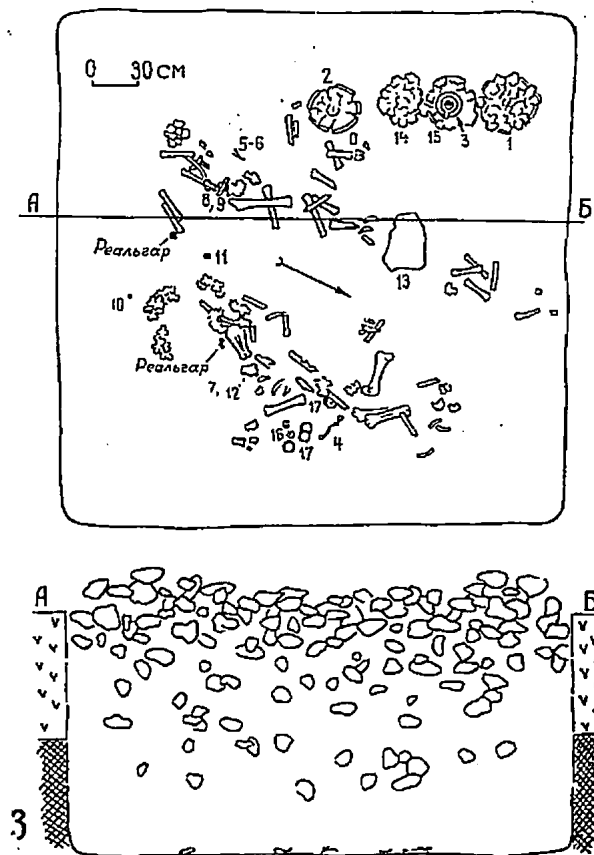
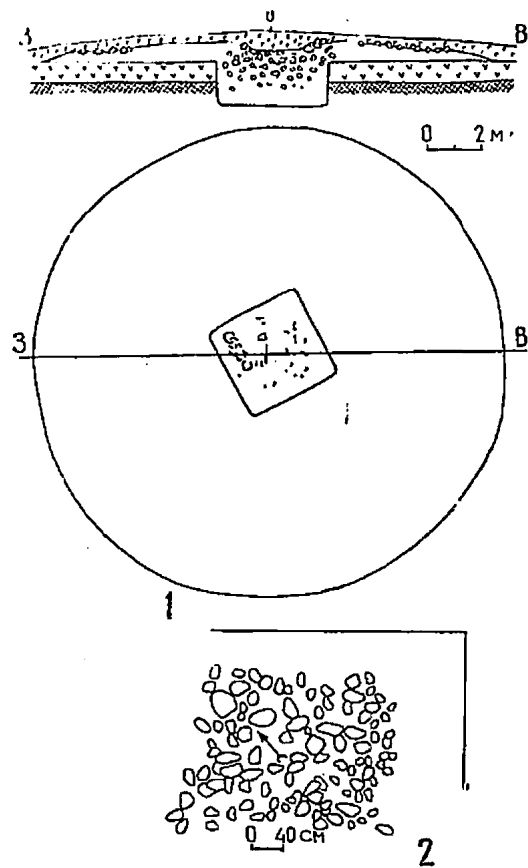

Табл. 28. Курган 10

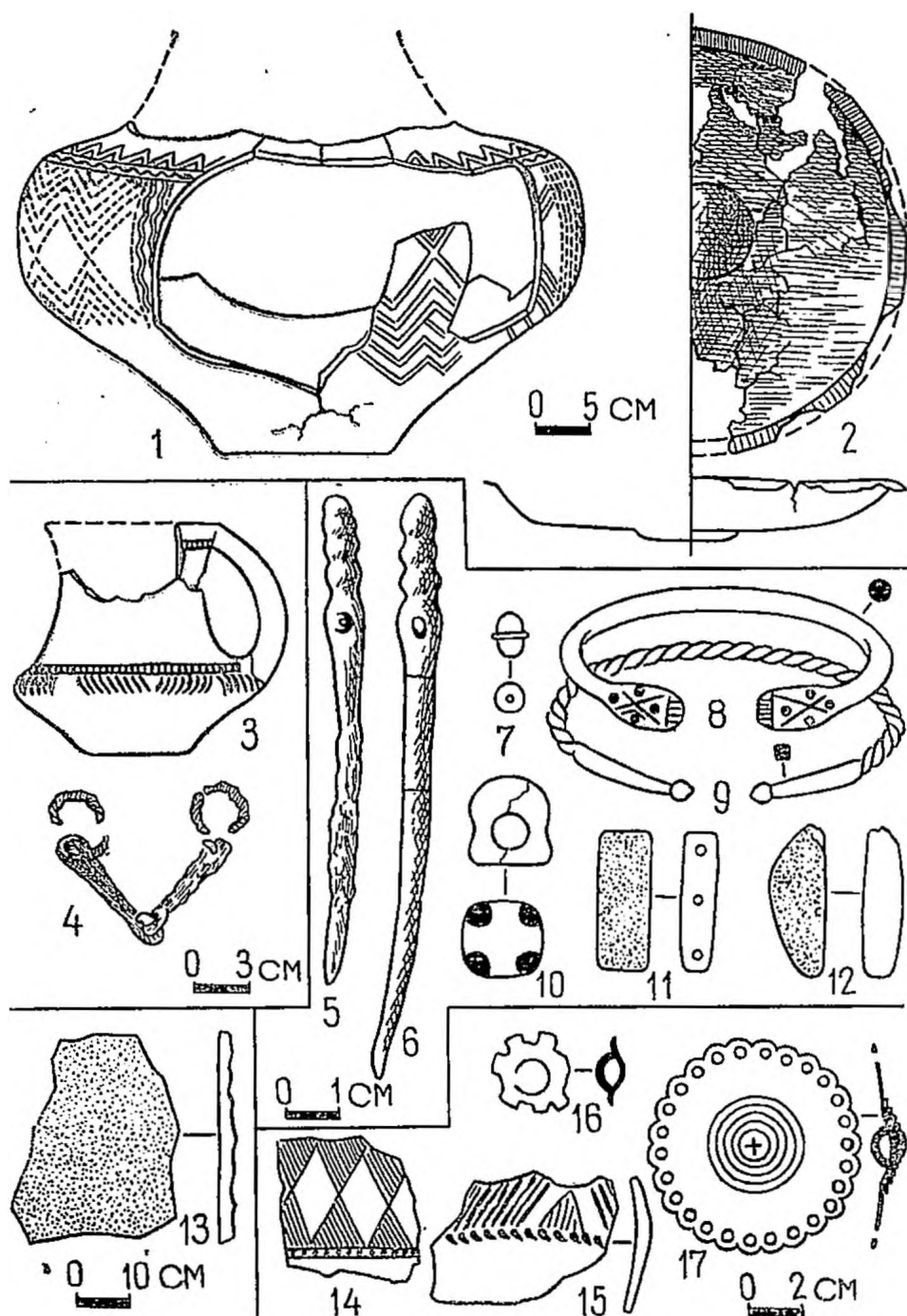

Табл. 29. Инвентарь погребения в кургане 10

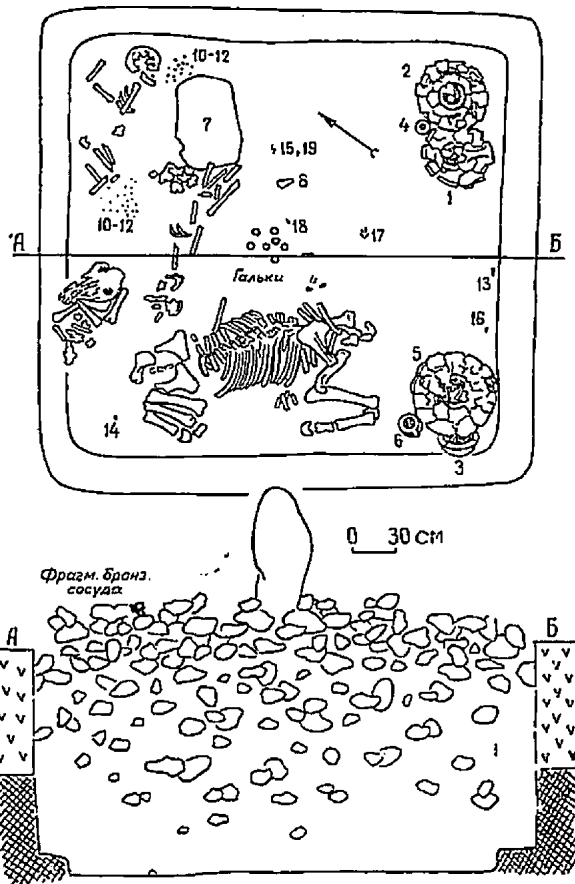
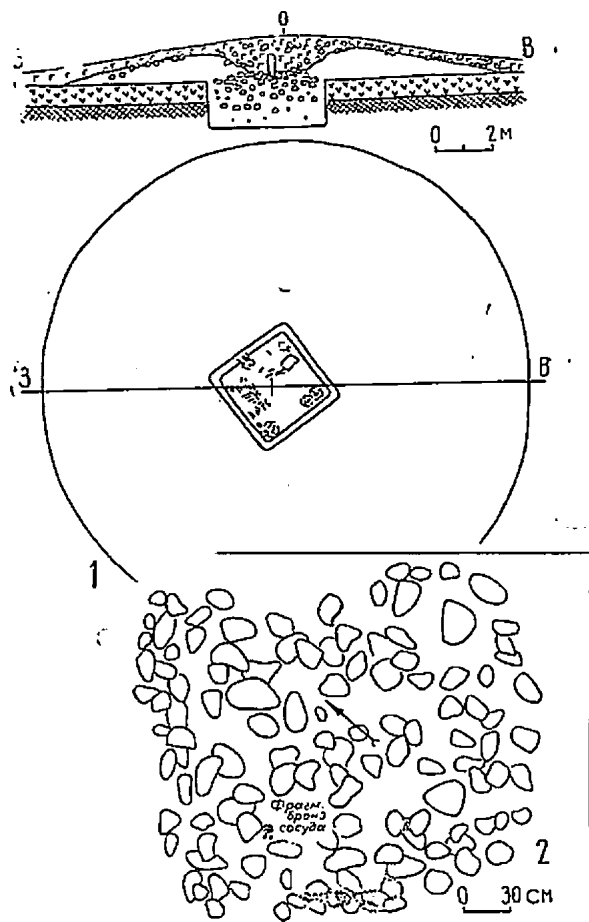

Табл. 30. Курган 11

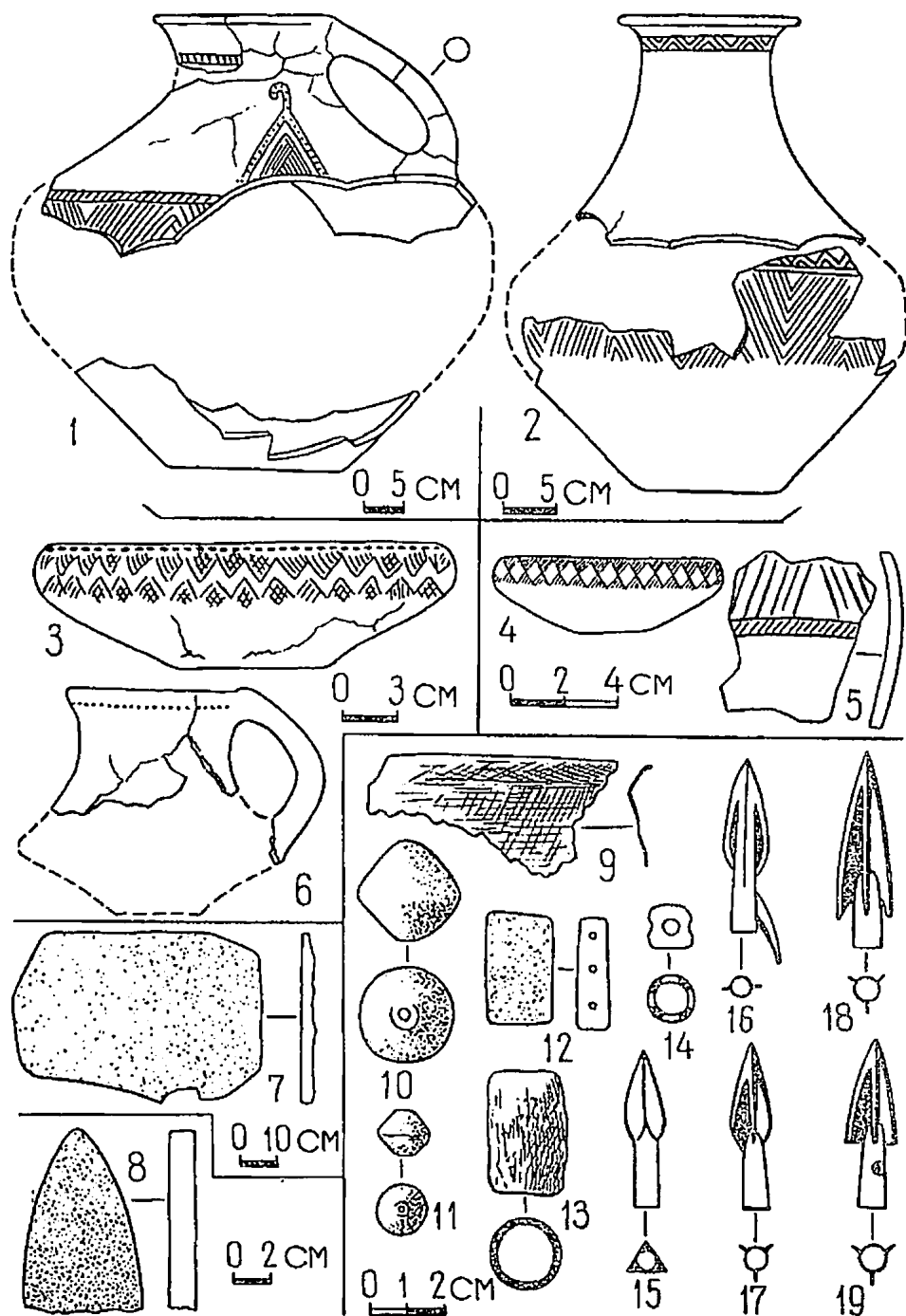

Табл. 31. Инвентарь погребения в кургане 11

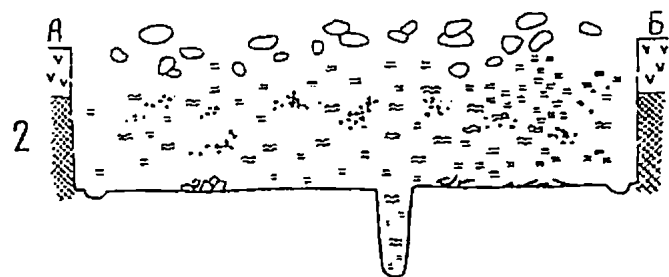
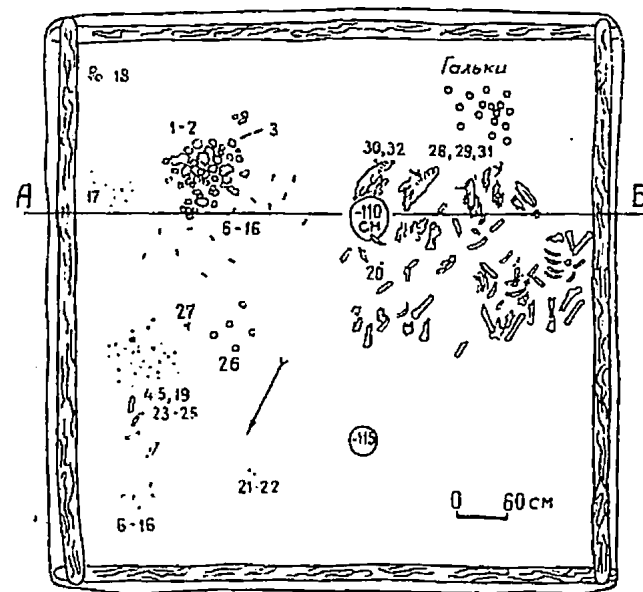
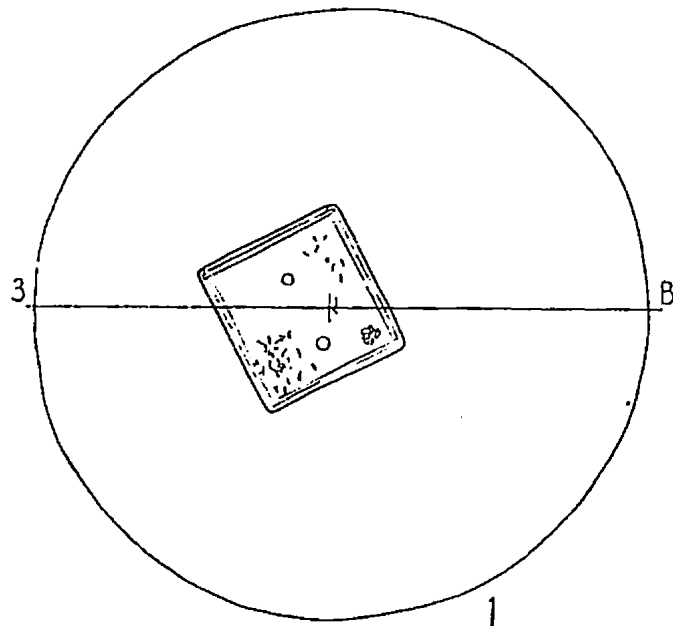
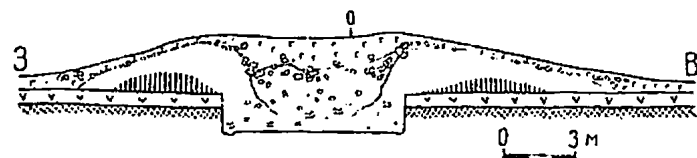

Табл. 32. Курган. 12

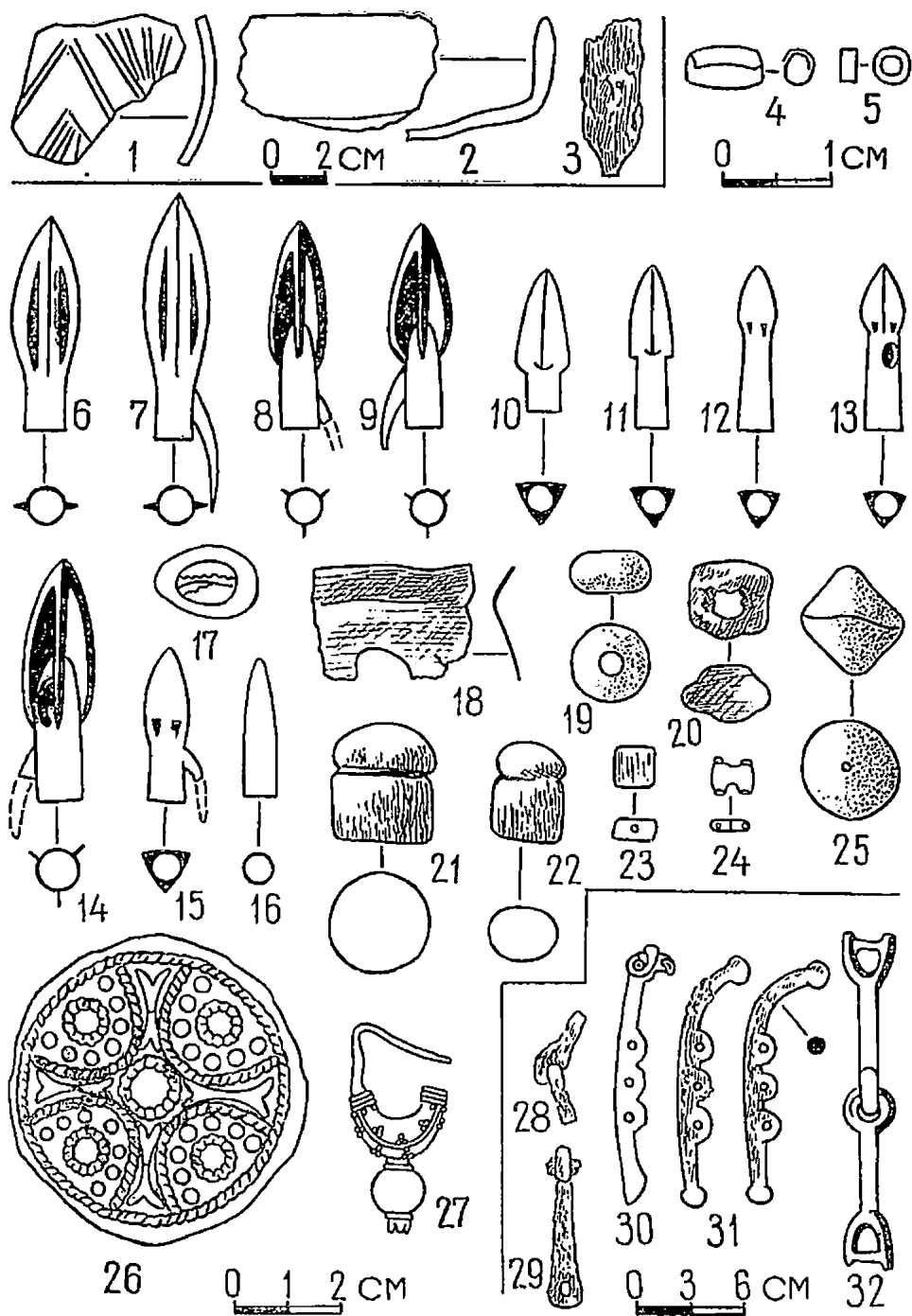

Табл. 33. Инвентарь погребения в кургане 12

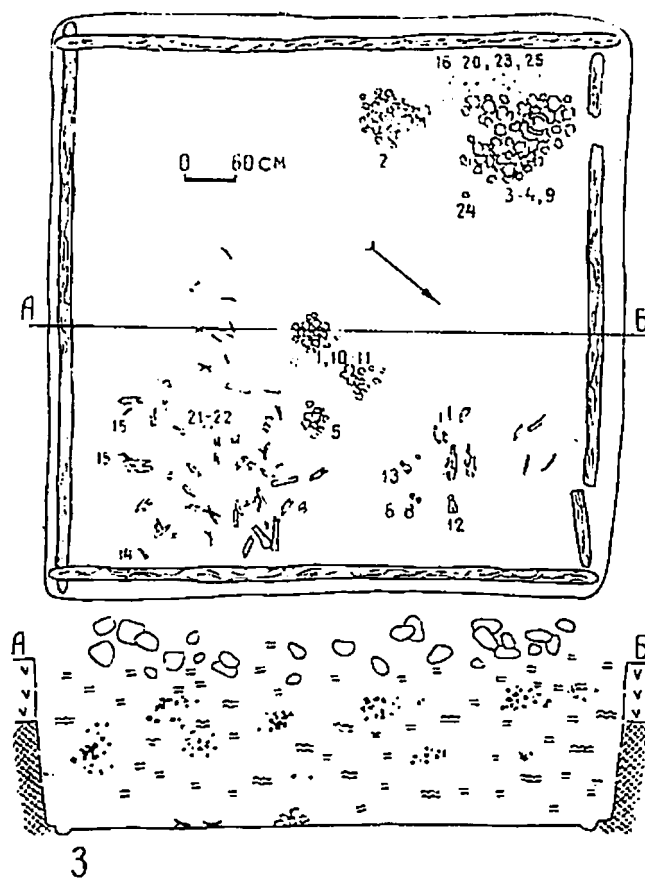
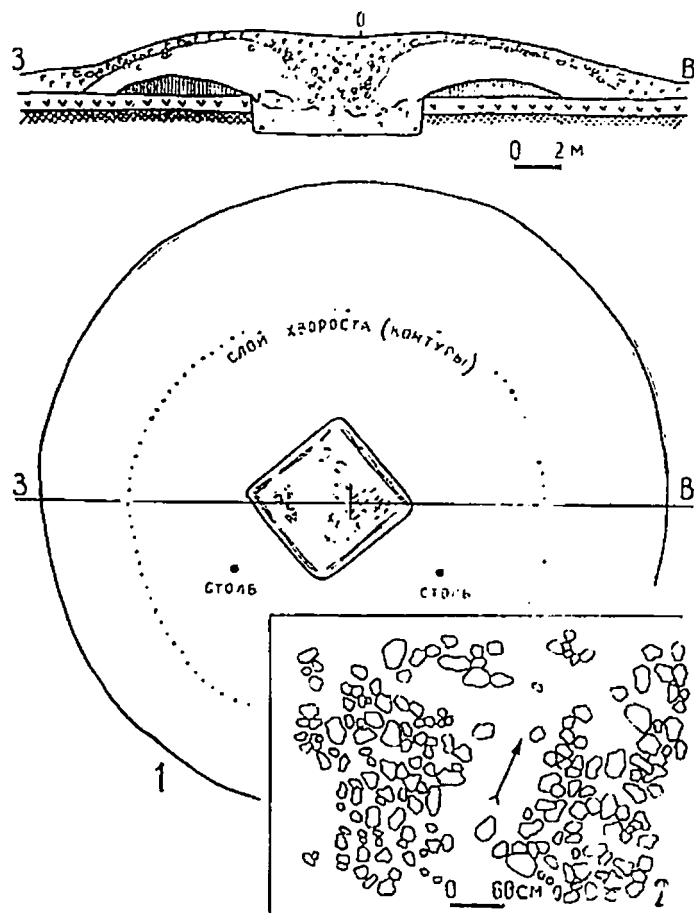

Табл. 34. Курган 13

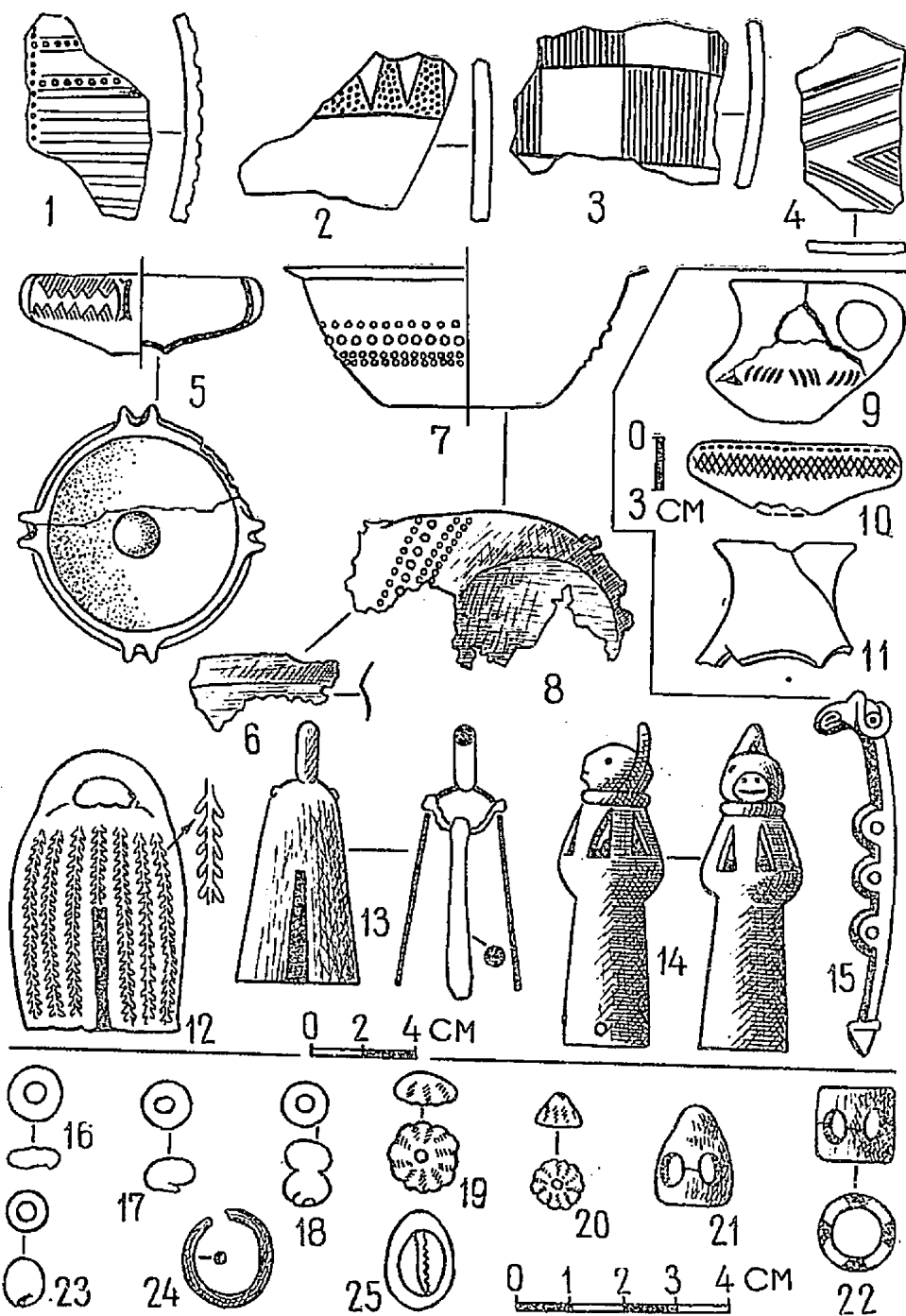

Табл. 35. Инвентарь погребения в кургане 13

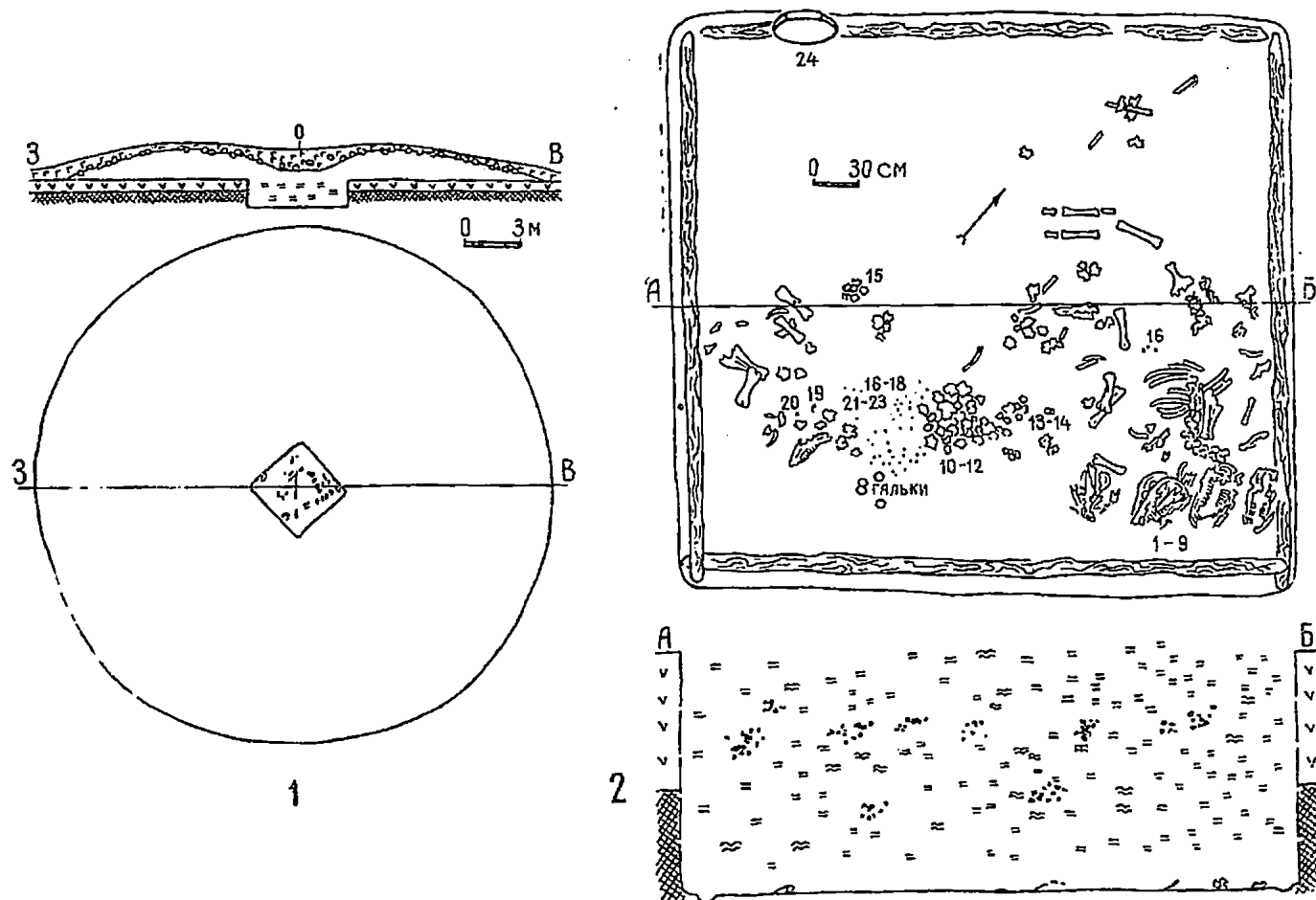

Табл. 36. Курган 14

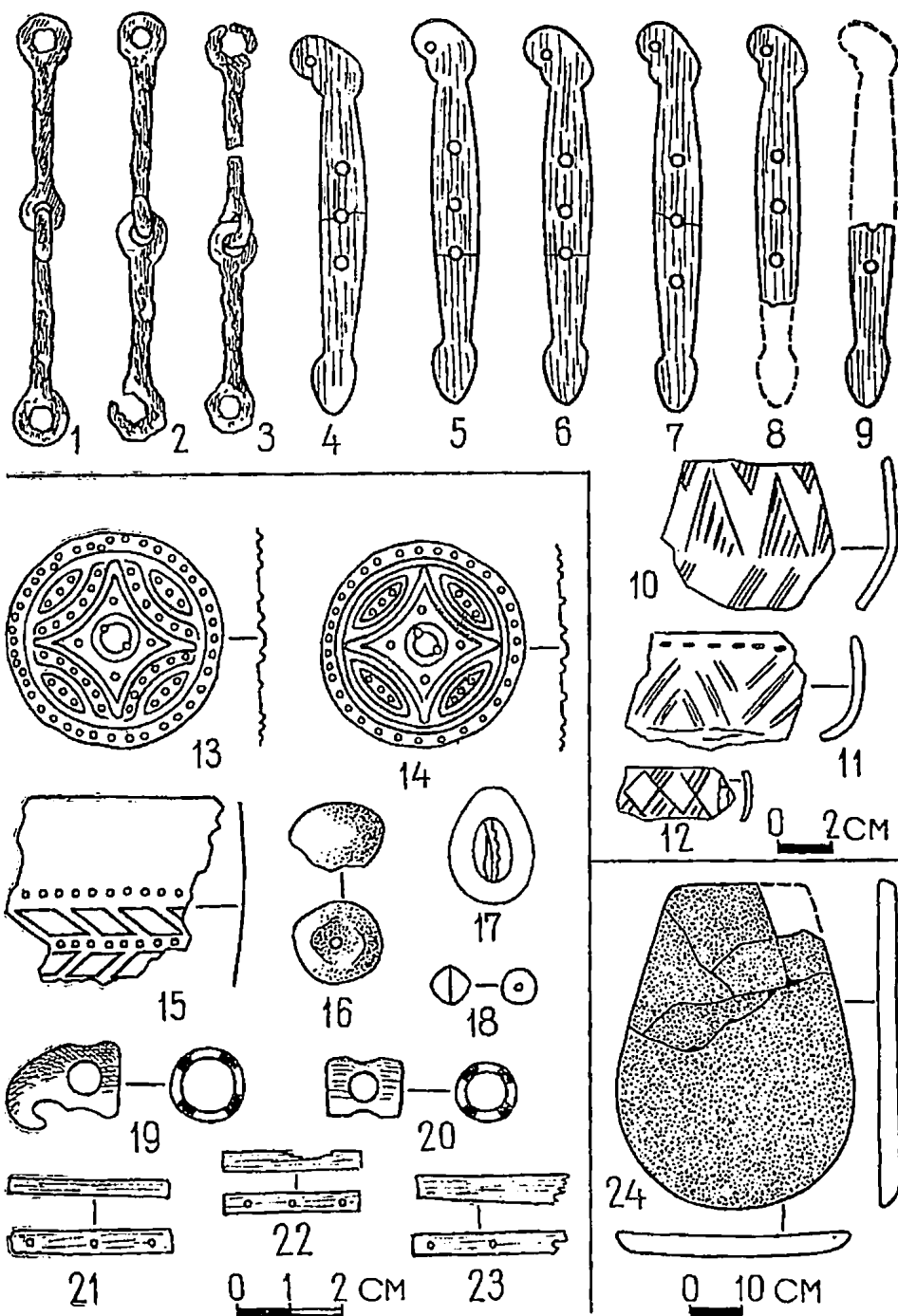

Табл. 37. Инвентарь погребения в кургане 14

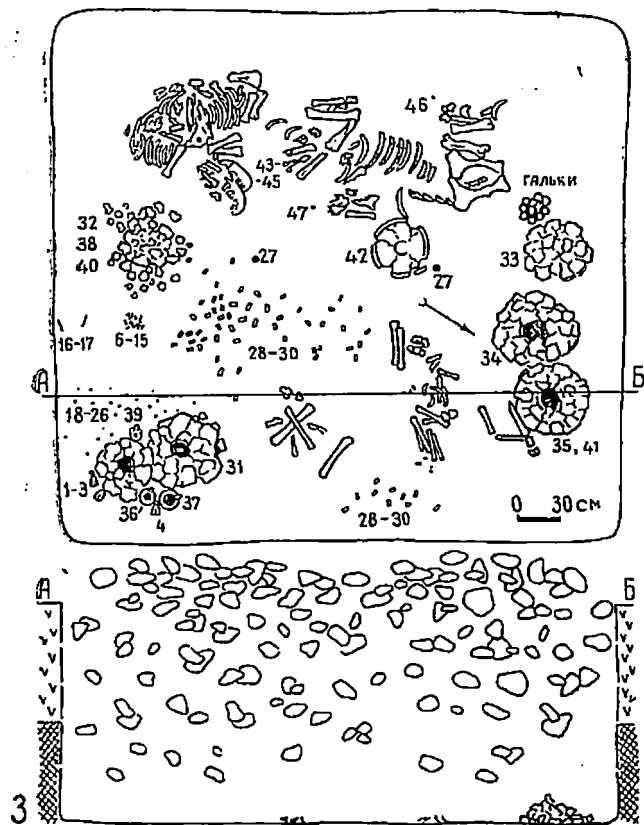
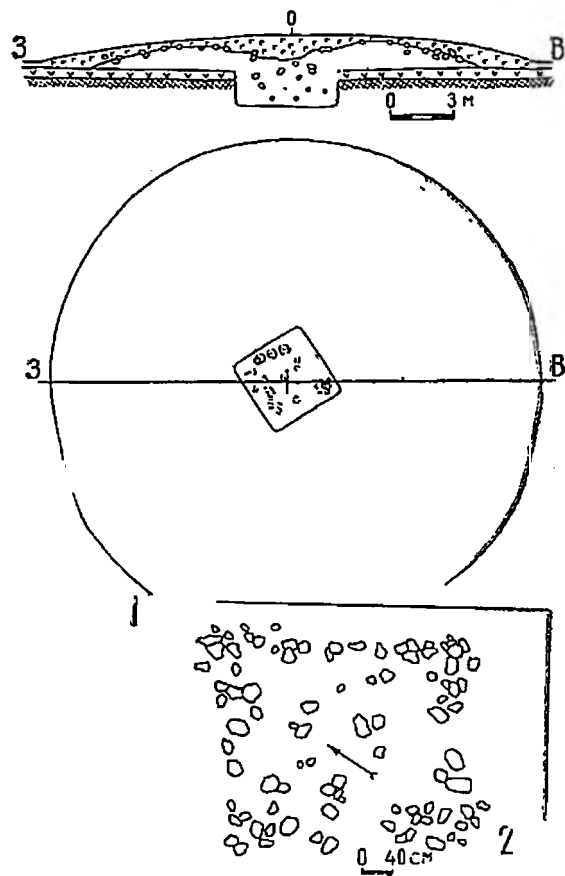

Табл. 38. Курган 15

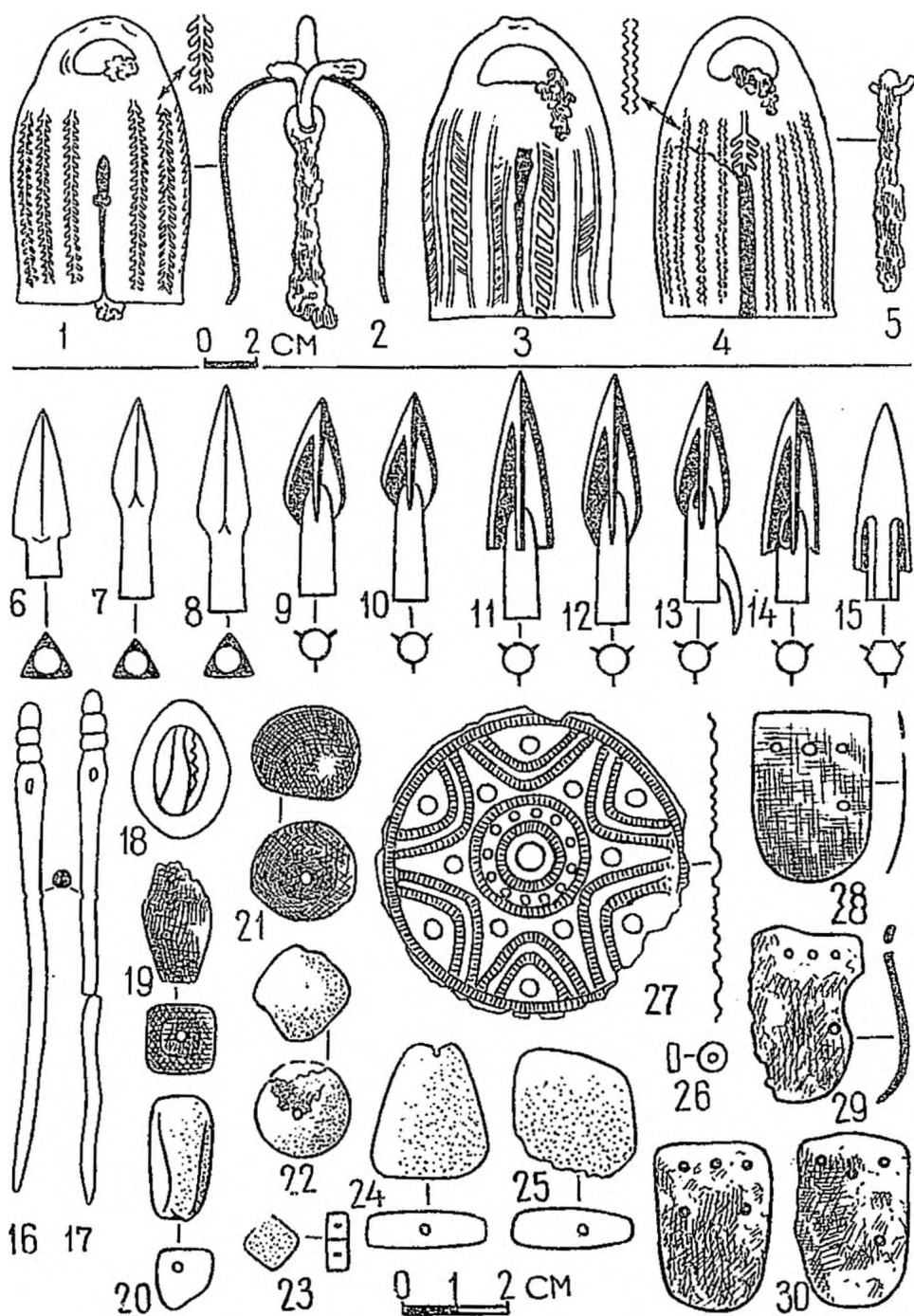

Табл. 39. Инвентарь погребения в кургане 15 (1—30)

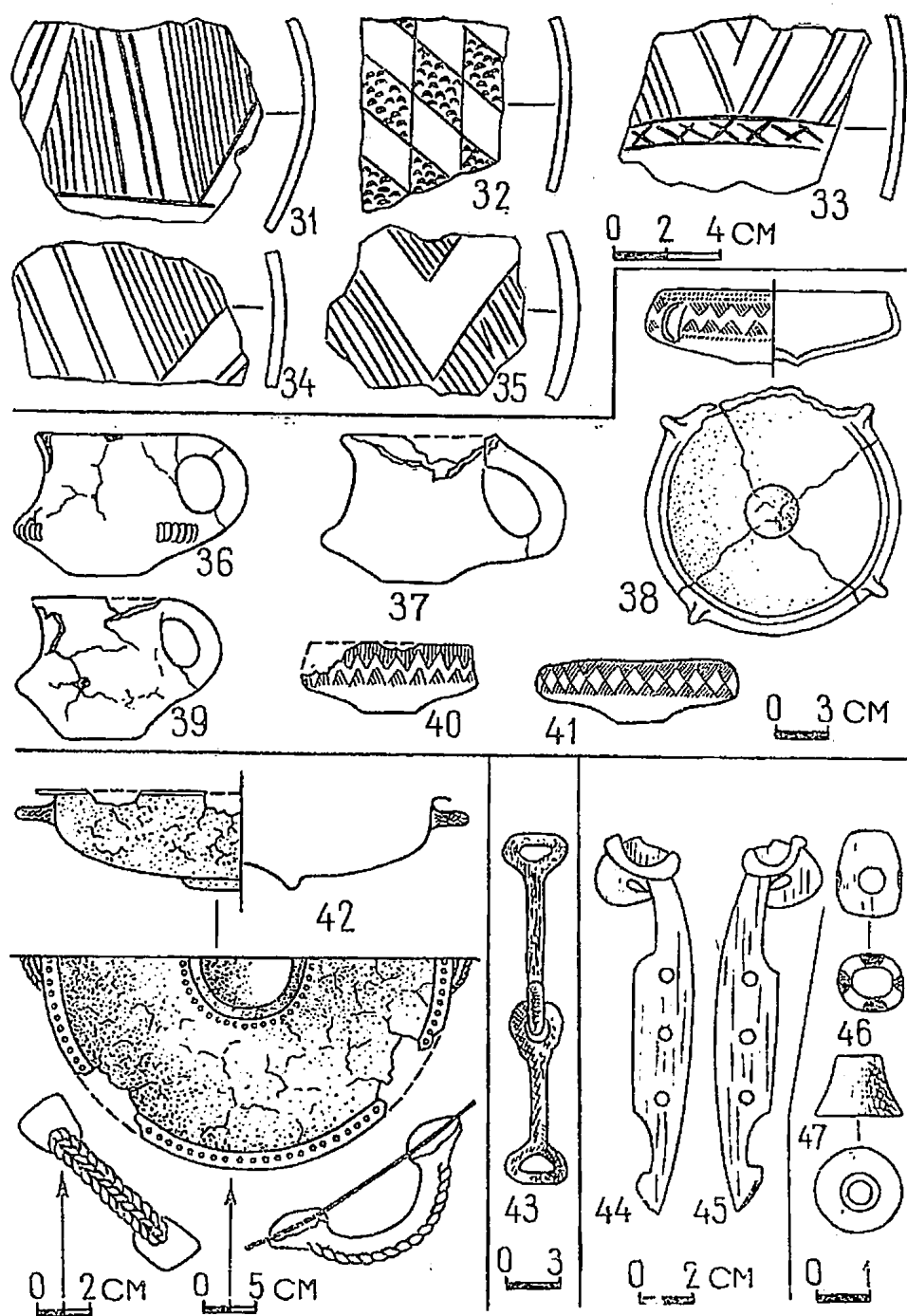

Табл. 39. Продолжение (31—47)

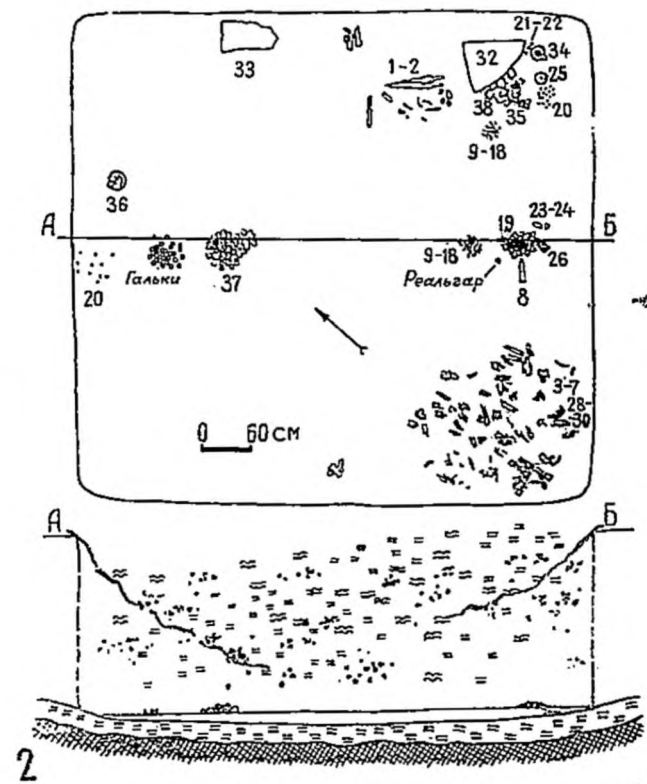
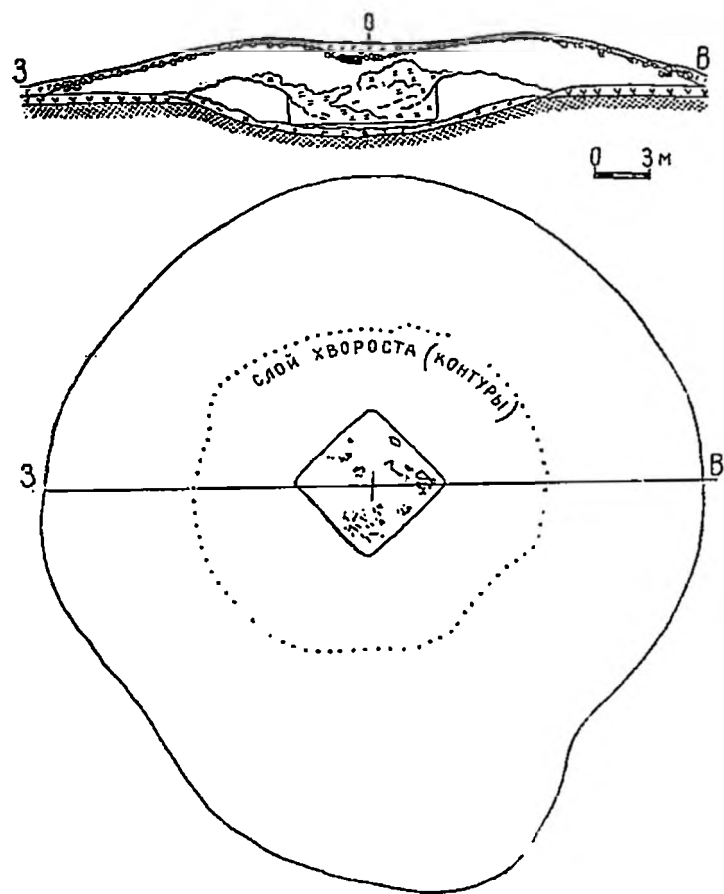

Табл. 40. Курган 16

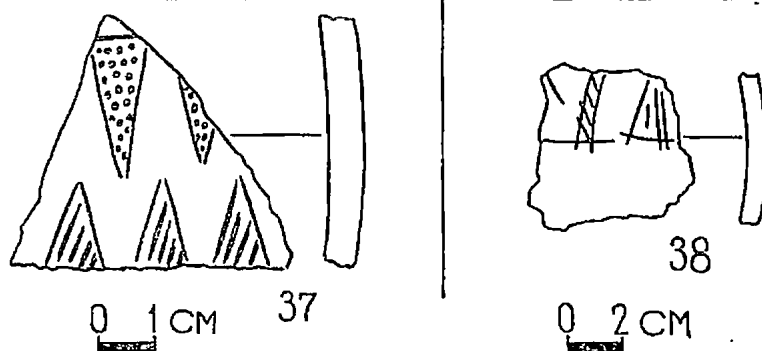
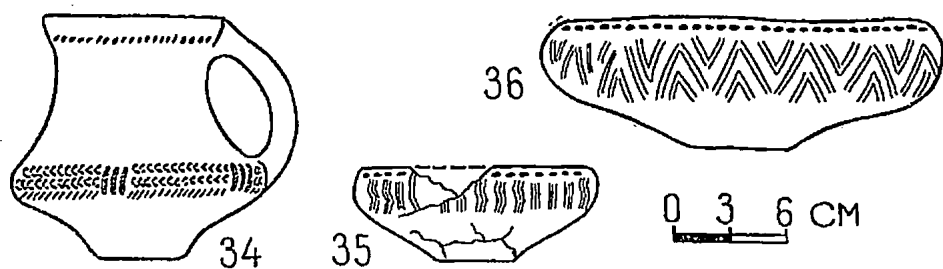
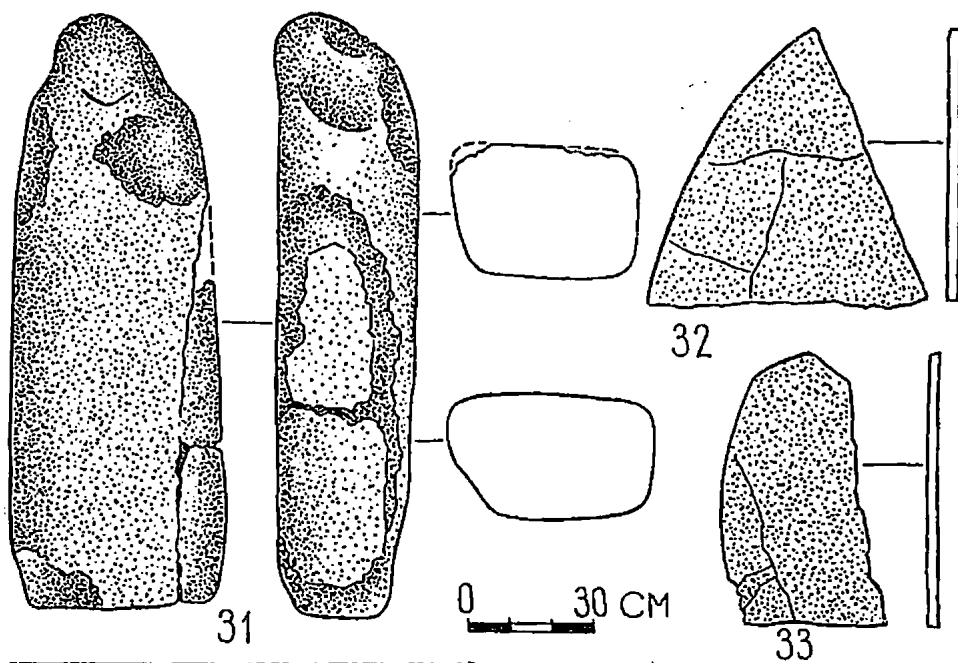

Табл. 41. Продолжение (31—38)

7*

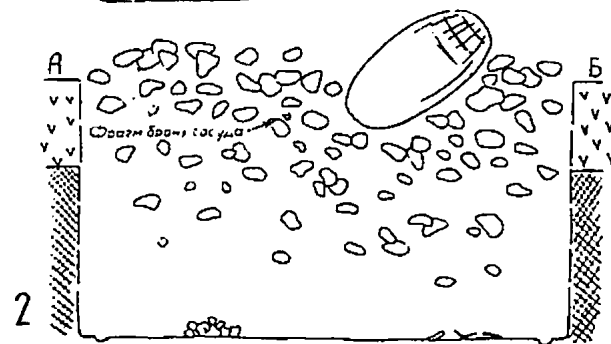
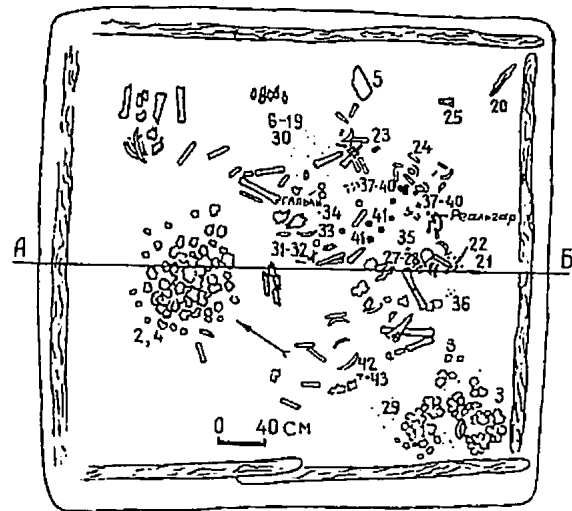
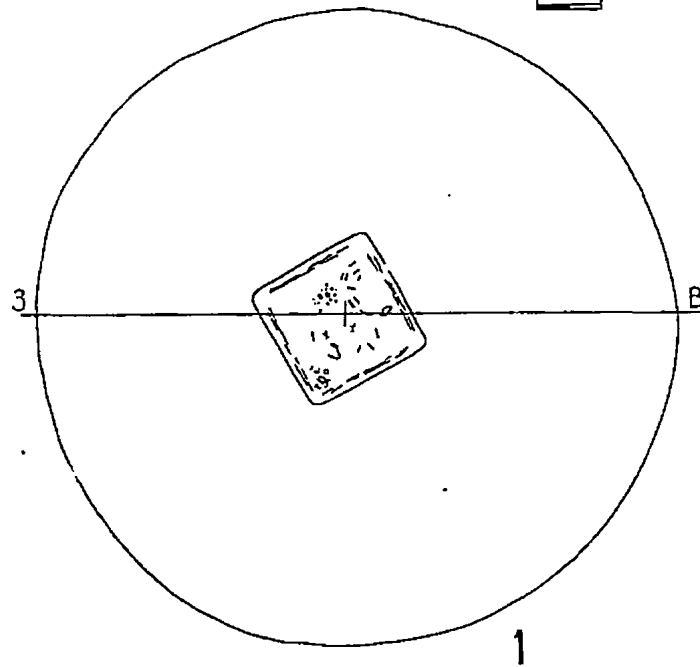
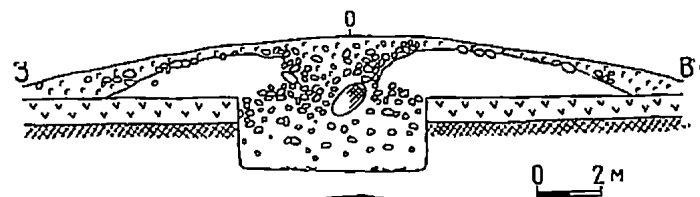

Табл. 42. Курган 17

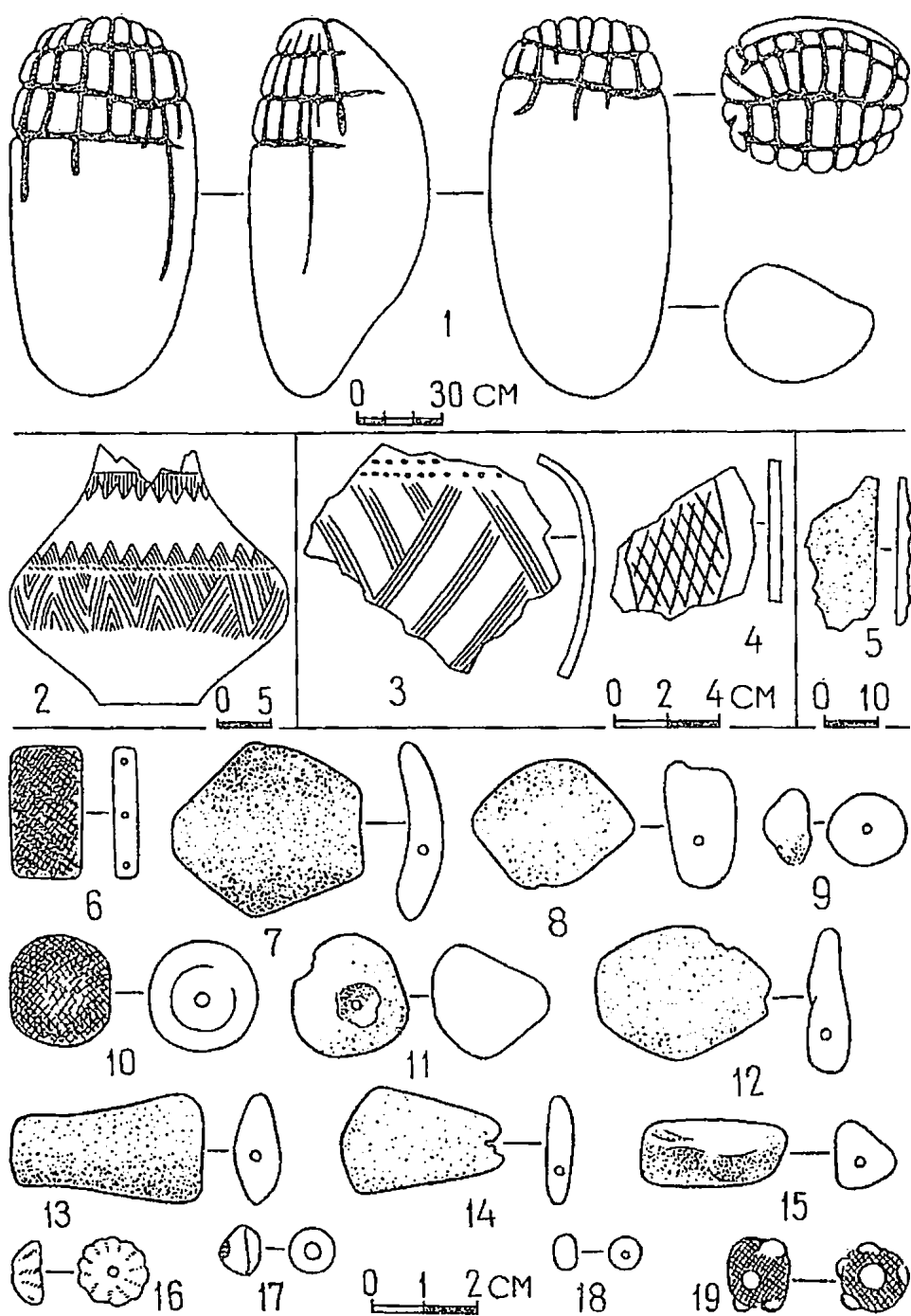

Табл. 43. Инвентарь погребения в кургане 17 (1—19)

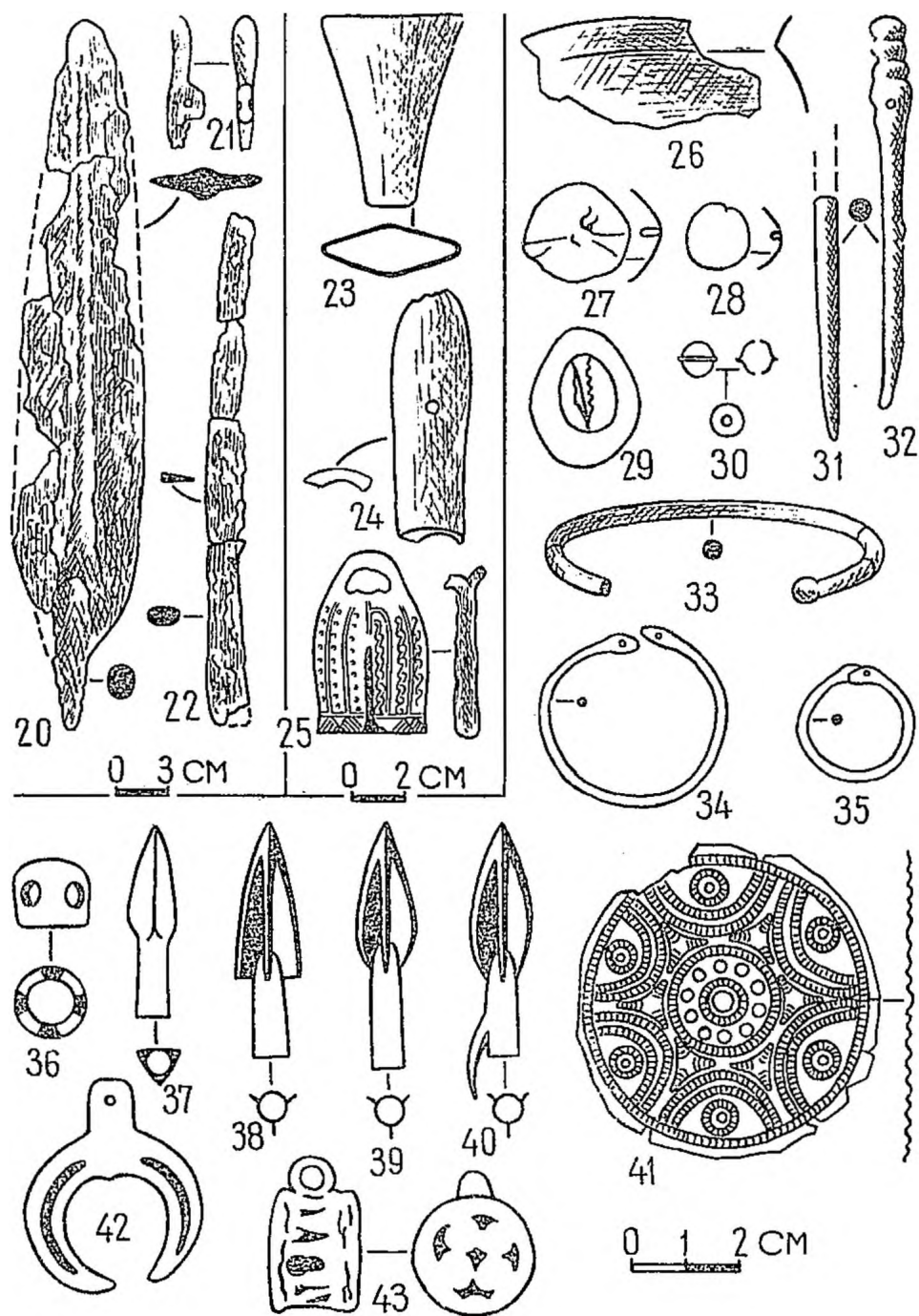

Табл. 43. Продолжение (20—43)

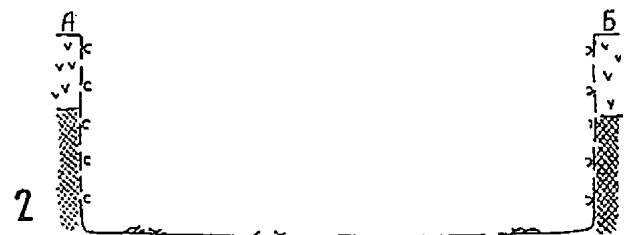
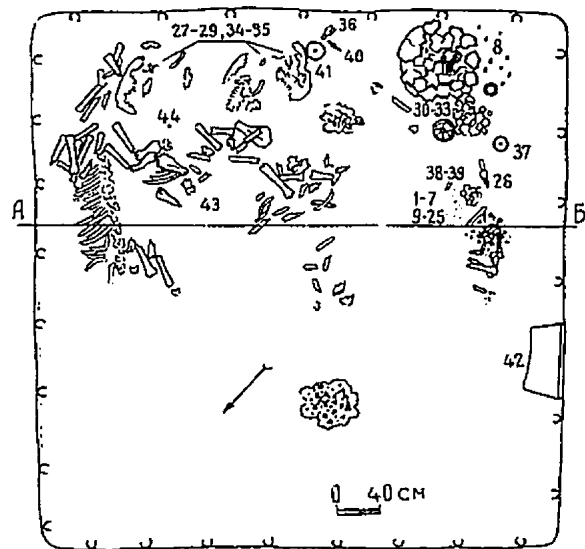
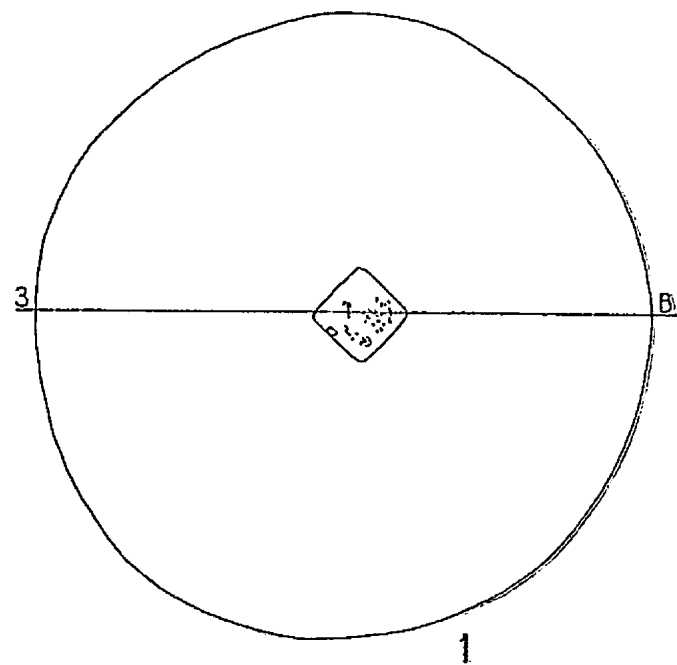
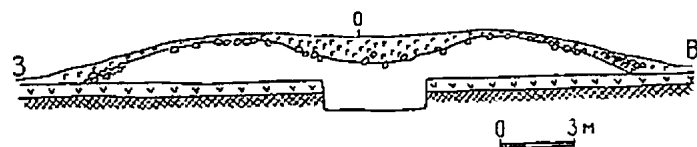

Табл. 44. Курган 18

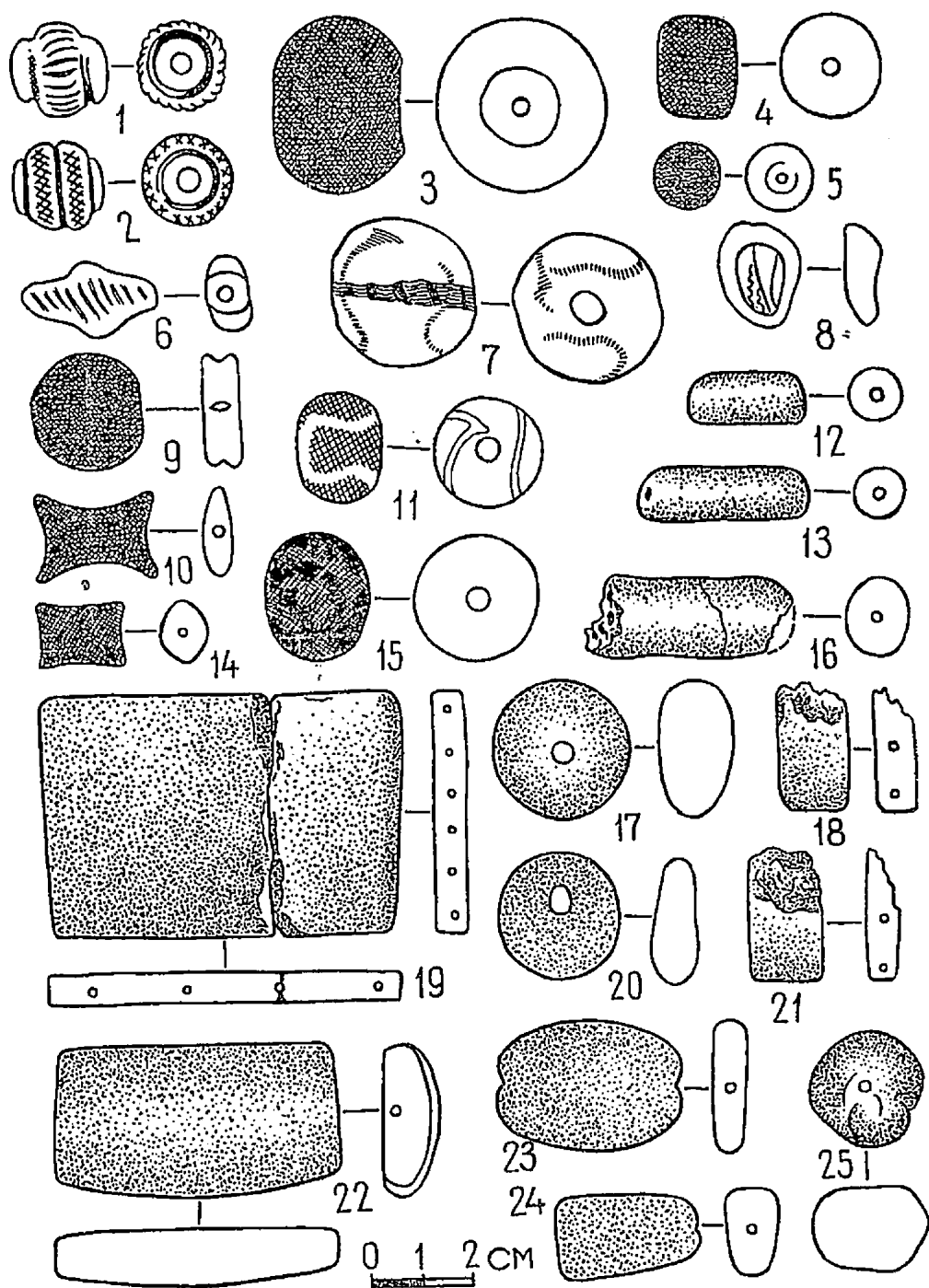

Табл. 45. Инвентарь погребения в кургане 18 (1—25)

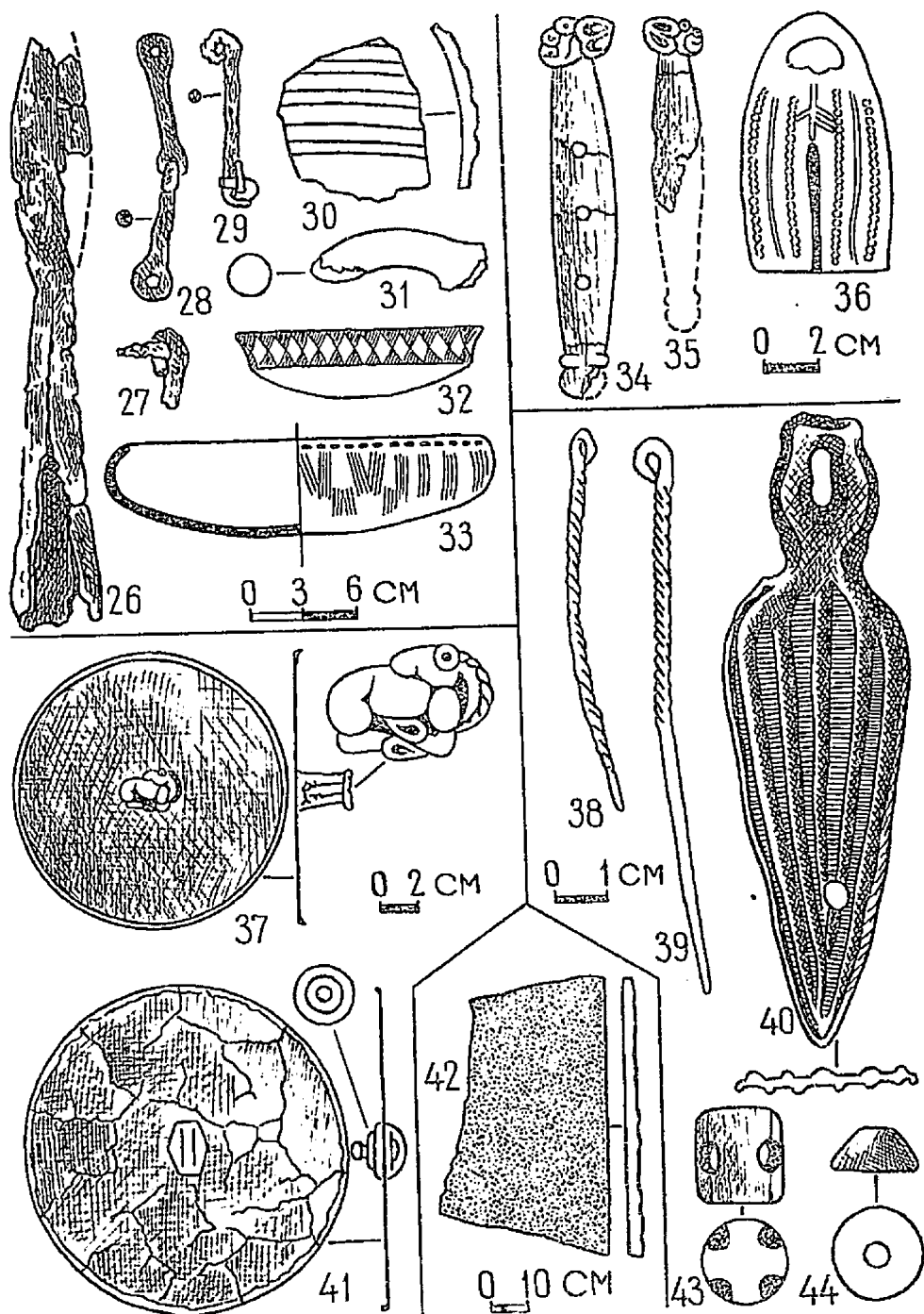

Табл. 45. Продолжение (26—44)

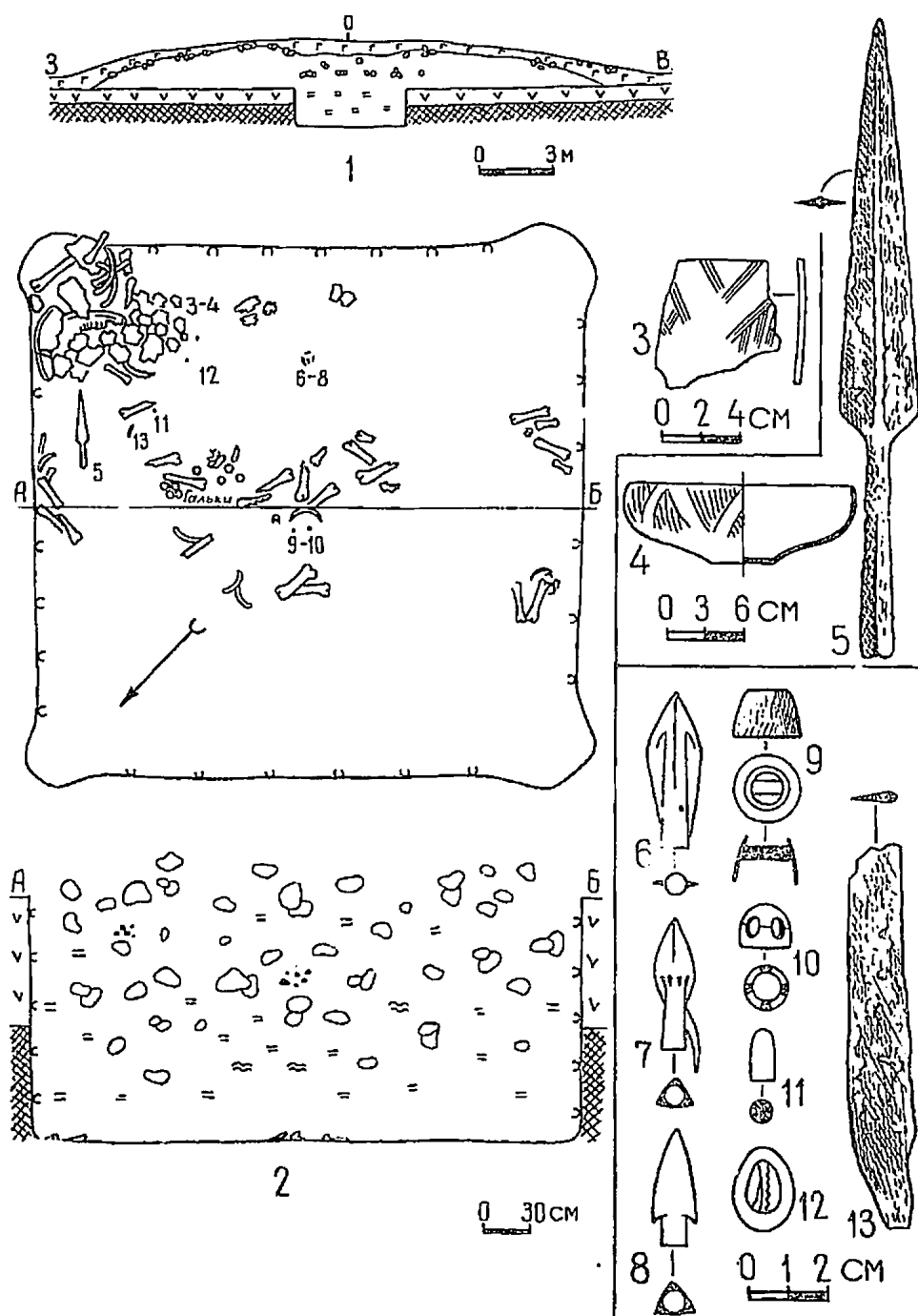

Табл. 46. Курган 19 и инвентарь погребения

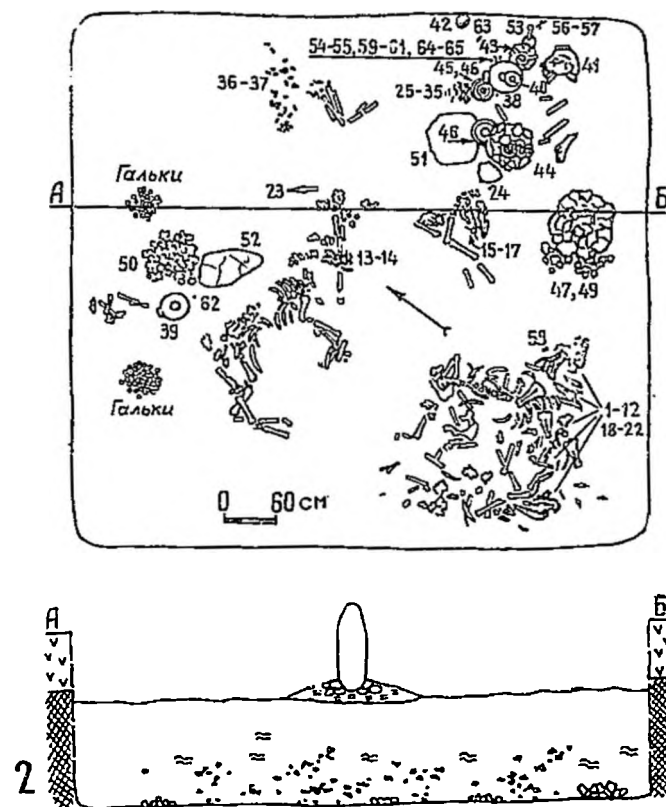
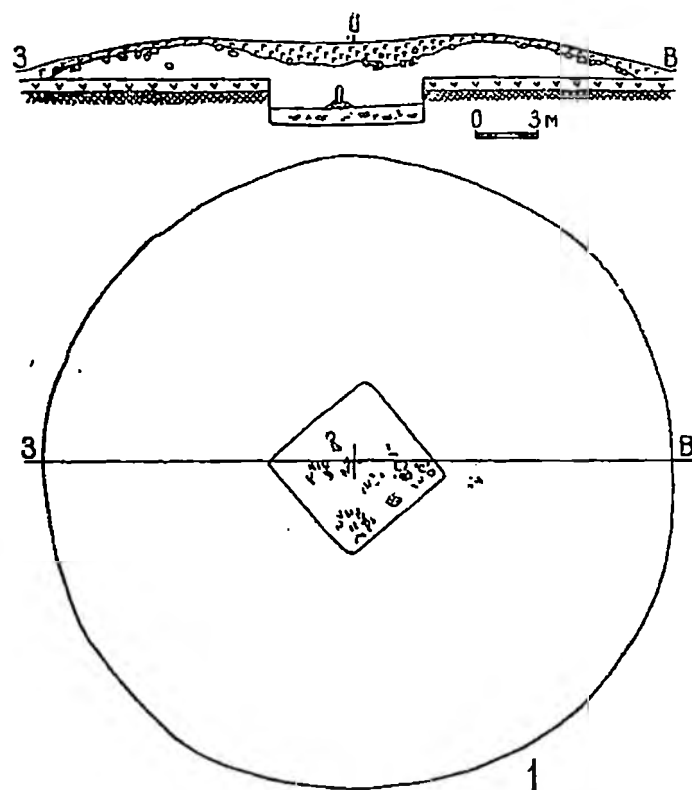

Табл. 47. Курган 20

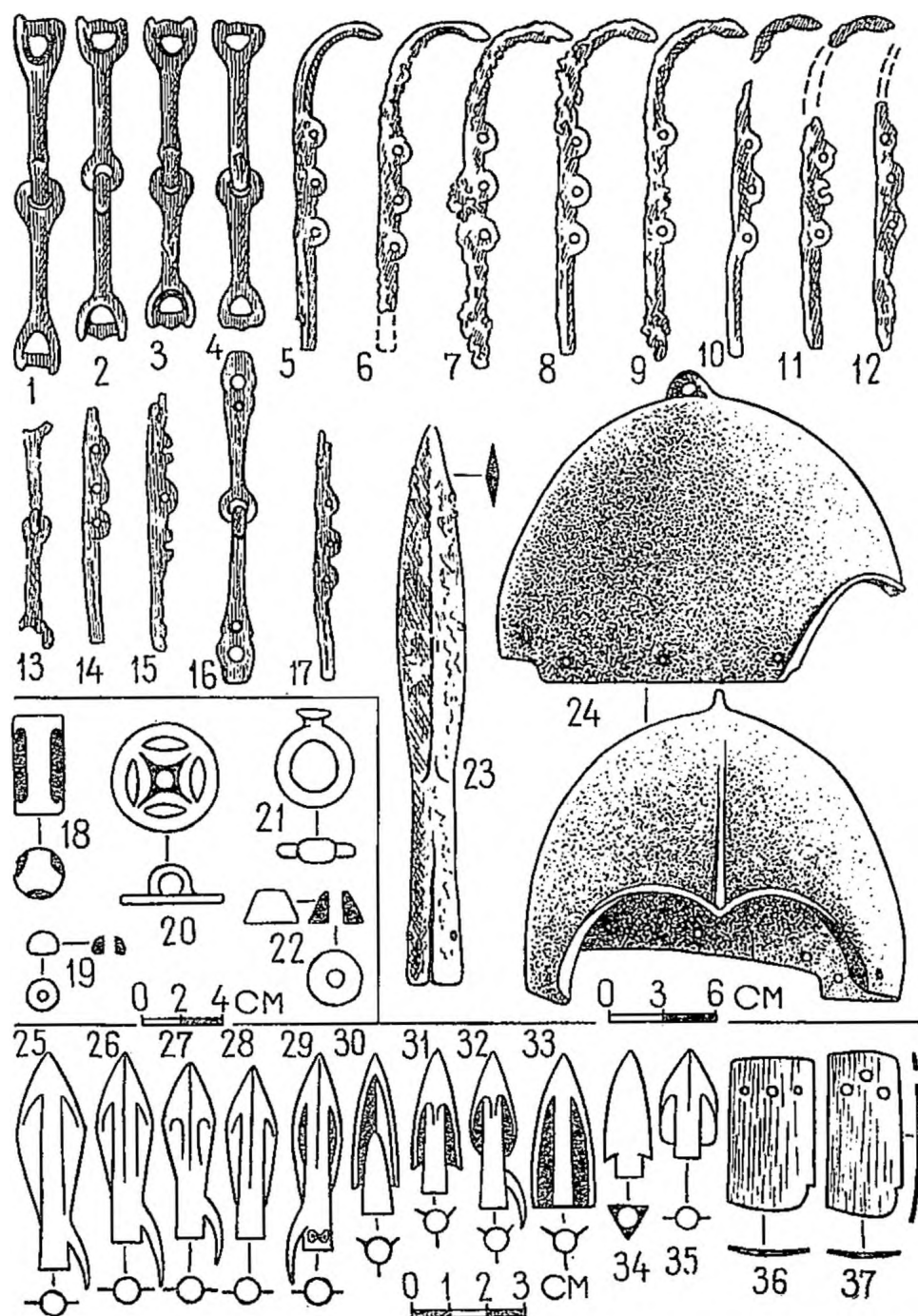

Табл. 48. Инвентарь из погребения в кургане 20 (1—37)

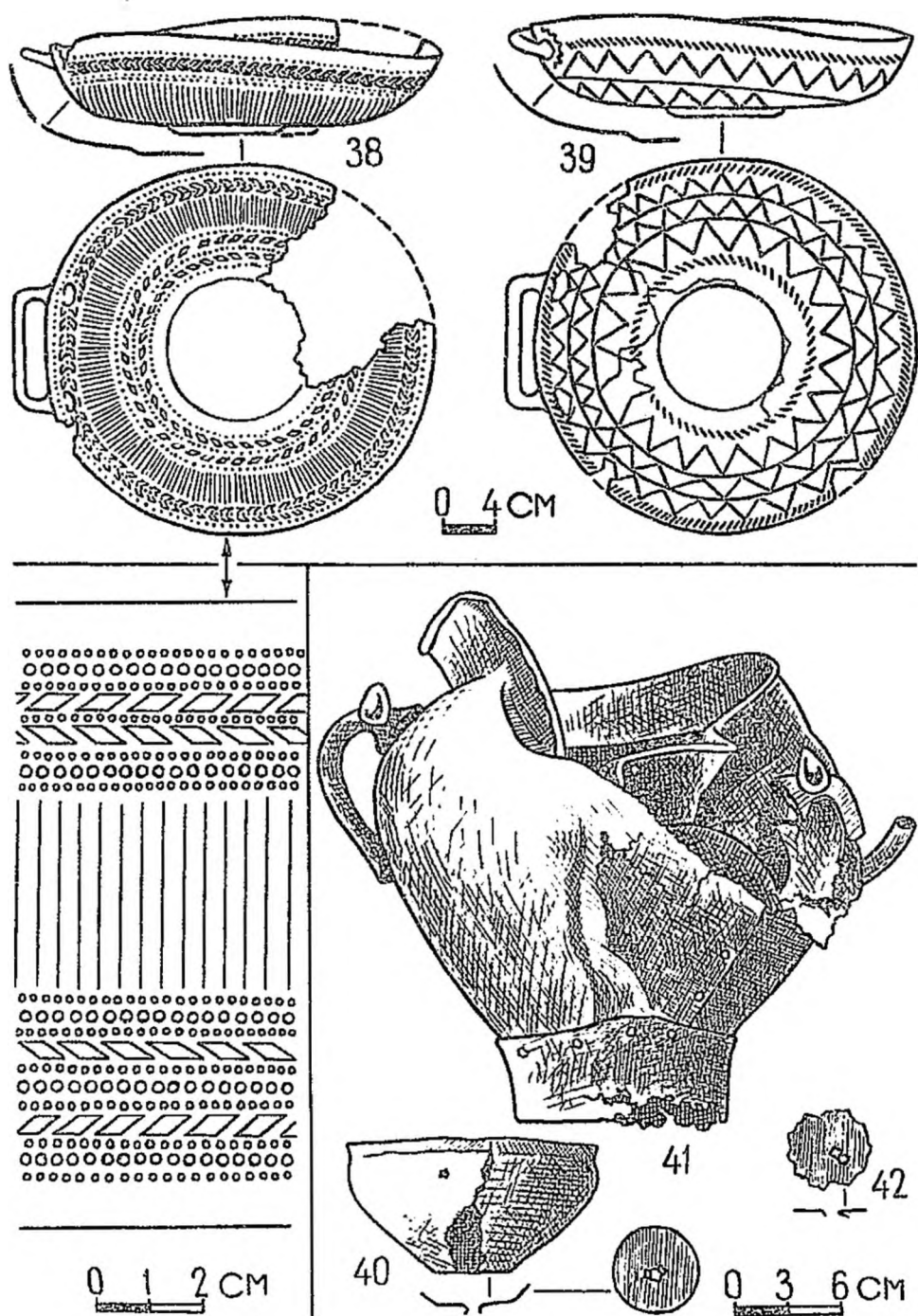

Табл. 48. Продолжение (38—42)

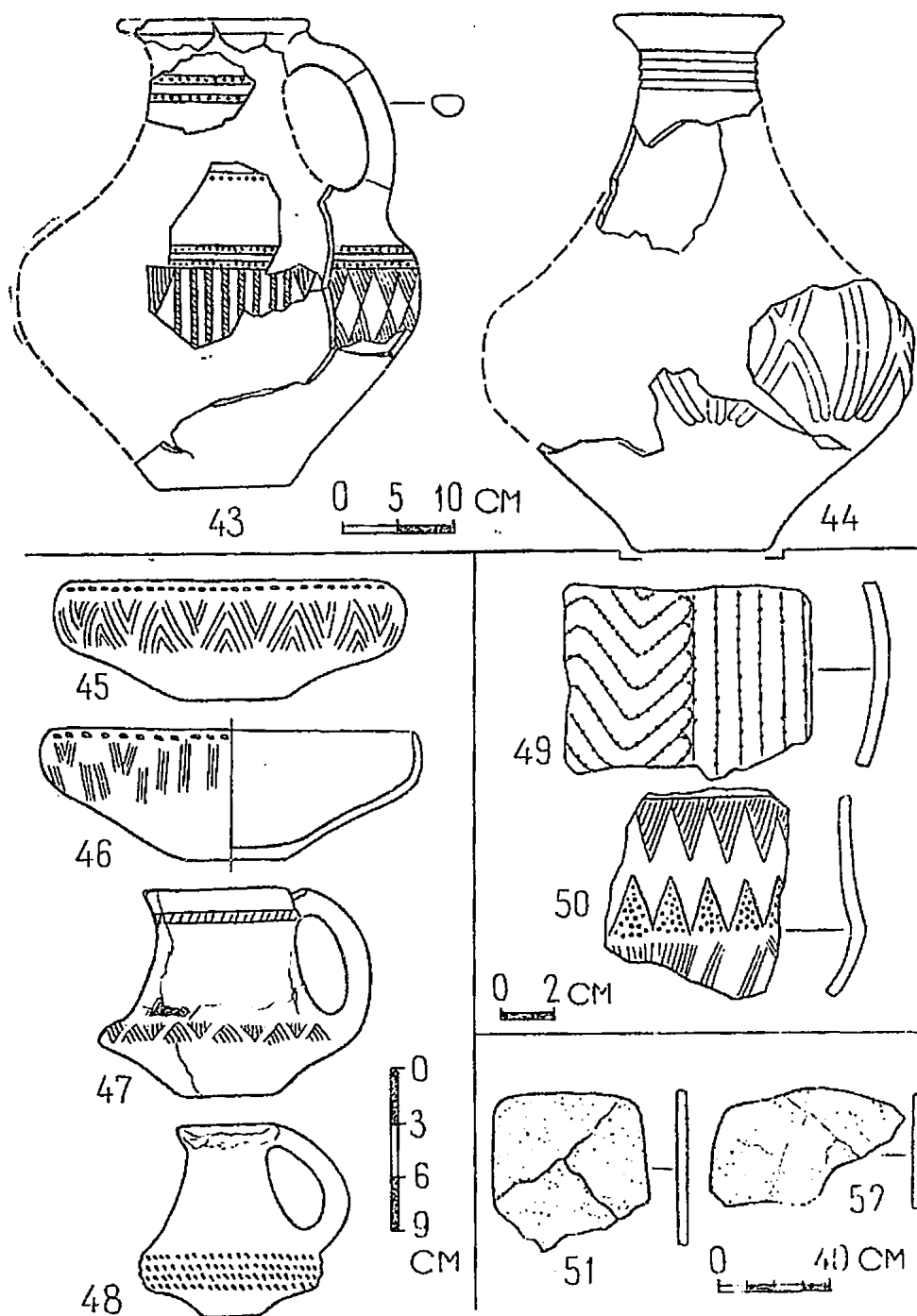

Табл. 48. Продолжение (43—52)

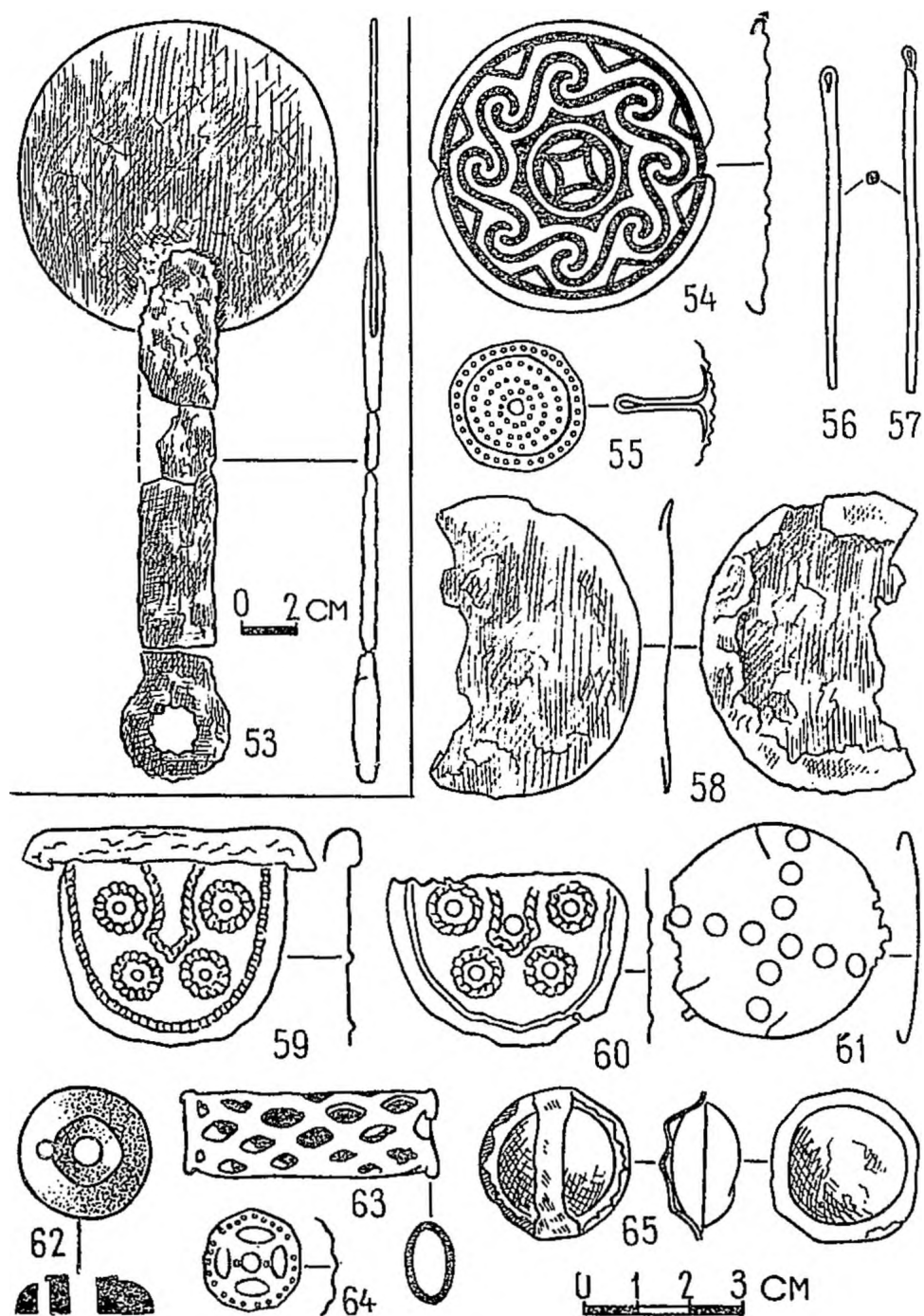

Табл. 48. Продолжение (53—65)

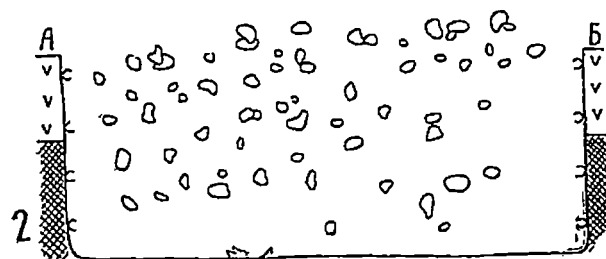
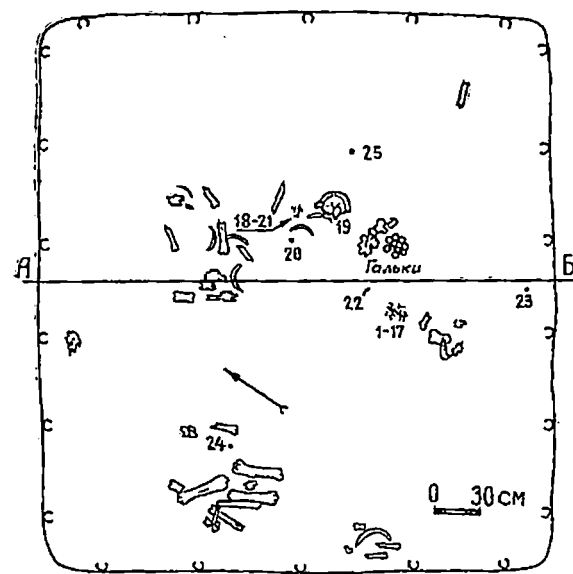
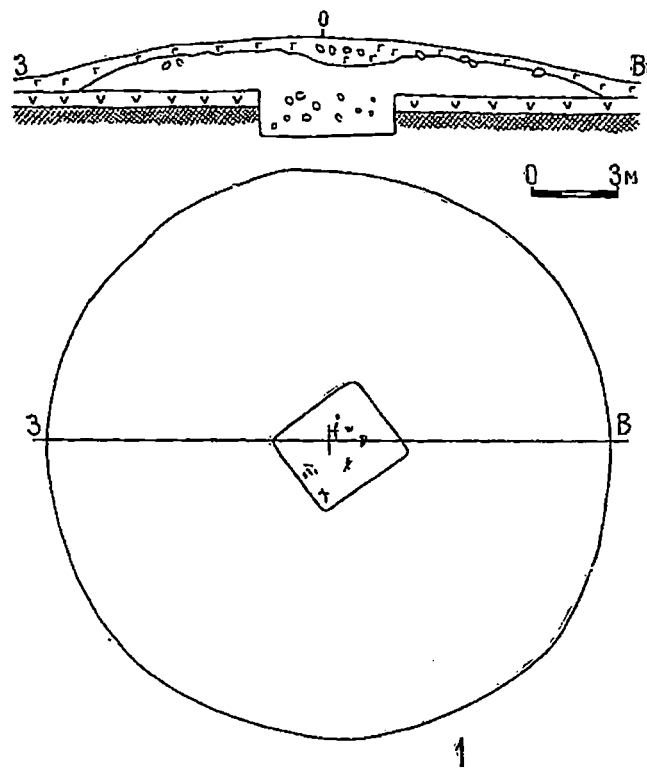

Табл. 49. Курган 21

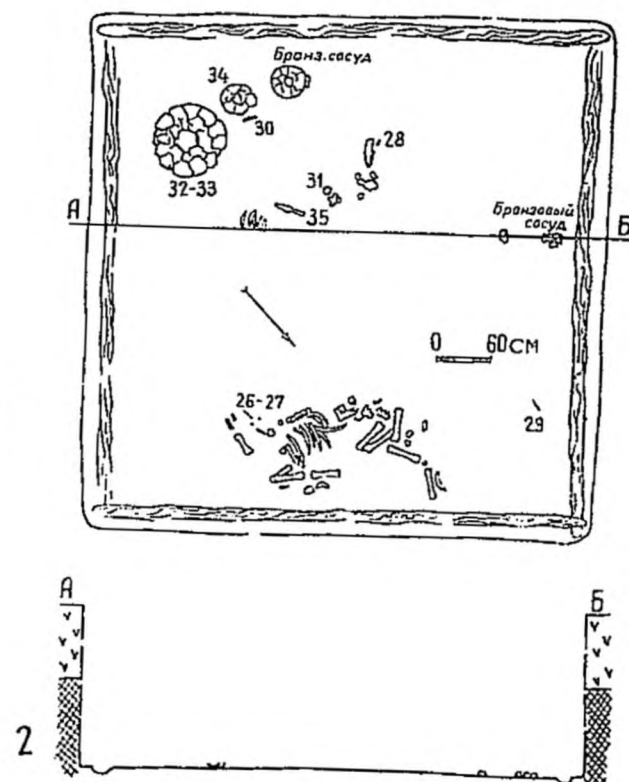
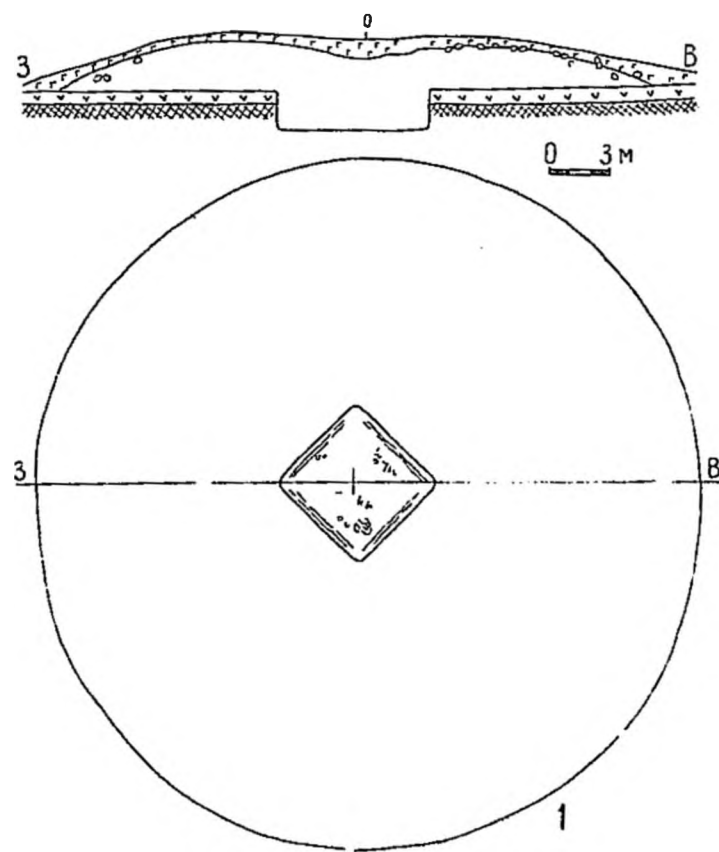

Табл. 50. Курган 22

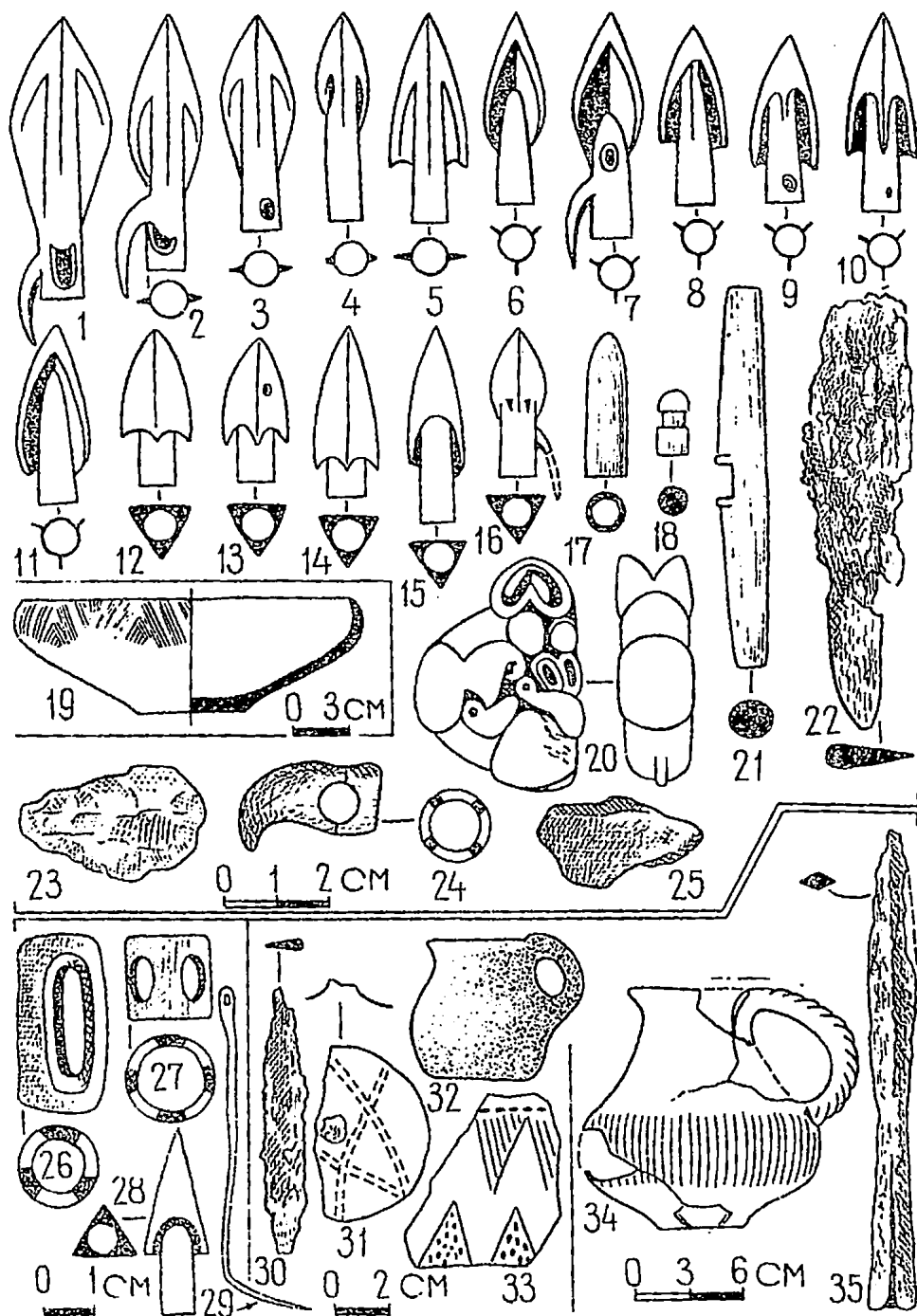

Табл. 51. Инвентарь из погребений в курганах 21 (1—25) и 22 (26—35)

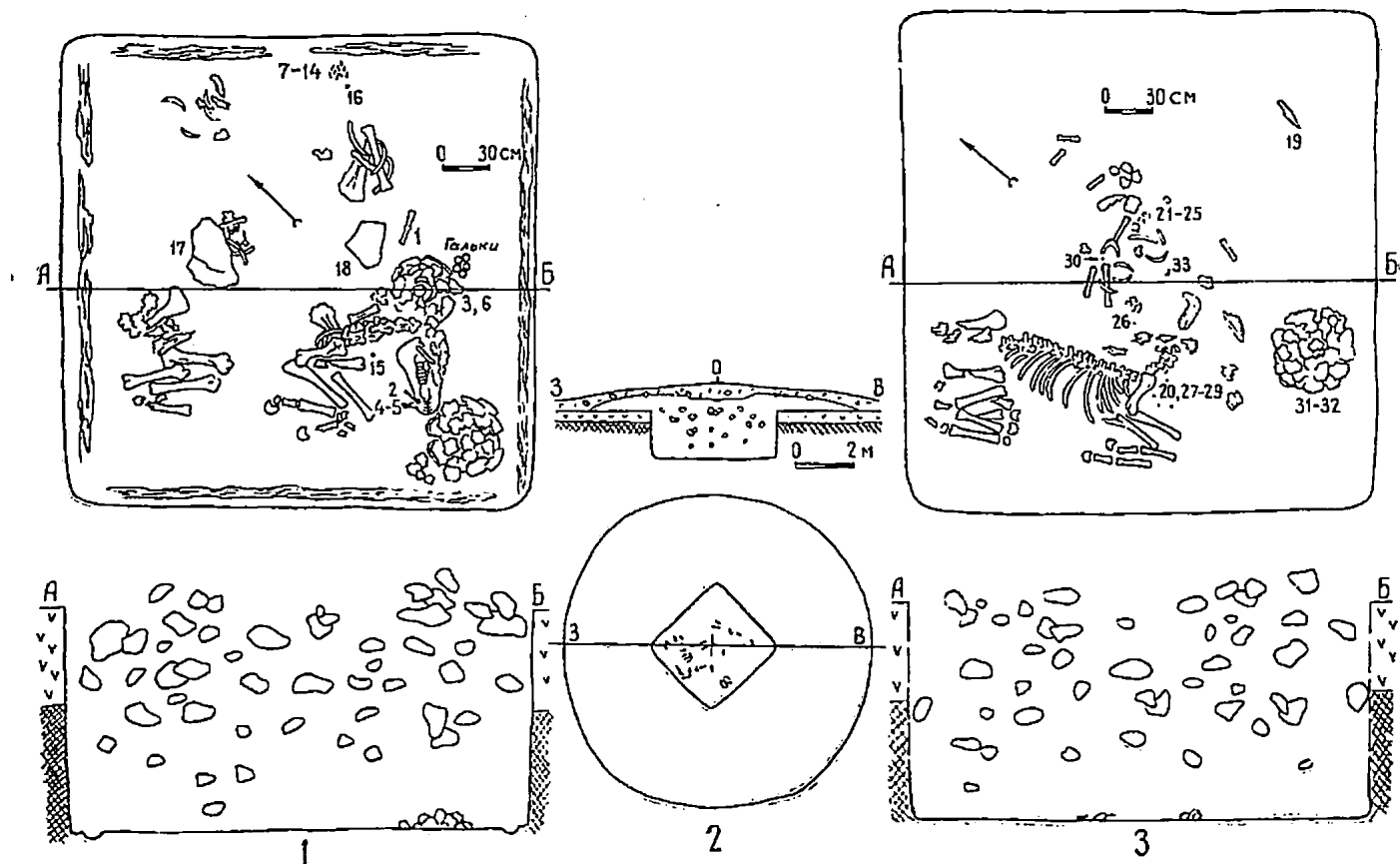

Табл. 52. Погребение в кургане 23 (1), курган 24 (2), погребение в кургане 24 (3)

Т. Б. Барцева

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛЕНИЯ НАРТАН

(По данным спектрального анализа)

Среди открытых и раскопанных могильников скифской поры на территории предгорных областей Северного Кавказа курганному могильнику у сел. Нартан, который, как отмечалось, был случайно обнаружен и раскопан усилиями археологов из Нальчика в зимний сезон 1978—1979 годов¹, принадлежит, пожалуй, ведущее место. Богатый погребальный комплекс этого уникального памятника стал предметом специального изучения², благодаря которому теперь имеется не только всестороннее описание и самый подробный разбор всех его комплексов, но и определяется также его место, принадлежность к кругу культур скифских древностей VII—V веков до нашей эры, представленных в предгорьях Центрального Кавказа пока еще крайне бедно³.

Особому изучению с привлечением спектрального анализа был подвергнут также и обширный, выразительный и многообразный цветной металл нартанских погребений. В итоге проведенной работы удалось установить не только общие группы меди и бронзы, но и выявить определенную связь между химико-металлургическими характеристиками с теми или иными типами вещей, установить различия производственной манеры действовавших центров или мастерских, памятник системе импортов. Проведенные ранее спектрально-аналитические исследования цветного металла из памятников, синхронных нартанским, но расположенных на иных территориях, сопоставленные с нартанскими, определили его место среди коллекций скифской поры. Для сравнений были использованы результаты изучения цветного металла Келермесских и Ульских курганов, могильников из района Днепровской лесостепи (в бассейнах рек Тясмина — Сулы — Ворсклы), из района Пятигорья, Чечни и Дагестана. Из более отдаленных территориально привлечены данные изучения савроматских и сакских коллекций из южноуральских, оренбургских и казахстанских памятников⁴.

В конечном итоге в работе были использованы данные трехсот восьмидесяти анализов⁵ самого Нартанского комплекса и тысячи трехсот шестидесяти пяти анализов фонового материала. Для проведе-

¹ Нагоев А. Х., Бетров Р. Ж., Батчаев В. М. Отчет об археологических раскопках в 1978—1979 гг. в районе сел. Нартан. Архив ИА АН СССР, р-1, № 7509.

² См. статью В. М. Батчаева в настоящем сборнике.

³ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 31 и след.; 73—74, 77—78, 88—89.

⁴ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Канд. дис., М., 1974. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2130, с. 16—22; *её же*. Цветная металлообработка скифского времени (Днепровское лесостепное Левобережье). М., 1981, с. 17—29.

⁵ Объем статьи не позволяет привести полные таблицы спектрального анализа. Они хранятся в архиве кабинета спектрального анализа АН СССР, а также в секторе археологии КБИИФЭ. Результаты анализа записаны в графиках на рис. 1 и 2.

ния сравнительного анализа все полученные результаты были обработаны в единой манере теми методами и приемами математической статистики, обычно применяемыми при работе с археологическими материалами⁶. В итоге оказалось возможным сопоставить различные коллекции, привлеченные в качестве фонового материала.

Первой операцией, необходимой для выделения химико-металлургических групп сплавов на медной основе, было составление гистограмм распределения диагностических примесей в меди Нартанской коллекции (рис. 1). Анализ гистограмм показал, что в нартанской меди представлено до одиннадцати микропримесей, интервалы концентраций которых колеблются от нуля до двадцати процентов. Весьма компактна гистограмма олова, основные содержания которого отмечены в пределах одного — двадцати процентов. Более растянута гистограмма свинца. На ней четко фиксируется как область его низких содержаний (тысячные — сотые доли процента), так и область десятых — целых долей процента. Висмут обычно представлен в тысячных долях, хотя изредка отмечены и его высокие содержания (сотые — десятые доли процента). По сурьме фигура распределения близка к логарифмически нормальному. Основные содержания сосредоточены в области сотых — десятых долей процента. Не выходят за пределы сотых — десятых долей содержания другого ведущего элемента — мышьяка. Для золота, кобальта, цинка основными оказались концентрации, не превышающие тысячные доли процента. Для никеля максимальные границы определяются в рамках тысячных и сотых долей. Пока трудно понять и объяснить многоступенчатость гистограммы железа, которая выражена очень ярко. Здесь следует отметить область его высоких содержаний (десятые — целые доли процента), однако основная тяжесть смещена на левый край в область тысячных — сотых долей процента.

Повышенное содержание железа в целом ряде нартанских предметов является объективным фактором, требующим дополнительных данных для его разъяснения. Но в целом анализ фигур распределения гистограмм нартанского цветного металла позволяет сделать вывод о его большом единстве. Небольшие отклонения от этого единства, отмечаемые у некоторых фигур распределения на сводной гистограмме, станут более понятными при корреляционном анализе, проведенном для пар ведущих микроэлементов. С помощью корреляционного анализа удастся выделить химические (сырьевые) и металлургические (искусственные) группы сплавов или типов рецептов, более четко провести границы между ними. Для выделения металлургических групп были проведены корреляции между оловом и свинцом (рис. 2а). Основная коллекция оказалась сосредоточенной в верхней части корреляционного поля. При этом наблюдается определенная концентрация точек на двух «полюсах», отличающихся друг от друга количественными содержаниями свинца. В одной из групп он отмечен в пределах тысячных — десятых долей процента (от 0,002 до 0,5%), в другой — в пределах десятых — целых долей (от 0,5—0,7% до более 10%). Олово в каждой из двух выделенных по свинцу групп представлено равнозначно — от 0,8 до 18 процентов. Выявленные две группы образуют искусственные рецепты или сплавы на медной основе — оловянистых и оловянисто-свинцовых бронз. На корреляционном графике олово — свинец, помимо ведущих групп оловянистых и оловянисто-свинцовых бронз, выделяется небольшая группа вещей, где содержание олова и свинца, равно как и всех иных элементов, не поднимается выше 0,3 процента. Эта группа, нелегированная ни одним из элементов, отлита из чистой меди. Кроме олова и свинца, на роль легирую-

⁶ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 21—27.

щих элементов в нартанском металле могут претендовать также мышьяк и сурьма. На корреляционном графике олово — мышьяк (рис. 2б) и сурьма — мышьяк (рис. 2в) при общей компактности расположения всех точек выделяется небольшая группа, где содержание мышьяка и сурьмы поднимается выше 0,5 процента, достигая иногда даже двухпроцентного рубежа. Сплавы, дополнительно легированные мышьяком и сурьмой, образуют оловянно-мышьяковые, а иногда и оловянно-свинцовисто-мышьяковые бронзы.

В количественном отношении выявленные металлургические группы распределились неравномерно. Из трехсот восьмидесяти изделий сто восемьдесят восемь (или сорок девять процентов от общего количества) отлиты из оловянистых бронз. Немногим уступают им оловянисто-свинцовые бронзы (сто тридцать восемь предметов, или тридцать шесть процентов). Остальные рецепты или сплавы распределились следующим образом: тридцать один предмет (или восемь процентов) чистомедные изделия. Двадцать предметов (по десять в каждом сплаве) отлиты из оловянно-мышьяковых и оловянно-свинцово-мышьяковых бронз (в общей сложности их шесть процентов от всей коллекции). Дважды отмечены серебряные изделия и один раз (0,5%) — медно-мышьяковый сплав.

Как уже отмечалось выше, при анализе частотных гистограмм отличительной чертой нартанского металла следует считать его большую однородность. На корреляционных полях сурьма — мышьяк (рис. 2в), серебро — сурьма (рис. 2г), серебро — свинец (рис. 2д) находится дополнительное подтверждение этому выводу. И поэтому особенно хорошо заметны имеющиеся отклонения от основной группы сосредоточения общей массы точек. Анализ аномалий позволил выделить небольшие группы с пониженными концентрациями серебра, сурьмы, мышьяка, представленными в десяти тысячных — тысячных долях процента для серебра и сурьмы, и от «необнаружено» до 0,05 процента — для мышьяка. Подобные отклонения скорее всего могут свидетельствовать об определенных расхождениях геохимического порядка, характеризующих различия рудных источников. Отмеченные химические группы, четко связанные с определенными вещественными категориями, при общей стабильности всей коллекции, могут указывать на импортный характер группы вещей, отлитых из этой руды. При разборе каждой вещественной категории на это обстоятельство будет обращено особое внимание.

Спектрально-аналитическому изучению подверглись все группы металлического инвентаря Нартанского комплекса, отлитые из меди или ее сплавов. Среди них наиболее представительными являются обширные колчаные наборы, защитный доспех (остатки чешуйчатых панцирей, шлем кубанского типа, ворворки). Очень выразительны и уздечные гарнитуры, среди которых следует назвать удила со стременистым окончанием стержней, трехпестельчатые псаали с концами, заканчивающимися головкой барана на одном конце и копытцем на другом, обоймы — столбики для перекрестия ремней, разнообразные бляшки, исполненные в зверином стиле или украшенные солярными значками. Многочисленны и разнообразны украшения, среди которых выделяется группа булавок, браслетов, подвесок-серег, небольших легких колокольчиков и цепочек. Открыто в комплексе и несколько зеркал-дисков с центральными ручками, а также зеркало-диск с приставной ручкой. Из бытовых вещей нельзя не назвать бронзовые иглы, а также многочисленную столовую посуду самых разнообразных типов. Здесь есть и ситулы со звериными ручками, и тонкостенные остро-реберные чаши, и обломки тонкостенных сосудов с отогнутыми венчиками, и двойные цилиндрические сосуды, и тазы-блюда (один раз имелись три ножки-подставки). Посуда зачастую богато орнаментиро-

вана, что придает ей особую парадность и пышность. Встречено в Нартанском некрополе и культовое бронзовое навершие с головкой быка на прорезном бубенце. Вероятно, с культовыми предметами связаны массивные, литые, тюльпановидной формы колокольчики, в большинстве украшенные по внешней стороне елочным орнаментом.

Колчанные наборы. Были обнаружены практически во всех комплексах. Они составили основную часть коллекции, изученной спектрально. Было исследовано двести девять бронзовых наконечников стрел самых разных типов. При отборе материала для наиболее представительных типов каждого комплекса делалась выборка из семи — девяти штук, что вполне достаточно для проведения статистических подсчетов. Редкие и единичные типы наконечников стрел изучены полностью. Все подвергнутые спектральному анализу наконечники можно разделить на несколько отделов, типов и вариантов, хорошо укладывающихся в первую и вторую хронологические группы по классификации, разработанной А. И. Мелюковой⁷. Наиболее ранними в нартанских колчаных наборах оказались наконечники с ромбовидной головкой, так называемого «жаботинского типа»⁸ второй половины VII — рубежа VII—VI веков до нашей эры. Количественно они представлены восемью экземплярами (ан. № 28, 955—28.959; 28.960; 29.968; 28.986). Тридцать наконечников первой хронологической группы относятся к отделу двухлопастных с овальной или лавролистной головкой (ан. № 28.755—28.761; 28.776; 28.791—28.796; 28.879—28.880; 28.867; 28.871—28.874; 28.928—28.929; 28.985; 28.977—28.999; 29.000). Наиболее массово в наборах представлены трехлопастные наконечники с массивной лавролистной и остролистной головкой (тип. 1, варианты 1—3; тип. 2, варианты 1—4, но чаще представлены варианты 1 и 2). Их исследовано семьдесят семь экземпляров (№ 28.815—28.821; 28.703; 28.697; 28.762—28.763; 28.850—28.851; 28.875—28.886; 28.790; 28.886—28.889; 28.878; 29.013—29.020; 29.022; 29.033; 28.689; 28.775; 28.779; 28.842—28.843; 28.848; 28.672; 28.995; 28.857; 29.006; 28.885—28.887; 29.032; 29.034—29.035; 28.847; 28.849; 28.780—28.782; 28.852—28.853; 28.856; 28.876; 28.905—28.913; 28.969—28.972; 28.974—28.976; 29.026; 29.004; 28.994; 28.996).

К. Ф. Смирнов считает, ссылаясь на многочисленные аналогии, что трехлопастные лавролистные и остролистные наконечники стрел впервые появились на юго-востоке древнеиранского мира и от мидян и персов стали известны скифам⁹. На это как будто указывает отсутствие стрел этого типа в памятниках предскифского времени Северного Причерноморья и в ближайших с ним степях Евразии¹⁰. Менее характерны для раннескифских комплексов трехлопастные наконечники стрел с массивной сводчатой головкой и более или менее длинной втулкой (тип 3-й, варианты 1—3, 6). Эти наконечники появились и распространились в начале VI века до нашей эры, в памятниках конца VII века они не известны. В небольшом количестве в раннескифских комплексах встречены опорновтульчатые с довольно массивной головкой и очень короткой втулкой наконечники стрел (тип. 7). Появились они в Скифии не позднее второй четверти VI века до нашей эры, но широкое их распространение относится к концу VI — началу V веков до нашей эры. Их проанализировано пятьдесят четыре экземпляра (№ 28.683—28.688; 28.668—28.670; 28.704; 28.705; 29.036; 28.739; 28.961—28.962; 29.038; 28.815—28.821; 28.823; 28.828—28.831; 28.973; 28.854; 28.694—28.702; 28.725—28.733; 28.739; 28.855; 29.023—29.025;

⁷ Мелюкова А. И. Вооружение скифов.—САИ, 1964, вып. Д1—4, с. 18—23.

⁸ Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов.—В кн.: Археология. Киев, 1973, вып. 12, с. 13—26.

⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.—МИА, 1961, № 101, с. 44—45.

¹⁰ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 19.

29.027). В комплексах конца VII—VI веков до нашей эры трехгранные стрелы представлены двумя типами (1 и 2), но тех и других немного. Головка листовидная с выступающей втулкой и острым шипом (для 1-го варианта), без шипа (для 2-го и 3-го вариантов), но иногда с углублениями на гранях. Преобладают стрелы 1-го варианта (тип. 7). Ко 2-му типу относятся наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой. В раннескифских памятниках встречены только наконечники 1—5-го вариантов. Спектрально в Нартанской коллекции было изучено сорок наконечников (№ 28.890—28.891; 28.800—28.881; 28.838—28.839; 28.841; 28.844—28.846; 28.875; 28.881—28.883; 29.009; 28.931—28.932; 28.963—28.967; 28.993; 29.002; 28.777; 29.001; 28.990—28.992; 28.840; 28.904; 28.787—28.789; 28.798—28.799; 28.930; 28.797; 28.884; 29.003).

Исследованные спектрально наконечники стрел различных типов распределялись между металлургическими группами неоднозначно. Для наглядности полученные результаты их изучения сведены в таблицу (1).

Таблица 1

Распределение металлургических сплавов
среди различных типов нартанских наконечников стрел

Типы наконечников стрел	Кол-во типов сплавов	Cu	Cu+Sn	Cu+Sn+Pb	Cu+Sn+As	Cu+Sn+Pb+As
Жаботинский тип	8	1	6	1	—	—
Двухлопастные	30	—	20	10	—	—
Трехлопастные с овальной головкой	77	3	39	29	4	2
Трехлопастные (опорновтульчатые, базисные)	54	—	7	47	—	—
Трехгранные с листовидной и треугольной головкой	40	4	25	11	—	—
Всего...	209	8	97	98	4	2

Итоговый анализ данных таблицы 1 свидетельствует о том, что для отливки разнообразных наконечников стрел в период скифской арханки обычно использовали два сплава: оловянистые и оловянно-свинцовые бронзы, которые представлены фактически в равных соотношениях (по 46,5% от общего количества). Кроме них, в единичных случаях отмечены чистомедные сплавы (восемь предметов, или 4%) и сложные сплавы с добавками мышьяка и сурьмы (всего шесть предметов, или 3%). С введением типологического фактора выявленная общая картина распределения рецептуры у наконечников стрел претерпит изменения в перераспределении доли каждого из сплавов. Удалось установить закономерность и связь той или иной рецептуры с определенными типами наконечников. Оказалось, что самые ранние наконечники жаботинского типа предпочитали отливать из оловянистой бронзы. У двух- и трехлопастных, трехгранных зафиксированы и оловянисто-свинцовистые, и оловянистые бронзы с преобладанием оловянистых. И только у опорновтульчатых ведущими были оловянно-свинцовистые бронзы. По разработанной на сегодняшний день хронологии опорновтульчатые наконечники стрел хотя и появляются в колчаных наборах второй четверти VI века до нашей эры, но широкое их распространение относится к концу VI—началу V веков до нашей эры. Возможно, что отмеченные рецептурные расхождения определенным

образом можно связывать не только с производственными, но и с временными моментами, ибо только самые ранние типы наконечников, как правило, обнаруживают преобладание или господство оловянистых бронз (табл. 1). Косвенным подтверждением о возможности хронологических расхождений может служить и тот факт, что основная масса базисных наконечников связана с комплексами, весь иной инвентарь которых хорошо укладывается в рамки VI—V вв. до нашей эры (курганы 1, 2, 3, 4, 5, 8, 24).

Защитный доспех. Панцири, по сводке Е. В. Черненко, известны с VI века до нашей эры, но особенно велика их численность в IV—III веках до нашей эры. В VI веке панцири открыты в могилах лесостепной части бассейна Днепра (на Суле и на Тясмине) и Северного Кавказа (на Кубани — Келермес, Ульяновский). Детальное рассмотрение панцирей показало, что в большинстве случаев мы имеем дело с единым видом защитного доспеха на всех территориях распространения скифообразных культур¹¹.

Только в двух погребениях Нартанского комплекса были обнаружены остатки чешуйчатых комбинированных (бронза и железа) панцирей: в кургане 4 (ан. № 28.676—28.682) и в кургане 15 (ан. № 28.836—28.837; 28.858—28.860). Пластины доспеха тонкие, крупные, подпрямоугольной формы с прямым верхним краем и закругленными углами нижнего края. В верхней части в два ряда расположены округлые отверстия по три в верхнем ряду и по два или по одному в нижнем. Проанализированные двенадцать панцирных пластин оказались отлитыми из оловянистых бронз и лишь две (№ 28.678; 28.680) из сложного медно-оловянисто-свинцового сплава с добавками (0,4%) мышьяка. Интересен и химический состав меди панцирных чешуек. Нельзя не отметить высоких концентраций висмута (от 0,05 до 0,1%) в меди чешуек, отлитых из рецептов с добавками мышьяка. Или очень обедненный микропримесями серебра, сурьмы, мышьяка состав меди у других (№ 28.676—28.677; 28.681; 28.858—28.859). Проведенное ранее исследование аналогичного доспеха из могилы Посулья позволило высказать мысль о возможности производства его из восточного металла или даже импортном происхождении¹². Тождество в химико-металлургическом составе сравниваемых доспехов двух памятников, вероятно, позволяет считать и нартанские панцири импортными образцами. Исходные руды металла, из которого они изготовлены, довольно широко представлены среди южноуральских месторождений (группа ЕУ по Е. Н. Черным)¹³.

Выводу об импортном производстве разбираемых изделий не противоречат и некоторые детали их внешнего оформления, а именно парное размещение отверстий по верхнему краю, что, как уже отмечалось, было «характерно для панцирей савроматов»¹⁴.

Шлем, найденный в кургане 20 (№ 28.977), относится к кубанскому типу, известному с VI века до нашей эры¹⁵. Нартанский шлем отлит из оловянистой бронзы, по химическим показателям четко укладывается в общую схему цветного металла изучаемого могильника. Бывший в нашем распоряжении шлем кубанского типа, из случайных находок в Краснодарском крае, хранящийся в ГИМе¹⁶, в отличие от нартанского, отлит из сложного рецепта с добавками олова, мышьяка,

¹¹ Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 12.

¹² Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского..., с. 37, 83.

¹³ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 31, рис. 24.

¹⁴ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 30, рис. 12.

¹⁵ Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 76 и след.; Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода. — ТОИПК, Л., 1941, т. 1, с. 103—105.

¹⁶ Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.

сурьмы. Высоки в его меди также и концентрации висмута, никеля, кобальта, что было показательно для металла восточных культур еще в эпоху поздней бронзы¹⁷. Обнаруженные расхождения свидетельствуют, в первую очередь, о работе различных производственных центров. Однако количественная ограниченность изученных образцов не позволяет углубить этот вывод.

Предметы туалета. Очень интересны встреченные в могильнике предметы туалета — зеркала-диски с бортиком и центральной петлей-ручкой, а также зеркала-диски с центральной ручкой на столбиках. Эти зеркала сибирского типа были распространены в памятниках конца VII—VI веков до нашей эры на обширных территориях от Семиградья до Минусинской котловины¹⁸. Нередки находки таких зеркал в архаических некрополях лесостепного Поднепровья и на Северном Кавказе. В настоящее время их коллекция пополнилась еще тремя экземплярами, открытыми в могильнике у сел. Нартан. Одно с центральной петлей-ручкой происходит из комплекса кургана 16 (№ 28.863,) два других с центральной ручкой на столбиках, накрытых бляшкой с изображением горного козла, и с двойной центральной ручкой из кургана 18 (№ 28.920—28.920а; 28.921—28.921а). Зеркал сибирского типа с двойной центральной ручкой, подобной ручке нартанского зеркала, в памятниках раннескифского времени на иных территориях неизвестно. Проведенный спектральный анализ выявил, что зеркало-диск с петлей-ручкой в центре (№ 28.863) было отлито из оловянистой бронзы, а зеркала с ручкой-столбиками и двойной ручкой из оловянисто-свинцовистых бронз. Подобные расхождения в рецептуре для предметов единого функционального назначения в сочетании с особенностями внешнего оформления свидетельствуют о работе нескольких мастерских их изготовлявших. Различия в химическом составе меди зеркал также подтверждают последний вывод. У зеркала с двойной ручкой добавки сурьмы достигают двух процентов, образуя вместе с оловом искусственный сплав практически неизвестный для цветной металлообработки Северного Кавказа в скифское время. Зато на востоке Евразии добавки сурьмы или сурьмы в сочетании с мышьяком не были редкостью, начиная со времен бронзы. Обедненный химический состав другого зеркала из того же комплекса кургана 18 также уводит в восточные области. Возможно, изученные зеркала из кургана 18 — импортные изделия. Аналогичные зеркала из Каррасского могильника, Посульского некрополя, из кургана у села Бобрицы, а также из Прикубанья (случайные находки) отлиты из сложных сплавов с добавками мышьяка, что также позволило посчитать и их импортными образцами, связанными с кругом восточных древностей¹⁹. Скорее всего неместного производства зеркало-диск из кургана 16 и зеркало-диск с приставной железной ручкой из кургана 20 (№ 28.933). Этот вывод носит предварительный характер. Он основан на том, что в меди зеркал обнаружено очень высокое содержание железа (до 7%), что вряд ли случайно, а скорее связано либо с производственной традицией, либо с рудной характеристикой. Для кавказской металлообработки примеси железа пока еще не отмечены, в то время как на востоке уже в период бронзы имели место высокие присадки железа, переходящие в медь из руд²⁰.

¹⁷ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала..., с. 31, рис. 24.

¹⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 155; Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, 1967, Д1—4, с. 35; Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 152.

¹⁹ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского..., с. 65, 67, 91.

²⁰ Черных Е. Н. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы.— КСИА АН СССР, 1966, № 108, с. 123—131; его же. Древнейшая металлургия..., с. 18—19.

Навершие с головкой быка на прорезном бубенце, найденное в кургане 13 (№ 28.806), дополняет серию ранних наверший VI и рубежа VI—V вв. до нашей эры, особенно широко представленных на Кубани и в Посулье²¹. В памятниках Кабардино-Пятигорья находка подобного навершия отмечена впервые. Спектрально-аналитическое изучение его металла позволило установить, что оно отлито из сложного медно-оловянно-свинцовистого сплава, где олово поднимается до 10 процентов, а свинец до 2 процентов. Для архаических наверший с пных территорий рецепт, зафиксированный у нартанского навершия, большая редкость. Из всей обширной (тридцать один анализ) серии изученных наверший раннескифской поры из Посулья и Кубани лишь для четырех отмечена подобная рецептура.

Однако с последними у нартанского навершия не совпадают геохимические характеристики, что свидетельствует о работе иных мастеров. Не противоречат этому выводу и различия в художественной манере.

Уздечный набор. Отдельные предметы от уздечных гарнитуров открыты почти во всех курганных погребениях Нартанского комплекса.

Но наиболее полно вся узда, включая удила, бляшки, псални, столбики для перекрестия ремней, представлена в кургане 20 (№ 28.937—28.949). Интересен этот гарнитур тем, что весь он отлит из «чистой» меди, рецепта очень редкого в скифское время на территории Северного Кавказа в целом, и в нартанском металле в частности (табл. 1). Вероятно, узда из кургана 20, изготовленная в особом центре или мастерской, не была изделием местных мастеров-бронзолитейщиков. Чистомедные сплавы в начале железного века широко были представлены в савроматских древностях Южного Урала и Оренбуржья, где они занимают одно из ведущих мест (рис. 3). Не исключают возможностей восточного направления связей и высокие содержания железа (до 3%), обнаруженные в меди гарнитура. Из мастерской, работавшей на базе восточного сырья с очень обедненным химическим составом, вышли и удила со стремевидными окончаниями, найденные в кургане 12 (№ 28.783), изготовленные по рецептам оловянистых бронз. Показательно, что вообще химико-металлургические характеристики остального цветного металла из этого комплекса хорошо увязываются с восточными производственными традициями. Исследованная раньше обширная серия аналогичных удила со стремевидными окончаниями стержней из районов Посулья, Тясмина, Кубани, Ставрополя, Казахстана, хотя и была отлита в нескольких производственных центрах, но восточного влияния исключить нельзя, по крайней мере, для части удила, найденных в Днепровской лесостепи²².

Среди уздечной упряжи встречены разнообразные бляшки, проижи, столбики для перекрестия ремней, псални, исполненные в высокохудожественной манере. Устанавливается четкая их взаимосвязь с определенным типом сплава — медно-оловянисто-свинцовистым. Скорее всего сложность отливки подобных предметов диктовала и выбор рецепта. Однако нельзя исключить и работы определенных центров с устойчивыми традициями в металлообработке. Эту мысль подтверждают и особенности химического состава меди этих изделий (№ 28.807—28.809; 28.813; 29.027; 29.029—29.030). Подобное наблюдение тем более важно, так как столь четкой взаимосвязи для других деталей нартанской конской упряжи не обнаружено. Близкие параллели художественно оформленной узде из Нартана можно найти среди древностей

²¹ Иллінська В. А. Про скифські навершиники.— В кн.: Археологія, XV, Київ, 1963, с. 33 и след.; *ее же*. Скифы Днепровского..., с. 157 и след.

²² Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского..., с. 41—42, 83.

архаического периода в бассейнах рек Сулы и Тясмина²³. Но особенности в художественной манере, равно как и многообразие химико-металлургических показателей, вероятно, позволяют связывать их производство с работой мастеров иных центров, продукция которых не выходила далеко за пределы распространения культур лесостепи²⁴.

Украшения. Бронзовые украшения встречены в погребениях Нартанского комплекса нечасто и в небольших количествах (по одному или два изделия в каждом погребении). Исключением являются погребения 6 и 10, откуда и происходят основные коллекции. Из-за сильной разрушенности могил определить местонахождение отдельных видов украшений не представляется возможным. Самыми массовыми украшениями, найденными в курганах, оказались проволочные браслеты, хорошо известные в древностях кавказского местного населения. По-разному оформлены браслеты внешне. Концы их либо заканчиваются биконическими шишечками (№ 28.765; 28.899), либо имитируют змеиную головку (№ 28.674; 28.691; 28.719; 28.723—28.724; 28.764), либо имеют форму прямоугольной лопаточки, внешняя поверхность которой украшена резными линиями, образующими крест, поперечными полосками или тонкой сеткой из них (№ 28.713; 28.714; 28.716—28.717; 28.765). Иногда орнамент из насечек покрывает внешнюю сторону браслета. Дважды отмечены витые (№ 28.723; 28.765). По металлургическим рецептам металл браслетов распределен в одинаковых пропорциях между ведущими оловянистыми (шесть изделий) и оловянисто-свинцовыми бронзами (семь изделий). Один из браслетов (№ 28.766) оказался серебряным. Не наблюдается тяготения того или иного типа браслета к определенным сплавам.

В отличие от браслетов, массивные булавки с трехбусинными головками и отверстием под ними оказались выполненными в единой рецептуре оловянистых бронз (№ 28.711; 28.772—28.773; 28.861—28.862; 28.901—28.902). Булавка с головкой-петлей и четырьмя бусинами под ней отлита из сложного оловянно-свинцового рецепта (№ 28.722). Витые булавки с загнутой в петельку головкой (№ 28.924—28.925) — из чистой меди. Вероятно, производство этих украшений было налажено в нескольких местах. Строгую связь с рецептурой (оловянно-свинцовые бронзы) обнаруживают цепочки (№ 28.709—28.710; 28.753). Височные колечки-серьги из круглой проволоки иногда с несомкнутыми концами (№ 28.805; 28.741), иногда с концами, заходящими друг на друга (№ 28.706—28.708), а также с концами, завернутыми в спираль (№ 28.720), между сплавами распределились равноценно в независимости от оформления: четыре отлиты из оловянных бронз и три — из оловянно-свинцовых. Колокольчики представлены двумя типами: массивные тюльпановидной формы с боковой, удлиненной прорезью и орнаментом «слочкой» или без него обычно отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (№ 28.675; 28.743—28.745; 28.893; 28.833—28.835; 28.922; 28.671). Простые подтреугольной или трапециевидной формы колокольчики (№ 28.864; 28.810—28.811; 28.740) — из оловянистой бронзы. Скорее всего, колокольчики являлись изделиями, по меньшей мере, двух мастерских. Тонкие, выпуклые в центре, с ажурными краями и петлей на обороте бляхи (№ 28.768—28.771), отлитые из оловянистой бронзы, в химическом составе имеют довольно высокую (0,02—0,03%) примесь кобальта, что для нартанского цветного металла является большой редкостью и, возможно, свидетельствует об особых местах производства.

²³ Ильинская В. А. Скифы Днепровского..., с. 106 и след.; *ее же*. Скифська вузда VI ст. до н. э.— В кн.: Археологія, XIII, Київ, 1961, с. 45 и след.; *ее же*. Рантешкифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, с. 110—112.

²⁴ Барцова Т. Б. Цветная металлообработка скифского..., с. 46.

Посуда. Разнообразный набор металлической посуды открыт только в самых богатых могилах Нартанского комплекса (курганы, 9, 13, 15, 20). Наиболее близкие соответствия основным формам можно указать среди тлийского инвентаря, опубликованного Б. В. Теховым²⁵. Для нартанской серии мы располагаем результатами исследования двадцати сосудов и их частей (27 анализов). Представлены разнообразные тонкостенные сосуды — миски, ситула с зооморфными ручками, черпачок с головкой ушастого зверя на конце ручки, большие богато орнаментированные блюда с боковыми ручками, пиксида, состоящая из двух вложенных один в другой цилиндрических сосудов, внешняя поверхность которых орнаментирована. Уникально большое блюдо на трех массивных литых ножках-поставках из комплекса кургана 9. Как показали результаты изучения, вся посуда (двадцать четыре анализа) была изготовлена из оловянистой бронзы, где содержание олова отмечено в пределах от 7 до 13 процентов. И только ситула (№ 28.979—28.979а) была исполнена из чистомедного рецента.

Как уже отмечалось в археологической литературе, родиной многих бронзовых мисок и чаш, открытых в Нартане, является горный район Центрального Кавказа, где их и изготавливали. Единство химико-металлургического состава этих изделий не противоречит выводу о производстве их в едином месте (№ 28.752; 28.865—28.866; 28.774; 28.983; 28.903; 29.011; 29.012). В ином центре было налажено производство ситул-ведерок с зооморфными ручками, отлитых из чистой меди. Считается, что это были районы южного склона Кавказского хребта (Тли, Геби) и отсюда они распространились на север²⁶. Тождество металла, обнаруженное у ситул, найденных не только на Кавказе, но и далеко на севере, на р. Жаботинке (бассейн Днепра)²⁷, также позволяет поддерживать вывод о едином производственном центре и для этой серии посуды. Высокая культура и устойчивые традиции местного производства металлических сосудов из оловянистых бронз нашли свое выражение в создании богато орнаментированных мисок и двуручных мисок и двуручных блюд, представленных в курганах 13, 15, 20 Нартанского комплекса (№ 28.802; 28.980—28.981—28.981а; 28.982—28.982а), а также черпачка с ручкой, оканчивающейся головкой ушастого зверя, из кургана 9 (№ 28.851—28.851а).

Вероятно, с накоплением материалов можно будет понять аномалии в химическом составе меди пиксиды и блюда на трех ножках, касающиеся содержания сурьмы, мышьяка, висмута, и наметить свои центры производства и для этого круга изделий (№ 28.749—28.750; 28.747—28.747 а—б, 28.748).

О металле кинжаловидной подвески, относящейся к категории предметов кобанской культуры²⁸, можно сказать, что его химико-металлургические характеристики целиком совпадают с показателями ситул (№ 28.919).

Заканчивая обзор ведущих металлических форм Нартанского могильника, хочется подчеркнуть ряд моментов. Наблюдается определенная связь между типами вещей и химико-металлургическими группами. Иногда эта взаимосвязь несет хронологическую нагрузку (например,

²⁵ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 73—77; его же. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) — В сб.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 220, рис. 2, 15; с. 221, рис. 3, 12; с. 222, рис. 4, 4; с. 226, рис. 7, 6; с. 227, рис. 9, 1; с. 229, рис. 1, 1—3; с. 230, рис. 12, 2, 4; с. 231, рис. 14, 5; с. 234, рис. 16, 1; с. 236, рис. 17, 15; с. 239, рис. 20, 6.

²⁶ Техов Б. В. Скифы и материальная..., с. 242.

²⁷ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского..., с. 11, рис. 3, 1—3.

²⁸ Батчаев В. М. Кобанские кинжаловидные подвески. — В сб.: X Крупновские чтения. (Тезисы докладов). М., 1980, с. 16—17.

различия в рецептуре самых ранних наконечников стрел жаботинского типа и двухлопастных с более поздними опорновтульчатыми). Иногда ее можно объяснить и нужно связывать с деятельностью единых производственных центров и единством изначальных форм (например, у зеркал сибирского типа, бронзовой посуды, части наконечников стрел и деталей конской упряжи, особенно исполненных в художественной манере). Нельзя еще раз не подчеркнуть и своеобразие геохимических показателей, обнаруженное в металле наиболее богатых всаднических комплексов Нартана (к. 13, 16, 18, 20, 24.), что вряд ли является простой случайностью. И в этой связи интересной представляется возможность сопоставления цветного металла из Нартана с кругом родственных культур, «вовлеченных в культурную и политическую орбиту скифского мира»²⁹.

В историко-металлургических исследованиях близость в химических группировках металла может отражать прямые связи населения, связанного культурным или этнокультурным родством и втянутого в общую сферу взаимодействия и обмена³⁰. С этой целью в работе был произведен расчет степени химико-металлургической близости ряда металлургических коллекций. Степень химико-металлургической близости помогает определить, какая часть химико-металлургических групп является у сравниваемых коллекций общей, совпадающей, и насколько количественно весомы совпадения. Нетрудно догадаться, что критерий близости будет иметь диапазон колебаний от нуля до единицы. Критерий равен единице, когда в паре сравниваемых культур все химико-металлургические группы будут не только совпадать, но и отличаться одинаковым «весом».

Опираясь на химико-металлургические группы и их количественные соотношения, можно будет определить некоторые стороны металлообработки каждой из сравниваемых культур и выявить группы, наиболее близкие друг к другу. Но это заключение будет верным только при обязательном наличии синхронности двух или нескольких сравниваемых культур. Важными для наших расчетов оказались коллекции 10 памятников VII—V веков до нашей эры, с которыми нартанские воины-всадники могли иметь прямые или косвенные связи. Среди них будут ранние комплексы, открытые в районе Днепровской лесостепи в бассейнах рек Сулы и Тясмина, в Ставрополье (комплекс «Красное Знамя»), на Кубани (Ульские, Келермесские курганы), в Северной Осетии, Пятигорье, Чечне, Дагестане, а также из Оренбуржья и Северного Казахстана (рис. 3). Металл каждой участвовавшей в сравнениях коллекции был, подобно Нартанской, распределен по выделенным единым образом семи металлургическим группам. Каждая коллекция характеризуется только ей одной присущим количественным сочетанием между всеми группами. Анализ их выявил определенные сходства и различия между собой у сравниваемых коллекций. Удастся, в качестве общей закономерности, выделить две-три группы типов сплавов, бывших ведущими в той или иной коллекции. При этом оловянистые и оловянисто-свинцовые бронзы преобладают в обширной группе коллекций Нартана, Пятигорья, Кубани, лесостепи.

В Северной Осетии и Чечне ведущими оказались оловянно-свинцовые бронзы. Преобладание оловянных бронз зафиксировано только в Ставропольском памятнике «Красное Знамя» и сакском могильнике Уйгарак. Для Дагестана на первое место выдвинуты сплавы с добавками мышьяка (оловянно-свинцово-мышьяковые и оловянно-мышьяковые бронзы). Сплавы с добавками мышьяка высоки и в памятниках, расположенных в более восточных областях (Оренбуржье и Северном Казахстане). В Уйгараке их доля поднимается до 36 процентов, а в

²⁹ Ильинская В. А. Раннескифские курганы..., с. 179.

³⁰ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия..., с. 74—78.

Оренбуржье — до 21 процента, но ведущими там оказываются иные рецепты — оловянистые бронзы, и даже чистомедные сплавы. Визуальные наблюдения были проверены и сопоставлены с данными, полученными при расчете степени химико-металлургической близости, по формуле, приведенной Е. Н. Черныхом³¹. Согласно расчетам, самым близким к нартанскому металлу оказался кубанский (0,95), затем тясминский (0,92), посульский (0,86) и пятигорский (0,86). Самые низкие соотношения с цветным металлом из памятников Дагестана (0,13) и Чечни (0,39). Столь широкий разброс крайних значений указывает, скорее всего, на то, что население, оставившее Нартанский могильник, самые близкие контакты и связи имело с теми, кому принадлежат всаднические погребения на Кубани, в Днепровской лесостепи, Пятигорье (Каррасский могильник). Промежуточное положение занимают памятники Ставрополя, Северной Осетии, Южного Урала, Северного Казахстана. Степень сходства³² не поднимается выше 0,52 и 0,56, она ниже, чем кубанско-пятигорско-днепровская, но тем не менее свидетельствует об определенных контактах с населением горных и более отдаленных восточных областей. Наряду с комплексами, степень химико-металлургической близости которых по отношению к Нартанским не ниже 0,8, памятники Чечни и Северной Осетии образуют свой круг или зону металла, где степень близости почти не уступает или немного ниже Нартанской (0,76). Самыми близкими к кругу центрально-кавказского металла будут коллекции Посулья и Тясмина (0,61). Широкий размах степени химико-металлургической близости — одна из характерных особенностей восточного металла. В Дагестане его значения колеблются от 0 до 0,41. Дагестан — это свой особый круг металла, не имеющий никакой связи со сравниваемыми коллекциями. Южно-уральские и Казахстанские коллекции степень сходства имеют невысокую (0,40). Гораздо более тесные контакты выявляются с кругом келермесского-днепровского-нартанского-каррасского металла (0,54—0,59).

Подводя итоги, хочется подчеркнуть еще раз, что самую значительную степень химико-металлургической близости обнаруживает металл Нартана — Карраса — Келермеса — Сулы — Тясмина. Выявленное единство тем более интересно, что оно охватывает могильники с многочисленными находками предметов скифских и скифоидных типов. Таким образом, спектрально-аналитическое изучение цветного металла Нартанского комплекса подтверждает и не противоречит мысли о принадлежности его к древностям скифского мира Евразии времени вторичного завоевания скифами Северного Причерноморья.

³¹ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия..., с. 75.

³² Степень сходства со ставропольским металлом пока выражена в предварительном виде, так как материалы раскопок 1979 г. не вошли в статистическую обработку. В настоящей схеме использованы материалы к. 1, 8, 9.

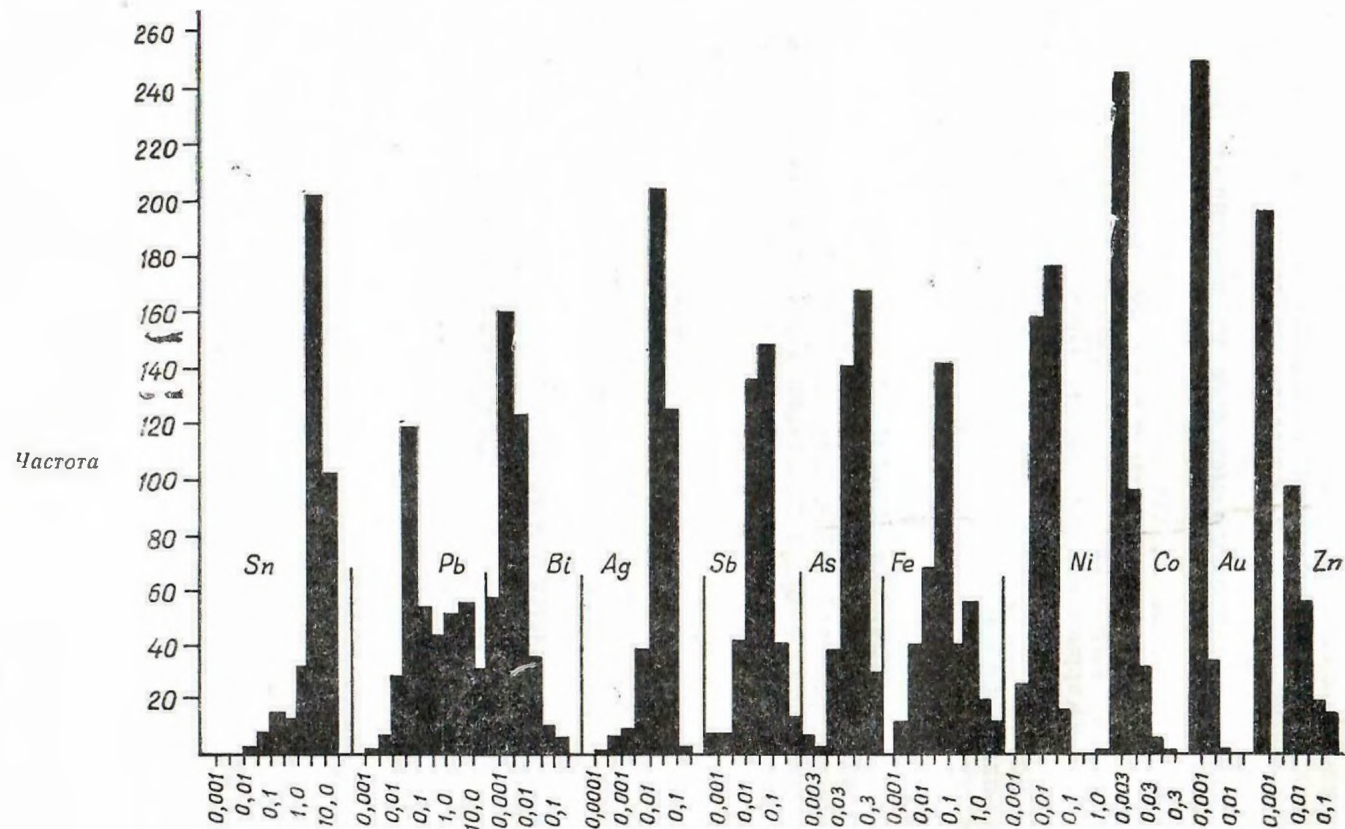

Рис. 1. Гистограммы распределения концентраций примесей к меди Нартанского мо-
гильника

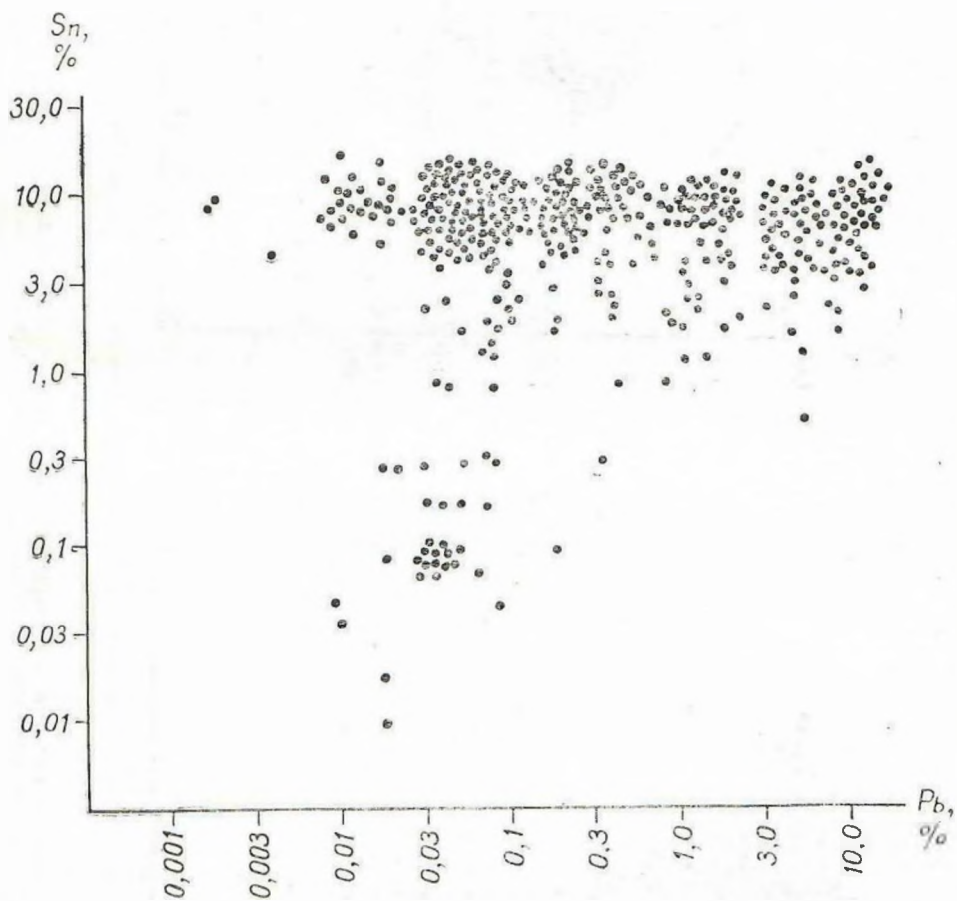

Рис. 2а. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди Нартанской коллекции (олово — свинец)

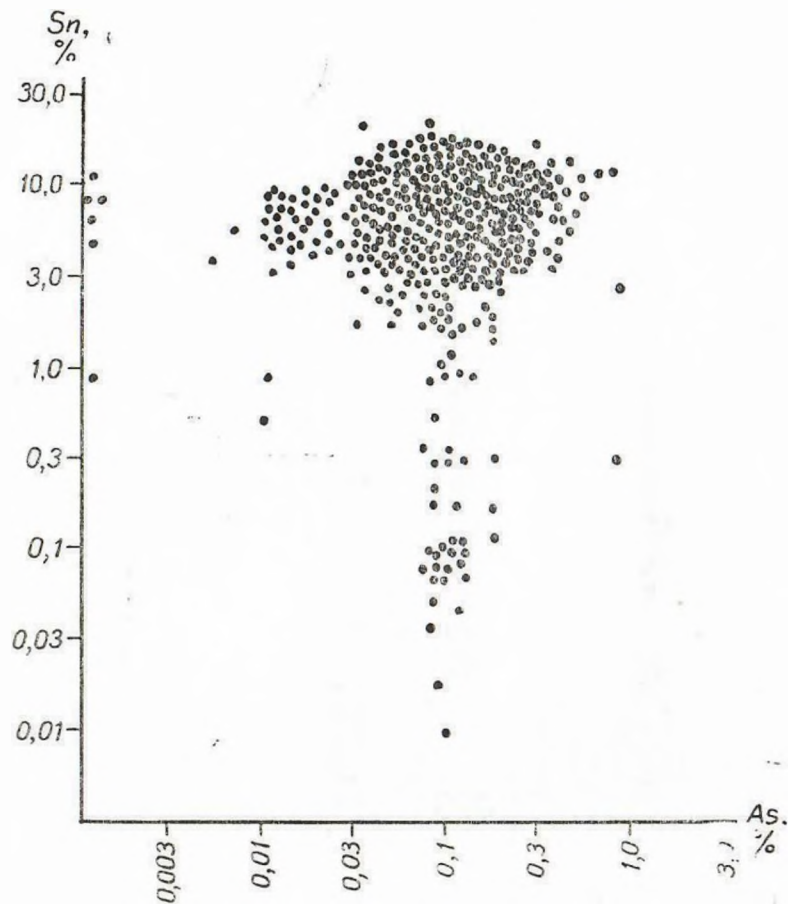

Рис. 26. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди Нартанской коллекции (олово — мышьяк)

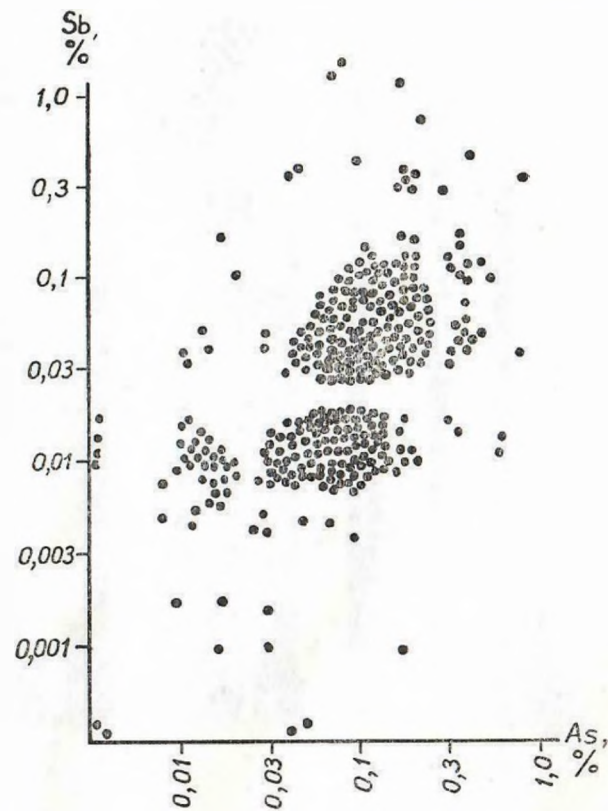

Рис. 2в. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди Нартанской коллекции (сурьма — мышьяк)

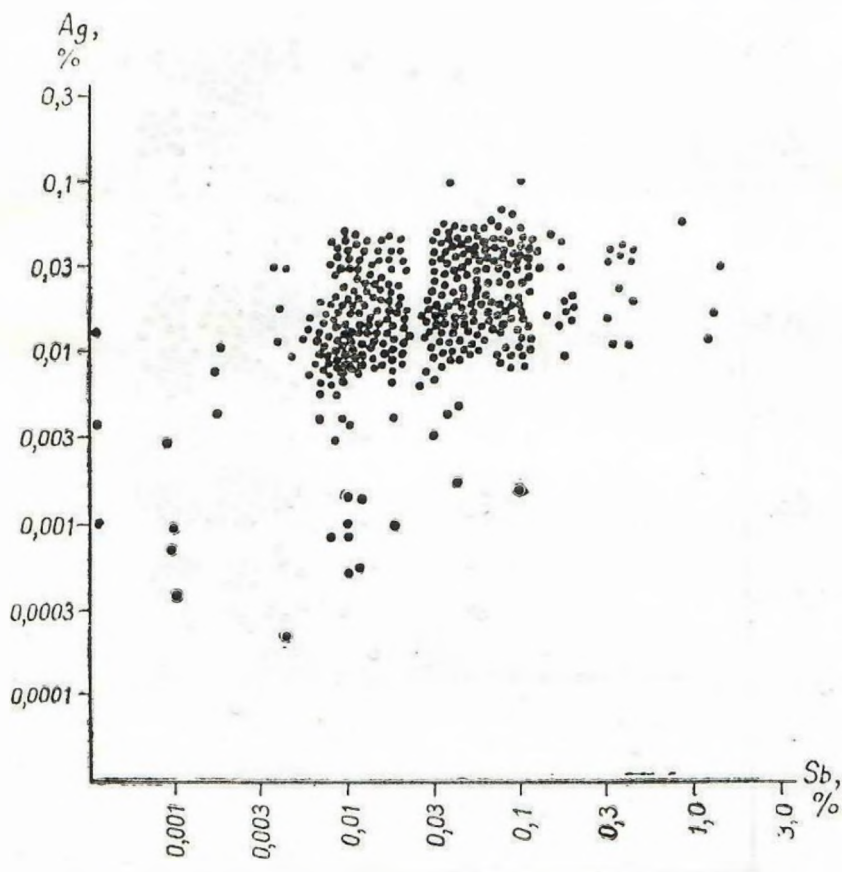

Рис. 2г. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди Нартанской коллекции (серебро — сурьма)

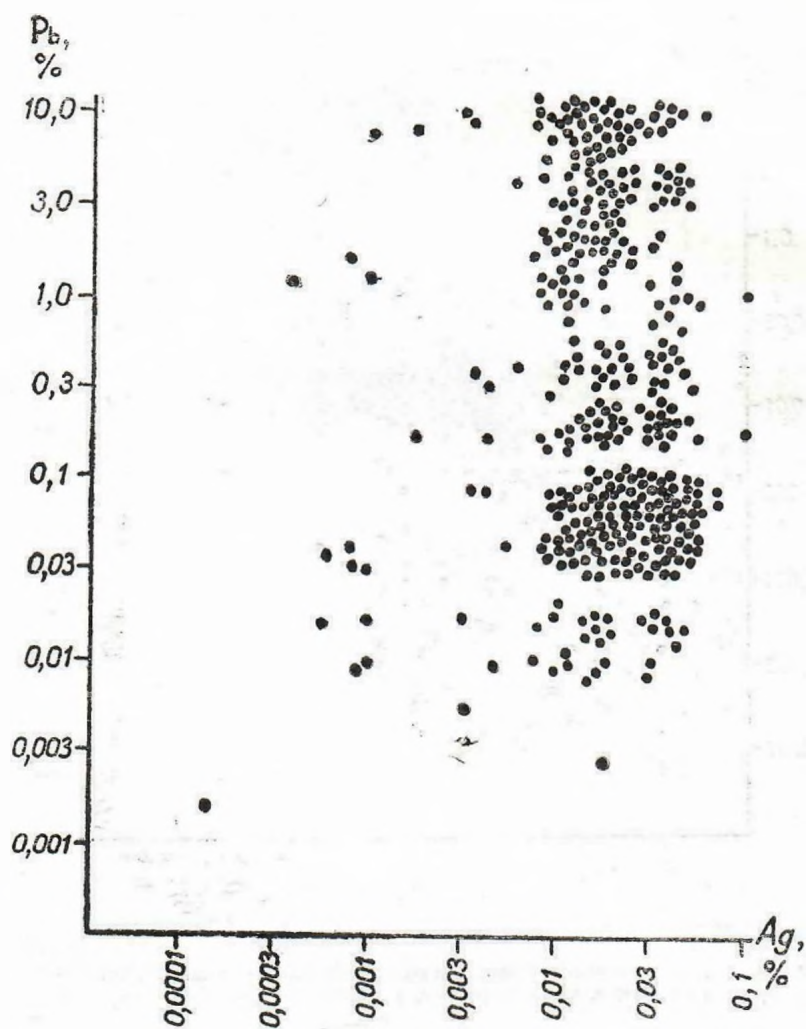

Рис. 2д. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди Нартанской коллекции (свинец — серебро)

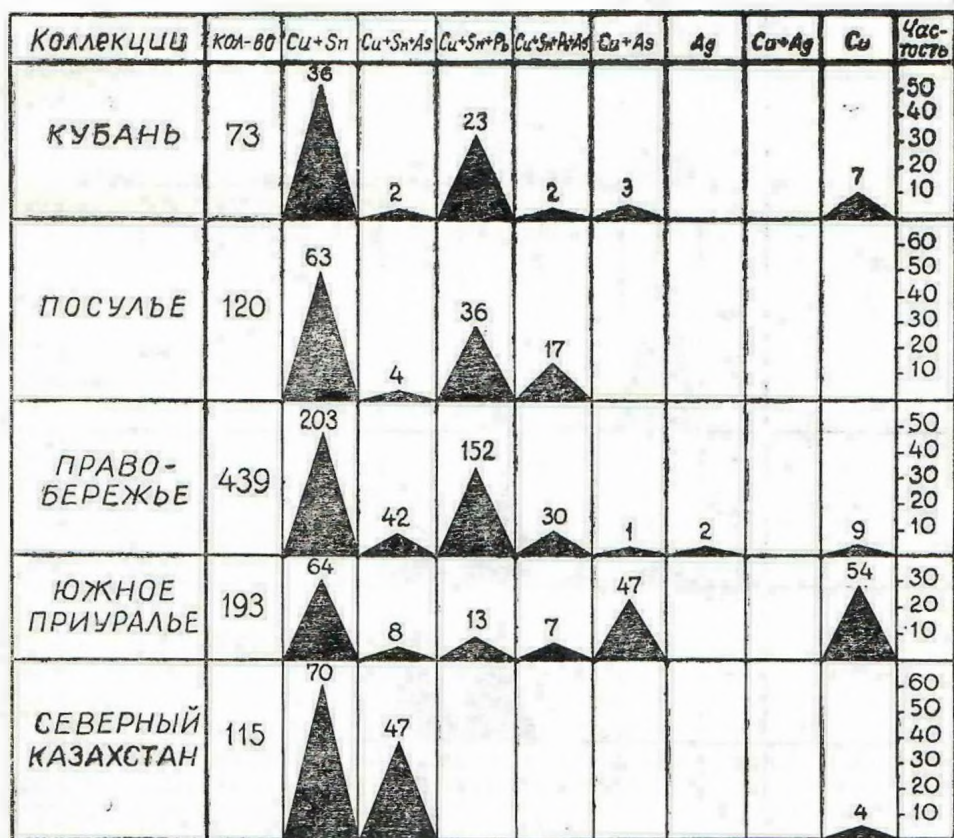

Рис. 3. Схема распределений изделий по сплавам меди для металлических коллекций скифской поры с территории Северного Кавказа, лесостепного Днепра, Южного Урала, Северного Казахстана

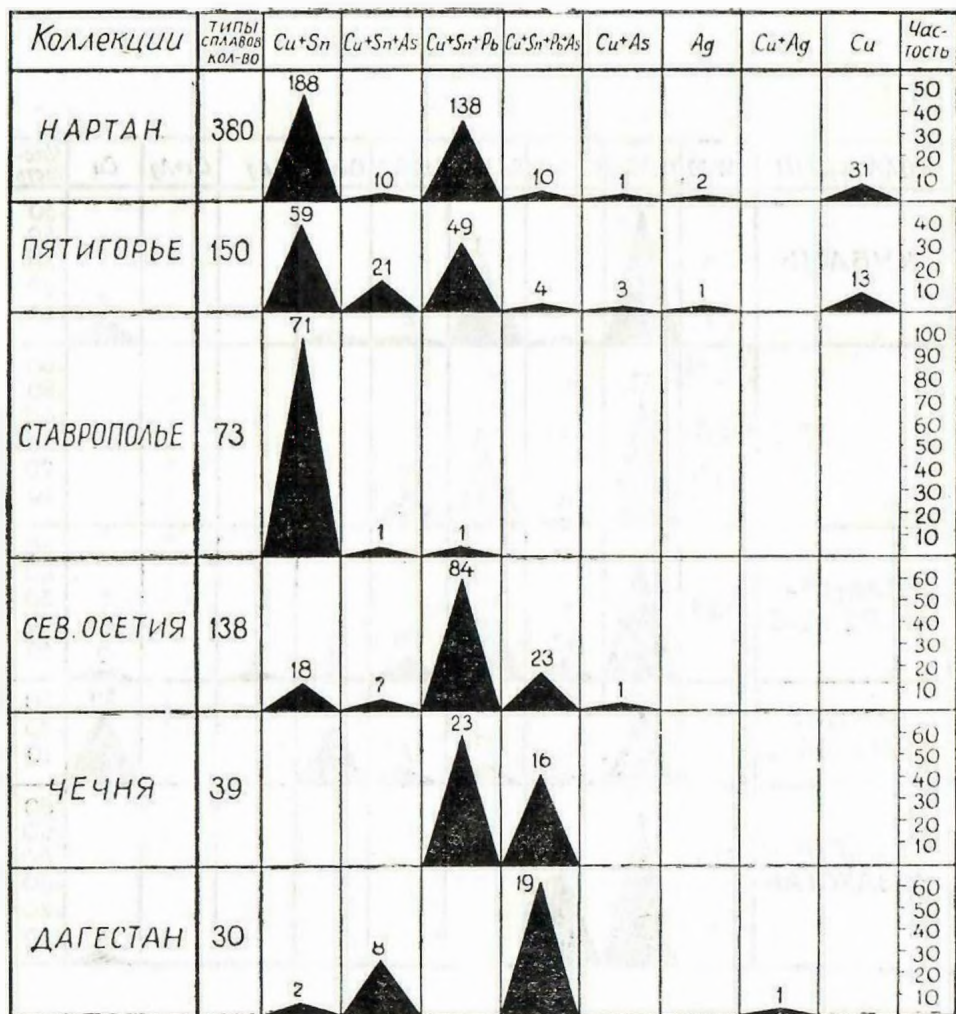

Рис. 3. Продолжение

Б. М. Керефов

ЧЕГЕМСКИЙ КУРГАН- КЛАДБИЩЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Сарматский период на археологической карте Кабардино-Балкарии до недавнего времени был представлен лишь разрозненными погребениями и случайными вещевыми находками¹.

Ограниченность археологического материала, что в первую очередь объяснялось малоизученностью эпохи, не позволяла в достаточной степени осветить многие вопросы, связанные с историческим развитием племен, населявших территорию Кабардино-Балкарии в сарматское время.

Переломным моментом в накоплении источниковедческой базы послужило открытие и исследование крупнейшего Нижне-Джулатского могильника, давшего 76 погребений I в. до н. э. — III в. н. э.² Впервые представилась возможность на основании обширного и разнообразного материала судить о характере культуры местных племен, а также о специфике их отношений с пришлыми сармато-аланами, оказавшими сильное воздействие на первых.

Второй этап исследования сарматских памятников республики можно связать с начавшимися в 1972 г. сериями новостроечных экспедиций КБНИИФЭ, вызванных строительством Чегемской оросительной системы. В течение последующих археологических сезонов в окрестностях селений Чегем I и Кишпек было выявлено несколько новых впускных захоронений сарматского времени³.

Особенно удачным оказался сезон 1975 г., когда у сел. Чегем II с участием автора был исследован уникальный курган, по всем признакам использовавшийся в качестве могильника в течение II в. до н. э. — II в. н. э. Значение Чегемского кургана, естественно, не ограничивается большим числом комплексов (135), которые он дал. Исключительность кургана определяется тем, что с его открытием получен богатейший и разнообразный материал, позволяющий по-новому оценить ранее извест-

¹ Первую сводку их см.: *Виноградов В. Б.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. КБНИИ, Нальчик, 1967, т. 25, с. 128—144.

² *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972. Позднее М. П. Абрамова, пересмотрев дату Нижне-Джулатского могильника, удвудвила ее по крайней мере на один век, отнеса возникновение могильника ко II в. до н. э. или к концу III в. до н. э. — См.: *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья. — Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 65—67.

³ *Мизиев И. М., Керефов Б. М.* Новый комплекс сарматского времени из Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. КБНИИ, 1974, т. 26, с. 223—228; *Бетров Р. Ж., Назоев А. Х.* Отчет о раскопках курганов в бассейне реки Чегем в 1973 г. Архив КБНИИФЭ, инв. 2187; *Бетров Р. Ж.* Отчет о раскопках курганов у сел. Кишпек в 1974 г. Архив КБНИИФЭ, инв. № 2206; *Мизиев И. М.* Отчет о раскопках кургана у сел. Кишпек КБАССР в 1974 г. Архив КБНИИФЭ, инв. № 2213.

ные факты, а также поставить ряд важных проблем по сарматской эпохе не только для территории Кабардино-Балкарии, но и всего Центрального Предкавказья.

Настоящая работа посвящена Чегемскому кургану, хотя некоторые сведения о нем уже имеются в археологической литературе⁴. Тем не менее следует признать целесообразность полной научной их публикации; можно надеяться, что она вызовет определенный интерес археологов, занимающихся кавказской проблематикой, и особенно сарматологов.

Естественно, публикационный характер издания и ограниченность объема не позволили автору в желаемой степени разрешить те вопросы, которые возникали у него в ходе работы над памятником. Поэтому, если сарматолог получит конкретное представление об этих материалах и возможность использовать их в научной работе, автор будет считать свою задачу выполненной.

Глава I

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА

1. Строение кургана

Курган располагался на расстоянии 4,5 км от сел. Чегем II, на северо-восточной окраине его пахотных земель, и около 2,5 км к юго-западу от сел. Кишпек. Более конкретным ориентиром местоположения Чегемского кургана служит громадный «Шхалишхов» курган, возвышающийся на расстоянии 500 м к северо-востоку от него.

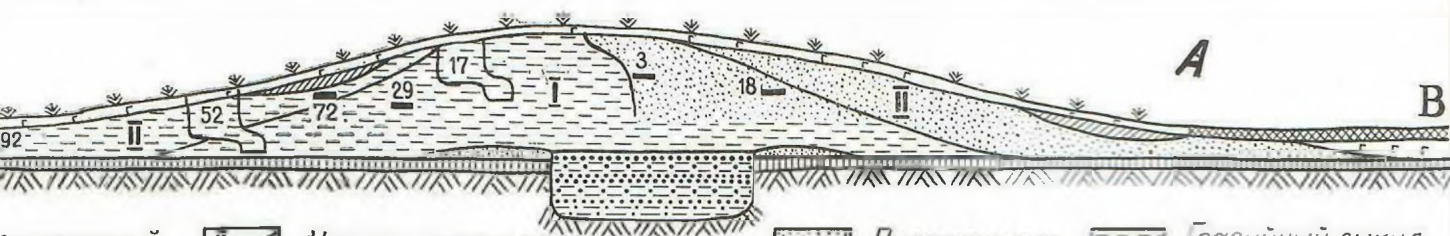
К началу раскопок курган имел сильно оплывшую у основания форму; это впечатление усиливалось за счет того, что полы кургана ежегодно подвергались распашке, отчего основание его слилось с современным горизонтом, в результате точные границы насыпи определялись с трудом. Диаметр кургана, имевшего округлую в плане форму, достигал 57—60 м, высота 4,30 м.

В связи с тем, что насыпь снималась с помощью бульдозера и скрепера, основные сведения о характере профиля были получены лишь по линии разреза запад — восток, проходящей через центр кургана.

При раскопках кургана удалось сделать ряд важных стратиграфических наблюдений, заслуживающих внимания. Выяснилось, например, что насыпь кургана была сооружена в два приема. Это хорошо прослеживалось в срезе бровки в виде сплошной линии задержанной поверхности первоначальной насыпи (рис. 1; рис. 2А). Кроме того, под южной полкой — на уровне древнего горизонта — на фоне глины более светловатого оттенка четко вырисовывалось темное, гумусированное очертание первоначальной насыпи. В северной поле кургана оно прослеживалось более расплывчато. Диаметр очертания, соответствовавшего диаметру первичной насыпи, равнялся 29—30 м.

Следует также отметить, что при вторичной досыпке не была затронута центральная часть первоначальной насыпи: досыпка шла в основном за счет увеличения площади, т. е. диаметра насыпи, а не за счет увеличения высоты. Вся насыпь состояла из светловатой глины. Лишь восточная пола выделялась своим темно-серым цветом в срезе насыпи, что можно объяснить, вероятно, тем, что грунт при досыпке брали из разных мест.

⁴ Керемов Б. М., Нагоев А. Х. Раскопки в зоне Чегемской оросительной системы. — АО 1975, М., 1976, с. 123—124; *их же*. Новый памятник сарматского времени из Кабардино-Балкарии. — Археология Северного Кавказа. VI Крушиновские чтения в Краснодаре. (Тезисы докладов). М., 1976, с. 24—25.

сированный
и
таханые
стки
усированный
тёк

Насыпь и подсыпки
Глина

Пестроцвет
Погребенная почва

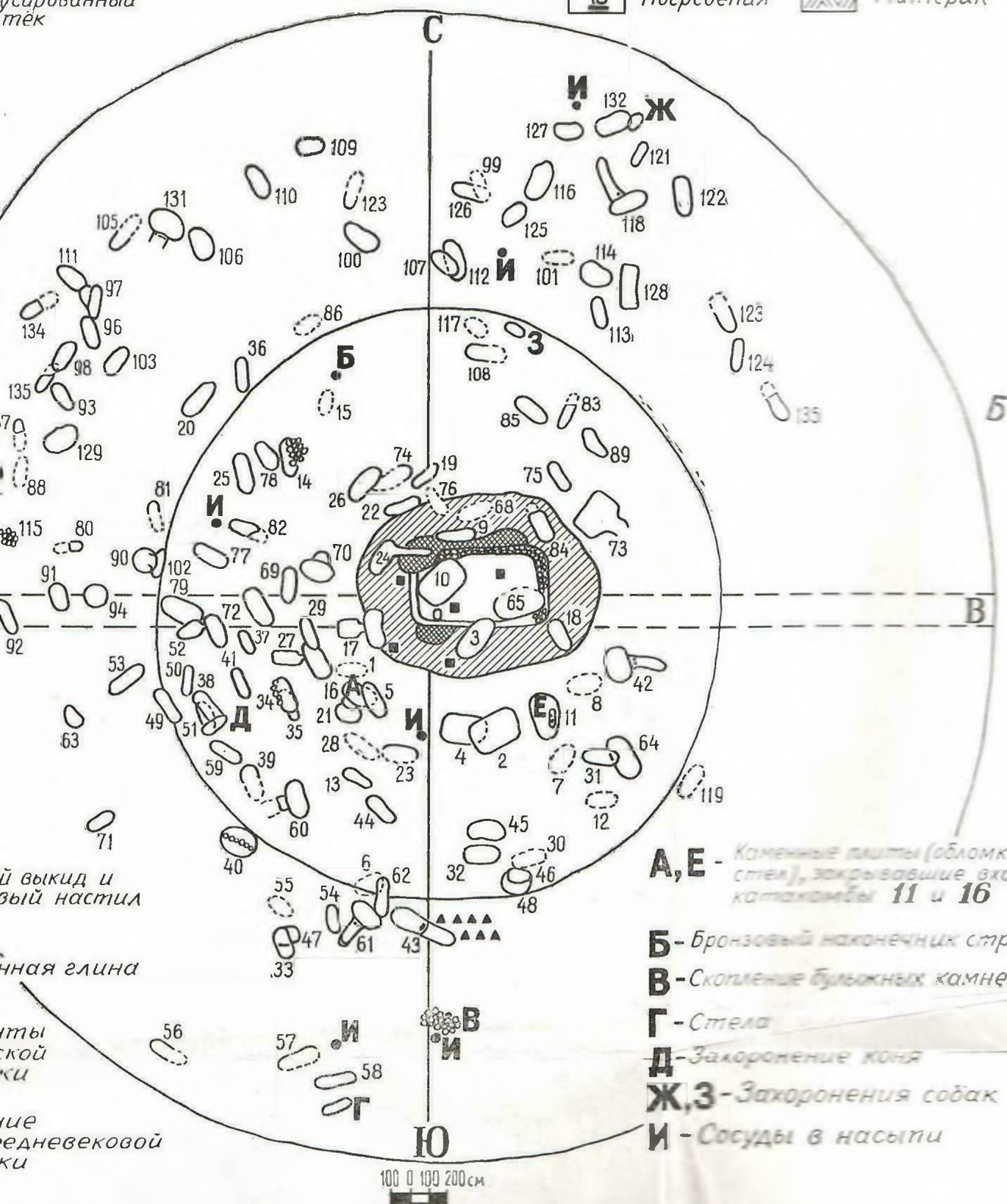
Гравийный выкид,
камышовый настил,
обожженная глина

Погребения

Материк

А, Е - Каменные плиты (обломки
стен), закрывавшие вход
каптакамбы 11 и 16

Б - Бронзовый наконечник стрелы

В - Скопление булыжных камней

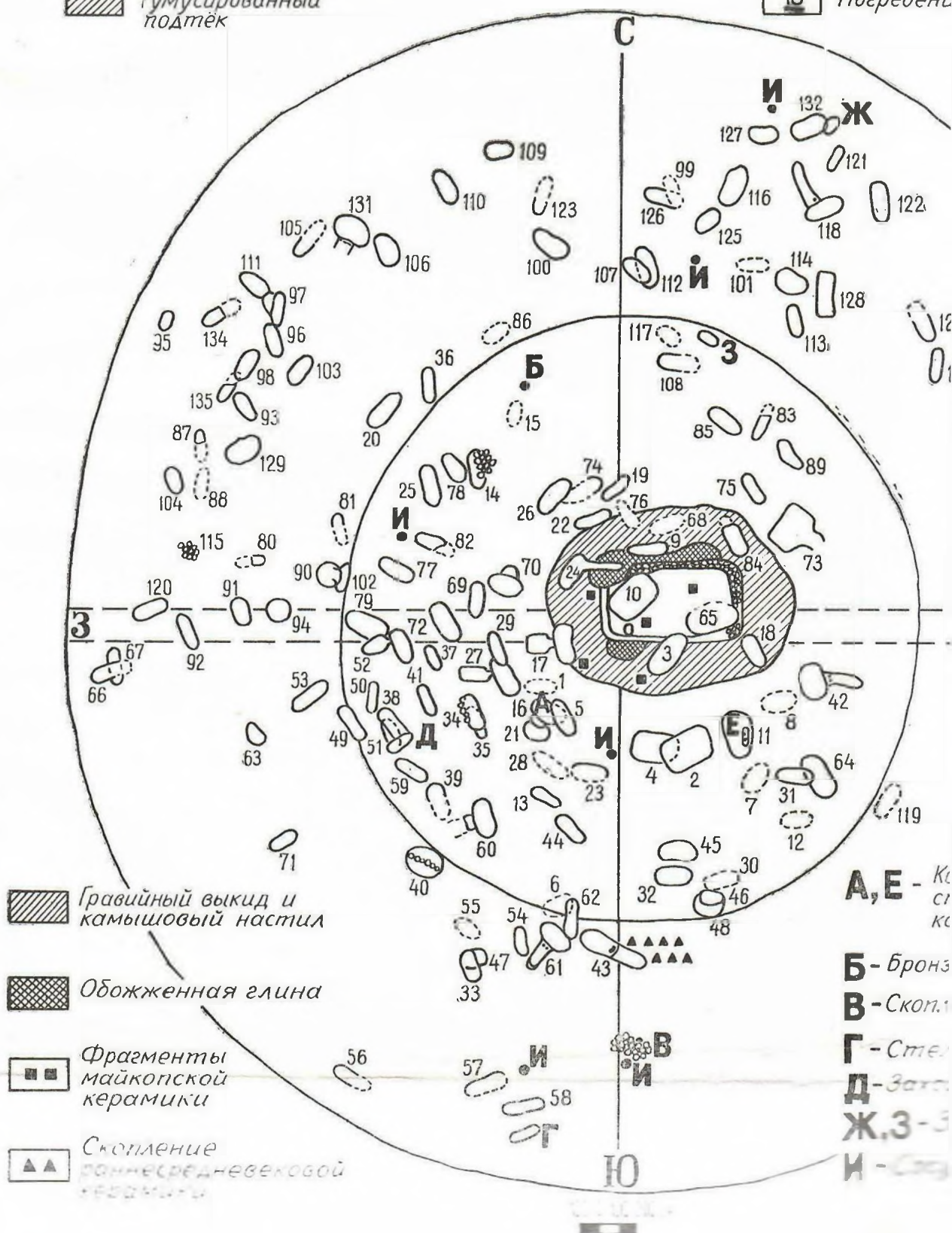
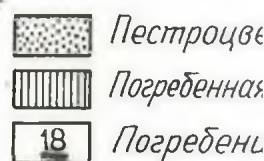
Г - Стела

Д - Захоронение коня

Ж, З - Захоронения собак

И - Сосуды в насыпи

100 0 100 200 см

Плотность грунта по всей площади насыпи различная: в местах досыпки он был более рыхлым, пористым и легко снимался. Под ним открывалась плотная спрессованная глина, повторяя по форме полусферическую конфигурацию первоначальной курганный насыпи.

На глубине 3,20 м от вершины кургана в центральной части насыпи найдены четыре фрагмента сосуда с розовато-желтой и пачкающей поверхностью, изготовленного из хорошо очищенной и отмученной глины.

На глубине 4,30 м от вершины кургана (на уровне древней поверхности) обнаружен кольцевой гравийный материковый выкид из центральной могилы. Ширина выкида от 1,50 м до 2,5 м, толщина до 0,25 м. Этот выкид сверху был покрыт слоем камышового настила (толщина 0,05 м), имеющего в плане овальную форму, площадью около 120 кв. м. Материк на глубине 4,60 м от вершины кургана.

Внутри гравийного выкида, под центром кургана, обнажились контуры огромной ямы (7×4 м), строго ориентированной длинными сторонами по линии запад — восток (рис. 2Б). Границы ямы были обозначены на уровне древнего горизонта булыжной выкладкой, нарушенной полностью у южной, а также частично у западной и восточной стенок. Ширина выкладки достигала 0,30—0,40 м, и она уходила в глубь материка на 0,20 м. Вдоль северной стенки ямы выявились два участка сильно обожженной глины, отстоящие друг от друга на расстоянии 7 м по направлению запад — восток и имевшие в плане овальную (1,7×2 м) и полуовальную (0,8×2,2 м) формы. Они соединялись между собой полосой из такой же обожженной глины, шириной 0,35—0,40 м. Третий аналогичный участок, тоже полуовальной формы (0,9×1,8 м), прослеживался у южной стенки ямы. Толщина обожженных участков глины от уровня древнего горизонта 0,50 м. На уровне древней поверхности обожженные участки глины непосредственно примыкали к северной и южной стенкам ямы, а один из них перекрывал ее северо-западный угол.

Засыпка могильной ямы представляла собой твердо слежавшуюся светло-желтую глину. Дно ямы находилось на глубине 5,90 м от вершины кургана и на 1,60 м ниже древней поверхности. Углублена в материк на 1,30 м. Северная и частично остальные стенки ямы были обожжены.

Никаких признаков захоронения в яме не удалось проследить. Несмотря на это, представляется возможным сделать некоторые выводы относительно характера всего комплекса.

Во-первых, галечный могильный выкид, покрытый сверху камышовым настилом, большие могильные ямы, устроенные в материковом грунте, являются характерными признаками курганов эпохи бронзы¹.

На это как будто бы указывают фрагменты битой керамики с пачкающей поверхностью, обнаруженные на большой глубине непосредственно над ямой. Кроме того, аналогичный фрагмент был найден около ее южной стенки, на уровне древнего горизонта. Подобная керамика как по фактуре, так и по внешним признакам более всего соответствует керамике майкопской культуры². Однако не исключено и то, что эти фрагменты могли попасть в насыпь случайно. Если это так, то возможен и другой вариант интерпретации данного комплекса. Большие широкие прямоугольные могилы, использование настила из камыша, лежащего на огромной площади вокруг ямы в сочетании с различными формами

¹ Мизнев И. М., Бетров Р. Ж., Нагсоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 12, 14, 15; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 228, 232, 234, 277, 281.

² Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике.— МИА, 1941, № 3, с. 124; Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика.— Там же, с. 185; Чеченов Н. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 47—50. Бетров Р. Ж. Культура племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1972, с. 9, 11.

проявления культа огня, являются типичными чертами погребального обряда савроматов на всей территории их расселения³.

Аналогичные комплексы скифо-савроматского круга были исследованы в последнее время и на территории Кабардино-Балкарии⁴. В свете сказанного представляется, что центральное захоронение, а стало быть, и время сооружения первичной насыпи с какой-то долей вероятности можно отнести к скифскому времени.

Во время снятия насыпи, особенно в ее центральной части, начиная с глубины 0,40—0,50 м, выявлен керамический материал. К сожалению, он представлен лишь в виде разрозненных мелких фрагментов и судить о формах и размерах сосудов не представляется возможным. Но, как будет видно ниже, основная масса его по фактуре, характеру обработки поверхности и орнаментальным мотивам аналогична керамике, найденной в погребениях кургана.

Большинство фрагментов представляет собой верхние части серо- или чернолощенных кувшинов, горшков с отогнутым наружу венчиком, а также мисок со скошенным внутрь или профилированным бортиком (рис. 3, 5—12). Общей особенностью, объединяющей эти фрагменты в одну группу, является также наличие в хорошо отмученном тесте примесей толченой ракушки, кварцита, и особенно шамота.

Что же касается их орнаментации, то, несмотря на фрагментность, довольно четко определяются некоторые мотивы, такие, как косые насечки на венчиках горшков, горизонтальные желобки, многослойный арочный орнамент, а также вертикально проложенные двойные или тройные пучки и т. д.

В целом эта группа керамики находит широкие аналогии в памятниках сарматского времени Центрального Предкавказья и за его пределами⁵.

Другую, более малочисленную, группу керамики верхних слоев насыпи составляют маловыразительные, грубые и низкого качества сероглиняные черепки с большой примесью песка. Наибольшее их скопление было сосредоточено к югу от центра кургана на расстоянии 15,5 м. Отмеченные фрагменты более позднего происхождения и скорее всего относятся к раннему средневековью; однотипные с ними образцы в массовом виде встречаются среди подъемной керамики городищ Кабардино-Балкарии⁶.

Среди других материалов, полученных при раскопках Чегемского кургана, значительный интерес представляют захоронения животных.

Так, в 12 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 4,15 м, расчищено конское захоронение. Яма имела в плане узкую подпрямоугольную форму (1,55×0,60×0,35 м) и была ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Костяк лошади лежал на дне ямы на животе с подогнутыми конечностями, черепом на СВ (рис. 3, 1).

В северо-восточном секторе кургана на глубине 3,5 м раскопано погребение собаки. Могильная яма овальной формы (1,2×0,7×0,10 м) ориентирована по оси СЗ—ЮВ. Скелет собаки лежал на левом боку, черепом на ЮВ. Возле передних ног в качестве заупокойной пищи — лопатка крупного животного (рис. 3, 2).

Вторая собака была погребена к северо-востоку от первой на глу-

³ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 86 и след.

⁴ См. работу В. М. Батчаева в настоящем издании.

⁵ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 192, рис. 14, 3—5; с. 206, рис. 33, 4; с. 209, рис. 36, 2; Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 75, рис. 14.

⁶ Чеченов И. М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. КБНИИ, 1967, т. 25, с. 107 и след.; его же. Раскопки городища Нижний Джуглат в 1966 г. — Там же, с. 210—218.

бине 3,85 м, на левом боку, черепом на ЮЗ (рис. 3, 3). Контуры ямы не прослежены.

Захоронение третьей собаки⁷ находилось в юго-восточном секторе, на глубине 3,35 м. Глубокая яма (2 м) с расширяющимися книзу стенками в разрезе напоминала вид усеченного конуса или колоколообразную яму, уходящую в материк на 0,75 м (рис. 3, 4). Яма в плане округлая (диаметр устья 1 м, дна 1,7—2 м).

В засыпке, которая состояла из слежавшейся плотной глины, на разной глубине встречались кости животных (части ног какого-то крупного животного и челюсти лошади). На дне ямы, у восточной стенки, лежал скелет собаки, черепом на СВ. Рядом находились: булыжный камень, лопатка крупного животного и черепки битой керамики (рис. 3, 13—15).

И, наконец, в южной периферии насыпи непосредственно под гумусированным слоем была обнаружена монументальная антропоморфная стела⁸. В настоящее время нет возможности выяснить, по какой причине попало это изваяние в насыпь кургана, несомненно лишь одно: по морфологическим признакам его следует включить в круг древнейших антропоморфных изваяний, ставших известными в последние годы на территории Кабардино-Балкарии⁹.

Помимо описанных находок, в кургане исследовано 135 погребений сарматского времени. В планировке могил трудно проследить какую-либо строго определенную систему (рис. 2Б). Можно лишь констатировать, что более ранние и поздние погребения встречаются как в первоначальной насыпи, так и за ее пределами. Поэтому уточнить время вторичной досыпки кургана в рамках сарматского периода не представляется возможным. Обращает внимание также тот факт, что юго-восточная часть вторичной насыпи по какой-то причине осталась неиспользованной для захоронения.

Что касается особенностей стратиграфии, следует указать, что могилы перекрывают друг друга лишь в единичных случаях. Учитывая это, а также наличие многочисленных коллективных захоронений, т. е. случаи повторного использования одного и того же погребального сооружения, следует предположить существование в тот период обычая обозначать могилы определенными наземными признаками, хотя их характер вряд ли возможно установить. В связи с этим можно допустить наличие каких-то внешних обозначений над могилами (например, деревянных плах), на которых наносились определенные знаки. Широкое распространение в сарматское время (особенно у сармат) родовых и именных тамг общеизвестно¹⁰. Кроме того, они встречаются также и на сарматских антропоморфных стелах¹¹.

Прежде чем перейти к общей характеристике исследованных комплексов Чегемского кургана, приведем их краткое описание.

⁷ В полевой документации и в отчете о раскопках оно прошло под погребением № 48.

⁸ См.: Чеченов И. М. Вторые курганные группы у сел. Кишпек и Чегем II.— Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1984, т. 1, с. 216, рис. 41, 8.

⁹ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 12—16, 23 и след.; Чеченов И. М., Батчаев В. М. Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии.— V Крупновские чтения по археологии Кавказа. (Тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 15—16.

¹⁰ Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья, Киев, 1975.

¹¹ Драчук В. С. Стела со знаками из Теревовельщины.— СА, 1967, № 2, с. 244; его же. Системы знаков..., с. 100—103. Кстати, нанесение родовых или семейных тамг на надмогильные памятники было широко распространено и у горцев Кавказа вплоть до недавнего времени.

2. Описание погребений

Погребение 1 (рис. 18, 1—2) открыто на расстоянии 4,5 м к ЮЗ от центра кургана на глубине 1,55 м. Контуры ямы не прослеживались. От костяка сохранился лишь небольшой фрагмент нижней челюсти. Инвентарь — глиняная миска и бронзовый браслет.

Погребение 2 (юго-восточный сектор; рис. 4, 1—9), вероятно, катакомбное; контуры ямы прослежены лишь частично. Она была ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На глубине 2 м на меловой (местами обильной) и угольной подсыпке лежали три костяка плохой сохранности, вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. У I костяка (у юго-восточной стенки) найдены: возле левого бедра фрагменты глиняного сосуда, железной булавки и бусина. На шее II костяка — бусы, на левой руке — бронзовый браслет. У левой кисти лежали бусы, бронзовая игольница и раковина *Cardium* sp. В ногах — кости обезглавленного барана. В области груди и у левой кисти III костяка (вдоль с.-з. стенки) обнаружены 2 втульчатых наконечника стрел, а под левобедренной костью — железный ножик.

Погребение 3 (рис. 4, 14—34) выявлено в центральной части кургана на глубине 1,70 м. Камера катакомбы имеет в плане подпрямоугольную форму (2,52×1,55 м) и ориентирована с СВВ на ЮЮЗ. На дне камеры, на частичной меловой подсыпке — два костяка. I костяк (мужчины) лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой руки уложена под тазом (?). На его поясе найден обломок железной пряжки, а у левого бедра — около 20 железных втульчатых наконечников стрел. Вдоль левой голени и у левой кисти — бусы. Справа от костяка — железный меч, у левой голени — массивный железный нож. У изголовья стоял глиняный сосуд с гальками; здесь же — передняя нога барана. В ногах — ребра крупного животного. Анатомический порядок костей II скелета (слева от I) был нарушен: череп, ребра и позвоночные кости сдвинуты к западной стенке. In situ лежали лишь кости ног: правая согнута в колене, левая вытянута. Судя по ним, покойник был ориентирован головой на ЮЮЗ. Справа от его черепа найдены золотая привеска в 1,5 оборота, клык кабана и разбитая бусина. Среди сдвинутых костей — бусы и костяная розетка. Вдоль голенных костей найдены золотые нашивные бляшки, а также бусы. В СВВ части камеры (в ногах костяков) стояло 6 глиняных сосудов: один с гальками и три с железными цепочками внутри, миска и кувшин. В сосудах с цепочками попадались куски угля и мела. Один из них снаружи обмазан тонким слоем светлой глины. Среди сосудов найдены фрагменты стеклянного кубка.

Погребение 4 (юго-восточный сектор; рис. 5, 1—42) расчищено на глубине 2,7 м. Дромос катакомбы не удалось проследить. В засыпке камеры у южной стенки лежал обломок плиты из песчаника, закрывавшей вход в камеру. Судя по месту ее находки, дромос располагался по оси Ю—С. Камера катакомбы имела в плане овальную форму (2,35×1,45 м, сохранившаяся глубина — 0,70 м) и была ориентирована по линии СВВ — ЮЗЗ. На дне камеры на плотно подогнанных друг к другу деревянных горбылях (1,90×0,70 м) лежал сильно истлевший костяк. Судя по сохранившимся костям (левой плечевой кости, зубов, плюсен и предплюсен), он лежал вытянуто, на спине, головой на ЗЮЗ. У изголовья его стояло 6 глиняных сосудов. Среди них миска с костями барана, сосудики с железной цепью и гальками внутри. В этой части могилы найдены: два зеркала в обломках, бронзовая пряжка, фрагменты железной секиры и ножа, бронзовая и обломок железной булавки, бронзовая фибула. У левого плеча — длинный железный штырь, обломок железного крючка и фрагменты бронзовой игольницы. Вдоль предполагаемой левобедренной кости, острием к ступням, лежал же-

лезный меч с серповидным навершием. Рядом с ним — остатки кожного колчана с 12 втульчатыми наконечниками стрел. Здесь же обнаружены железное кольцо и бронзовый крючок. На краю горбылей, у южной стенки, найдена бронзовая модель котла; в ногах — преднамеренно согнутый железный нож. В различных частях камеры собрано значительное число бусин, а также фрагменты нескольких миниатюрных фибул. Многие бусины носят следы преднамеренной порчи. В камере наблюдалась обильная меловая и частичная угольная подсыпка.

Погребение 5 (рис. 5, 43—47) находилось в юго-западном секторе на глубине 1,90 м. Подпрямоугольная яма ($2,0 \times 0,63$ м, сохранившаяся глубина — 0,10 м) с округлыми углами, являвшаяся камерой катакомбы (?), была ориентирована по оси ЮВ—СЗ. На дне камеры лежал костяк взрослого человека вытянуто, на спине, головой на СЗ. Анатомический порядок костей был частично разрушен, возможно, грызунами. В ногах костяка стояли 4 глиняных сосуда. Среди них сосудик с гальками и большая миска, внутри которой передняя нога барана с лопаткой и железный ножик.

Погребение 6 (рис. 18, 6) открыто в юго-западном секторе на глубине 2,25 м. Контуры могильной ямы не прослежены. Костяк взрослого человека лежал в сильно скорченном состоянии (вероятно, он был связан), на правом боку, головой на ВВЮ. У шеи фрагмент железной булавки, у тазовых костей два фрагмента глиняного сосуда и 4 стеклянные бусинки.

Погребение 7 (юго-восточный сектор; рис. 19, 3—4). На глубине 2,10 м обнаружен сильно разрушенный костяк. Судя по расположению фрагментов костей, умерший лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ. На поясе найдены фрагменты железного ножика. У левой кисти — фрагменты железной пряжки (?), у левого бедра — оселок.

Погребение 8 (юго-восточный сектор; рис. 18, 5—30). Сильно разрушенная камера катакомбы выявилась на глубине 2,40 м. Сохранилась лишь северная часть камеры в виде небольшой ниши, где лежали сдвинутые в кучу человеческие кости. У черепных костей — глиняный сосуд. Возле него и среди сдвинутых костей собрано большое количество бус и фрагменты железной булавки. В яме, по всей видимости, находился и второй костяк, разрушенный почти полностью скрепером. От него сохранились лишь части левобедренной и большеберцовой костей. Возле них — 2 глиняных сосудика и скарабей. Дно могилы усыпано мелом.

Погребение 9 (рис. 6, 54—68) — катакомбное — выявлено к ССВ от центра на расстоянии 4,25 м, на глубине 1,70 м. Сохранилась только камера с обвалившимся сводом. Камера подпрямоугольной формы ($2,0 \times 1,35$ м) с закругленными углами ориентирована по оси ЮЗЗ—СВВ. В камере совершено парное захоронение. Первый (I) костяк (вдоль северной стенки) частично потревожен, но положение костей свидетельствует о том, что он лежал вытянуто, на спине, головой на ВСВ. На шее и груди — две бусины. Слева от берцовых костей — 3 глиняных сосуда: вазочка на поддоне (курильница), горшок и сосуд с гальками и древесными угольками внутри. Рядом с ними — ребра и передняя нога барана с лопаткой. Положение II скелета не поддается фиксации, поскольку анатомический порядок его нарушен. Среди костей — бусы, втульчатый наконечник стрелы.

Погребение 10 (рис. 6, 1—53). На глубине 1,90 м в центральной части насыпи выявлена камера катакомбы с обвалившимся сводом. Дромос проследить не удалось, поскольку он разрушен при сооружении входной ямы более поздней катакомбы 24. Камера в плане имеет подпрямоугольную форму ($2,35 \times 1,68$ м, сохранившаяся глубина — 0,68 м) с сильно закругленными углами и ориентирована по оси СВ — ЮЗ. В засыпке в значительном количестве встречались древесные угольки.

Здесь же найдены: бронзовый язычок пряжки, согнутый втульчатый наконечник стрелы и фибула-брошь. На дне камеры — истлевшие кости 2 покойников. Они лежали вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Кисти рук II скелета (у северо-западной стенки) уложены на тазовые кости. У черепа, рук и ног I костяка (вдоль юго-восточной стенки) — бусы; справа у плеча — оселок и янтарная бусина-брошь. На груди — стилизованная ручка глиняного сосуда, у правого локтя фрагменты бронзового зеркала и две втульчатые стрелы (одна преднамеренно согнута). На поясе бронзовая пряжка. Справа у бедра обнаружен фрагмент от железной фигурной цепи. Слева, острием к ступням, — длинный железный меч без навершия. Здесь же бронзовый шлем и бронзовая модель горита с луком, а также обломки бронзовой булавки. В 0,20 м к СВ от шлема, между двумя костяками, найдено 6 пружинок из золотой фольги. У черепа II костяка найдены: серебряная привеска в 1,5 оборота и бронзовое перекрестье для ремня. У левого плеча обломки железного стерженька. У СЗ стенки — бронзовая гривна. Слева от ног II костяка лежали сильно истлевшие кости жертвенного животного. В ногах стоял глиняный сосудик, обмазанный снаружи слоем светлой глины. Внутри него — древесные угольки и обломки железной цепочки. В различных местах камеры обнаружены фрагменты железных предметов непонятного назначения и обломки миниатюрных бронзовых фибул (?). В камере наблюдалась обильная меловая подсыпка и древесные угольки.

Погребение 11 (юго-восточный сектор; рис. 7, 1—13). Катакомба была впущена в насыпь на глубине 2,35 м. Дромос не прослежен. Судя по туфовым плитам — обломкам стел, закрывавшим вход в камеру, входная яма располагалась по оси ВСВ — ЗЮЗ и примыкала к ней с восточной стороны. Камера в плане имела овальную форму и была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. В ней найдены плохо сохранившиеся кости 2 скелетов, лежавших на спине, головой на ЮЮВ. Кости ног II скелета (ближе к восточной стенке), по всей видимости, были перекрещены, а подогнутые ноги I костяка завалились влево. С I костяком найдены: у правого бедра — железный нож, на поясе (справа) — преднамеренно разбитое зеркало и железная булавка. Со II костяком обнаружены: справа от ног — железная пряжка и бронзовая булавка. У стопы ног найдено несколько бусин. Рядом с восточной стенкой стоял глиняный сосуд с гальками и древесными углями внутри. Снаружи он был обмазан толстым (до 2,0 см) слоем светлой глины.

Погребение 12 (рис. 18, 12). Прямоугольная могила (1,42×0,75 м) с округлыми углами была выявлена в юго-восточном секторе на глубине 2,60 м. Яма была ориентирована по линии запад — восток. Южная стенка могилы разрушена скрепером. На дне могилы находился скелет без анатомического порядка.

Погребение 13 (юго-восточный сектор; рис. 7, 14—19) выявлено на глубине 2,60 м. На дне подпрямоугольной ямы (1,98×0,80 м, сохранившаяся глубина — 0,15 м) лежал костяк вытянуто, на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте, а кисть положена на пах. У щиколоток ног найдены пастовые и стеклянные бусы.

Погребение 14 (северо-западный сектор; рис. 7, 20—26). На глубине 2,10 м от вершины кургана выявилась значительно разрушенная булыжная кладка, ниже которой, на глубине 0,55 м, частично уходя восточной стеной под западную границу кладки, открылась прямоугольная яма (1,80×0,75 м, сохранившаяся глубина — 0,25 м) с округлыми углами. Очевидно, это было катакомбное захоронение, а каменная кладка закрывала вход в камеру. В камере лежали 2 костяка, как бы положенные в два яруса: левое плечо I костяка (мужчины) закрывало правую часть туловища II скелета (женщины). В южной части могилы их разделяла прослойка земли толщиной в 0,05 м, а в северной части — 0,19 м. Оба костяка лежали вытянуто, на спине, головой на

ЮЮВ. Кисти рук I костяка положены на таз. Левая кисть II скелета также на тазу, а правая рука вытянута. На поясе I скелета — железная пряжка. В ногах глиняная миска с ребрами барана внутри. Под миской, глубже — на уровне ног II скелета — стояли еще два глиняных сосуда (один раскрошился), внутри одного из них следы мела. Здесь же — железный ножик. У правого локтя II костяка найдены бронзовые крестовидные бляшки и бусинка.

Погребение 15 (северо-западный сектор; рис. 18, 15) выявлено на глубине 2,60 м. Оно разрушено скрепером. От костяка сохранились лишь бедренные, часть берцовой, фрагменты черепных костей и крестец, сваленные почти в кучу.

Погребение 16 (юго-западный сектор, глубина 2,45 м; рис. 8, 1—56). Дромос катакомбы, который по всей видимости был вытянут с ЮЗ на СВ (по направлению склона насыпи), разрушен при сооружении катакомбы 21, камера которой вплотную примыкает к данному погребению с юго-западной стороны, а каменная плита, закрывавшая лаз в камеру 16, была отодвинута и находилась в стороне от самой камеры. Сохранилась лишь камера с обвалившимся сводом. Камера овальной формы (1,65×1,20 м, сохранившаяся глубина — 0,50 м) ориентирована с ЮВ на СЗ. В ней отмечено трехъярусное захоронение.

I ярус (верхний) принадлежал взрослому мужчине, лежавшему на левом боку, головой на СЗ. Ноги в коленях согнуты, правая рука согнута в локте, ее кисть лежит перед грудной клеткой; левая вытянута, и кисть уложена у левого колена. Перед лицевой частью — железная булава. Вдоль северной стенки, острнем к ногам, — железный меч с кольцевым навершием. Здесь же найден обломок железной пряжки. Под правобедренной костью найдены фрагменты стеклянного украшения со сложным фестонобразным орнаментом и железного крючка. У стоп ног — бусы.

II ярус располагался под I, ниже на 0,10 м. Здесь лежали два костяка. Первый, принадлежавший взрослому человеку, лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. С ним найдены: у левого локтя — 3 раковины, а также следы мела и реальгара. Вдоль берцовых костей собраны стеклянные бусы. Второй костяк — ребенка — лежал также вытянуто, на спине, головой на СЗ. Кости незначительно потревожены. С погребенным найдены: у черепа бронзовая фибула с бусинкой на корпусе, у бедренных костей — бусы и бронзовый предмет, напоминающий имитацию человеческого зуба (?). У левой кисти бронзовая стилизованная подвеска в виде собаки или кабана.

III ярус был отделен от II утрамбованной глиняной площадкой и располагался ниже него на 0,22 м. Здесь лежали кости не менее двух человеческих скелетов. Первый из них лежал вдоль северо-восточной стенки вытянуто, на спине, головой на СЗ. У изголовья — красноглиняная миска; рядом ребра барана и 2 бронзовых зеркала. Здесь же лежали позолоченная бронзовая привеска в 1,5 оборота, 3 втульчатые железные стрелы, бронзовая булава. Возле правого бедра — фрагмент железного ножа. Обломок второго ножа найден у левобедренной кости. Положение второго костяка не удалось определить из-за плохой сохранности. С ним найдены аморфные фрагменты железной булавки. На дне камеры — меловая и угольная подсыпка.

Погребение 17 (рис. 9, 1—29) обнаружено в срезе бровки, в результате чего южная стенка входной ямы катакомбы была срезана. Она, по-видимому, имела подквадратную форму (длина — 1,30 м, глубина — 1,75 м). С юго-западной стороны на дне входной ямы имелась ступенька высотой 0,12 м, длиной 0,57 м. Уровень дромоса незначительно понижался к северо-востоку, где имелся вход в камеру. Около устья найдена песчаниковая плита, закрывавшая вход в камеру. Диаметр входного отверстия — 0,37×0,40 м. Камера от входной ямы отделена

узкой шейкой (0,18 м). При переходе в камеру имелась ступенька высотой 0,45 м. Камера в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами и выгнутой юго-западной стенкой. Она вытянута с ЮВ на СЗ. Высота свода — 0,80 м. На дне камеры на темно-коричневом тлене от подстилки лежал костяк женщины вытянуто, на спине, головой на СЗ. Ноги смещены влево от туловища. Правая рука вдоль туловища, а левая отведена в сторону. Костяк незначительно потревожен грызунами, вследствие чего правоберцовые кости оказались в восточном углу, где находились кости барана и ребра какого-то крупного животного. На шее, груди и у ног погребенной — бусы. Среди шейного ожерелья — обломанная медная монета и янтарная фигурка, имитирующая человека на коленях. Слева лежало бронзовое зеркало; здесь же найдены бронзовые привески в 1,5 оборота. У левого локтя железный втульчатый наконечник стрелы. У правого бедра стоял большой глиняный сосуд; у юго-восточной стенки — античный кубок. У левого локтя — глиняный сосудик с железной цепью и древесными угольками внутри, обмазанный слоем светлой глины. В камере встречались древесный уголь и куски промешанной светло-желтой глины.

Погребение 18 (рис. 8, 57—70). Разрушенная скрепером камера катакомбы выявлена в срезе бровки на глубине 2,25 м. Сохранилась лишь северо-западная часть стенки в виде пиши. На дне камеры лежали без анатомического порядка истлевшие кости двух покойников, ориентированных головой на ЮВ. В юго-восточной части камеры лежали аккуратно сложенные фрагменты преднамеренно разбитого зеркала и бусы. Обломки второго зеркала (также разбитого на куски) лежали слева от пояса I костяка. Здесь же найдены бусы, среди которых имеются и преднамеренно разбитые из халцедона, горного хрусталя. В северо-западном углу могилы в ногах лежали ребра барана и железный ножик.

Погребение 19 (рис. 18, 31—33). На дне прямоугольной ямы (2,20×0,87 м), вытянутой с СВ на ЮЗ, лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Ноги перекрещены в голени. Возле правой кисти железный ножик. У голени — две стеклянные бусинки.

Погребение 20 (рис. 18, 34) открыто в северо-западном секторе на глубине 3,17 м. Яма в плане имеет подпрямоугольную форму. Направление ее СВ — ЮЗ. В ней два костяка. Анатомический порядок верхней части I скелета нарушен при совершении захоронения II костяка. *In situ* находились лишь кости ног, судя по которым покойник лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Второй костяк (женщины?) лежал в том же положении. Ноги сдвинуты в колени. На груди железная булава.

Погребение 21 (рис. 18, 35—54). Входная яма катакомбы была срезана скрепером. Свод катакомбы обвалился. Камера в плане имела форму неправильного овала (1,42×0,75 м, сохранившаяся глубина — 0,62 м) и была ориентирована с В на З. На дне камеры, на меловой подсыпке, лежал костяк вытянуто, на спине, головой на З. Длина костяка не соответствовала длине камеры и его прислонили плечами к западной стенке, отчего череп скатился на грудь. Левая рука отведена в сторону, а правая кисть уложена на бедро. У левой руки найдены бронзовое зеркало и бусы. У левого колена на боку лежал глиняный сосуд, еще два сосуда стояли у правого бедра. Здесь отмечено скопление измельченного мела и обнаружен обломок железной булавы (?). Вдоль берцовых костей, особенно у ступней, собрано большое количество бус. У черепных костей прослежены древесные угольки.

Погребение 22 (рис. 9, 30—37) открыто в северо-западном секторе на глубине 2 м. Северная стенка прямоугольной ямы (2,35×0,85 м) с закругленными углами была срезана скрепером. Яма ориентирована по оси СВ — ЮЗ. Костяк взрослого мужчины лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. У правой кисти найдено 9 железных втульчатых

наконечников стрел и пастовая бусина. У левого бедра фрагменты железного крюка от колчана. В ногах стояли два глиняных сосуда. У левой ступни — обработанная кость ноги какого-то животного.

Погребение 23 (юго-западный сектор; рис. 10, 1—2). На глубине 2,30 м скрепером была частично срезана камера катакомбы подпрямоугольной формы (1,82×0,90 м). Камера была вытянута по оси ВВЮ — ЗЗС. На дне лежали кости двух покойников. Первый вытянуто, на спине, головой на ЗЗС. Кости второго были сдвинуты к северной стенке. У правого колена I костяка железный ножик. В северо-западном углу ямы стоял глиняный горшок.

Погребение 24 (северо-западный сектор; рис. 19, 1—55). Входная яма катакомбы (2,3×0,45 м) вытянута с ВЮВ на ЗСЗ и расположена под прямым углом к камере, примыкающей к северо-западному ее концу. Пол входной ямы горизонтальный. Камера вытянуто-овальной формы (1,85×1,15 м, сохранившаяся глубина — 0,60 м) ориентирована с СВ на ЮЗ. В ней лежали кости не менее 4 погребенных: трех взрослых и ребенка. Вдоль северо-восточной стенки находились сдвинутые кости двух захороненных. Судя по местонахождению черепов, они лежали головой на ЮЗ, ногами ко входу. Среди сдвинутых костей бусы и обломки железного предмета цилиндрической формы. Центральную часть камеры занимал III костяк, захороненный последним. Он лежал на спине, головой на ЮЗ, ногами ко входу. Кости ног распались в разные стороны, приняв ромбовидное положение. Слева от костяка III — кости ребенка без анатомического порядка. На шее и у локтя III костяка — бусы и раковины. У левой кисти фрагмент алебастрового сосулика. Справа от черепа железный крюк от колчана, у правого локтя и левой кисти — 9 втульчатых и 4 черешковых наконечника стрел. Возле костей ребенка собраны также бусы. Вдоль северо-восточной стенки у сдвинутых костей I и II скелетов, ближе ко входу, стояли три глиняных сосуда. Среди них миска с ножом. В камере прослежены древесный уголь и куски замешанной светлой глины.

Погребение 25 (северо-западный сектор; рис. 18). На глубине 2,65 м открыта подпрямоугольная яма (2,0×0,70), ориентированная по оси ЮВ — СЗ. В ней находился костяк плохой сохранности вытянуто, на спине, головой на ЮВ.

Погребение 26 (рис. 17, 1—6). От катакомбы сохранилась только камера с обвалившимся сводом. Камера в плане полуовальной формы (2,20×0,90 м, сохранившаяся глубина — 0,50 м) и вытянута по оси СВ—ЮЗ. В камере отмечено двухъярусное залегание костяков.

I ярус. Костяк взрослого человека лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Руки вдоль туловища, ноги в голених перекрещены. У пояса (слева) железная пряжка. Слева от костяка — остатки детского скелета. У северо-восточной стенки камеры, в ногах I костяка, сдвинутые кости не менее 2 покойников.

II ярус. Отделен от I прослойкой чернозема толщиной 0,10 м. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. У пояса фрагмент глиняного сосуда. У правого бедра железный крюк от колчана, рядом 65 втульчатых стрел и железный нож. Дно камеры обильно обсыпано мелом; встречались и угольки.

Погребение 27 (юго-западный сектор; рис. 17, 16—46). Входная яма подпрямоугольной формы (1,55×0,75 м) вытянута с ЮЗ на СВ. В северо-восточном конце дромоса имеется вход в камеру, закрытый массивной каменной плитой. Камера отделена от входной ямы узкой шейкой. На дне входной ямы находился скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Он лежал как бы прислоненный плечами к плите. Между его ног находилась глиняная кружка. На плите черепки битой посуды. При переходе в камеру имелась ступенька высотой 0,60 м. Камера овальной формы расположена

почти под прямым углом к дромосу и вытянута с ЮВ на СЗ. Ее размеры: длина — 2,12 м, ширина — 1,12 м. Высота свода 1 м. В засыпке камеры разрозненные человеческие кости. Среди них найдены: фрагменты бронзового зеркала и бусины. На дне камеры лежал костяк вытянуто, на спине, головой на СЗ, сверху покрытый слоем обмазки, толщиной 0,06 м. У черепа бронзовая привеска в 1,5 оборота, на груди железная булавка. Справа от пояса глиняная кружка.

Погребение 28 (рис. 10, 3—6) разрушено скрепером. Сохранились лишь берцовые кости, судя по которым костяк лежал вытянуто, головой на СЗ. В сохранившейся части яма имеет овальную форму, вытянутую с ЮВ на СЗ. С костяком найдены: слева у пояса обломок железного колчанного крюка, у левого колена две втульчатые стрелы. Вдоль левоберцовой кости — 4 полушарные бляшки из листовой бронзы.

Погребение 29 (рис. 10, 9—24). Узкая прямоугольная яма ($1,95 \times 0,45$ м, сохранившаяся глубина — 0,15 м) вытянута с ЮВ на СЗ. От детского скелета сохранились лишь фрагменты черепа, ребер и левая плечевая кость. Судя по ним, костяк лежал головой на СЗ. На шее и груди бусы, у северо-восточной стенки — бронзовый браслет. В юго-восточном конце ямы (в ногах) стояли три глиняных сосуда — курильница, кружка и большая миска, внутри которой передняя нога барана с лопаткой и железный ножик. В миске и рядом с ней сердоликовые бусины. Здесь же небольшой фрагмент стеклянного кубка.

Погребение 30 (юго-восточный сектор; рис. 10, 7—8) разрушено скрепером и проследить контуры ямы не удалось. От костяка сохранились лишь бедренные кости. Судя по ним, он лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Здесь найдены бусинка и два втульчатых наконечника стрелы.

Погребение 31 (рис. 17, 47—58) открыто в юго-восточном секторе на глубине 3,40 м. Яма овальной формы ($1,77 \times 0,85$ м, сохранившаяся глубина — 0,25 м) была ориентирована по оси ЮВ—СЗ. Погребение, по всей видимости, катакомбное, поскольку отмечено двухъярусное захоронение, присущее лишь катакомбам.

I ярус. Костяк взрослого человека лежал на спине с подогнутыми ногами, которые завалились вправо, головой на СЗ. Слева от черепа стояла глиняная кружка. У колен собраны бусины.

II ярус располагался ниже I на 0,08 м. Здесь на дне лежали плохо сохранившиеся кости двух скелетов. Первый (у южной стенки) лежал вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ. Правая рука согнута. В области пояса втульчатый наконечник стрелы. По фрагментам костей (черепа, руки, ног) II скелет лежал также вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ. У левого бедра найдена сердоликовая бусинка.

Погребение 32 (рис. 19, 56—58) открыто к западу от погребения 30 на глубине 2,90 м. Сохранилась лишь камера катакомбы подпрямоугольной формы ($1,87 \times 0,92$ м, сохранившаяся глубина — 0,20 м) с сильно закругленными углами, ориентированная по оси СВ—ЮЗ.

I ярус. Костяк вытянут на спине, головой на ЮЗ. Левая кисть уложена под тазом, правая рука незначительно согнута в локте. На крестце железная пряжка. В северо-восточной части ямы лежали фрагменты глиняных черепков.

II ярус был отделен от первого прослойкой чернозема, толщиной 0,15 м. На дне камеры плохо сохранившийся костяк в вытянутом положении, на спине, головой на ЗЮЗ. У правого бедра — астрагал, слева от ног, у левого бедра, — глиняный кувшин. В камере встречались угольки.

Погребение 33 (юго-западный сектор; рис. 20, 1) частично разрушено. Яма, по всей видимости, имела прямоугольную в плане форму с округлыми углами, вытянутую с ЮВ на СЗ. Костяк лежал, по-видимо-

му, на правом боку, возможно, с вытянутыми ногами, головой на СЗ. У пояса — горло глиняного сосуда.

Погребение 34 (рис. 20, 2—5) располагалось в юго-западном секторе на глубине 3,13 м. Входная яма подбоя, находящаяся к ЮЗ от него, была срезана. Подбой в плане овальной формы (юго-восточная часть срезана). Сохранившаяся длина его 1,72 м, ширина 1,05 м. Подбой ориентирован по оси ЮВ—СЗ. Вход в него был заложен булыжной кладкой, которая обрушилась в подбой. Отмечено трехъярусное захоронение.

I ярус принадлежал взрослому человеку, уложенному скорченно, на левом боку, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте, левая — вдоль туловища. Перед животом найден астрагал.

II ярус находился ниже I на 0,10 м и был отделен от него прослойкой чернозема. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. Правая нога была подогнута и завалилась вправо. Левая рука согнута и кисть уложена на паху. При костяке найдены: у левого плеча обломок железной булавки, возле левого локтя стеклянная бусинка.

III ярус залегал ниже II и был отделен от него прослойкой чернозема толщиной 0,15 м. На дне подбоя лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Ноги незначительно согнуты в коленях. Слева от бедренных костей лежала кверху дном миниатюрная лепная чашечка со следами копоти на дне.

Погребение 35 (рис. 10, 25—42) перекрывалось предыдущим и располагалось ниже на 0,10 м. Яма подпрямоугольной формы (2,08×0,65 м, сохранившаяся глубина — 0,10 м) вытянута по оси ЮВ—СЗ. На дне — костяк взрослой женщины в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. Руки вдоль туловища, ноги в ступнях сведены. На шее, поясе и у кистей — бусы. На левой стороне груди лежало дисковидное зеркало; рядом — бронзовый игольник. В ногах стояли миска с ножиком внутри и кружка.

Погребение 36 (северо-западный сектор; рис. 20, 6—9) открыто на глубине 3,40 м. Узкая прямоугольная яма (2 м×0,6 м, сохранившаяся глубина — 0,07 м) с округлыми углами была направлена с С на Ю. От костяка сохранились лишь нижние конечности. Судя по ним, он, очевидно, лежал вытянуто, на спине, головой на Ю. У стоп ног собраны бусы.

Погребение 37 (рис. 20, 10—14). Яма вытянуто-овальной формы (1,85×0,68 м, сохранившаяся глубина — 0,15 м), ориентированная по оси ЮВ—СЗ, располагалась к ЗСЗ от центра на глубине 2,70 м. На дне могилы — потревоженный костяк. Могила, по-видимому, ограблена. Судя по сохранившимся *in situ* костям, скелет лежал на спине, головой на СЗ. Вдоль левоберцовой кости — бусы. В засыпке могилы встречалась битая раннесредневековая керамика.

Погребение 38 (рис. 20, 15—16) открыто в 3 м к ЮЗ от предыдущего на глубине 2,90 м. Контуры ямы полностью не прослежены: могила дважды подвергалась разрушению. Первоначально при совершении захоронения коня (рис. 2; рис. 3, 1) и вторично разрушено и ограблено во время сооружения погребения 51. Кости сильно потревожены и перемешаны. Яма, по всей видимости, в плане имела подпрямоугольную форму и была ориентирована с СЗ на ЮВ. Длина прослеженной части ямы — 1,5 м, ширина — 0,85 м. В засыпке и на дне ямы фрагменты керамики.

Погребение 39 (рис. 20, 17—18) открыто к ЮВ от предыдущего на глубине 3,20 м. Прямоугольная с округлыми углами яма (ширина — 0,93 м), наполовину срезанная скрепером, была ориентирована с ЮВ на СЗ. На дне — костяк на спине, головой на ССЗ. Руки согнуты в локтях и отведены влево, так что правая рука уложена поперек живота, а левая находится как бы в вывернутом положении. Ноги (часть бедрен-

ных и берцовых костей срезаны), по-видимому, были согнуты в коленях (или подогнуты). Слева от черепа лежало бронзовое зеркало. У левой кисти — фрагмент глиняного сосуда.

Погребение 40 (рис. 20, 19) выявлено на глубине 3,45 м рядом с предыдущим. Оно представляет собой округлую яму ($1,30 \times 1,55$ м), которая по длинной оси была перегороджена булыжной кладкой, высотой 0,25—0,30 м. Захоронение могло относиться к типу подбойных без ступенек, а каменная кладка, очевидно, закрывала вход в подбой. Северо-восточная стенка сделана в виде ниши, высотой 0,40 м, глубиной 0,10 м. В могиле не было признаков захоронения. Лишь в засыпке и на дне встречались: уголь, фрагменты керамики и стилизованная ручка сосуда. В предполагаемом подбое, рядом с каменной кладкой, стояла глиняная кружка с закопченной поверхностью.

Погребение 41 (юго-западный сектор; рис. 20, 20—28). Подбойное захоронение было впущено на глубину 3,35 м. От входной ямы прослежен лишь участок северо-западной стенки, длиной 0,20 м. Она была ориентирована с ЮЗ на СВ. Камера подбоя располагалась в северо-восточном конце входной ямы. Подбой овальной формы был ориентирован с ЮВ на СЗ. Подбой дважды использовался для захоронений. Первоначально он представлял собой узкую яму, приближающуюся в плане к овалу ($1,75 \times 0,36$ м). Дно на 0,41 м ниже дна входной ямы. Затем при вторичном захоронении, которое было на 0,16 м выше нижнего, подбой был удлинен в оба конца и расширен в сторону входной ямы ($2,21 \times 0,75$ м), так что образовалась новая ступень высотой 0,25 м.

Верхний костяк (**I ярус**) лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях, левая кисть лежит на животе, а правая — у бедра. Ноги вытянуты. На шее стеклянные и пастовые бусы. В ногах глиняная кружка. У левого бедра лопатка барана.

II ярус располагался ниже I на 0,16 м. Промежуток между ними был заполнен прослойкой земли светло-серого цвета. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Кости ног полностью отсутствовали. Левая рука — вдоль туловища, кости правой потревожены грызунами.

Погребение 42 (юго-восточный сектор; рис. 11, 1—22). Входная яма подпрямоугольной формы ($1,90 \times 0,80$ м) была вытянута с В на З. Северная и южная стенки плавно изогнуты. Глубина входной ямы от вершины кургана — 3,26 м. На дне ямы стояли два глиняных сосуда. Вход в камеру находился в западной стенке дромоса и был закрыт двумя массивными каменными плитами, являвшимися обломками стел. Дно дромоса плавно понижается ко входу. При переходе в камеру имелась ступенька высотой 0,60 м. Камера в плане — неправильно овальной формы ($2,28 \times 1,43$ м). Направление ее СЗ—ЮВ, т. е. она располагалась под незначительным углом к продольной оси дромоса. Высота свода 1,10 м. На дне камеры — плохо сохранившиеся кости взрослого человека, лежавшего, очевидно, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Ноги в коленях согнуты и сложены «ромбом», по-видимому, они были подогнуты. У левоберцовой кости — кальцинированные человеческие кости. У юго-западной стенки — мисочка на поддоне (курильница), слева от ног — сосудик с железной цепью. Вдоль левого бедра рукоятку к поясу лежал меч с серповидным навершием. У рукояти меча найдены: бронзовая пряжка, железный крючок от колчана и 20 втульчатых наконечников стрел. Еще пять таких же наконечников найдены рядом с красноглиняным сосудом, стоящим у входа. Здесь же, прямо у входа, лежал железный наконечник копья. У правой руки — железный ножик, в южном углу камеры — бронзовая булава, переделанная в крючок. В юго-восточной части камеры найдены: 2 золотые подвесочки, 2 золотые и 6 бронзовых полушарных нашивных бляшек. В разных местах камеры собраны бусины: сердоликовые, а также преднамеренно разбитые халцедоновые и из горного хрусталя.

Погребение 43 — катакомбное — открыто к югу от центра кургана на глубине 3,40 м (рис. 11, 21—25). Входная яма в плане прямоугольной формы (1,65×0,70 м). Вход в камеру находился в северо-западной торцевой стенке дромоса и был закрыт двумя массивными туфовыми плитами прямоугольной формы. Одна из плит для устойчивости со стороны камеры была подперта булыжным камнем. Уровень дна входной ямы к камере в середине незначительно повышался, а затем понижался на 0,18 м. При переходе в камеру имелась небольшая ступень высотой 0,16 м. Затем шла еще одна ступенька (0,05 м), на которой были установлены каменные плиты, закрывавшие вход. Камера в плане овальной формы (2,15×0,75 м) располагалась по одной оси с дромосом и была ориентирована по оси ЮВ—СЗ. На дне камеры на зеленоватой глиняной подмазке ногами ко входу лежал костяк вытянуто, на спине, головой на СЗ. У левой ноги стояли мисочка на поддоне и сосудик с гальками внутри. Между ног, ближе к левоберцовой кости, лежал железный ножик.

Погребение 44 (юго-западный сектор, глубина — 3,18 м; рис. 21, 1—9). Могильная яма, являвшаяся, по-видимому, камерой катакомбы, имела подпрямоугольную форму (1,90×0,70 м, сохранившаяся глубина — 0,15 м) и была вытянута с ЮВ на СЗ. В засыпке встречались угольки. На дне камеры лежал костяк женщины (?) вытянуто, на спине, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях, кисти на тазовых костях. Справа у ног, около юго-западной стенки, наполовину закрывая правую ногу погребенной, лежали кости еще одного человека, сдвинутые в кучу. У изголовья стояла глиняная кружка. У черепа найдены: справа — железная булавка (обломки еще одной найдены у пояса); слева — коралловые и стеклянные бусы. На груди, ближе к правой руке, бронзовый колокольчик, рядом с левой плечевой костью — разбитое зеркало. У левой руки глиняная кружка. Возле правого локтя кусок мела. На правой голени стояла глиняная миска. Среди сдвинутых костей — фрагменты керамики.

Погребение 45 (рис. 21, 10—19) открыто в 4 м к востоку от предыдущего на глубине 3,85 м. Входная яма катакомбы не прослежена. Камера в плане имела овальную форму (1,90×1 м, сохранившаяся глубина — 0,50 м) и была вытянута с В на З. Могила ограблена. На дне камеры лежали сильно фрагментированные человеческие ребра и плечевая кость, а также черепки от разных сосудов. Среди них найдены фрагмент раковины и бусы. В камере наблюдалась угольная и меловая подсыпка.

Погребение 46 (юго-западный сектор; рис. 21, 20—24). На глубине 3,39 м выявилась могильная яма неправильной формы (1,28×1 м), ориентированная длинными сторонами по оси СВВ—ЮЗЗ. На дне ямы находились череп, ребра и фрагменты позвонков, судя по которым костяк лежал головой на ЮЗЗ. Слева у черепа — сероглиняная миска, внутри которой ребра барана и 5 сердоликовых бусин. Рядом с миской найдена бронзовая фибула. В юго-западном углу ямы стоял сероглиняный кувшинчик.

Погребение 47 (рис. 21, 25—51) располагалось к ЮЗ от предыдущего на расстоянии 11 м. Могила округло-овальной формы (1,45×1,05 м) была вытянута по оси ВСВ—ЗЮЗ. В ней отмечено двухъярусное захоронение.

I ярус располагался на глубине 3,40 м от вершины кургана. Костяк взрослого человека лежал вытянуто, на спине, головой на ЗЗЮ. Руки незначительно отведены от туловища, подогнутые ноги завалились влево. У правого плеча — глиняная кружка. Возле левого локтя собраны бусы. В засыпке могилы и у северной стенки встречались фрагменты керамики.

II ярус располагался ниже I на 0,30 м. Контуры могилы в этой

части более закругленные. На дне ямы лежали 2 костяка. Первый из них (у южной стенки) был захоронен лицом вниз (туловище находится под прямым углом к ногам) на левом боку. Руки согнуты и кисти на тазу. Правая нога вытянута. Кости левой ноги потревожены (костяк ориентирован головой на С). У правого бедра на боку лежала глиняная кружка. II костяк лежал на животе (череп на левом виске), головой на СЗЗ. Левая рука согнута в локте, ее кисть — под грудной клеткой. Ноги согнуты в коленях, а кости правой потревожены, по всей видимости, во время захоронения I костяка.

Погребение 48 (рис. 3, 4)*.

Погребение 49 (рис. 21, 43) выявлено в юго-западном секторе на глубине 3 м. Яма в плане имела прямоугольную форму ($2 \times 0,60$ м) с округлыми углами и ориентирована по оси ЮВ—СЗ. На дне лежал костяк вытянуто, на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута, кисть уложена на паху. У левого бедра — фрагмент железной пряжки.

Погребение 50 (рис. 21, 44—50) открыто рядом с предыдущим на глубине 3,46 м. Узкая ($1,85 \times 0,45$ м) прямоугольная яма с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по оси Ю—С. В ней лежал костяк женщины вытянуто, на спине, головой на С. Руки плотно уложены вдоль туловища. На погребенной лежал плохо сохранившийся костяк ребенка в том же положении, так что ноги его находились между бедрами женщины. Справа от черепа ребенка, на правой руке женщины, лежала на боку глиняная кружка. Вдоль голенных костей собраны стеклянные бусы.

Погребение 51 (рис. 22) располагалось рядом, с юго-восточной стороны от предыдущего. Оно перекрывалось погребением 38 и залегало на глубине 3,95 м. Яма овальной формы была вытянута по оси ЮЮВ—ССЗ. Длина ямы — 1,87 м, ширина — 0,60 м. На дне ее лежал костяк взрослого человека на спине, головой на ЮЮВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть находится под тазом. Левая согнута в локте под прямым углом и уложена поперек живота. Ноги в коленях согнуты, вероятно, они были подогнуты и завалились направо. В ногах — отдельный человеческий череп, возможно, из погребения 38. В засыпке встречались угольки.

Погребение 52 (рис. 12, 1—31) — катакомбное, выявлено к 3 от центра на расстоянии 11 м в срезе бровки, в результате чего южная стенка входной ямы срезана скрепером. Входная яма в плане подпрямоугольной формы ($1,35 \times 0,65$ м, глубина — 3,40 м от вершины кургана) была вытянута по оси СВ—ЮЗ. Вход в камеру располагался в юго-западной торцовой стенке дромоса. На дне входной ямы лежал костяк лошади на левом боку, черепом к камере. У входа в камеру стояла небольшая песчаниковая плита овальной формы, которая лишь наполовину закрывала лаз. В камеру вело входное отверстие длиной 0,15 м. Дно камеры находилось ниже дна входной ямы на 0,60 м. На дне камеры, на меловой подсыпке, лежал плохо сохранившийся костяк женщины, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. У черепа 2 бронзовые булавки и 2 позолоченные серебряные привески в 1,5 оборота. На черепе — фрагменты кожаной шапочки (?). На шее, у рук и голенных костей бусы, на груди разбитое зеркало (отдельные его фрагменты в северо-западном углу) в деревянном футляре (сохранился фрагмент). Слева от черепа красноглиняный кувшин. В северо-западном углу камеры на древесном тлене (остатки шкатулки?) подпрямоугольной формы ($0,43 \times 0,15$ м), частично перекрывающем левоберцовую кость покойной, лежали: железный ножик, преднамеренно разбитые бусины из халцедона, горного хрусталя, а также сердолика и пасты, мисочка на поддоне (внутри фрагменты деревянной ручки зеркала, раковины и

* В могиле было совершено захоронение собаки. См. об этом выше.

мел), сосудик (внутри гальки и угольки) со следами глиняной обмазки, толщиной 0,9 см. Рядом найдены: железные удила плохой сохранности, 5 бронзовых фаларчиков, бронзовая бляшка, костяная пластинка, железный стержень неизвестного назначения.

Погребение 53 (рис. 22, 1—5) было расположено к юго-западу от предыдущего, на расстоянии 2,30 м, на глубине 4,15 м. Могильная яма овальной формы находилась почти на уровне древнего горизонта, уходя в погребенную почву лишь на 0,05 м. Северо-восточный конец ямы частично срезан. На дне могилы лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Левая рука согнута под прямым углом, и кисть лежит на правой стороне груди. Правая также согнута, а кисть уложена на левоподвздошную кость. Судя по сохранившимся фрагментам костей ног, они были вытянуты. Около ног найдено 5 глиняных сосудов.

Погребение 54 (рис. 22) располагалось к ЮЮЗ от центра кургана на глубине 3,57 м. Яма в плане овальной формы имеет направление ЮЮВ—ССЗ. В северном конце могилы кости взрослого человека без анатомического порядка.

Погребение 55 (рис. 22) находилось к З от предыдущего на глубине 3,35 м. Контуры могилы не прослежены. Костяк плохой сохранности (разрушен скрепером) лежал, по-видимому, на правом боку, головой на ЮЗЗ. Ноги в коленях согнуты.

Погребение 56 (рис. 22, б) открыто к ЮЗ от предыдущего на глубине 3,60 м. Подпрямоугольная могильная яма ориентирована по оси ЮВ—СЗ. От костяка сохранились лишь кости ног (разрушен скрепером), судя по которым он лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. Между бедер найдено биконическое пряслице, у левой голени — фрагменты глиняного сосуда.

Погребение 57 (рис. 12, 32—35) обнаружено к В от предыдущего на глубине 3,55 м. Могильная яма, по всей видимости, имела в плане подпрямоугольную форму, ориентированную по оси СВ—ЮЗ. Верхняя часть костяка срезана. Судя по положению ног и костей левой руки, он лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. У левой кисти железный крюк от колчана, между северной стенкой и левой голенью 17 железных втульчатых стрел, между ног бронзовая пряжка.

Погребение 58 (рис. 22) выявлено рядом с предыдущим на глубине 3,70 м. Могильная яма подпрямоугольной формы (1,60×0,65 м) ориентирована по оси ВСВ—ЗЮЗ. На дне лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЗЮЗ. Руки вытянуты, левая кисть под тазом.

Погребение 59 (рис. 22, 7—42) — катакомбное, открыто к ЮЗ от центрального репера на расстоянии 12 м. Глубина 3,95 м. Входная яма срезана скрепером. Камера подпрямоугольно-овальной формы (1,95××0,80 м, сохранившаяся глубина — 0,40 м) ориентирована по оси ЮВ—СЗ. Свод обрушился, стенки камеры прослеживались на высоту 0,35 м. Вдоль юго-западной стенки следы небольших деревянных плах и булыжник, которыми, по-видимому, был закрыт вход в камеру. На дне камеры, на какой-то органической подстилке, посыпанной сверху мелом, лежали истлевшие кости 4 погребенных, головой на СЗ. Положение костей 2 погребенных (ближе к северной стенке) трудно определить, но, очевидно, они лежали вытянуто, на спине, так же как и III костяк, который лежал сверху них. IV костяк лежал, склонившись на левый бок, правая рука отведена, левая кисть на тазу. Вероятно, он был захоронен последним, поскольку перекрывал частично III костяк. В северном и западном углах камеры стояли два глиняных сосуда. Третий сосуд находился между бедренными костями IV скелета. У черепа I костяка 2 бронзовые привески в 1,5 оборота. У северо-восточной стенки фрагменты железных колец и 3 обломка железных стержней (булавок?), связанные грубыми нитями. Рядом с ними — бусы. Бусы также собраны возле рук I и у ног III костяков. Вдоль левой ноги

III костяка, начиная от стопы до бедра, отмечены фрагменты кожи. В восточном углу камеры находился железный ножик.

Погребение 60 (рис. 22, 43—45) — катакомбное захоронение — открыто к ЮВ от предыдущего на глубине 3,86 м. Входная яма, по-видимому, имела в плане подпрямоугольную форму (прослежена ступенька перед входом в камеру длиной 0,60 м и шириной 0,25 м) и примыкала к камере с юго-западной стороны. Камера неправильно-овальной формы (2,21×1,05 м) была ориентирована с ЮВ на СЗ. Дно камеры ниже уровня последней ступеньки входной ямы на 0,10 м. На дне камеры, на незначительной меловой подсыпке, лежали кости двух скелетов. I костяк находился вплотную к западной стенке на левом боку как бы согнуто, головой на ССВ. Ноги в коленях согнуты. От II костяка сохранились лишь кости голени, судя по которым он лежал вытянуто, на спине, головой на ССЗ. В ногах I костяка и рядом с правоберцовой костью II стояли два сосуда. Ближе к северо-восточной стенке обнаружен обломок железного ножика.

Погребение 61 (рис. 23, 1—37) располагалось к ЮВ от предыдущего на расстоянии 5,50 м. Входная яма катакомбы направлена с ЮЗ на СВ. Ее длина — 1,90 м, ширина — 0,50 м, глубина от вершины кургана — 3,76 м. В юго-западной поперечной стенке у дна сделана ступень высотой 0,10 м. Уровень пола плавно понижается на 0,10 м к СВ, где имеется вход в камеру, заложенный массивной каменной плитой с тремя подпирающими камнями. Здесь же лежали фрагменты тонкостенного сосуда. Высота ступени при переходе в камеру 0,50 м. Обширная камера овальной формы (1,80×1,05 м) вытянута с ЮВ на СЗ, свод куполообразной формы (высота — 1 м). Под просочившейся в камеру рыхлой землей местами шел слой светлоглиняной обмазки, как бы замуровывающий верхнюю часть скелстов, за исключением черепов. Толщина слоя обмазки до 0,10 м. В камере найдены кости четырех скелетов. Кости одного сгребены в кучу и лежали в северном углу. Самый верхний костяк лежал на спине, головой на СЗ. Сильно подогнутые ноги завалились налево, руки вдоль туловища. На шее и вдоль левой плечевой кости бусы, слева от черепа железная булавка. Среди костей сдвинутого скелета обломки железных стерженьков и булавок. Здесь же глиняные миска и кувшин, внутри которого железный втульчатый наконечник стрелы.

II ярус располагался непосредственно под I и был отделен от него глиняной обмазкой толщиной 0,05 м. Здесь лежали два костяка. Первый из них (III) находился ближе к середине камеры в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. На поясе разбитое зеркало, у черепа петлевидная серебряная (?) привеска, на груди железная булавка, у ступней стеклянные бусы. С правой стороны стоял глиняный сосуд. IV костяк лежал частично под третьим вытянуто, на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута, кисть под тазом. Скелет был потревожен при захоронении III костяка: череп сдвинут к северо-западной стенке, левая часть скелета нарушена. Возле черепа обнаружены 2 петлевидные бронзовые привески, на поясе железная пряжка. У правоберцовой кости найден железный нож. На дне камеры прослежена подстилка в виде зеленоватого тлена и угольная подсыпка.

Погребение 62 (рис. 23, 38—43). Могильная яма подпрямоугольной формы (1,75×0,65 м, сохранившаяся глубина — 0,25 м) впущена в насыпь на глубину 3,80 м от вершины кургана, причем южный конец ее был частично разрушен при сооружении камеры катакомбы 61. Могильная яма ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне могилы лежал костяк взрослого мужчины вытянуто, на спине, головой на С. Правая рука вытянута вдоль туловища, кости левой отсутствовали. У правого локтя найден железный нож, рядом железные втульчатые (6 экз.) и черешковые (4 экз.) стрелы. Возле левого плеча находилась железная

пряжка, рядом с правой голенью стояла глиняная кружка, внутри которой был втульчатый наконечник стрелы.

Погребение 63 (юго-западный сектор; рис. 22) открыто на глубине 3,85 м. Яма в форме неправильного овала была ориентирована длинными сторонами по оси СЗ—ЮВ. Длина ее — 1,20 м, ширина — 0,75 м. На дне находился костяк в скорченном положении, грудью и лицом вниз, головой на ЮВ. Руки в локтях согнуты, а обе кисти уложены у правого плеча. На дне могилы встречались глиняные черепки.

Погребение 64 (рис. 13, 1—14) было выявлено на глубине 4 м от вершины кургана. Судя по обширной яме (2,20×1,20 м), имеющей в плане овальную форму, захоронение было катакомбным. Камера срезана скрепером, сохранившаяся глубина ее — 0,25 м. На дне камеры, местами посыпанной мелом, лежали кости 2 захороненных. Кости одного сдвинуты в кучу и находились у западной стенки. Рядом с ними найдено разбитое зеркало. Второй костяк, занимавший среднюю часть камеры, лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. Слева у руки стоял глиняный сосуд, у пояса фрагменты железного ножика. В восточном углу глиняная мисочка на поддоне и сильно фрагментированный сосуд с гальками внутри. Рядом бусы, миниатюрная бронзовая фибула и ребра крупного животного.

Погребение 65 (рис. 23, 49—50) открыто в срезе бровки к востоку от центра кургана на глубине 1,30 м. Северная стенка срезана скрепером. Овальная яма была ориентирована с СВВ на ЮЗЗ. По-видимому, могила ограблена в древности. На дне найдены лишь фрагменты берцовой кости, железного предмета неизвестного назначения и глиняный черепок.

Погребение 66 (рис. 23) обнаружено на глубине 4,05 м. Восточный конец подпрямоугольной ямы (1,15×0,75 м) срезан. Яма ориентирована по оси ВСВ—ЮЗЗ. На дне лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Правая рука согнута в локте, кисть на животе.

Погребение 67 (рис. 23, 51—61) располагалось рядом с предыдущим и частично перекрывалось им. Могила подпрямоугольной формы (1,75×0,80 м) находилась ниже погребения 66 на 0,10 м. Могильная яма ориентирована длинными сторонами по оси ССВ—ЮЮЗ. Костяк лежал вытянуто, на спине (туловище незначительно изогнуто), головой на ЮЮЗ. У левого плеча — астрагал, у левого бедра — глиняная кружка. Справа от пояса находилось разбитое зеркало. Между берцовыми костями собраны бусины.

Погребение 68 (рис. 13, 15—16). На глубине 1,50 м лежал костяк вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Правая рука незначительно согнута, кисть под тазом. Возле левой плечевой кости найден оселок, у левого бедра 2 фрагмента железного крюка от колчана. Возле левого локтя — галька.

Погребение 69 (северо-западный сектор; рис. 23, 44—48). Подпрямоугольная яма (1,75×0,60), ориентированная по оси Ю—С, была впущена в насыпь на глубину 2,20 м от вершины кургана. На дне ямы лежал костяк взрослого человека вытянуто, на спине, головой на С. Руки вдоль туловища, кисть левой под тазом. У черепа (слева) фрагмент железной булавы, у правого колена глиняный сосудик, у ступней ног 4 стеклянные бусинки.

Погребение 70 (рис. 13, 17—41) — катакомбное — найдено рядом с предыдущим. Входной колодец полуовальной формы (1,2×0,60 м, глубина — 2,60 м) располагался с северной стороны камеры. При переходе в камеру имелась ступень высотой 0,10 м. Камера овальной формы имеет направление с В на З. Свод обвалился. В камере находились 2 костяка. Первый — ребенка. Он был положен у входа, так что нижние конечности находились на полу входного колодца, а верхняя часть туловища — в пределах камеры. Он лежал вытянуто, на спине,

головой на ЮЗ. На груди бусы, у левой голени лежала нижняя часть барана, слева глиняная кружка. Под детским костяком шел слой рыхлого чернозема, затем светлоглиняная обмазка, закрывавшая верхнюю часть туловища женщины, захороненной в камере. Костяк лежал на спине с широко раскинутыми согнутыми в локтях руками, а кости подогнутых (?) ног распались в разные стороны, приняв ромбовидное положение. Ориентировка ЮЗ. У черепа, на шее, запястьях и у ступней бусы. У левого локтя найдена серебряная (?) привеска в 1,5 оборота, вторая привеска лежала во рту костяка. Справа от пояса раковина. В юго-восточном углу камеры железный ножик. Рядом передняя нога барана и сероглиняный кувшин.

Погребение 71 (юго-западный сектор; рис. 24, 1—7) обнаружено на глубине 3,80 м. Камера катакомбы разрушена скрепером. По дну она имела овальную форму. Направление ее СВ—ЮЗ. На дне могилы находились кости двух захороненных. I костяк принадлежал подростку, который лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Кости II скелета были сдвинуты в кучу. Он также, по-видимому, лежал головой на ЮЗ. У шеи подростка бронзовый колокольчик, на груди 2 крупные бусины. В юго-восточной части ямы лежали 8 астрагалов и бронзовый браслет. Среди сдвинутых костей — фрагмент железного браслета (?). В ногах костяков днище глиняного сосуда.

Погребение 72 (рис. 17, 7—15) открыто на глубине 2,25 м. Камера овальной формы ориентирована с ЮВ—СЗ. На дне, покрытом слоем глиняной обмазки, лежал костяк женщины (?) вытянуто, на спине, головой на СЗ. На поясе железная пряжка. Справа большая глиняная миска. В ней ребра барана и перевернутая мисочка на поддоне. В юго-восточном конце камеры находился костяк ребенка плохой сохранности, в вытянутом положении, на спине, головой на ЮВВ. У черепа стеклянные бусы. В камере отмечена незначительная угольная подсыпка.

Погребение 73 (рис. 14, 1—30) — катакомбное — оказалось в северо-восточном секторе на глубине 3,45 м от вершины кургана. Входная яма не прослежена. Сохранилась лишь северо-западная ее часть, к которой примыкает камера. Судя по всему, входная яма была ориентирована с ЮВ на СЗ. При переходе в камеру имелось входное отверстие, заканчивающееся ступенью высотой 0,15 м. Камера по дну имела подквадратную форму со скошенным восточным углом. Направление ее ЮВ—СЗ. Длина камеры — 2,50 м, ширина — 1,90 м. На дне камеры, на меловой подсыпке, лежали три костяка. I из них лежал у восточной стенки вытянуто, на спине, головой на СЗ. Два других — тоже вытянуто, на спине, головой на ЮВ — находились вдоль юго-западной стенки. Правая рука II костяка согнута в локте, а кисть под тазом.

I костяк сопровождали: вдоль правого бедра железный меч с кольцевым навершием. У рукояти меча лежали 2 куса кремня. Между ног железный колчаный крючок и втульчатый наконечник стрелы. Со II костяком найдены: у правого плеча раковина с отверстием, на правой стороне туловища фрагменты разбитого заркала и 3 сосуда. Два из них, в том числе мисочка на поддоне, содержали внутри закопченные гальки и кусок булыжника. Третий сосудик имел следы глиняной обмазки. На шее и груди костяка — стеклянные, коралловые и сердцевидные бусы. У черепа III костяка — два обработанных клыка кабана, у правого плеча костяная трубочка и бронзовая игольница. На шее стеклянные и коралловые бусы, на груди бронзовая привеска в 1,5 оборота, а под черепом бронзовая фигурная подвеска. Слева от черепа бесформенный слиток бронзы. У левой руки найдена железная булавка. На правой ноге стояли 3 сосуда. Среди них миска с ребрами барана и сосудик с гальками. В ногах еще одна мисочка на поддоне. Здесь же дисковидный отшлифованный камешек из песчаника. В камере также найдены фрагменты бронзовой проволоки, согнутые в спиральки, и ок-

ругло-уплощенная бусина из прозрачного камня без отверстия.

Погребение 74 (рис. 13, 43). На глубине 3,65 м найден полуразрушенный костяк, лежавший вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. У левого плеча втульчатый наконечник стрелы.

Погребение 75 (северо-восточный сектор; рис. 13, 21—25). Могильная яма, являвшаяся, по-видимому, камерой катакомбы, имела неправильно-овальную форму (глубина — 3,75 м) и была ориентирована с ЮВ на СЗ. Длина камеры — 1,75 м, ширина — 0,90 м. На дне лежали кости двух погребенных. От 1 костяка сохранились лишь кости ног. Судя по их расположению, можно предположить, что костяк лежал на правом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ (?). II костяк лежал непосредственно под I, вытянуто, на спине, головой на СЗ. Левая рука незначительно отведена от туловища. В области шеи обломок железного ножа, на груди бусина из горного хрусталя. У левой голени 2 сосуда: мисочка на поддоне и миска с железным ножиком внутри.

Погребение 76 (рис. 13, 42) оказалось к северу от центра на глубине 3,45 м. Могила разрушена. Сохранилась лишь одна серебряная привеска в 1,5 оборота.

Погребение 77 (северо-западный сектор; рис. 24, 8). На глубине 3,45 м выявлена могильная яма подпрямоугольной формы. Направление ее СЗ — ЮВ. Юго-восточная стенка срезана. Сохранившаяся длина ямы — 1,50 м, ширина — 0,85 м. В яме лежал костяк взрослого человека вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Верхняя часть костяка потревожена, отсутствуют череп и плечевые кости, а ребра лежали в беспорядке. У правого колена обломки сосуда, у голени бусы.

Погребение 78 (рис. 14, 33—35). Разрушенное захоронение, возможно, катакомбное, обнаружено к СВ от предыдущего на глубине 3,60 м. Яма в форме неправильного прямоугольника (1,75×0,70 м) ориентирована с ЮВ на СЗ. В яме лежал плохо сохранившийся костяк вытянуто, на спине, по-видимому, головой на СЗ. У изголовья стояли миска (внутри нога барана) и кружка, устье которой закрывал третий сосудик. У левого плеча найдена сердоликовая бусина.

Погребение 79 (рис. 14, 36—38) располагалось на глубине 3,70 м. Подпрямоугольная могильная яма, имеет ориентировку ЮВ—СЗ. Ее размеры: длина — 2 м, ширина — 0,90 м. На дне ямы — костяк взрослого мужчины вытянуто, на спине, головой на СЗ. Кисть правой руки уложена на паху. На правой стороне груди, перекрывая правую руку, лежали фрагменты миски, разбитой в древности. У левой кисти железный нож, на правой голени стоял глиняный кувшин.

Погребение 80 (рис. 24, 9—16) открыто к СЗ от предыдущего на глубине 3,60 м. Могильная яма, имевшая подпрямоугольную форму, сильно разрушена скрепером. Направление ее ЮЗЗ—СВВ. От скелета сохранились лишь кости голени, судя по которым он лежал вытянуто, на спине, головой на СВВ. Вдоль костей голени собраны бусы.

Погребение 81 (рис. 14, 31—32) располагалось к СВ от предыдущего на глубине 3,35 м. Яма подпрямоугольной формы, вытянута с СЗ на ЮВ. Юго-восточный конец ямы срезан. Сохранившаяся длина ямы — 1,15 м, ширина — 0,60 м. В яме находился костяк в сильно потревоженном состоянии, головой на ЮВ. В области груди втульчатый наконечник стрелы. В ССЗ конце ямы на боку лежал сероглиняный кубок. На дне ямы — угольная подсыпка.

Погребение 82 (рис. 14, 39—47) выявлено в северо-западном секторе в 3 м к В от предыдущего на глубине 3,75 м. Яма овальной формы, являвшаяся камерой катакомбы, была ориентирована по оси ЮВВ—СЗЗ. Юго-восточная часть камеры срезана. Ее размеры: длина — 1,65 м, ширина — 0,80 м. На дне камеры, на угольной и обильной меловой подсыпке, лежал костяк, по-видимому, молодой женщины, вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ. У изголовья обломки глиняного сосуда.

У правого локтя фрагменты разбитого зеркала. На груди сердоликовые бусы, возле левого бедра серебряная привеска в 1,5 оборота. Слева у локтя стояла миска, поперек которой положена передняя нога барана с лопаткой. Внутри миски железный ножик. У правого колена найден массивный литой бронзовый браслет.

Погребение 83 (северо-восточный сектор; рис. 24, 83). Узкая прямоугольная яма (1,60×0,50 м) выявлена на глубине 4 м от вершины кургана. Ориентировка ее СВ—ЮЗ. На дне ямы лежал костяк взрослого мужчины вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Ноги в коленях незначительно раздвинуты. Череп склонен вправо. Между костями голени фрагменты разбитого в древности сосуда.

Погребение 84 (рис. 15, 1—10) находилось в северо-восточном секторе на глубине 3,75 м. Камера катакомбы, имевшая по дну овальную форму, разрушена скрепером. Сохранившаяся длина камеры — 1,42 м, ширина — 0,95 м. Направление ее СЗ—ЮВ. На дне камеры, на обильной меловой подсыпке, лежали плохо сохранившиеся кости взрослого человека, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Вдоль юго-западной стенки лежали ребра крупного животного. Среди них обнаружен сильно фрагментированный железный ножик. В центральной части камеры найдены бусы. У левой руки пряслице, возле левой голени фрагменты разбитого зеркала. Слева у таза стояла глиняная кружка с сильно обуглившимися кусками каши (?) внутри. Рядом с ней — железный стержень, полый внутри. В восточном углу — сосудик (внутри железная цепь) со следами светлоглиняной обмазки. У левой голени сильно фрагментированная мисочка на поддоне.

Погребение 85 (рис. 15, 11—18) открыто к северу от предыдущего на глубине 4,10 м. Входная яма и свод камеры срезаны. Камера по дну имела овальную форму и была вытянута с СЗ на ЮВ. На дне камеры, на меловой подсыпке, лежал костяк мужчины, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Туловище слабо изогнуто влево, руки незначительно согнуты. Слева от черепа сосудик (внутри гальки) со следами светлоглиняной обмазки. Здесь же 15 бляшек из листовой бронзы. В южном углу камеры втульчатый наконечник стрелы, 8 экземпляров таких же стрел находились у левого бедра. Возле левого локтя найден колчаный крючок. На поясе железная пряжка.

Погребение 86 (северо-западный сектор; рис. 24, 17). На глубине 3,40 м найден костяк плохой сохранности. *In situ* лежали лишь плечевая и лучевая кости левой руки. Судя по ним, костяк лежал головой на ЮЗ. У левой руки преднамеренно разбитое бронзовое зеркало.

Погребение 87 (рис. 24, 87) располагалось на глубине 3,85 м. От скелета сохранились лишь кости ног. Правая вытянута, левая согнута в колене. По-видимому, погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮВ.

Погребение 88 (рис. 24, 88). Рядом с предыдущим, на глубине 3,85 м, зафиксированы остатки человеческого скелета (фрагменты правой руки и правой ноги). По-видимому, он лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ. Никаких предметов при нем не найдено.

Погребение 89 (северо-восточный сектор; рис. 24, 89). На глубине 3,43 м найден костяк плохой сохранности, лежавший вытянуто, на спине, головой на СЗ.

Погребение 90 (рис. 24, 18, 18a) располагалось в насыпи кургана на глубине 3,10 м от ее вершины. Яма в плане имела круглую форму, диаметром 1,30 м. Сохранившаяся глубина 1 м. В засыпке встречались уголь и обожженная глина. В яме находились кости не менее 3 человеческих скелетов. Положение двух не поддается определению, поскольку они подвергнуты кремации и потревожены булыжниками, сброшенными в яму и заполнявшими ее центральную часть на высоте 0,25 м от уровня дна. У III костяка *in situ* сохранились лишь нижние

конечности, а верхняя часть потревожена и обуглилась. Он лежал, по-видимому, на спине, с подогнутыми ногами, которые распались в разные стороны и приняли ромбовидное положение. Костяк ориентирован головой на ЮЗ. У западной стенки найдена бронзовая булавка. При зачистке, среди булыжных камней и обуглившихся костей, встречались обожженные куски дерева и глины. Под ними шел слой глины толщиной 0,20 м, а стенки могилы плавно закруглялись ко дну. На дне, возле юго-восточной стенки, лежала обезглавленная тушка барана. Рядом железная пряжка. В центральной части ямы на дне имелось конусовидное углубление (диаметр — 0,18 м, глубина — 0,37 м), заполненное небольшими голышами (галька?) и углями вперемешку с глиной.

Погребение 91 (рис. 24, 22—24). На глубине 3,85 м от вершины кургана обнаружено полуразрушенное захоронение. Яма, по-видимому, имела подпрямоугольную или овальную форму. Длина сохранившейся части — 1 м, ширина — 1,05 м. Яма ориентирована по оси ЮВ—СЗ. На дне кости двух погребенных в сильно потревоженном состоянии. I костяк лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. Слева от него — потревоженные кости II скелета. На уровне шейных позвонков I костяка лежал оселок, под тазовыми костями — глиняная кружка. Среди сдвинутых к северо-восточной стенке костей II скелета найден сильно фрагментированный железный ножик.

Погребение 92 (рис. 24, 25—32) располагалось в срезе бровки к западу от центра кургана на глубине 3,60 м. Узкая прямоугольная яма с сильно закругленными углами имела направление ССЗ—ЮЮВ. Юго-восточный конец ямы срезан. Длина прослеженной части — 1,10 м, ширина — 0,50 м. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на ССЗ. Правая кисть на тазу, а левая под тазом. На шее ожерелье из пастовых бус.

Погребение 93 (северо-западный сектор; рис. 15, 19—20) — катакомбное, открыто на глубине 3,65 м. Входная яма разрушена. Камера имеет форму вытянутого овала (1,40×0,40 м) и ориентирована по оси СЗ—ЮВ. На дне камеры — костяк подростка плохой сохранности, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Справа у черепа стоял лепной сосудик с гальками и железной цепочкой внутри, у левого бедра глиняная кружка.

Погребение 94 (рис. 15, 21—28) открыто на глубине 3,55 м. На дне круглой (диаметр — 1,53 м) в плане ямы лежали двое — взрослый и ребенок. Кости взрослого были сдвинуты в кучу и находились у западного края могилы. Среди костей обнаружены фрагменты сероглиняного сосуда и обломок бронзового зеркала. Костяк ребенка лежал у северо-восточной стены вытянуто, на спине, головой на СЗ. На шее стеклянные и пастовые бусы.

Погребение 95 (северо-западный сектор; рис. 24, 95) выявлено на глубине 3,75 м. Овальная в плане могильная яма (1,14×0,48 м) имела направление ССВ—ЮЮЗ. Детский костяк лежал вытянуто, на спине, головой на ССВ. Ноги в голених перекрещены. Инвентарь не обнаружен.

Погребение 96 (рис. 24, 33—36) располагалось рядом с предыдущим на глубине 3,87 м. Камера катакомбы имела в плане овальную форму (1,95×0,90 м) и была ориентирована по оси СЗ—ЮВ. Вход, очевидно, был в западной стенке, где сохранились остатки истлевшего дерева. На дне камеры, местами обсыпанной мелом, лежал костяк взрослого человека вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Ноги в голених скрещены. У черепа его сероглиняная миска-трипод (внутри ребра барана), на поясе бронзовая пряжка. В ногах, ближе к сдвинутым костям II скелета, черноглиняный кувшин. В засыпке камеры найден грубо обработанный камень в виде оселка.

Погребение 97 (рис. 15, 29—35) непосредственно граничило с предыдущим и располагалось на глубине 3,55 м. Захоронение совершено в небольшом подбое. Входная яма имела форму неправильного полукруга ($1,35 \times 0,55$ м) и примыкала к подбою с западной стороны. При переходе в подбой имеется ступень высотой 0,25 м. Высота подбоя — 0,48 м. Он в плане подпрямоугольной формы ($1,75 \times 0,65$ м) и ориентирован строго с С на Ю. На дне подбоя лежал костяк молодой женщины (?) вытянуто, на спине, головой на Ю. Руки плотно уложены вдоль туловища, ноги в коленях сдвинуты. У правой голени передняя нога барана с лопаткой и железный ножик. У изголовья и левого плеча 2 глиняных сосуда, возле черепа сердоликовые и стеклянные бусы.

Погребение 98 (рис. 16, 1—7) открыто рядом с погребением 96 на глубине 4,20 м. Овальная камера катакомбы, ориентированная по линии СВ—ЮЗ, уходила в погребенную почву на 0,10 м. Длина ее — 1,85 м, ширина — 0,82 м. На дне камеры, частично посыпанной мелом, лежали плохо сохранившиеся кости двух погребенных. Кости одного были сгребены в кучу и находились у юго-восточной стенки. Среди них найдено около 20 втульчатых стрел. II костяк, по-видимому, был уложен вытянуто, на спине, головой на ССВ. На поясе аморфные фрагменты железа (пряжка?), в центральной части камеры сильно фрагментированный железный ножик.

Погребение 99 (рис. 25, 99). На уровне горизонта, на глубине 5,15 м к северу от центра, зафиксированы отдельные человеческие кости: ребра, часть тазовой и бедренной кости. Инвентарь не обнаружен.

Погребение 100 (рис. 25, 1—16) располагалось к ЗЮЗ от предыдущего на глубине 3,85 м. Камера катакомбы подпрямоугольной формы ($1,90 \times 0,75$ м) направлена с ЗСЗ на ВЮВ. В ней было совершено двухъярусное захоронение.

I ярус. Костяк женщины лежал вытянуто, на спине, головой на ВЮВ. Правая рука согнута в локте, а кисть на тазу. Подогнутые ноги завалились налево. На ее туловище лежал костяк ребенка (2—3 лет) вытянуто, на спине, головой к ногам женщины. По всей видимости, первоначально он был прислонен спиной к ее подогнутым ногам. За черепом погребенной находились части тазовой и левобедренной кости мужского костяка из II яруса. Здесь же лежала железная пряжка, также относящаяся к костяку мужчины. На шее I костяка бусы.

II ярус располагался под I ниже на 0,15 м и был отделен от него прослойкой чернозема. Костяк взрослого мужчины лежал вытянуто, на спине, головой на ВЮВ. Около пояса обнаружен оселок. У левой кисти фрагменты железного ножика, в ногах глиняная кружка.

Погребение 101 (рис. 16, 8—14). На глубине 4,20 м, на уровне горизонта, обнаружены части берцовых костей человека. Здесь же стеклянные и пастовые бусы.

Погребение 102 (рис. 24, 19—21) катакомбное, открыто в северо-западном секторе на глубине 3,45 м. Входная яма была разрушена при сооружении могилы 90. От нее сохранилась ступенька высотой лишь 0,05 м. Ширина входной ямы — 0,85 м. Камера имела форму неправильного овала (длина 1,55 м, ширина — 0,50 м, высота свода — 0,25 м), ориентированного по оси СВ—ЮЗ. На дне камеры лежали сильно обуглившиеся, разрозненные кости ребенка. Среди них найдены: две гальки с окатанной поверхностью, обломок железного ножика, фрагмент булавки и стеклянная бусина.

Погребение 103 (северо-восточный сектор; рис. 25). На глубине 3,75 м выявлена подпрямоугольная яма ($1,95 \times 0,75$ м), ориентированная с СВ на ЮЗ. На дне лежал костяк взрослого человека вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Правая рука отведена от туловища. Верхняя половина туловища слегка отклонена вправо. В нижней части голени найдены стеклянные бусы.

Погребение 104 (рис. 25) располагалось к ЮЗ от предыдущего на глубине 3,65 м. Яма в плане неправильно-овальной формы и имеет направление С—Ю. Северный конец ямы срезан. Сохранившаяся длина ее — 1,40 м, ширина — 0,70 м. Костяк лежал на спине, головой на Ю. Берцовые кости отсутствуют. Правая рука согнута незначительно, а кисть под тазом. По-видимому, ноги были подогнуты.

Погребение 105 (рис. 25). Полуразрушенная яма подпрямоугольной формы выявлена в северо-западном секторе на глубине 3,70 м. Северо-восточный конец ямы разрушен. Сохранившаяся длина — 1,35 м, ширина — 0,70 м. Яма ориентирована по оси СВ—ЮЗ. На дне ямы находился костяк в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Левая рука согнута в локте, ее кисть — на паху.

Погребение 106 (рис. 25, 17) находилось в 4 м к востоку от предыдущего на глубине 3,85 м. Широкая подпрямоугольная яма (1,90—1,15 м, сохранившаяся глубина — 0,15 м) была ориентирована по оси СЗ—ЮВ. Дно ямы в юго-восточной ее части выше, чем в северо-западной на 0,10 м. На дне ямы лежали два костяка вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Кисть правой руки I костяка, находившегося у северо-восточной стенки, лежала на тазовых костях. У левого локтя лежали два куса обработанного кремня, на поясе железная пряжка. Левая рука II костяка согнута в локте, кисть на тазу.

Погребение 107 (рис. 25, 18), по-видимому, катакомбное, выявлено к северу от центра кургана, на глубине 3,75 м. Овальная (1,80×0,80 м) в плане камера ориентирована по оси СЗ—ЮВ. На дне камеры, на частичной меловой подсыпке, лежали друг на друге два костяка. Нижний (I) в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях, левая кисть на тазовых костях, правая на животе. Череп склонен вправо. Сверху — другой костяк (II) на левом боку, головой на ЮВ, ноги, по-видимому, были согнуты в коленях. Левая рука вытянута, кисть лежит на тазовых костях I костяка. У левой ключицы найдены фрагменты железной булавки. В северо-западном углу камеры фрагменты керамики.

Погребение 108 (рис. 16, 15—26) находилось к югу от предыдущего на глубине 3,65 м. В полуразрушенной яме подпрямоугольной формы (1,20×0,70 м) лежал плохо сохранившийся костяк вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ. У изголовья донышко глиняного сосуда, на шее бусы, среди которых одна золотая пронизка. На груди аморфный фрагмент железа (булавки?).

Погребение 109 (северо-западный сектор; рис. 25, 109). На глубине 3,70 м выявлена подпрямоугольная яма (1,80×0,90 м), ориентированная по оси З—В. В яме лежали аккуратно сложенные в кучу отдельные кости: берцовые, рук и 2 черепа. По-видимому, захоронение было ограблено.

Погребение 110 (рис. 25, 19—28). Камера катакомбы подпрямоугольной формы (1,85×1 м, глубина — 0,25 м) была найдена рядом с погребением 109, на глубине 3,90 м. Камера ориентирована по оси СЗ—ЮВ. Вход, по-видимому, был в северо-восточной стене, где прослеживался древесный тлен. В камере лежали 2 костяка. I костяк, хорошей сохранности, находился в вытянутом положении, на спине, головой на ЮВ. Правая рука незначительно согнута, ноги отведены влево. У правого плеча глиняный сосуд. Кости второго, сдвинутые в кучу, лежали в северо-западном углу, под ногами I. Среди них собрано большое количество бус. Здесь же, под костями, найден глиняный кувшин.

Погребение 111 (северо-западный сектор; рис. 25, 29—41), вероятно, катакомбное; входная яма не прослежена. На глубине 4 м выявилась разрушенная камера (юго-восточная часть срезана) вытянуто-овальной формы (сохранившаяся длина — 1,75 м, ширина — 0,75 м, глубина — 0,15 м), ориентированная по линии СЗ—ЮВ. На дне камеры лежали

кости трех человеческих скелетов. Центральную часть занимал костяк, принадлежавший, очевидно, женщине. Судя по сохранившимся костям ног и рук, покойная была захоронена в вытянутом положении, на спине, головой на ЮВ. Руки вдоль туловища, ноги перекрещены в голених. На запястье правой руки был бронзовый браслет. Вдоль правого бедра лежали бусы; у левой кисти найден амфориск из египетской пасты. Между костями ног, ближе к тазовым костям, 2 обработанных куска кремня; здесь же следы желто-зеленоватой краски. Вдоль костей левой ноги стояли миска (внутри ребра барана и фрагменты железного ножа) и нижняя часть лепного сосуда. Кости двух других скелетов, сдвинутые в кучу, лежали в ногах I костяка. Среди них найдено около 20 сильно скипевшихся черешковых стрел и обломок железной пряжки.

Погребение 112 (рис. 26, 9, 9a) — катакомбное, располагалось под погребением 107, на глубине 4,10 м. Камера в форме неправильного овала (2,25×1,10 м, сохранившаяся глубина — 0,35 м) была ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Вход, по-видимому, был в северо-восточной стене, где отмечен слабый древесный тлен. В камере было захоронено двое. Первый лежал у восточной стены вытянуто, на спине, головой на Ю. Левая рука вдоль туловища, правая едва заметно согнута в локте, ее кисть — на тазовых костях. Череп повернут налево, ноги слегка отведены влево. У изголовья стоял глиняный сосуд. II костяк, лежавший слева от I, был сдвинут в сторону, однако анатомический порядок костей сохранился удовлетворительно и свидетельствует о том, что он лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮВ. Среди его костей найдены железная пряжка и 2 куска кремня.

Погребение 113 (рис. 16, 27—31). Овальная яма находилась к ЮВ от предыдущего погребения на глубине 4,40 м и располагалась на уровне древнего горизонта. Ее размеры: длина — 1,80 м, ширина — 0,65 м. Яма ориентирована по оси ССЗ—ЮЮВ. В ней лежал плохо сохранившийся костяк в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЮВ. У правой ступни около 20 скипевшихся втульчатых стрел.

Погребение 114 (рис. 26, 1—8) располагалось там же, где предшествующее, на глубине 4,55 м, и уходило в глубь древней погребенной почвы на 0,15 м. Камера катакомбы имела форму неправильного овала (1,75×1,20 м, сохранившаяся глубина — 0,40 м) и была ориентирована по линии З—В. Вход, по-видимому, находился в северной стенке, где шло понижение склона кургана. В камере находились кости не менее 3 человеческих скелетов, анатомический порядок которых был нарушен. По всей видимости, погребение ограблено. Судя по костям, 2 скелета лежали вытянуто, на спине, головой на З. Кости ног и таза III скелета были сдвинуты к восточной стенке. Характер расположения костей ног свидетельствует о том, что они были подогнуты. Возле левой ключицы I костяка, лежащего у южной стенки, найдены стеклянные и пастовые бусы. У сдвинутых костей — разбитые в древности фрагменты сосудов.

Погребение 115 (северо-западный сектор; рис. 26, 10—12). На глубине 3,90 м выявлено скопление булыжников (0,80×1,20 м), среди которых обнаружены разрозненные человеческие кости — ног, рук и черепа. Здесь же встречались фрагменты сосудов. Контуры могильной ямы не прослежены.

Погребение 116 (рис. 26, 13—23) открыто в северо-западном секторе. Камера катакомбы имела форму неправильного овала (2,10×1,10 м, сохранившаяся глубина — 0,80 м) и была ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Вход не прослежен. Камера уходила в глубь материка на 0,55 м, и дно ее находилось на глубине 5,20 м от вершины кургана. В засыпке камеры, в юго-западном углу, найден обломок нижней челюсти лошади. На дне, на глиняной обмазке, лежали 2 человеческих скелета, принадлежавшие женщине и подростку, вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ. У женщины ноги перекрещены в голених и покоятся

на обильной угольной подсыпке, а правая нога подростка согнута в колене. У правого плеча женщины стоял круглодонный сосудик, около которого найдена железная миниатюрная пряжка. Параллельно правой руке следы колчана и железной пряжки. Здесь же, остриями к ногам, лежало около 26 черешковых стрел. Аналогичные стрелы находились также у правого бедра и между бедренными костями. На поясе железная пряжка. У правой кисти подростка лежало несколько бусин. В ногах погребенных стоял глиняный кувшин.

Погребение 117 (рис. 16, 32). На глубине 3,15 м к ССВ от центра кургана зафиксированы слабые признаки разрушенного погребения. Среди отдельных человеческих костей (фаланги пальцев, позвоночные кости) найдено дисковидное бронзовое зеркало.

Погребение 118 (северо-восточный сектор; рис. 26, 24—33). Входная яма, узкая и длинная ($2,45 \times 0,60$ м, сохранившаяся глубина — 0,65 м), вытянута с СЗ на ЮВ, расширяясь к юго-восточному концу, где имеется вход в камеру. Уровень пола плавно понижается к камере, где он на 0,20 м ниже, чем в северо-восточном конце. Лаз в камеру овально-округлый ($0,45 \times 0,50$ м). У входа лежали отодвинутые в сторону два больших куса замешанной сырцово-глины, имеющих в плане вид неправильного прямоугольника ($0,10 \times 0,15 \times 0,30$ м) и овала ($0,17 \times 0,32 \times 0,15$ м). При переходе в камеру имелся плавный спуск в виде ступени, высотой 0,50 м. Камера овальной формы ($1,85 \times 0,95$ м) была направлена по линии ЮЗ—СВ. Свод куполообразный, имеет высоту 1 м. Камера уходила в глубь материка на 0,65 м и дно ее располагалось на глубине 5,35 м от вершины кургана. В камере находились кости не менее 3 человеческих скелетов. Основное пространство занимал верхний костяк, лежавший вытянуто, на спине. Нижняя половина туловища лежит по продольной оси камеры (СВ—ЮЗ), а верхняя сдвинута влево, так что костяк ориентирован головой на ЮВ. Левая нога слабо согнута в колене. Левая рука согнута в локте под прямым углом, ее кисть — на животе. На поясе железная пряжка, у правой кисти костяная бусинка. Под I костяком частично шел тонкий слой светло-глиняной обмазки толщиной 0,02 м и рыхлый чернозем. Под ними, на дне камеры, находились кости двух других скелетов, сдвинутых и лежащих в беспорядке в северо-восточном и юго-западном концах камеры. Среди костей в северо-восточном конце найдены железный ножик и стеклянные бусы. В центре камеры, возле костей рук одного из сдвинутых костяков (под левобедренной костью I скелета), обнаружено бронзовое зеркальце. У юго-западной стенки, под грудой сдвинутых костей, лежал разбитый горшок. В камере прослежены следы зеленоватого тлена от подстилки и угольная подсыпка.

Погребение 119 (рис. 16, 33—61) выявлено в юго-восточном секторе на глубине 4,30 м. Контуры могилы не прослежены. Вероятно, погребение представляло собой катакомбное захоронение. Плохо сохранившиеся костяки женщины (?) и ребенка лежали вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. В ногах скелетов и у черепных костей ребенка — многочисленные бусы, среди которых одна золотая пронизка. У черепа ребенка найдены бронзовая привеска в 1,5 оборота и обломки железной булавы. У левого бедра ребенка — обломки сосуда, а в области пояса найдена бронзовая бляшка со вставкой из голубого стекла.

Погребение 120 (рис. 26, 34—38) находилось к западу от центра кургана на глубине 4,10 м. Узкая овальная яма ($1,75 \times 0,65$ м) была ориентирована с ЮЗ на СВ. Костяк удовлетворительной сохранности (за исключением черепа, который разрушен) лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Руки в локтях согнуты и кисти уложены на тазовые кости. Левая нога была согнута и лежала на вытянутой правой ноге. На шее ожерелье из 23 бусин.

Погребение 121 (рис. 27) располагалось к северо-востоку от погре-

бения 118 на глубине 4,30 м. Подпрямоугольная яма ($1,85 \times 1$ м, сохранившаяся глубина — 0,10 м) имела направление СВ—ЮЗ. В ней лежал костяк плохой сохранности в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях. Никаких предметов не обнаружено.

Погребение 122 (рис. 27, 1—11) было расположено к востоку от погребения 118 на глубине 4,35 м. Камера катакомбы подпрямоугольной формы (2×1 м, сохранившаяся глубина — 0,15 м) была ориентирована длинными сторонами по оси ССЗ—ЮЮВ. Вход в камеру, по-видимому, находился в северо-восточной стенке, где отмечены слабые следы деревянных плах. В камере лежали два человеческих скелета. I из них (у северо-восточной стены) вытянуто, на спине, головой на ЮЮВ. У правого бедра стояли два глиняных сосуда. Здесь же и между бедренными костями найдены: набор черешковых (6 экз.) и втульчатых (4 экз.) стрел, обломок колчанного крючка, железный нож, обломок железной булавки. II костяк был сдвинут, и кости его лежали вдоль северо-западной стенки камеры — напротив входа. Вероятно, он также был уложен вытянуто, на спине, головой на ЮЮВ. На груди — бронзовая булавка.

Погребение 123 (рис. 16, 62—75) находилось к ЮЮВ от предыдущего на глубине 4,40 м, на уровне древнего горизонта. Яма прямоугольной формы была ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Северо-восточный конец могилы разрушен. Сохранившаяся длина могилы — 1,70 м, ширина — 0,75 м. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на ЮВ. На шее и поясе — стеклянные и гагатовые бусы.

Погребение 124 (рис. 27, 12—13) располагалось рядом с предшествующим, на глубине 4,50 м (на уровне древнего горизонта). Могила представляла собой узкую подпрямоугольную яму ($1,75 \times 0,60$ м, сохранившаяся глубина — 0,15 м), ориентированную строго с С на Ю. В ней лежал костяк вытянуто, на спине, головой на Ю. Руки вдоль туловища. На поясе обломок железной пряжки, у левой кисти — серповидный нож; здесь же обломок другого ножа. В ногах стоял горшок.

Погребение 125 (рис. 27, 15—18) обнаружено рядом с погребением 116 на глубине 4,75 м. Камера катакомбы в форме неправильного овала ($1,45 \times 0,90$ м, сохранившаяся глубина — 0,25 м) была вытянута с СВ на ЮЗ. Вход, вероятно, располагался в северо-западной стене, где прослеживались следы деревянных плах в виде тлена. На дне камеры лежал костяк человека на спине, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях и перекрещенные кисти уложены на тазовые кости. Ноги согнуты. За черепом найдены три глиняных пряслица, изготовленные из стенок сосудов. Справа от таза стояла глиняная кружка.

Погребение 126 (рис. 27, 19) располагалось рядом с предыдущим на глубине 4,85 м. Овальная яма ($1,90 \times 0,70$ м) была ориентирована по оси ВЮВ—ЗСЗ. На дне лежал костяк удовлетворительной сохранности в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ. Руки плотно уложены вдоль туловища. Правая едва заметно согнута в локте, ее кисть — под тазом. У правого колена стоял глиняный кувшин.

Погребение 127 (северо-восточный сектор; рис. 27, 20—32) открыто на глубине 4,80 м. Входная яма катакомбы не прослежена. Камера имеет в плане овальную форму ($1,55 \times 0,85$ м, сохранившаяся глубина — 0,20 м) и строго вытянута с В на З. Исходя из характера склона кургана, вход, по всей видимости, располагался в северной стене. Захоронение было двухъярусным.

I ярус. Здесь находились кости не менее 3 человеческих скелетов. Большую часть камеры занимал костяк, лежавший вытянуто, на спине, головой на З. Верхняя часть туловища слегка отклонена влево. Правая рука вытянута вдоль туловища, анатомический порядок костей правой нарушен. Правая нога согнута в колене. Кости остальных по-

погребенных были потревожены и лежали в сдвинутом состоянии у северной стенки, а фрагменты черепов располагались в области ног I скелета. В области грудных костей I скелета найдены фрагменты железной булавы. На поясе железная пряжка, вдоль левобедренной кости лежали пастовые и стеклянные бусы. У левой голени фрагменты сосуда. Возле сдвинутых костей обнаружены фрагменты железной булавы.

II ярус располагался под первым на 0,10 м ниже, отделенный от него прослойкой чернозема. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на З. Руки плотно уложены вдоль туловища. Никаких вещей с ним не было.

Погребение 128 (рис. 16, 76—101) — катакомбное, располагалось на глубине 4,95 м. Камера катакомбы (входная яма не прослежена) имела в плане форму неправильного прямоугольника (2×1 м, сохранившаяся глубина — 0,35 м) и была ориентирована по линии С—Ю. Камера впущена в материк на 0,25 м. У восточной стены, где, вероятно, был вход, прослеживался древесный тлен. На дне камеры, на частичной меловой подсыпке, находились два костяка хорошей сохранности в вытянутом положении, головой на Ю. I костяк (у восточной стены) лежал склоненным на левый бок. Ноги в голенях скрещены (левая нога согнута в колене). Левая рука вытянута, а правая отведена и согнута в локте. За черепом найден железный нож. У левого бедра — железная пряжка. У II костяка руки вытянуты вдоль туловища, череп откатился к южной стенке. У его изголовья лепной кувшин. Второй сосуд с обломками железной цепочки стоял у левой плечевой кости. Здесь же и у правого локтя, вдоль берцовых костей, бусы. На левой части грудных костей лежали бронзовая булава и железный фрагмент неизвестного назначения. Между правой плечевой костью и ребрами обнаружена медная монета.

Погребение 129 (рис. 27, 33—45) находилось в северо-западном секторе на глубине 4,55 м. Свод камеры был срезан (входная яма не прослежена). Камера подпрямоугольной формы (1,95×1,20 м, сохранившаяся глубина — 0,40 м) была ориентирована по оси СВ—ЮЗ. На дне ее лежали кости двух человеческих скелетов. I костяк (у юго-восточной стены) был вытянут на спине, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях: кисть правой руки — на тазовых костях, а левая — под тазом. У ступней собраны бусы. Возле черепа — аморфные фрагменты железа (булава?). II костяк (слева от первого) был сдвинут. In situ лежали лишь кости ног. Судя по позвоночным костям и ногам, погребенный находился на спине, головой на ЮЗ. Подогнутые кости ноги приняли ромбовидное положение. У черепа на боку лежал глиняный кувшин. Под черепом найдены фрагменты железа (пряжка?). В засыпке обнаружено копыто лошади (?) и обработанный клык.

Погребение 130 (рис. 28, 130) располагалось рядом с предшествующим, на глубине 4,25 м. Узкая прямоугольная яма с округлыми углами (северо-восточный конец срезан) была ориентирована по оси СВ—ЮЗ. Длина сохранившейся части ямы 1 м, ширина 0,60 м. На дне ямы — плохо сохранившийся костяк, вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Левая рука согнута в локте, ее кисть — на тазовых костях. В той части ямы, где она срезана, отмечено скопление фрагментов керамики.

Погребение 131 (рис. 28, 1—30) — катакомбное, открыто в северо-западном секторе на глубине 4,65 м. Входная яма катакомбы в плане имела форму прямоугольника (зафиксированная длина 0,60 м, ширина — 0,80 м, сохранившаяся глубина — 0,10 м) и была ориентирована с ЮЗ на СВ. Вход в камеру находился в северо-восточной торцевой стене дромоса. Устье камеры, вероятно, было заложено булыжной кладкой, которая частично сохранилась. При переходе в камеру имелась ступенька высотой 0,18 м. Камера, ориентированная по оси СЗ—ЮВ, в плане имела форму неправильного овала (1,90×1,40 м, сохранившая-

ся глубина — 0,20 м). В камере было погребено не менее 8 человек. Самый верхний костяк (I ярус) был плохой сохранности и анатомический порядок верхней части туловища был нарушен. Судя по костям ног, он лежал вытянуто, на спине, головой на ЮВ. У правобедренной кости лежал разбитый горшок. У черепных костей ребро крупного животного, справа у бедра железная пряжка. Под I скелетом находились кости остальных 7 погребенных. Пять из них лежали вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Положение остальных не поддавалось определению, по всей видимости, они были ориентированы также на ЮВ. У изголовья стояли 3 глиняных сосуда. Еще 5 сосудов стояли в различных местах камеры. Кроме них, в камере были найдены следующие вещи: две миниатюрные бронзовые привески в 1,5 оборота, 2 бронзовые фибулы, железная пряжка, оселок (второй оселок найден в засыпке), ручка сосуда из голубого стекла, железная булавка, пряслице, обломок железного ножика, 2 астрагала, костяной стержень, 22 бусины, каменная фигурная застёжка (?), бронзовая подвеска, бронзовый ажурный колокольчик, кусочек реальгара. В засыпке и на дне камеры встречались древесные угольки.

Погребение 132 (рис. 16, 102—124) располагалось в северо-восточном секторе на глубине 5,30 м. Обширная камера (2×1,30 м, сохранившаяся глубина — 0,35 м) неправильно-подпрямоугольной формы была ориентирована с СВ на ЮЗ. Вход не прослежен, но, по-видимому, он находился в северо-западной стене, где прослежены слабые признаки деревянных плах в виде тлена. На дне камеры, на светлоглиняной обмазке, лежал костяк женщины вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Левая рука — вдоль туловища, правая отведена в сторону. Между ней и туловищем лежал костяк ребенка вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. Правая нога слегка согнута в колене. Левая кисть — на тазовых костях. На том месте, где находился ребенок, глиняная обмазка была сбита. У черепа женщины найден зуб какого-то животного, астрагал и бронзовая привеска в 1,5 оборота. Вторая привеска обнаружена у левого локтя. Возле левой кисти — обломки железных булавок. На груди ребенка — железная булавка, вдоль костей ног собраны стеклянные и коралловые бусы. В восточном углу камеры стояли 5 глиняных сосудов. Среди них большая миска, внутри которой передняя нога барана с лопаткой и железный ножик. В засыпке встречались угольки.

Погребение 133 (северо-западный сектор; рис. 28, 133). На глубине 4,40 м выявлена полуразрушенная овальная (длина сохранившейся части — 1,20 м, ширина — 0,80 м) яма, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. На дне ямы лежали человеческие кости, сложенные в кучу: череп, кости таза, рук и ног, а также ребро крупного животного. Инвентарь не обнаружен. По всех видимости, могила была ограблена.

Погребение 134 (рис. 28, 31) обнаружено в северо-восточном секторе на глубине 4,20 м. Полуразрушенная яма, ориентированная по линии СВ—ЮЗ, имела форму подпрямоугольника. Длина прослеженной части ямы — 1,35 м, ширина — 0,80 м. В яме лежал скелет человека, от которого сохранилась верхняя часть в вытянутом положении на животе, лицом вниз. Ориентировка ЮЗ. Правая рука согнута в локте, ее кисть — под грудной клеткой. Ниже костяка, под левым плечом, стоял горшок.

Погребение 135 (северо-восточный сектор; рис. 28, 32) располагалось на глубине 4,80 м. Узкая прямоугольная яма имела направление СЗ—ЮВ. В ней лежал костяк плохой сохранности (северо-западный конец ямы с нижними конечностями скелета срезан) в вытянутом положении, на спине, головой на ЮВ. У левой кисти скопление фрагментированных черепков от доньшка сосуда. На поясе — обломки железной пряжки.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ЧЕГЕМСКОГО КУРГАНА

1. Погребальный обряд

Приступая к детальному анализу конструктивных особенностей погребальных сооружений Чегемского кургана, прежде всего необходимо отметить, что отнесение некоторых могил к той или иной группе временами носит условный характер. Это вызвано, во-первых, тем, что курган располагался на территории сдаточного объекта строительства оросительной системы и охранные раскопки производились с использованием техники. В результате многие погребения были частично разрушены. Во-вторых, точной фиксации формы могил препятствовали также и особенности структуры насыпи самого кургана. Однако поскольку на массовом материале выявляются более устойчивые типы погребений с присущим только им единообразным инвентарем, а также их ритуальные и другие особенности, то причисление отдельных могил к тому или иному типу несколько оправдано.

Несмотря на то, что захоронения были совершены в насыпи одного кургана, т. е. они располагались компактно и, по всей видимости, могли принадлежать определенной группе населения, органически связанной какими-то общими явлениями историко-культурного, религиозно-магического порядков, типы могил достаточно разнообразны. Среди всех погребений Чегемского кургана, в основном, выделяются три типа могил: I) грунтовые, II) катакомбы и III) подбои.

I. Грунтовые могилы. С учетом 12 погребений (1, 15, 55, 68, 86—89, 99, 101, 115, 133), отнесенных к этой группе условно, в кургане выявлены всего 62 (46,9%) могилы данного типа.

Наиболее распространенными среди них являются узкие прямоугольные или продолговатые ямы с прямыми или округлыми углами; чаще всего продольные стены параллельны, хотя спорадически встречаются могилы с выгнутой стенкой (погр. 66, 67, 103). Иногда один конец ямы (обычно в ногах костяка) плавно сужается (например, погр. 50). Длина могил колеблется от 1,35 до 2,35 м, ширина — от 0,45 до 0,85 м, глубина — от 1,55 до 4,80 м¹.

Исключение составляют лишь погребения 106 и 121, у которых могильные ямы в поперечнике значительно превышают обычную норму ширины (1,15 и 1 м соответственно).

Разновидностью указанных могил можно считать погребальные ямы овальной формы или прямоугольные могилы, углы которых настолько закруглены, что в плане они приближаются к овалу (37, 95, 113, 120, 126). Отклонением от общепринятой конфигурации могильных ям являются погребения, имеющие неправильно-округлую (63) и неправильно-овальную (103) формы.

В целом необходимо отметить, что все грунтовые могилы отличаются единством приемов оборудования могильной ямы: стенки обычно делались отвесными или слегка суживались ко дну. Зачастую наблюдается небрежная обработка стен, что, по всей видимости, зависело от характера грунта. Углы, как было сказано выше, четко выражены или скруглены. Дно во всех могилах горизонтальное; исключение составляет разве лишь погребение 106 (рис. 25), где дно имеет небольшой поперечный уступ, так что в юго-восточной части дно лежит на 0,10 м выше, чем в северо-западной.

Наряду с индивидуальными захоронениями, которые составляют

¹ Глубина всех могил высчитана от вершины кургана.

Таблица I

Хронологические группы		II - I вв до н э						I - II вв н э						Итого	
Поза погребенных	Типы могил	грунтовые ямы		катакомбы		подбой		грунтовые ямы		катакомбы		подбой		количество	%
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%		
на спине	в вытянутом положении	10	83,3	38	84,4	1	100	27	75,0	28	59,3	2	33,3	106	72,1
	в том числе - ноги перекрещены в голенях	—	—	3	6,6	—	—	2	5,6	3	6,4	—	—	8	5,4
	с подогнутыми ногами	2	16,7	5	11,2	—	—	5	13,8	16	34,0	3	50,0	31	21,0
на животе	скорченно	—	—	—	—	—	—	1	2,8	1	2,1	—	—	2	1,4
на левом боку	с подогнутыми ногами	—	—	1	2,2	—	—	1	2,8	2	4,3	1	16,7	5	3,4
на правом боку	скорченно	—	—	—	—	—	—	2	5,6	—	—	—	—	2	1,4
	с подогнутыми ногами	—	—	1	2,2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,7
Всего учтено костяков		12	100	45	100	1	100	36	100	47	100	6	100	147	100

подавляющее большинство (96,8%), в двух могилах (50, 106) встречаются парные погребения. По-видимому, они совершались одновременно. В погребении 50 скелет ребенка 2—3 лет лежал непосредственно над женским, а в погребении 106 кисть левой руки женского костяка покоилась на правой кисти мужчины. Все это свидетельствует об однократном характере парных захоронений.

Относительно особенности позы погребенных можно отметить преобладание вытянутого на спине положения костяков. Причем эта поза является характерной не только для какого-то отдельного типа могил, но в целом и для всего кургана. Так, из 147 погребенных, сохранившихся *in situ* полностью или хотя бы частично, 106 лежат вытянуто, на спине. Анализ данных по грунтовым могилам, как видно из таблицы I, свидетельствует, что существенных отклонений от этого правила не прослеживается.

Единичные захоронения в скорченном положении на правом боку и на животе (а их три погребения, что составляет лишь 6,2%) могут указывать не только на пережиточные явления от предшествующих традиций², но и на социальные мотивы. Об этом может свидетельствовать, в частности, отсутствие или резко заметная бедность сопутствующего инвентаря (погр. 6 и 63).

Как правило, погребенные лежат по длинной оси могилы, однако выделяется и группа костяков (погр. 66, 67, 103), верхняя часть туловища которых изогнута под небольшим углом и направлена почти по диагонали ямы. Случайное ли это явление или оно связано с каким-то ритуалом, трудно сказать. В этой связи стоит отметить, что и среди погребенных в катакомбах нередко прослеживается подобная тенденция.

Относительной стабильностью характеризуется положение ног погребенных; чаще всего они вытянуты, хотя изредка встречаются костяки с перекрещенными ногами (4,5%). Иногда покойники лежат в «атакующей» позе, т. е. когда одна нога вытянута, а другая согнута (15,9%).

Что же касается положения рук, то здесь наблюдается более разнообразная картина. Если взять в целом, то из 35 погребенных, поза

² Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 6—7.

Таблица II

Дата	Тип погребения	Число костяков	Положение рук														
											на тазу				под тазом		
II-I вв. до н.э.	Грунтовые ямы	8	3	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	1	1	—	
	в %	100,0	37,5	—	—	12,5	—	—	—	—	25,0	—	—	12,5	12,5	—	
	катакомбы	22	10	2	1	—	1	2	—	—	2	—	2	—	1	1	—
	в %	100,0	45,6	9,1	4,5	—	4,5	9,1	—	—	9,1	—	9,1	—	4,5	4,5	—
	Подбои	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	в %	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
I вв. н.э.	Грунтовые ямы	27	10	—	1	—	—	—	—	2	3	3	2	1	3	2	—
	в %	100,0	37,0	—	3,7	—	—	—	—	7,4	11,1	11,1	7,4	3,7	11,1	7,4	—
	Катакомбы	35	21	—	1	—	1	—	2	—	1	2	5	—	1	1	—
	в %	100,0	60,0	—	2,85	—	2,85	—	5,71	—	2,85	5,71	14,3	—	2,85	2,85	—
	Подбои	6	2	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1
	в %	100,0	33,3	—	—	—	16,6	—	—	—	16,6	—	—	16,6	—	—	16,6
Итого		99	47	2	3	1	3	2	2	2	7	7	9	2	6	5	1
в %		100,0	47,4	2,02	3,03	1,01	3,03	2,02	2,02	2,02	7,07	7,07	9,09	2,02	6,06	5,05	1,01

рук которых зафиксирована *in situ*, у 14 (40%) руки уложены вдоль туловища вытянуто, а в одном случае правая отведена в сторону. Руки остальных (60%) занимают различные позиции (см. табл. II). Особенно следует подчеркнуть тот факт, что 51,4% составляют костяки, у которых кисти рук в различных сочетаниях лежат на тазовых костях или под ними (11,4% для II—I вв. до н. э. и 40% для I—II вв.)³. Вряд ли все это можно объяснить одной случайностью. Скорее всего здесь какая-то закономерность, связанная с религиозно-культовым значением данного обряда⁴. В этой связи небезынтересно вспомнить, что обычай укладывать кисти рук на таз, так же как и «атакующая» поза покойников, перекрешенные голени ног зафиксированы в сарматских погребениях на различных стадиях эволюции их культуры, начиная с савроматского этапа⁵. Оставляя пока в стороне вопрос об этнической интерпретации погребенных в грунтовых могилах Чегемского кургана, заметим, что с какими бы конкретными племенами ни были связаны данные погребения, все же в конечном итоге наличие указанных черт похоронного ритуала является следствием тех значительных влияний, которые оказали сарматские племена на население, оставившее рассматриваемые захоронения. Во всяком случае, известные материалы предсарматского времени свидетельствуют о том, что появление данных «микроритуалов», как атрибута похоронного обряда в могильниках местных племен Предкавказья, связано со степным воздействием, а конкретнее — с савроматами доно-поволжских степей⁶. Поэтому не удивительно, что комплексы Чегемского кургана отражают довольно далеко зашедший процесс аккультурации.

И, наконец, завершая характеристику грунтовых погребений Чегемского кургана, остановимся на одном из важнейших признаков обряда — ориентировке костяков. Если говорить в целом о всех погребениях, то ориентировка на первый взгляд выглядит малоустойчивой

³ Обоснование датировок дается ниже.

⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 93.

⁵ Там же.

⁶ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 86—92.

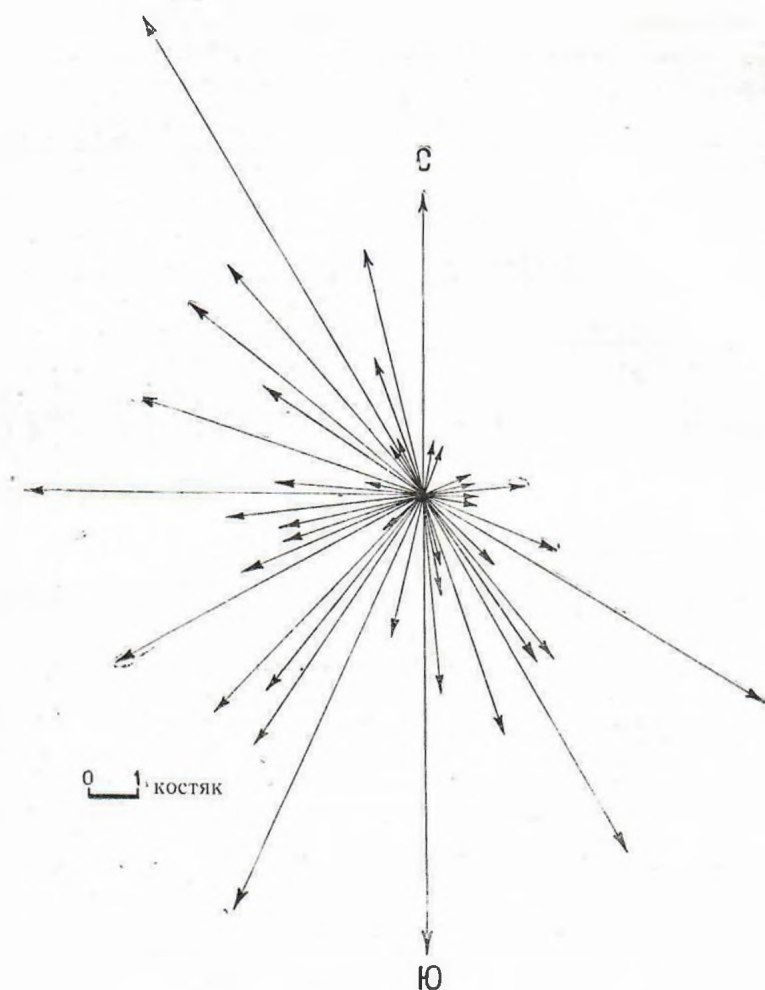

Таблица III. Ориентировка костяков Чегемского кургана

(табл. III). Возможно, она в какой-то степени связана не только с причинами сезонного характера, но и с выбором места захоронения по отношению к склону кургана. Последнее, как будет видно ниже, больше всего отразилось на ориентировке погребенных в катакомбах. Тем не менее, если брать данные по костякам, как они зафиксированы *in situ* в могилах, то здесь при всей кажущейся неустойчивости ориентировки независимо от типа могил и хронологии прослеживается определенная тенденция: население, хоронившее своих покойников в Чегемском кургане, предпочитало, в первую очередь, северо-западное, юго-западное и юго-восточное направления (табл. III и IV). Из 173 костяков Чегемского кургана, ориентировки которых были определены, 103, или 59,5%, ориентированы в рамках этих направлений.

Для грунтовых эти показатели распределяются следующим образом: ЮЗ направление — 22,8%, СЗ — 17,5 и ЮВ — 14,0%. Остаток же приходится на промежуточные между ними отклонения (ЮЮЗ, ЮЗЗ, ССЗ и т. д.). Причем число отклонений, как видно из таблицы IV, становится более ощутимо во второй хронологической группе (I—II вв. н. э.), тогда как во II—I вв. до н. э. наблюдалась более или менее

Ориентировка	Грунтовые ямы				Катакомбы				Подбои				Итого	
	I-I вв до н.э.		I-II вв н.э.		II-I вв до н.э.		I-II вв н.э.		II-I вв до н.э.		I-II вв н.э.			
	число костяков	%	число костяков	%	число костяков	%	число костяков	%	число костяков	%	число костяков	%	число костяков	%
С	—	—	4	9,7	—	—	2	3,2	—	—	—	—	6	3,5
СВ	—	—	2	4,9	—	—	1	1,6	—	—	—	—	3	1,7
ССВ	—	—	1	2,4	1	2,0	—	—	—	—	—	—	2	1,2
СВВ	—	—	—	—	1	2,0	—	—	—	—	—	—	1	0,6
В	—	—	1	2,4	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,6
ЮВВ	—	—	1	2,4	—	—	2	3,2	—	—	—	—	3	1,7
ЮВ	2	14,3	6	14,7	9	18,0	12	19,7	—	—	2	33,3	31	17,9
ЮЮВ	1	7,1	—	—	4	8,0	5	8,3	—	—	1	16,7	11	6,3
Ю	—	—	5	12,2	2	4,0	1	1,6	1	100	—	—	9	5,2
ЮЮЗ	—	—	3	7,3	5	10,0	2	3,2	—	—	—	—	10	5,8
ЮЗ	5	35,7	8	19,5	9	18,0	12	19,7	—	—	—	—	34	19,6
ЮЗЗ	—	—	2	4,9	2	4,0	2	3,2	—	—	—	—	6	3,5
З	2	14,3	—	—	—	—	7	11,6	—	—	—	—	9	5,2
СЗЗ	—	—	1	2,4	3	6,0	2	3,2	—	—	—	—	6	3,5
СЗ	4	28,6	5	12,2	14	28,0	12	19,7	—	—	3	50,0	38	21,9
ССЗ	—	—	2	4,9	—	—	1	1,6	—	—	—	—	3	1,7
Общее количество	14	100	41	100	50	100	61	100	1	100	6	100	173	100

Таблица IV. Процентное соотношение ориентировки костяков по типам могильных сооружений

относительно устойчивая картина. Естественно, эти показатели не случайны, хотя делать окончательные выводы на столь ограниченном материале еще рано. В данный момент стоит лишь заметить, что такое положение вещей вполне соответствует той исторической обстановке, во время которой функционировал Чегемский курган как кладбище.

II. **Катакомбы** составляют почти половину всех погребений (65, или 49,3%) Чегемского кургана. Из них 16 (№ 5, 20, 23, 44, 46, 64, 71, 75, 78, 91, 93, 94, 109, 119, 122, 129) отнесены к катакомбам условно по наличию сдвинутых костяков, меловой подсыпки и других признаков ритуала, характерных лишь для данного типа могил. Несмотря на тот факт, что полные данные по особенностям их конструкции получены

лишь на основании 12 катакомб, все же среди них удалось выделить два типа ⁷.

К I типу относятся катакомбы, у которых входные ямы располагались по поперечной оси камеры (погр. 27, 42, 52, 61, 118, 131) или под небольшим углом к ней. Возможно, к этому же типу относятся и катакомбы 17, 60, 70, у которых входные ямы были частично разрушены. Входные ямы, или дромосы, имели в большинстве случаев подпрямоугольную форму. Длина их от 1,35 до 2,45 м, ширина 0,50—0,80 м. Лишь в катакомбе 17 дромос представлял собой подквадратную (1,30×1,40 м) форму, а в погребении 70 — полуовальную (1,20×0,60 м). Чаще всего входные ямы расширялись по направлению к камере. Большинство катакомб было впущено в насыпь кургана на различной глубине. Лишь камеры катакомб 116, 118, 128, 129, 131, 132 уходили в глубь материка на 0,20—0,60 м.

Пол входных ям либо наклонный, т. е. уровень его понижался к камере (погр. 61, 70, 118), либо горизонтальный (погр. 17, 27, 42, 52, 131). О наличии ступеней для спуска в ямы свидетельствуют катакомбы 17 и 61, где они зафиксированы частично. В некоторых катакомбах (17, 27, 52) входные ямы соединялись с камерой узким входным отверстием. Диаметр устья — 0,40—0,75 м. Дно камер располагалось ниже устья входа на 0,20—0,60 м. Входное отверстие, или устье, закрывалось каменными плитами, представлявшими собой массивные обломки древнейших каменных стел (погр. 11, 42). В иных случаях это были небольшие песчанниковые плиты (4, 17, 52) или кладка из речных булыжников (14, 131). В катакомбе 118 рядом со входным отверстием лежали, отодвинутые в сторону, большие куски замешенной сыпцово́й глины, имеющие форму неправильного прямоугольника (0,17×0,15×0,32 м). В тех катакомбах, где не были зафиксированы каменные плиты, вход, очевидно, закрывался деревянными плахами, следы которых прослеживались в виде тлена (60, 70).

Разновидностью этого типа является катакомба 24. При всей близости ее по деталям погребального обряда к катакомбам I типа все же резко бросаются в глаза отличительные признаки самой погребальной конструкции: камера катакомбы, вырытая в узкой части дромоса, находится под прямым углом к нему, дно входной ямы без резких уступов переходит в пол камеры, т. е. дно дромоса и камеры расположено на одном уровне (рис. 19). Эта катакомба типологически несколько напоминает катакомбы III типа по классификации К. Ф. Смирнова ⁸, однако перпендикулярное расположение входной ямы и камеры позволяет отнести ее лишь к катакомбам I типа.

В ориентировке катакомб отсутствует единая, строго определенная закономерность. Однако следует отметить некоторую тенденцию у большинства из них — выход погребальной камеры в сторону центральной части курганной насыпи, что, по всей видимости, было связано с причинами технического порядка. При этом следует подчеркнуть немаловажный факт, что подобный прием если не обязательно, то по мере возможности согласовывался со стремлением придать погребальной камере необходимую ориентировку (в рамках ЮВ—ЮЗ и в рамках ЮЗ—СЗ).

Форма камер различная, преобладают камеры неправильных под-

⁷ Типология их дается по классификации К. Ф. Смирнова (см.: *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. — СА, 1972, № 1, с. 73—81). Подобная типологизация для северокавказских катакомб впервые проведена М. П. Абрамовой (*Абрамова М. П.* Исследование Нижне-Джугатского могильника в 1967 г. — КСИА АН СССР, 1970, № 124, с. 88—71), однако в последующей ее работе (см.: *Абрамова М. П.* Нижне-Джугатский могильник. Нальчик, 1972, с. 9) типы катакомб даны в ином порядке.

⁸ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 74.

прямоугольных (рис. 9, *погр.* 17; рис. 16, *погр.* 128) или овальных (рис. 5, *погр.* 4; рис. 12, *погр.* 52) форм. Средние их размеры: длина 1,40—2,10 м, ширина 0,75—1,20 м. Несколько катакомб (3, 4, 10, 11, 42, 64, 132) отличаются более просторными камерами (от $2 \times 1,30$ м до $2,50 \times 1,55$ м). Камеры имели куполсообразно вырубленные потолки (17, 52, 118). Высота свода 0,80—1,10 м. Во всех катакомбах I типа костяки лежали перпендикулярно ко входной яме.

Ко II типу относятся катакомбы, у которых камера является продолжением входной ямы, т. е. расположена с ней по одной оси (43, 73). Эталоном этой группы следует считать катакомбу 43 (рис. 11). Входная яма в плане прямоугольной формы ($1,65 \times 0,70$ м) примыкала к юго-восточному, более узкому концу камеры, располагаясь строго по длинной ее оси. Уровень дна входной ямы плавно понижается (на 0,18 м) по направлению к камере. При переходе в камеру имелись две небольшие последовательные ступеньки (0,15 и 0,05 м соответственно). На последней из них были вертикально установлены два массивных каменных блока (обломки стел) подпрямоугольной формы, закрывавшие вход в камеру. Ширина устья 0,55 м, высота — 0,70 м. Камера в плане прямоугольная с закругляющимися углами ($2,15 \times 0,75$ м). Пол камеры также имеет слабый уклон к противоположной от устья стене. Высота свода около 0,80 м. Погребенный лежал ногами ко входу, что является характерной чертой для II типа катакомб на всей территории их распространения⁹.

Катакомбу 73 (рис. 14) отличает от только что описанной наличие небольшой шейки (0,25 м) у входа, более обширная камера подквадратной формы. Устье было, по всей видимости, заложено досками. При переходе в камеру, так же как и в катакомбе 43, имелась ступенька, высотой лишь 0,15 м. Из трех погребенных один лежал ногами ко входу, остальные — головами.

Возможно, в Чегемском кургане функционировали и другие типы катакомб, отличающиеся от выделенных деталями их устройства. В частности, на это указывают погребения 47 (рис. 21) и 94 (рис. 15), камеры которых, в отличие от других, имели в плане круглую ($1,15 \times 1,40$ и $1,55 \times 1,50$ м) форму. Входные ямы у них не прослежены, однако нет сомнения в их принадлежности к катакомбам, поскольку имеется много сходных признаков (ярусное залегание костяков, сдвинутые кости и т. д.) с последними.

В этом плане особо следует остановиться на погребении 90, представляющем своего рода феномен по своим конструктивным особенностям, что, естественно, не позволяет отнести его уверенно ни к одному из рассматриваемых типов. Погребальная камера имела круглую форму диаметром $1,25 \times 1,30$ м. Глубина зафиксированной части камеры — 1 м. Стенки плавно закругляются ко дну. Самым примечательным является то, что в центральной части ямы имелось конусовидное углубление (диаметр — 0,20 м, глубина — 0,37 м), заполненное небольшими камешками (галька) и древесным углем, перемешанным с глиной (рис. 24). Возможно, это углубление имело какое-то ритуальное значение. В самой же камере, в результате костра, разведенного внутри нее или сброшенного туда, все обгорело.

Таковы основные особенности конструкции катакомбных захоронений Чегемского кургана. В целом необходимо отметить, что различие их в деталях конструкции не влияет на характер погребального обряда и он выступает как общее явление для всех типов. Следовательно, анализ погребального обряда считаем целесообразным проводить совместно для всех катакомб.

⁹ Смирнов К. Ф. Указ. соч.; Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 9.

Все катакомбные погребения по количеству захороненных в них людей следует разделить на две группы: одиночные и коллективные.

Индивидуальные захоронения встречены в 16 катакомбах (25,5%). В хронологическом отношении они распределяются следующим образом: II—I вв. до н. э. — 11 катакомб (36,6%) и I—II вв. н. э. — 5 (15,1%).

Таблица V

Хронологическая группа	Всего погребений	Количество костяков в катакомбах					
		по 1	по 2	по 3	по 4	по 5	по 8
II—I вв. до н. э.	30	11	14	2	2	1	—
в %	100,0	36,6	46,6	6,7	6,7	3,3	—
I—II вв. н.э.	33	5	16	7	4	—	1
в %	100,0	15,1	48,4	21,3	12,2	—	3,1
Всего...	63	16	30	9	6	1	1
в %	100,0	25,5	47,6	14,4	9,5	1,5	1,5

Однако подавляющее большинство катакомб (74,5%) содержало коллективные захоронения. Среди них, как это видно из таблицы V, на протяжении функционирования кургана господствующее положение занимали парные погребения. Они встречаются довольно часто как в I хронологическом периоде (46,6%), так и во II (48,4%). Наиболее характерным для этого типа можно считать совместное захоронение мужчин и женщин («супружеские»), женщины и ребенка (рис. 13, погр. 70; рис. 16, погр. 128, 132). Другие сочетания, как, например, двое мужчин или две женщины, трудно различить, поскольку нередко кости одного скелета перемешаны или сдвинуты в кучу. Это говорит, в свою очередь, о том, что подобные захоронения разновременны и совершались последовательно по истечении определенного промежутка времени. Вместе с тем достаточно четко от них можно отличить группу катакомб (10, 116, 128, 132 и др.), свидетельствующую об одноактном характере парных захоронений.

Самым типичным признаком групповых захоронений (от 3 до 8 костяков) является разновременность помещения трупов в камеру. Об этом свидетельствует расположение скелетов внутри камер. Для этих погребений характерна частичная или полная перемешанность скелетов. Совершенно очевидно, что при повторных захоронениях кости ранее умерших сдвигались в сторону, иногда укладывались в аккуратные кучки, помещая их то к противоположной от входа стене, то в один из углов камеры. На освобожденное место укладывался новый покойник. Помимо того, погребенные помещались в камеру ярусами. В Чегемском кургане в 11 катакомбах зафиксированы двух- и трехъярусные захоронения. Ярусы иногда разделены прослойкой чистой земли. Чаще всего эта прослойка утрамбовывалась и покрывалась тонким слоем светлоглиняной обмазки. Обычно эта обмазка шла не во всю длину, а находилась в той части, где располагалась верхняя часть туловища костяков с нижнего яруса. При этом следует отметить, что ориентировка ярусов — за несколькими исключениями (погр. 47, 70, 100, 107) — сходная.

Катакомбы с групповыми захоронениями представляют собой семейные усыпальницы. Об этом говорит прежде всего состав погребенных: мужчина и женщина; женщина и ребенок; мужчина, женщина и ребенок; двое мужчин, две женщины и ребенок и т. д. Возможно, были

и другие сочетания (напр., погр. 131, где захоронено 8 умерших, — рис. 28), однако, как отмечалось выше, потревоженность костяков не всегда позволяет проследить это достаточно четко.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сопоставление групповых захоронений по типам катакомб особых различий не показало; этот обряд характерен для каждого из них.

При анализе позы погребенных в грунтовых могилах указывалось, что основная масса костяков в Чегемском кургане была захоронена в вытянутом положении на спине. Конкретные данные по катакомбам не противоречат этому выводу (табл. 1). Так, из 92 учтенных костяков 66 (71,7%) лежали вытянуто, на спине. В то же время количество погребенных на спине с подогнутыми ногами гораздо выше по сравнению с данными по грунтовым могилам. В катакомбах значительно чаще встречаются так называемые позы всадника или «танцующая» (когда ноги раздвинуты ромбом) и «атакующая» (5,2% для II—I вв. до н. э. и 17,3% для I—II вв. н. э.). Костяки с перекрещенными в голенях ногами по хронологическим группам распределяются равномерно и составляют в целом 8,7%.

Среди погребенных в катакомбах встречен лишь один скорченный (на животе) костяк (1,1%).

Следует отметить, что в отдельных случаях на положение костяка сказывались и причины технического порядка. Наглядным подтверждением этого являются катакомбы 16 (I ярус), 21, 47 (II ярус) и 61 (I ярус). Совершенно очевидно, что в указанных случаях габариты камер не позволяли придать костяку необходимую позу: погребенные не вмещались в камеру по длине, поэтому им подгибали ноги (16—I ярус и 61—I ярус)* или прислоняли к одной из стенок камеры как бы в полусидячем положении (21). А туловище костяка из погребения 47 (II ярус, Б) было сильно изогнуто.

Для вытянутых костяков в катакомбах характерно вытянутое положение обеих рук (22,8% для II—I вв. до н. э. и 38,6% для I—II вв. н. э.). В остальных случаях (38,4%) им придано разное положение. 28% составляют костяки, у которых кисти одной или обеих рук уложены под таз или на него (10,5% для II—I вв. до н. э. и 17,5% для I—II вв.). Есть основание предполагать, что доля подобных микродеталей обряда в катакомбах была выше, так как из 138 погребенных кости 77 (55,8%) были сдвинуты или перемешаны, и многие стороны похоронного ритуала практически невозможно восстановить.

Что же касается ориентировки, то и здесь наблюдается та же картина, которая была отмечена для всего кургана в целом (табл. IV). В основном преобладают северо-западная (23,4%), юго-восточная и юго-западная (по 18,9%) ориентировки. Эти данные по хронологическим группам распределяются следующим образом: СЗ — 12,6% во II—I вв. до н. э. и 10,8% в I—II вв. н. э.; ЮВ и ЮЗ — по 8,1% и 10,8% соответственно в каждом периоде.

Анализ данных (табл. III, IV) показывает, что около трети (31,5%) всех погребенных как в кургане в целом, так и в катакомбах отдельно ориентированы на юг и на запад (с учетом отклонений на ЮЮЗ, ЮЮВ и СЗЗ, ЮЗЗ). Поэтому можно полагать, что отмеченные выше направления (СЗ, ЮВ, ЮЗ) являются сезонными отклонениями в основном двух ориентировок — южной и западной.

Северная и восточная ориентировки составляют незначительный процент, причем основная часть из них приходится на I—II вв. н. э. Это еще раз подчеркивает наметившееся в I—II вв. н. э. отклонение от более или менее относительно устойчивого соблюдения правила ориен-

* Это происходило потому, что площадь камер резко уменьшалась из-за наличия на дне погребенных в нижних ярусах.

Таблица VI*

Элементы погребального ритуала		II - I вв до н. э.						I - II вв. н. э.					
		грунтовые ямы		катакомбы		подбои		грунтовые ямы		катакомбы		подбои	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
жертвенные кости	рядом с костяком	—	—	10	33,3	1	100,0	1	2,4	3	8,8	1	25,0
	в миске	1	6,6	7	23,3	—	—	—	—	4	11,7	—	—
тлен от подстилки		—	—	1	3,3	—	—	—	—	3	8,8	—	—
глиняная обломка		—	—	3	10,0	—	—	—	—	5	14,6	—	—
мел		—	—	16	53,3	—	—	—	—	8	23,5	1	25,0
уголь		1	6,6	11	36,3	—	—	1	2,4	12	35,2	2	50,0
куски замешанной глины		—	—	1	3,3	—	—	—	—	—	—	—	—
краска		—	—	1	3,3	—	—	—	—	3	8,8	—	—
раковины		—	—	5	16,6	—	—	—	—	2	5,8	—	—
галечки		1	6,6	—	—	—	—	—	—	1	2,9	—	—
галечки в сосудах		—	—	11	36,3	—	—	—	—	—	—	—	—
цепь в сосудах		—	—	10	33,3	—	—	—	—	—	—	—	—
ритуальные мисочки-курильницы		1	6,6	10	33,3	—	—	—	—	—	—	—	—
обломка сосудов глиной		—	—	11	36,3	—	—	—	—	3	8,8	—	—
преднамеренная порча вещей		—	—	12	40,0	—	—	3	7,2	2	5,8	—	—
сдвинутые человеческие кости в могилах		—	—	8	26,6	—	—	—	—	21	61,7	—	—
кальцинированные кости		—	—	1	3,3	—	—	—	—	2	5,8	—	—
Всего учтено погребений		15	100,0	30	100,0	1	100,0	42	100,0	34	100,0	4	100,0

* Проценты высчитаны по отношению к общему числу погребений данного типа каждой хронологической группы

тировки костяков, которым характеризовался первый хронологический период.

Таков в общих чертах погребальный обряд катакомбных захоронений. Однако характеристика его не была бы совсем полной без учета так называемых «микродеталей» ритуала, столь разнообразно представленных в катакомбах. Причем подавляющее большинство их является отличительным признаком именно для данного типа погребений. Анализ их необходим еще и по той причине, что эти детали отражают не только их специфичность, но и хронологический характер отдельных явлений.

Процентное соотношение различных элементов обряда по типам погребений и хронологическим группам дано в таблице VI. Она свидетельствует, что в погребальном ооряде катакомбных захоронений большую роль играл ритуал принесения покойникам жертвенной или заупокойной пищи. В 24 катакомбах (37,5%) встречены кости животных, служившие в качестве заупокойной пищи. Чаше всего это либо передняя нога барана с лопаткой, либо ребра барана и реже — ребра крупных животных. Обезглавленные тушки барана или овцы найдены в двух катакомбах (2 и 90), а в катакомбе 70 (I ярус) в качестве заупокойной пищи была положена нижняя челюсть барана. Обычно жертвенные кости обнаруживаются рядом с покойником в мисках (17,1%), чаще без нее (20,3%). За редким исключением, рядом с жертвенными костями находились железные ножики. Обряд принесения заупокойной пищи был, по-видимому, наиболее характерен для катакомб I хронологической группы (56,6%), тогда как во II хронологической группе он встречается значительно реже (20,5%), обнаруживаясь при этом исключительно лишь в катакомбах, которые более или менее уверенно можно датировать I в. н. э. Исследователи единодушны в своем мнении, что указанная черта обряда является одним из ярких признаков сарматской культуры на протяжении всей ее истории¹⁰.

Следующей особенностью похоронного ритуала катакомб является наличие следов угольной (35,9%) и меловой (37,5%) подсыпки (чаще всего обильной) в камерах, что позволяет говорить о довольно массовом ее использовании в ритуальных целях. Если мел или белый порошок играл роль очистительной силы, то уголь, иногда заменяя роль мела, чаще всего был связан с культом огня¹¹. Этим же объясняется, по-видимому, наличие в четырех катакомбах различных красящих веществ (реальгара, желтой охры и серы). Однако в наиболее яркой форме культ огня проявился в катакомбах 42 и 90, где обнаружены полуобгоревшие человеческие кости. Частичное сохранение анатомического порядка обожженных костей свидетельствует о том, что сожжение, по-видимому, произошло путем засыпки камеры остатками горящего костра (42) или путем разведения костра прямо на теле умершего (90).

Любопытно, что если использование угля не поддается четкой хронологической дифференциации и оно равномерно распределяется по группам (36,3% для II—I вв. до н. э. и 35,2% для I—II вв. н. э.), то меловая подсыпка более присуща катакомбам II—I вв. до н. э. Как видно из таблицы VI, в это время она характерна для каждой второй катакомбы и составляет 53,3%, тогда как в I—II вв. н. э. меловая подсыпка встречается лишь в каждой четвертой катакомбе.

Другая примечательная деталь похоронного ритуала катакомбных захоронений — это определенная группа унифицированных форм леп-

¹⁰ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 104—105; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 100 и след.; Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 12.

¹¹ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 96—100.

ных сосудов. Иногда внутри таких сосудов (9 случаев) прослеживаются следы мела и копоти. Но большей частью внутри их находится от 1 до 7 галек (11 случаев) или отдельные звенья железной цепи (10 случаев) с угольками или золой. Часто как и гальки, так и стенки сосудов носят следы горения. Любопытно отметить, что в одном комплексе одновременно встречаются как сосудики с гальками, так и с цепями. Например, в катакомбе 3 были найдены 3 сосудика с цепями и 2 — с гальками.

Обязательным атрибутом сосудиков с гальками и цепями является обмазка их наружных стенок слоем светлой глины, толщиной иногда до 2 см — элемент, отмечаемый впервые для памятников сарматского времени ¹².

Вполне очевидно, что указанные сосудики с их атрибутами были предназначены для отправления неких магических действий, связанных с конкретными обрядами. С какими именно — мы попытаемся объяснить ниже. Сейчас стоит отметить лишь тот факт, что находка абсолютного большинства сосудиков с гальками и железными цепями в закрытых комплексах, твердо датированных II—I вв. до н. э. и не позднее рубежа н. э., позволяет отнести их к числу хронологических индикаторов (табл. VI, XI).

То же самое можно сказать и о ритуальных мисочках-курильницах, находки которых засвидетельствованы, за исключением одного случая, именно в катакомбах (табл. VI), и притом все эти комплексы укладываются в пределах II—I вв. до н. э. — рубежа н. э.

В связи с изложенным небезосновательно, по-видимому, утверждать, что микродетали обряда, отмеченные в таблице VI под № 10—13, были характерны если не исключительно, то, по крайней мере, преимущественно только для данного типа могил, и притом в течение определенного промежутка времени. Как было сказано, верхняя дата этого обычая выявляется достаточно отчетливо. Впоследствии, по каким-то еще не ясным причинам, он был изжит, и начиная со II хронологического периода (I—II вв. н. э.) каких-либо рецидивов не наблюдается.

В катакомбах гораздо чаще, чем в грунтовых могилах, встречается обычай преднамеренной порчи вещей. Почти в каждой четвертой катакомбе (21,8% для II—I вв. до н. э. и 3,1% для I—II вв. н. э.) найдены обломки преднамеренно разбитых зеркал, бус из халцедона, горного хрусталя, а также согнутые, после предварительного накаливания, ножи и наконечники стрел.

О сдвинутых костяках, как одной из особенностей катакомб, было сказано выше. Добавим лишь, что сопоставление данных по хронологическим группам показывает генезис этого обряда: во II—I вв. до н. э. катакомбы со сдвинутыми костяками составляют всего 12,5%, а в I—II вв. н. э. они уже достигают 32,8%. И это вряд ли случайно — оно непосредственно связано с изменением погребального обряда в целом и постепенным переходом от индивидуальных захоронений к коллективным, причины которого требуют еще своего объяснения.

III. Самую малочисленную группу погребений (5 или 3,8%) в Чегемском кургане составляют **подбой** (погр. 34, 40, 41, 97 и, возможно, погр. 51). Входные ямы в большинстве случаев прослежены лишь частично. Поэтому трудно говорить о их первоначальных формах и размерах. Более конкретно судить об этом позволяет подбой 97, где входной колодец имел форму неправильного полукруга со сторонами 0,55 × 1,35 м.

¹² Обломки аналогичного сосудика со следами светлоглиняной обмазки, внутри которого лежали 4 гальки, были обнаружены и в центральном захоронении кургана 46 у сел. Чегем I в 1973 году. — См.: *Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Отчет о раскопках курганов в бассейне реки Чегем в 1973 г. Архив КБИИФЭ, инв. № 2187, инв. № 537 ф. 1, рис. 13, б.

По-видимому, нет оснований сомневаться в отсутствии особых различий в конструкции подбоев. Подбойные могилы, как и катакомбы, при переходе в камеру имеют ступеньку высотой от 0,05 до 0,55 м. Несколько отличается от них погребение 40 (рис. 20). Здесь округло-овальная по форме яма (1,30×1,55 м) была перегорожена булыжной кладкой, сохранившаяся высота которой — 0,30 м. В данном случае отсутствовала ступенька, а кладка закрывала устье подбоя так же, как и в погребении 34.

Сами подбои имеют в плане прямоугольную форму с закругляющимися углами и редко овальную (41 — I ярус и 34). Средние их размеры: длина — 1,40—2,20 м, ширина — 0,35—1,05 м. Высота подбоя — 0,25—0,70 м.

Особых различий в ориентировке подбоев не имеется: все они, за исключением подбоя 97 (С—Ю), направлены по оси СЗ—ЮВ, причем зачастую погребальная камера, как и в катакомбах, выведена в сторону центральной части курганной насыпи.

Как и в катакомбах, в подбойных могилах встречаются индивидуальные (1) и коллективные захоронения (3), содержащие от 2 до 3 костяков. Для последних, за исключением подбоя 51 (рис. 22), где в ногах погребенного находился отдельный человеческий череп¹³, характерно лишь использование могилы для повторных захоронений. Об этом позволяет судить, в первую очередь, ярусное залегание погребенных: в подбое 41 — двухъярусное и в подбое 34 — трехъярусное. В каждом случае ярусы отделены друг от друга прослойкой чистой земли, толщиной 0,10—0,20 м.

Лишь подбой 40, где найдены только битые черепки и сероглиняная кружка, можно охарактеризовать как кенотаф, поскольку никаких следов ограбления не прослежено.

Так же как и в других типах могил, в подбоях преобладает вытянутое положение костяков на спине (табл. 1): из 7 костяков, зафиксированных *in situ*, 3 лежали в этой позе, 3 — также на спине, но с подогнутыми (то одна, то обе) ногами. И только лишь костяк из подбоя 34 (I ярус) лежал на левом боку с сильно подогнутыми ногами.

Руки погребенных или вытянуты вдоль туловища (3) или согнуты (то одна, то обе) в локте, а кисти лежат на тазу (2) или под ним (1 — табл. II).

Особенности ориентировки погребенных отражены в таблице IV. Из 7 костяков 3 ориентированы на СЗ, остальные в рамках Ю—ЮВ.

Среди прочих особенностей погребального обряда следует отметить наличие в некоторых подбоях (41, 97) костей барана (передняя нога с лопаткой и ребра) в качестве заупокойной пищи. В двух подбоях (40, 51) I—II вв. н. э. отмечен уголь.

Таковы наиболее существенные черты погребального обряда, прослеженные при раскопках кургана-кладбища. Как уже отмечалось, каждый тип погребального сооружения характеризуется не только специфическими, но и общими признаками, являющимися связующими

¹³ Происхождение и характер последнего не совсем понятны. В первую очередь, естественно, напрашивается мысль, что данный череп взят из погребения 38, разрушенного при сооружении подбоя 51. При наличии всех костей (правда, в потревоженном состоянии) в погребении 38 отсутствовал череп. Однако наличие отдельного черепа рядом с целым костяком в погребении 51 может говорить и о связи с обычаем жертвоприношения черепов врагов. Обычай погребения отдельных черепов нередко связывается исследователями с обрядом расчленения (см.: Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. — МАД, 1961, т. 2, с. 201—203; Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган. — В сб.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 69—71. См. там и библиографию). Кстати, и в подбое 41 (II ярус) был расчищен костяк, у которого полностью отсутствовали нижние конечности, в то время как анатомический порядок остальных костей сохранился *in situ*. Не претендуя на категоричность, можно допустить, что здесь в какой-то степени отразилось влияние обряда расчлененных захоронений.

Таблица VII
Инвентарь грунтовых погребений II—I вв. до н.э.

Номер погребения	Мечи	Втульчатые стрелы	Крюки	Ножи	Пряжки	Булавки	Браслеты	Височные привески	Бусы	Зеркала	Сосуды	Оселки	Бляшки	Игольницы
13								+						
22		+	+						+		+			
28		+	+										+	
29				+			+		+		+			
30		+							+					
35				+					+	+	+			+
57		+	+		+									
68			+									+		
74		+												
76								+						
79				+							+			
81		+									+			
101									+					
108						+			+					
113		+												
123									+					

звеньями между различными типами могил. Это, по-видимому, может свидетельствовать о существовании каких-то общих религиозно-магических представлений у населения, хоронившего своих умерших в Чегемском кургане в то время.

2. Хронология погребения

При определении хронологии всех погребений использовались комплексы погребального инвентаря, который, кстати, представлен относительно богатым и достаточно разнообразным набором предметов.

Отмеченные выше отличительные признаки разнотипных могил по погребальному обряду в какой-то степени дополняются и при сравнительном рассмотрении состава погребального инвентаря.

Грунтовые могилы отличаются более однообразным и незначительным составом сопутствующего инвентаря (табл. VII—VIII): очень редки предметы вооружения и совершенно отсутствуют такие категории, как ритуальные сосудики, обмазанные глиной, бронзовые зеркала с валиком по краю, височные привески — столь характерные для катакомбных захоронений. Более того, значительная часть грунтовых погребений (23, или 37%) совсем не содержала погребальный инвентарь. Эти особенности носят скорее всего социальный, а не хронологический характер.

Наибольшее число вещевых находок сосредоточено в катакомбах (табл. IX—X), причем это объясняется не столько тем, что они использовались для коллективных захоронений, сколько опять-таки социаль-

Таблица VIII

Инвентарь грунтовых погребений I-II вв н. э.

Номер погребения	Вулчатые стрелы	Черешковые стрелы	Ножи	Пряжки	Булавки	Браслеты	Бусы	Зеркала	Сосуды	Фибулы	Оселки	Пряслица	Кремний
1						+			+				
6					+		+						
7			+	+							+		
19			+				+						
33									+				
36							+						
37							+						
39								+					
49				+									
50							+		+				
53									+				
56									+			+	
62	+	+	+	+					+				
67							+	+	+				
69					+		+		+				
77							+		+				
80							+						
86								+					
92							+						
103							+						
106				+									+
120							+						
124			+	+					+				
126									+				
134									+				
135				+									

ными причинами. На самом деле, самые богатые и выразительные комплексы инвентаря содержались именно в катакомбах с индивидуальными (4, 17, 42, 52) и парными (3, 10) захоронениями. Вместе с тем в самих катакомбах прослеживается некоторый диссонанс в составе сопутствующего инвентаря: ранняя группа катакомб значительно шире представлена различными категориями предметов вооружения, туалета и украшений, чем более поздняя группа.

Подбойные захоронения имели незначительное количество инвентаря.

В целом рассматриваемую группу погребений Чегемского кургана-кладбища по инвентарю можно отнести к сравнительно четко ограни-

Таблица IX

Инвентарь катакомб II-I вв. до н. э. и рубежа н. э.

Номер погребения	Шлемы	Мечи	Копья	Втульчатые стрелы	Крючки	Ножи	Пряжки	Булавки	Фибулы	Браслеты	Височные прищепки	Гривны	Бусы	Зеркала	Сосуды	Оселки	Бляшки	Игольницы
2				+		+		+		+			+					+
3		+		+		+	+				+		+		+		+	
4		+		+	+	+	+	+	+				+	+	+			+
5						+									+			
9				+									+		+			
10	+	+		+			+	+	+		+	+	+	+	+	+		
11						+	+	+					+	+	+			
14						+	+								+		+	
16		+		+	+	+	+	+	+		+		+	+	+			
17				+							+		+	+	+			
18						+							+	+				
23						+									+			
26				+	+	+	+											
27								+			+		+	+	+			
31				+									+		+			
42		+	+	+	+	+	+	+					+		+		+	
43						+									+			
52						+		+			+		+	+	+		+	
64						+			+				+	+	+			
70						+					+		+		+			
72							+						+		+			
73		+		+	+			+			+		+	+	+			+
75						+							+		+			
78													+		+			
82						+				+	+		+	+	+			
84						+							+	+	+			
85				+	+		+								+		+	
93															+			
94													+	+	+			
98				+		+	+											
119								+			+		+		+		+	
128						+	+	+					+		+			
132						+		+			+		+		+			

ченному хронологическому периоду II в. до н. э. — II в. н. э. Однако, несмотря на достаточно четкие хронологические границы, уточнение хронологии и относительное размещение погребений в пределах этих рамок составляет задачу далеко не простую в связи с тем, что многие захоронения не содержат датирующего материала. Лишь в шести погребениях были найдены фибулы общеевропейских форм, однако плохая сохранность отдельных экземпляров не позволяет использовать их в качестве хронологических индикаторов. В этой связи наиболее точно

Таблица X

Инвентарь катакомб I - II вв. н. э.

Номер погребения	Крюки	Втульчатые стрелы	Черешковые стрелы	Ножи	Пряжки	Булавки	Браслеты	Привески	Бусы	Зеркала	Сосуды	Фибулы	Какошальчики	Оселки	Пряслища	Кремний
8						+			+		+					
20						+										
21						+			+	+	+					
24	+	+	+						+		+					
32					+						+					
44						+			+	+	+		+			
45									+							
46									+		+	+				
47									+		+					
59				+		+		+	+		+					
60				+							+					
61				+	+	+		+	+	+	+					
65											+					
71							+		+		+		+			
90					+	+										
91				+							+			+		
96					+						+			+		
100				+	+				+		+			+		
102				+		+										
110									+		+					
111			+	+	+		+		+		+					+
112					+						+					+
114									+							
116			+		+				+		+					
118				+	+				+	+	+					
122	+	+	+	+		+					+					
125											+				+	
127					+	+			+		+					
129					+	+			+		+					
131				+	+	+		+	+		+	+	+	+	+	

может быть установлена лишь верхняя дата могильника, которая определяется II в. н. э. по бронзовым проволочным фибулам из погребения 131 и зеркалу-привеске с боковой петлей и рельефным орнаментом на обратной стороне из погребения 21. По мере же удрежнения хронологические ориентиры становятся менее четкими, главным образом, за счет

Дата	Номер погребения										Обоснование датировки.
II - I вв. до н.э.	84 к*										
	52 к										
	82 к										
	11 к										
	17 к										Монета IV в. до н.э., античный кубок конца III - II вв. до н.э.
	16 (3ярус) к										Среднелатенская фибула
	3 к										Обломок стеклянного кубка II в. до н.э.
	9 к										
	4 к										Среднелатенская фибула
	85 к										
	73 к										
	42 к										
	10 к										
	128 к										Монета I в. до н.э.
	57 г**										
	28 г										
	22 г										
I - II вв. н.э.	26 (2ярус) к										
	24 к										По сирлам I в. н.э.
	122 к										По сирлам I в. н.э.
	116 к										
	111 к										
	118 к										
	61 (2ярус) к										

К* - капище, Г** - грунтовая могила

Таблица XI. Корреляционная таблица хронологии комплексов Чегемского кургана

целого ряда категорий предметов с широким хронологическим диапазоном от IV до I вв. до н.э. (мечи с серповидными навершиями, зеркала с валиком по краю, пряжки с неподвижным язычком, бусы эллинистического типа и т.д.). Поэтому приходится опираться на косвенные сопоставления с учетом всего состава вещевого комплекса и соотношения в нем тех или иных типов вещей.

Для установления относительной хронологии была составлена корреляционная таблица, причем в основу ее были положены, главным образом, те погребения, которые содержали по два и более встречаемых типа вещей (табл. XI). Правда, единственным недостатком такой корреляции является ограниченный круг погребений, отвечающий условиям выборки. Тем не менее она дает возможность

распределить остальные погребения, не попавшие в таблицу, внутри тех хронологических рамок, которые получены в результате корреляции.

В приводимой таблице в левой вертикальной колонке расположились в хронологической последовательности погребения от наиболее ранних сверху до поздних — внизу. В верхнем горизонтальном ряду слева направо — также в хронологическом порядке — разместились и типы вещей.

Как видно, погребения Чегемского кургана распределяются на две хронологические группы. К первой группе относятся погребения от № 84 до № 26. Некоторые из них, как было сказано выше, в своем составе имеют и материалы более раннего времени, однако датировать их ранее II в. до н. э. нет достаточно веских оснований, хотя можно и предположить, что отдельные погребения заходят в конец III в. до н. э. По-видимому, в целом эту группу можно отнести ко II—I вв. до н. э. Более точная датировка внутри этого периода затруднительна. Однако судя по таблице, можно предположить, что группа погребений с № 4 по № 26 скорее всего относится к I в. до н. э., что подтверждается фибулой среднелатенского типа «неапольского варианта» из погребения 4. Остальные погребения, расположившиеся между № 84 и № 9, по-видимому, следует датировать в пределах одного II в. до н. э. В качестве иллюстрирующего примера можно привести погребение 17, где, наряду с вещами, характерными для второй половины первого тысячелетия до нашей эры (височные привески в 1,5 оборота, зеркало большого диаметра с валиком по краю, втульчатый наконечник стрелы), был обнаружен античный кубок, определяющий абсолютную дату. Он относится к типу малоазийских канфаров, получивших широкое распространение в конце III и II вв. до н. э. в городах Боспорского царства¹⁴. Исходя из этого, погребение 17 уверенно можно датировать II в. до н. э. К этому же времени, по-видимому, относится погребение 16 (3 ярус) — по зеркалу с валиком по краю и красноглиняной миске позднеэллинистического типа на небольшом кольцевом поддоне, а также погребение 3 — по обломкам стеклянного кубка на кольцевом поддоне.

Кроме погребений, вошедших в таблицу XI, к ранней группе (II—I вв. до н. э.) относится еще целый ряд могил: № 18, 35, 64, 94, 117 — по типам зеркал (дисковидные и с валиком по краю); № 2, 5, 13, 14, 29—31, 43, 68, 70, 74—76, 78, 81, 93, 97—98, 101, 108, 113, 119, 123, 132 — по наличию целого ряда категорий предметов (височные привески в 1,5 оборота, втульчатые наконечники стрел, наборы бус, сосуды с гальками и цепями и т. д.), характерных именно для ранней группы погребений Чегемского кургана. Сюда же следует отнести и I ярус катакомбы 16, а также погребение 79, которое частично перекрывалось входной ямой катакомбы 52 (II—I вв. до н. э.).

Таким образом, всего ко II—I вв. до н. э. относится 48 могил, в том числе: грунтовых — 15 (№ 13, 22, 28—30, 35, 57, 68, 74, 79, 81, 101, 108, 113, 123); катакомб — 30 (№ 2—5, 9—11, 14, 16—18, 23, 42, 43, 52, 64, 70, 72, 73, 75, 78, 82, 84, 85, 93, 94, 98, 119, 128, 132); 1 подбой (погр. 97); а также 2 могилы неопределенного типа (76 и 117).

Вторую группу погребений Чегемского кургана (от № 24 до № 61) следует датировать I—II вв. н. э., хотя по условиям выборки в корреляционную таблицу вошли лишь могилы I в. н. э.

В эту группу можно включить целый ряд погребений: № 21, 39, 44, 67, 86, содержащих зеркала-привески с боковой петлей; № 46, 131 —

¹⁴ Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. — СА, 1949, № 11, с. 271, рис. 1, 3, 4, с. 275.

по фибулам I и II вв. н. э.; № 62 — по типам стрел; № 1, 71 — по типам браслетов. Сюда же относятся: погребение 6, которое перекрывало погребение 62 (I в. н. э.) и погребение 66, которое по своему стратиграфическому положению находилось выше и перекрывало погребение 67, содержащее зеркало I в. н. э., а также погребение 33, перекрывающее погребение 47. Остальные погребения (см. табл. VIII, IX) отнесены к данной хронологической группе по ряду признаков погребального инвентаря (типы пряжек, бус, сосудов, булавок и т. д.), отличающих последних от погребений I хронологической группы.

Самыми поздними погребениями этой группы, как было сказано выше, являются, по-видимому, могилы 21 и 131, которые по типу зеркала и фибул датируются II в. н. э.

Итак, ко II хронологической группе относится всего 59 могил, в том числе: 25 грунтовых (№ 1, 6, 7, 19, 33, 36, 37, 39, 49, 50, 53, 62, 66, 67, 69, 77, 80, 86, 92, 103, 120, 124, 126, 134, 135); 31 катакомба (№ 8, 20, 21, 24, 32, 44—47, 59—61, 65, 71, 90, 91, 96, 100, 102, 107, 110, 111, 112, 114, 116, 118, 122, 125, 127, 129, 131); и 3 подбоя (34, 40, 41).

По-видимому, среди погребений Чегемского кургана имелись и такие, которые хронологически относились к переходному периоду, т. е. к рубежу нашей эры, что со временем удастся более конкретно выявить. На это как будто косвенно указывает погребение 26, где II ярус является по корреляционной шкале самым поздним среди погребений II—I вв. до н. э. Верхний ярус этого же погребения, возможно, заходит в I в. н. э. По-видимому, рубежом нашей эры следует датировать погребения 27, 31 и 72.

Таково, на наш взгляд, хронологическое распределение погребений Чегемского кургана. К сожалению, датировка определенной группы погребений затруднена либо дефектностью инвентаря, либо отсутствием последнего (№ 12, 15, 25, 38, 51, 54—56, 58, 63, 83, 87—89, 95, 99, 104—105, 109, 115, 121, 130, 133). Отнесение их к тому или иному хронологическому периоду носит условный характер. В таких случаях, помимо вещевого материала, были использованы отдельные характерные особенности погребального обряда, хотя подобный подход не всегда мог быть безупречным.

Глава III

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

1. Инвентарь погребений II—I вв. до н. э. и рубежа нашей эры

Керамика. Глиняная посуда являлась почти обязательной принадлежностью погребального инвентаря захоронений Чегемского кургана-кладбища. Как и наличие костей животных в могилах, это говорит о широком распространении обычая класть умершему заупокойную пищу; внутри сосудов нередко прослеживаются следы органических остатков, а кружка из погребения 84 даже наполовину была заполнена обгоревшей кашей.

Из 51 погребения II—I вв. до н. э. и рубежа нашей эры сосуды входили в состав погребального инвентаря тридцати трех (64,7%) могил. Число сосудов в могилах разное — от одного до шести экземпляров, благодаря чему наша коллекция насчитывает 86 сосудов. Посуду ставили преимущественно в ногах или у изголовья и реже — в стороне от погребенных (41,4%, 32,6% и 26% соответственно).

подавляющая часть посуды столовая, кухонная керамика в погребениях II—I вв. до н. э. встречается исключительно редко и насчиты-

1, 71 — по типам перекрывало по-воему стратигра-по погребение 67, , перекрывающее , IX) отнесены к в погребального д.), отличающих

ак было сказано рые по типу зер-

о 59 могил, в том 50, 53, 62, 66, 67, мба (№ 8, 20, 21, 110, 111, 112, 114,

на имелись и та-му периоду, т. е. ее конкретно вы-ие 26, где II ярус среди погребений озможно, заходит эт датировать по-

ление погребений деленной группы либо отсутствием 3, 87—89, 95, 99, у или иному хро-3 таких случаях, ельные характер-й подход не всег-

ГАРЯ

а.э.

зательной принад-гемского кургана-ах, это говорит о заупокойную пи-органических ос-у была заполнена

нашей эры сосуды ати трех (64,7%) до шести экземп-36 сосудов. Посуду реже — в стороне ю).

керамика в погреб-редко и насчиты-

вает единичные экземпляры. Технология изготовления сосудов преимущественно гончарная; лепные сосуды встречаются в основном среди культовых.

По функциональному назначению сосудов в группе керамики можно выделить четыре основных вида: I — кувшины, II — кружки и кубки, III — миски, IV — ритуальные сосуды.

I. Кувшины. В погребениях II—I вв. до н. э. и рубежа нашей эры всего найдено 14 (16,3%) кувшинов. Все они, за исключением трех красноглиняных, сформованы из хорошо промешанной темно-серой и реже светловатого оттенка глины с примесью мелкозернистого песка. В большинстве случаев кувшины тонкостенные и имеют лощеную поверхность. Лощение, как правило, черное, иногда доведенное почти до блеска. Лишь на трех кувшинах отмечено серое лощение.

По общим признакам формы тулова кувшины делятся на ряд типов.

1. Кувшины с грушевидным, расширяющимся книзу туловом, с горлом-раструбом и одной ручкой.

Пропорции кувшинов различные (рис. 5, 44; рис. 14, 36). В семи погребениях (3, 5, 9, 23, 79, 94, 132) найдено 8 кувшинов данного типа. Ручки в сечении плоские. В погребении 3 кувшин имеет ложновитую ручку (рис. 4, 14), а кувшин из погребения 79 снабжен стилизованной зооморфной ручкой (рис. 14, 36).

Еще более сильно схематизирована зооморфная ручка сосуда из погребения 94 (рис. 15, 21); зооморфизация в данном случае выражена лишь двумя небрежными штрихами. Кстати, этот сосуд типологически напоминает позднескифские корчаги и на фоне остальных выглядит архаично.

Кувшины этого типа объединяются еще одним устойчивым признаком — характером орнаментальных композиций. Чаще всего она состоит из горизонтально пролощенных параллельных полос, на некотором расстоянии от которых ко дну спускаются вертикально пролощенные двойные или тройные пучки (рис. 4, 14; рис. 16, 122, 123). Иногда зоны между горизонтальными желобками заполнены подтреугольно штампованными рядами. Обращают на себя внимание сосуды из погребений 3 и 23. Технология выделки, лощение, доведенное до черного блеска, а также идентичный орнамент как будто свидетельствуют о том, что оба сосуда изготовлены руками одного мастера (рис. 4, 14; рис. 17а, 1; рис. 10, 1). Более пышен и разнообразен орнамент на кувшине из погребения 79 (рис. 14, 36). Плечики украшены двойными горизонтальными желобками. Поле между ними заполнено вертикально расположенными сгруппированными штрихами, чередующимися тройными линиями, промежутки между которыми дополнительно украшены штампованными треугольничками. По тулову проходит орнамент из двойных горизонтальных и вертикальных полос. Промежутки между ними тоже заполнены треугольными вдавлениями.

Помимо отмеченных элементов орнамента, необходимо указать и на наличие каннелюр на горле сосуда из погребения 9 (рис. 6, 56).

Средние размеры кувшинов: высота 16,5—26 см, диаметр тулова 16—24 см, диаметр дна 7,5—13,8 см. В целом I тип кувшинов с грушевидным, расширяющимся книзу туловом являлся одной из самых распространенных форм керамики в последние века до нашей эры на обширной территории и поэтому не удивительно, что в процентном отношении именно этот тип занимает ведущее место среди кувшинов кургана.

2. Кувшин с шаровидным туловом и витой ручкой. Поверхность черного цвета, лощеная. Высокое, расширяющееся кверху горло с четко выраженным желобчатым носиком-сливом украшено двумя горизонтальными рельефными валиками. Высота 30 см, диаметр тулова

25 см (рис. 9, 3). Найден в погребении 17, которое хорошо датируется II в. до н. э. по канфару малоазийского типа.

3. Сероглиняный кувшин с яйцевидным туловом, слабо выраженным раструбчатым горлом и стилизованной зооморфной ручкой (погр. 70 — рис. 13, 19; рис. 17а, 3). Поверхность слаболощенная серого и темного цветов. Плечики украшены комбинацией из попарных горизонтально прочерченных желобков, между которыми резной многослойный арочный орнамент, а промежутки желобков заполнены циркульным орнаментом (вверху) и штампованными треугольничками (внизу). На тулове орнамент из сдвоенных пролощенных вертикальных линий. Высота — 25,7 см, диаметр тулова — 22 см.

4. Лепной кувшин грубой работы с сильно раструбчатым горлом и реповидным туловом (рис. 16, 76). Имеет маленькую петлевидную, плоскую в сечении, ручку. Глина в изломе черная с примесью песка. Поверхность черная, без следов лощения. Найден в погребении 128 (конец I в. до н. э.).

Отдельную группу составляют импортные красноглиняные кувшины, обнаруженные в трех погребениях (4, 42, 52.).

1. Кувшин на кольцевом поддоне с плавно расширяющимся кверху горлом и желобчатой ручкой подтреугольной в сечении формы. Глина бледно-розовая, очень плотная. Верхний слой черепка отслаивается. Поверхность с маслянистыми пятнами. На дне — отпечаток пальца. Высота — 22,4 см, диаметр тулова — 17 см (погр. 4, рис. 5, 1).

2. Близкий по форме кувшин с овальной в сечении ручкой. Валикообразный венчик отогнут наружу. Кувшин имеет небольшой кольцевой поддон. Найден в погребении 42 (рис. 11, 4; рис. 17а, 2). Высота — 25,6 см, диаметр тулова — 18,6 см.

3. Кувшин с вытянутым яйцевидным туловом и одной желобчатой ручкой (рис. 12, 1). Слабовыраженный кольцевой поддон перекошен. Глина в изломе очень плотная. Высота — 32,5 см, диаметр тулова — 20 см. Найден в погребении 52 (II в. до н. э.).

Все три кувшина по технологии выделки, признакам форм, несомненно, боспорского производства и должны быть датированы II—I вв. до н. э. В частности, кувшин из погребения 4 находит прямую аналогию в погребении 6 кургана 2 около хут. Веселого на р. Маныч. Одноручный красноглиняный кувшин из этого погребения четко датируется II в. до н. э. чернолаковым канфаром¹.

II. Кружки* и кубки (16 экз. — 18,5%) — самый нестандартный из всех видов глиняной посуды. Тем не менее даже их можно по основным признакам разделить на несколько типов, хотя в некоторой степени эта типология условна.

Как и кувшины, кружки и кубки изготовлены из хорошо отмученной серой или темно-серой глины, иногда с примесью речного песка. В единичных экземплярах найдены кружки из черной (погр. 73) или коричневатой (погр. 84, 119) глины. Поверхность, за исключением трех сосудов, лощеная, серого или черного цвета.

1. Кружки с грушевидным, расширяющимся книзу туловом и одной ручкой (7 экз.). Найдены в погребениях 14, 73, 78, 84, 93, 97, 132. Четыре экземпляра имеют стилизованную зооморфную ручку (рис. 14, 34; рис. 15, 1, 30). Остальные снабжены небольшими петлевидными (в погр. 14 — плоская в сечении) ручками (рис. 7, 22; рис. 17а, 5; рис. 14, 5). Все кружки, за исключением из погребения 132, орнаментированы. Орнамент в большинстве случаев состоит из комбинаций вертикальных и горизонтальных пролощенных линий (рис. 15, 30). Иногда

¹ Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. — СА, 1949, № 11, с. 313—315, рис. 18.

* Кружки, ничем не отличающиеся от кувшинов по формам, мы выделяем, в основном, по функциональному назначению.

он дополняется зигзагообразными линиями (рис. 14, 34; рис. 15, 19) или пояском подтреугольных вдавлений, выполненных штампом (рис. 15, 1; рис. 7, 22). Средняя высота кружек 7,5—12,5 см.

2. Шаровидные кружки (2 экз.). Кружка из погребения 31 (рис. 17, 56) имеет петлевидную, круглую в сечении ручку и отогнутый наружу венчик. Плечики украшены слабовыраженными горизонтальными желобками. Вторая кружка (погр. 82 — рис. 14, 40) отличается невысоким прямым горлом и стилизованной зооморфной ручкой. Плечики украшены горизонтальными и зигзагообразными линиями. По тулову проходит орнамент из вертикальных, сгруппированных по две вдавленных полос. Высота кружек — 10,5 и 13 см.

3. Кружки с сужающимся кверху туловом (3 экз.) и прямым венчиком. Имеют по одной схематизированной зооморфной ручке. Тулово двух кружек украшено в верхней и нижней частях попарно расположенными горизонтальными желобками и зигзагообразной ломаной линией. Поле между верхними и нижними желобками заполнено тройным зигзагом, образующим ряд треугольников (погр. 29 — рис. 10, 10), либо двойными вертикальными пучками (погр. 35 — рис. 10, 27). Такие же двойные (погр. 35) и тройные (погр. 29) пучки проходят от нижних желобков ко дну кружек. Кружка из погребения 22 отличается более высоким горлом и упрощенным орнаментом (рис. 9, 30; рис. 17а, 6). Высота кружек 11,5—16,5 см.

4. Кружка с приземистым туловом и сильно схематизированной ручкой (погребение 14 — рис. 7, 23). Орнаментирована двумя горизонтально проложенными линиями и подтреугольными вдавлениями, выполненными штампом. Высота кружек — 12,5 см.

5. Сосуд типа большой кружки с бочковидным туловом и петлевидной, овальной в сечении ручкой (погр. 70 — рис. 13, 18; рис. 17а, 7). Поверхность темно-серая, слабо заглажена. По технологии выделки и другим характерным признакам этот сосуд скорее всего относится к кухонной керамике. Высота кружки — 14,3 см.

6. Сероглиняный кубок с цилиндрическим туловом, плавно отогнутым венчиком и петлевидной ручкой (обломана в древности). Поверхность коричневого цвета тщательно заглажена. Найден в погребении 81 (рис. 14, 31). Высота — 10,2 см.

7. Красноглиняный канфар на кольцевом поддоне, украшенный двумя каннелюрами. Поверхность темно-оранжевая с темными пятнами. Под венчиком — расписной орнамент в виде легкой гирлянды, нанесенной краской белого и желтого цвета (погр. 17 — рис. 9, 1; рис. 17а, 9). По формам ручек, очертанию тулова и поддона, а также орнаментальным деталям этот канфар идентичен так называемым малоазийским канфарам из городов Боспорского царства, где наибольшее их распространение падает на конец III—II вв. до н. э.²

III. **Миски.** В погребениях ранней группы найдено 13 (15,2%) мисок, мало чем отличающихся от остальной посуды по технологии выделки, фактуре теста, а также основным орнаментальным мотивам. Все миски, за исключением одной, чернолощенные и сформованы, в основном, из серой или темно-серой глины. Миски эти служили столовой посудой, на что указывает частое нахождение в них костей домашних животных. В общей своей массе миски довольно однотипны и отличаются, в основном, только формой бортика, на основании чего среди них можно выделить несколько разновидностей.

1. Миски с загнутым внутрь краем (8 экз. — погр. 5, 14, 22, 29, 75, 78, 82, 132). Различаются миски с плавно изогнутой верхней частью

² Кипович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. — СА, 1949, № 11, с. 273, рис. 1, 3, 4, с. 275; *еже же*. Тананс. Историко-археологическое исследование. М.—Л., 1949, с. 67.

(рис. 14, 33) и миски с ребром (рис. 9, 31; рис. 10, 9). Часо ребро подчеркивалось горизонтальным желобком. Бортики мисок зачастую украшены орнаментом из коротких, сгруппированных по 2—8—10 вертикально вдавленных полос (рис. 9, 31; рис. 10, 9), а верхний край миски из погребения 132 опоясывает орнамент из подтреугольных вдавлений, выполненный штампом (рис. 16, 121). На дне одной из мисок (погр. 29) внутри имеется небольшое углубление, через которое проходят перпендикулярно пересекающиеся параллельные линии, сделанные лощилом. Наиболее пышно орнаментированы миски из погребений 14 и 82. Обе миски идентичны: на ребре имеются по три сосцевидных выступа, от ребра ко дну спускаются вертикальные двойные линии. Различаются миски лишь рисунком орнамента над краем. В одном случае — это нарезной орнамент из двух параллельных зигзагообразных линий, опоясывающих бортик (погр. 14 — рис. 7, 20), в другом — горизонтальные желобки, между которыми проходит волнистая линия (погр. 82, рис. 14, 39; рис. 17а, 22).

Средние размеры мисок следующие: высота 6,5—9,5 см, диаметр по верхнему краю 22—28 см, диаметр дна 8,5—13 см.

2. Две миски с отогнутым венчиком (погр. 4 и 73). На дне миски из погребения 73 внутри имеется орнамент из сгруппированных по две перпендикулярно пересекающихся линий, а на ребре — три сосцевидных выступа (рис. 14, 1). Размеры мисок: высота — 7 и 9,5 см, диаметр по верхнему краю — 23 и 31 см, диаметр дна — 9,5 и 12,6 см.

3. Миски с прямым плоским бортиком. Найдены в погребениях 35 и 72. Изготовлены из коричневой и черной глины. Лощение слабое, с темными пятнами. По широкому краю орнамент из 6—8 косых и поперечных насечек (рис. 10, 25; рис. 17, 14). Кроме того, на дне миски из погребения 72 внутри нанесен знак в виде перпендикулярно пересекающихся двойных линий. Высота мисок 9—10 см, диаметр тулова 30—32,5 см, диаметр дна 9—12 см. Обломок почти аналогичной миски найден и в погребении 79. У нее по широкому краю проходит волнистый орнамент (рис. 14, 37).

4. Красноглиняная миска позднеэллинистического типа на невысоком кольцевом поддоне и двумя каннелюрами на бортике (погр. 16, 3 ярус — рис. 8, 31; рис. 17а, 20).

IV. Ритуальные сосуды составляют самую большую группу (43, или 50,0%) среди всей керамики, обнаруженной в погребениях II—I вв. до н. э. Чегемского кургана. Обычно их ставили в могилу по одному (13 случаев) или по две (6 случаев). Однако нередко в одном погребении встречается и по несколько экземпляров, причем число их не всегда зависит от количества захороненных в могиле. Так, например, в погребении 4 (один костяк) было 3 сосудика, в погребении 42 (один костяк) — 4, в погребении 73 (три костяка) — 5, в погребении 3 (два костяка) — 6.

Среди всей культовой керамики выделяются две самостоятельные группы, отличающиеся друг от друга не только по формам, но, по-видимому, и по функциональному назначению.

А. Полусферические мисочки-курильницы на поддоне (12 экз.) составляют 30% среди всех ритуальных сосудов. По материалу, технике изготовления и обработке поверхности они мало чем отличаются от крупных сосудов. Единственное, что можно отметить, — это более стабильный состав теста и использование однообразной по цвету (черной или реже коричневатой) глины. Большинство имеет чернолощеную, нередко доведенную до блеска, поверхность. Все они имеют широкий плоский бортик и открытый поддон. Курильницы зачастую декорированы пышным орнаментом. Верхний широкий край обычно украшен нарезным волнистым орнаментом (погр. 9, 29, 72 — рис. 6, 54; рис. 10, 11; рис. 17, 15), поперечными штриховками из 2—6 линий (погр. 3, 43—

рис. 4, 18; рис. 11, 25), двойными или тройными зигзагами, образующими ряд треугольников (погр. 84, 64 — рис. 15, 3; рис. 13, 7), а также подтреугольными вдавлениями, выполненными штампом (погр. 52, 73 — рис. 12, 3; рис. 14, 2). На широком верхнем крае курильницы из погребения 42 — орнамент из точечных наколов, образующих 3—4 параллельные линии, чередующиеся с такими же 3—4 поперечными, но пропущенными линиями (рис. 11, 7).

Тулово курильниц, кроме того, декорировано вертикальными, сгруппированными по две-три, линиями, а также поясками из подтреугольных вдавлений и зигзагообразных узоров (рис. 6, 54; рис. 10, 11; рис. 12, 3; рис. 17, 15). Дно курильницы из погребения 43 внутри дополнительно украшено солярным знаком в виде перпендикулярно пересекающихся пяти линий (рис. 11, 25).

Явно отличающие их друг от друга признаки отсутствуют. Можно лишь выделить четыре варианта по наличию некоторых особенностей.

1. Курильницы с резко профилированными стенками (погр. 3 и 84). На тулове проходят глубокие каннелюры (рис. 4, 18; рис. 15, 3; рис. 17а, 11).

2. Курильницы с прямым горизонтально расположенным бортиком (погр. 42, 52, 72, 73 — рис. 11, 7; рис. 12, 3; рис. 14, 2; рис. 17, 15; рис. 17а, 15).

3. С плоским, скошенным внутрь бортиком и со слегка нависающими над стенками верхним краем (погр. 9, 29, 43, 73 — рис. 6, 54; рис. 10, 11; рис. 11, 25; рис. 14, 3; рис. 17а, 12). Обломки аналогичной курильницы найдены и в погребении 64.

4. С прямым широким бортиком, вдоль внутреннего края которого проходит плоский выступ с орнаментом из подтреугольных вдавлений (погр. 75 — рис. 13, 22).

Курильницы описываемого типа до сих пор не были известны среди памятников сарматского времени Кабардино-Балкарии, и чегемские экземпляры представляют собой новое явление. Тем не менее типологически они непосредственно примыкают к VIII типу (по классификации К. Ф. Смирнова)³ культовых сосудов, получивших широкое распространение преимущественно в прохоровское время в сарматских погребениях азиатской Сарматии. Известны они и в синхронных памятниках сопредельных Кабардино-Балкарии районов⁴. Среди них, как правило, преобладают курильницы со специальным отделением внутри, т. е. двухкамерные, и с закрытым полым поддоном, внутри которого иногда находятся камешки-погремушки. Чегемские курильницы отличаются отсутствием специального отделения, а также открытым поддоном. В этом отношении они ближе всего к III типу (по В. А. Петренко)⁵ культовых сосудиков Среднего Притеречья, хотя хронологически чегемские несколько предшествуют последним и датируются закрытыми комплексами не позднее рубежа нашей эры, что свидетельствует, по-видимому, не о генетическом развитии, а скорее всего локальном характере их распространения. По мнению К. Ф. Смирнова, распространение подобных курильниц в могилах по краям сарматской ойкумены является свидетельством сарматской принадлежности, или, во всяком случае,

³ Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. — В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 166—179.

⁴ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, № 23, с. 167, рис. 4, 6; с. 171, рис. 5, 10; с. 176, рис. 8, 10; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. — МИА, 1951, № 23, с. 266, рис. 20, 2; его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. — МАД, Махачкала, 1961, т. 2, с. 191, рис. 21, № 245; с. 192, рис. 22, № 315; с. 207, рис. 32, № 415; с. 213, рис. 38, № 87; Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке. — СА, 1980, № 1, с. 275—283.

⁵ Петренко В. А. Указ. соч., с. 281, рис. 4.

безусловного их влияния на религиозные верования различных племен, населявших периферию степи⁶. В частности, тождественность отдельных экземпляров курильниц Поволжья и Северо-Восточного Кавказа (Дагестан) исследователь объяснял действенным влиянием аорсов, основной территорией обитания которых являлись степи между Доном и Каспием и далее на восток⁷.

В этот круг курильниц следует, по-видимому, включать и чегемские экземпляры не только по основным типологическим признакам, но и элементам декора («полотенца», прочерченные зигзаги, точечные наколы и т. д.), являвшиеся одними из излюбленных орнаментальных мотивов сарматов⁸.

Б. Вторую группу культовой керамики составляют небольшие сосудики самых разнообразных форм, найденные в 20 погребениях I хронологической группы. С учетом сосудика, найденного в насыпи кургана, их насчитывают 31 экземпляр. Вылепленные наскоро от руки из серой, черной и реже коричневой глины со значительным включением песка, эти сосудики отличаются в большинстве своем небрежностью выработки; лишь изредка стенки имеют слабые следы лощения. В отличие от I группы ритуальных сосудов, пышно орнаментированных различными элементами декора, 2 группа характеризуется, за редким исключением, отсутствием орнамента. Он отмечен только на 7 (2,5%) из них, причем элементы его не отличаются ни оригинальностью, ни разнообразием (рис. 4, 15; рис. 15, 20). На стенках многих сосудиков имеются следы копоти или нагара, а внутри них на дне встречаются угольки, мел или темные пятна от какого-то маслянистого вещества. Помимо всего этого, как было отмечено выше, внутри них находились гальки или железная цепь. На культовый характер этих сосудиков указывает еще и то обстоятельство, что наружные стенки часто были обмазаны слоем светлой глины. Пропорции сосудиков различные (рис. 17а, 10, 13—14, 16—18). В целом высота их колеблется в пределах 3—14 см, причем почти всегда диаметр тулова больше общей высоты.

Типологически сосудики распределяются весьма условно; каждый из типов имеет свои подтипы или разновидности, а также ряд переходных форм.

1. Сосудики грушевидной формы (5 экз.). Найдены в погребениях 3, 73, 132. В трех из них внутри лежат от 1 до 4 галек (рис. 4, 17; рис. 14, 6), а в одном — железная цепь (рис. 4, 16). Стенки сосудика из погребения 73 были обмазаны слоем (до 0,5 см) светлой глины.

2. С округлым расширяющимся книзу туловом и слегка утолщенным краем (1-й тип по М. П. Абрамовой)⁹. Три сосудика этого типа найдены в погребениях 3, 42, 97. Несмотря на более вытянутую пропорцию тулова, характер оформления верхнего края позволяет сюда же отнести и сосудик из погребения 17 (рис. 9, 2). В трех сосудиках (в погр. 3, 17, 42) внутри лежали железная цепь и уголь. Первый из них орнаментирован горизонтальными каннелюрами (рис. 4, 15), а наружные стенки второго были обмазаны слоем светлой глины.

3. Цилиндрические чашечки (погр. 5 и 128 — рис. 5, 47; рис. 16, 78). На дне чашечки из погребения 5 снаружи и внутри острым предметом нанесен орнамент в виде перпендикулярно пересекающихся линий. Внутри прослеживаются следы мела и темные пятна от маслянистого вещества. Сосудик из погребения 128 сделан из коричневой глины. Внутри его лежала железная цепь. Этот тип аналогичен I типу

⁶ Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики..., с. 166, 175.

⁷ Там же с. 175, 177.

⁸ Там же, с. 176.

⁹ Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник. Нальчик, 1972, с. 19.

культовых сосудов (по классификации К. Ф. Смирнова), которые, появившись в прохоровское время, наибольшее свое распространение получают в сусловский период¹⁰.

4. Сосудик баночной формы со слабо выраженным венчиком из погребения 52 (рис. 12, 2) снаружи был обмазан слоем светлой глины, толщиной до 0,9 см. Внутри его лежали гальки и древесные угольки.

5. Расширяющиеся книзу сосуды с усеченно-коническим туловом без венчика и горла (2-й тип по М. П. Абрамовой и III тип по К. Ф. Смирнову)¹¹. Они составляют самую большую группу (15 экз.). Семь из них имеют более округлое тулово (рис. 5, 10; рис. 6, 6), остальные — прямые стенки (рис. 5, 46; рис. 6, 55; рис. 11, 1). Сосудик из погребения 93 сделан из коричневой глины и украшен в верхней части орнаментом в виде небрежно пролощенных вертикальных линий, ограниченных горизонтальным желобком (рис. 15, 20). Внутри пяти сосудов лежала железная цепь (погр. 3, 4, 10, 84, 93), а внутри семи — галька в количестве от 2 до 7 — (погр. 4, 5, 9, 11, 43, 85, 93). Наружные стенки восьми сосудов были обмазаны слоем светлой глины (погр. 3, 4, 10, 11, 43, 78, 84, 85). Ярким примером глиняной обмазки является сосуд из погребения 11. Здесь толстый слой (2 см) замешанной глины, повторяя конфигурацию сосуда, целиком покрывает его тулово, образуя как бы глиняный футляр (рис. 7, 2; рис. 17а, 16). Внутри сосуда, помимо 7 галек, находилось большое количество древесного угля. По-видимому, и остальные сосуды с частично сохранившейся обмазкой представляли аналогичную картину. Тулово двух сосудов орнаментировано горизонтально пролощенными желобками (погр. 9 — рис. 6, 55) и небрежно прочерченными каннелюрами (погр. 43 — рис. 11, 24; рис. 17а, 13). Тулово же сосуда из погребения 5 украшает орнамент в виде широко вдавленных желобков, образующих резко ломаную линию (рис. 5, 46).

Из всех описываемых сосудов этот тип представляет собой наиболее канонизированную форму. И это не только по Чегемскому кургану. В Нижне-Джулатском могильнике среди культовой керамики, обнаруженной в ранних погребениях, $\frac{1}{3}$ составляют сосудики конической формы без венчика и горла¹². Они так же, как и чегемские, содержали либо гальки, либо железную цепь. Аналогичные сосудики, почти тождественные им, известны среди сарматских курильниц. Это курильницы III типа, большинство (73,6%) из которых обнаружено в погребениях прохоровской культуры¹³.

6. Сосуд с плоским горизонтальным краем, имеющим два подтреугольных выступа со сквозными отверстиями. Сформован из коричневой глины. Сосуд происходит из насыпи Чегемского кургана (рис. 3, 18). Внутри его прослеживаются следы копоты. По своим формам он близок сарматским курильницам V типа, которые были характерны, в основном, для ранних могил Южного Приуралья¹⁴.

7. Сероглиняный сосуд грубой выделки с двумя выступами в нижней части тулова, имитирующими ручки (погр. 3 — рис. 4, 20). Внутри его лежали три гальки. Сосуд найден в обломках и восстановить его форму невозможно. Тем не менее по характеру ручек-выступов он напоминает ритуальные сосуды Прикубанья IV—III вв. до н. э. с гальками

¹⁰ Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики..., с. 170, табл. 1—3; рис. 1—3, тип. I.

¹¹ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 19; Смирнов К. Ф. Указ. соч., рис. 1—3, тип. III.

¹² Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 19—20, рис. 4, 17, 35, рис. 12, 15, 39.

¹³ Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики..., с. 170—172, табл. 1—3, тип. III.

¹⁴ Там же, с. 170, табл. 1—3; рис. 1—3, тип. V.

внутри¹⁵. Аналогичные сосуды, также содержащие обожженные гальки, найдены в последнее время в грунтовых и курганных могильниках IV—I вв. до н. э. Ставрополя¹⁶.

И, наконец, к ритуальным относится также частично отреставрированный толстостенный сосуд с четырьмя гальками внутри из погребения 64 (рис. 13, 1). Тулово его украшает резной орнамент в виде грубо прочерченных горизонтальных желобков.

Как видно, в керамическом комплексе и в погребальном обряде чегемских погребений II—I вв. до н. э. культовым сосудам отводилось особое место. Если относительно первой группы ритуальных сосудиков (мисочки на поддоне) можно только отметить, что они преимущественно служили в качестве курильниц, то для второй группы выяснение вопроса об их конкретном функциональном назначении представляет собой трудноразрешимую задачу. Тем не менее, несмотря на многообразие форм, а также различный характер сопровождающих их атрибутов (копоть, уголь, глиняная обмазка, обожженные гальки и обрывки железных цепей), культовые сосуды были связаны с определенным ритуалом, и в первую очередь, по-видимому, с культом огня. В данном случае есть все основания предполагать, что почитание огня имело более конкретизированную форму и культовые сосудики символизировали один из важнейших атрибутов огня — очаг¹⁷. В быту многих народов огонь символически и функционально был переплетен с очагом. Имитация очага подтверждается частой находкой внутри сосудиков обрывков железных цепей. Вероятно, это не обычные цепи, а именно звенья разбитых на части надочажных цепей. Этнографические материалы свидетельствуют о широком распространении культа очага, и особенно надочажной цепи, у многих народов, в том числе и кавказцев. Среди последних фетишизация надочажной цепи в более архаичной и гиперболизированной форме сохранилась у осетин, для которых надочажная цепь объединяет в себе всю совокупность понятий об очаге¹⁸. Как отмечают исследователи, одним из существенных моментов похоронного обряда осетин в недалеком прошлом являлось снятие цепи, когда умирал последний представитель рода или семьи по мужской линии¹⁹. При этом старшая женщина снимала надочажную цепь и несла ее на шее до кладбища. Это означало, что очаг потух и огонь заливали водой. Отголоски этого обряда отмечаются еще и в осетинском варианте нартского эпоса в виде угрозы «огонь очага залию водой» (в смысле поголовного уничтожения семьи, главным образом, ее мужской части)²⁰ или причитания «в таком случае мой очаг потух. Это был Сослан и опять погубил моего единственного»²¹. Снятие цепи — скорее всего позднейшее переосмысление похоронного ритуала, существовавшего в более ранний период. Первоначальная идея заключалась, видимо, в том, что цепь, которую снимали, разбивали и клали в

¹⁵ Смирнов К. Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской. — МИА, 1958, № 64, с. 284, рис. 7, 2; с. 289, рис. 9, 16.

¹⁶ Коренько В. А., Найдено А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край). — СА, 1977, № 3, с. 242, рис. 6, 3; Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. — СА, 1979, № 2, с. 35, рис. 2, 18—20.

¹⁷ О том, что определенная группа ритуальных сосудиков могла имитировать домашний очаг, см.: Вишневская О. А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. — Тр. ХАЭЭ, М., 1973, т. 8, с. 87, 131.

¹⁸ Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. 1, с. 78—79; Чибиров Л. А. Из истории религиозных верований осетин. — Известия ЮОНИИ, Цхинвали, 1964, вып. 13, с. 231—245; Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 305, 316—317.

¹⁹ Чибиров Л. А. Указ. соч., с. 243; Магометов А. Х. Указ. соч., с. 316, 317.

²⁰ Осетинские нартские сказания. М., 1949, с. 213; см. также примеч. на с. 300.

²¹ Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927, вып. 2, с. 12—15, см. примеч. 104 на с. 182.

могилу вместе с усопшим. Трансформация обряда, по-видимому, аналогична той, которая произошла с обрядом посвящения коня и жены (или наложницы) умершему.

Аналогичную, но более завуалированную символику содержат сосуды с гальками, о чем свидетельствует факт совместного нахождения в сосудах и галек, и цепей (погр. 93). В качестве гипотезы можно лишь предложить (помимо культа камня) связь их с культом предков, имитируя долю огня мертвых. В этнографии многих народов известны случаи, когда определенные камни воспринимались какместилище души умершего. Например, у эскимосов имелись специальные поминальные места, где было сложено небольшое кольцо из камней, каждый из которых символизировал умершего родственника или более далекого предка. По их представлениям, во время поминок через дым поминального костра проводилось как бы общее «угощение» всех умерших родственников, в том числе и далеких предков, имена которых давно забылись²². Аналогия на первый взгляд кажется далекой, однако вспомним, что у большинства народов огонь поминального костра или домашнего очага служил средством передачи покойнику пищи, «средством общения» с душами умерших. Тот факт, что все гальки, найденные в сосудах, носят следы пребывания в огне, позволяет в какой-то степени связать их с данным культом. Если это так, то число галек в каждом конкретном случае могло соответствовать числу умерших членов семьи. Здесь уместно вспомнить, что у осетин на Новый год хозяин дома разводил во дворе небольшие костры по числу умерших членов семьи со следующими словами: «Будьте светлы, наши мертвые, доля вашего огня да не потухнет!»²³.

Естественно, эти наблюдения носят предварительный характер, и данный вопрос требует дальнейшей разработки.

Таковы типы сосудов, найденных в погребениях II—I вв. до н. э. Многочисленность керамического материала при достаточном разнообразии форм, технология выделки свидетельствуют о том, что изготовление сосудов превратилось в ремесленное производство.

Помимо глиняных, в двух погребениях (3 и 29) Чегемского кургана были обнаружены фрагменты кубков (рис. 4, 19; рис. 10, 11а) из светло-зеленого стекла типа стеклянных канфаров, находящихся аналогии в погребениях II—I вв. до н. э. Прикубанья и являющихся продукцией производственных центров Малой Азии²⁴.

Предметы воинского снаряжения по сравнению с остальными категориями инвентаря не столь многочисленны. Тем не менее нельзя не заметить, что в погребениях I хронологической группы они встречаются значительно чаще, чем в последующее время, и могилы, содержащие отдельные предметы воинского снаряжения, составляют около 49%. Это главным образом наконечники стрел, мечи, а также колчанные крючки. Остальные же предметы, как шлемы, копья, клевцы, найдены лишь в единичных экземплярах.

Мечи. В погребениях Чегемского кургана-кладбища всего найдено шесть железных мечей, и все они находились в могилах, датируемых II—I вв. до н. э. По форме наверший их можно разделить на 4 основных типа:

1. Мечи с серповидным навершием (2 экз.). Плохо сохранившийся меч из погребения 4 имел прямое перекрестие и серповидное навершие, отдаленно напоминающее стилизованные изображения птиц с повернутыми в разные стороны головами. Общая длина меча — 47 см, ширина

²² Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с. 214.

²³ Ковалевский М. Указ. соч., с. 83—84; Чибиров Л. А. Указ. соч., с. 242.

²⁴ Смирнов К. Ф. Северский курган.— Тр. ГИМ. Памятники культуры. М., 1953, вып. 2, с. 17; Гущина И. И. Находки из Краснодарского края.— СА, 1962, № 2, с. 208, рис. 2, 2.

клинки у рукоятки — 5 см, размах наверх — 8,5 см (рис. 5, 11). Второй меч (погр. 42) более длинный (73 см), и у него отсутствует перекрестье. Наверх резко изогнуто и поднято вверх в виде рожек, а концы его оформлены небольшими утолщениями. Клинок меча, начиная от середины, резко сужается, что, по-видимому, служило и для нанесения колющего удара, способного пробить защитный доспех. Ширина клинка у рукоятки — 7,5 см, длина рукоятки — 8,5 см (рис. 11, 17). Оба меча имели, по-видимому, деревянные ножны и обкладку на рукоятки, поскольку следы дерева прослеживаются как на клинках, так и на рукоятках. Мечи в погребениях располагались вдоль левого бедра погребенных. Мечи с серповидным наверхием классических форм в сарматских памятниках появляются еще в IV в. до н. э. и безраздельно господствуют до последних веков до н. э.²⁵ Этот тип меча на Северном Кавказе продолжает существовать и в I в. до н. э. Как известно, для прохоровских мечей обязательны прямые перекрестья. Отсутствие последних у некоторых мечей, найденных на памятниках сарматского времени Северного Кавказа, позволило высказать мнение об их исключительном своеобразии и о генезисе этой группы мечей от более ранних кавказских форм.²⁶ Однако более предпочтительной на сегодняшний день остается точка зрения, по которой решающая роль в возникновении «кавказского варианта» мечей с серповидным наверхием и без перекрестья отводится сарматским традициям.²⁷ Сарматская традиция прослеживается не только в оформлении верхней части рукоятки меча серповидным наверхием, но и в характере утолщений, которыми обычно увенчиваются концы наверхий. Зачатки последних прослеживаются и на наверхиях прохоровских мечей.²⁸ К. Ф. Смирнов в одной из последних статей писал, что все мечи без металлического перекрестья Северного Кавказа нач. III в. до н. э. — рубежа н. э. являются дериватами обширной группы синдо-меотских мечей второй пол. V — нач. III вв. до н. э.²⁹ Вместе с тем он должен был признать, что «на их производство оказали существенное влияние сарматские мечи как прохоровского типа (с серповидным наверхием), так и более поздние с кольцевидным наверхием».³⁰ На наш взгляд, эта оговорка является существенной, поскольку из 15 мечей, приведенных К. Ф. Смирновым³¹, лишь 3 экземпляра найдены на собственной территории синдо-меотов, тогда как остальная масса происходит из Центрального Предкавказья, т. е. территории, наиболее подверженной сарматскому влиянию.

2. Мечи с кольцевым наверхием и прямым перекрестьем. Обнаружены в погребениях 16 (I ярус) и 73. Длина первого из них — 56 см, ширина клинка — 5,5 см, длина рукоятки вместе с кольцом — 13 см (рис. 8, 1). Меч из погребения 73 был такой плохой сохранности, что при первом прикосновении сильно расслаивался и не удалось взять ни одного выразительного фрагмента. Поэтому описание его дается по тем измерениям и зарисовке, которые были произведены непосредственно на месте. Общая длина меча — 57 см, длина рукоятки с кольцом —

²⁵ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — СЛИ, Д1—10, М., 1963, с. 34.

²⁶ Абрамова М. П. Мечи и клинки центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. — В сб.: Древности Восточной Европы, М., 1969, с. 3—11.

²⁷ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 60; *его же*. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 120 и след.; Хазанов А. М. Вооружение, войско и военное искусство сарматов (III—II вв. до н. э. — IV в. н. э.). Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 7; Петренко В. А. Еще раз о клинках с серповидным наверхием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа. — Тезисы III Крупновских чтений. Грозный, 1963, с. 13—15.

²⁸ Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 34, рис. 10, 2; табл. 19, рис. 1.

²⁹ Смирнов К. Ф. О мечах синдо-меотского типа. — КСИИ, 1980, № 162, с. 38—44.

³⁰ Там же, с. 43.

³¹ Там же, с. 39, рис. 1, I—IX; с. 42, рис. 3, I—IX.

13 см, длина перекрестья — 7 см, ширина клинка у рукояти — 4 см. Сечение клинка, как и меча из погребения 16, было линзовидным (рис. 14, 4). Мечи и кинжалы этого типа, окончательно сформировавшись к III в. до н. э., основное распространение получают в сусловское время³². Начало массового же их распространения на Северном Кавказе А. М. Хазанов относит к I в. до н. э.³³

3. В погребении 3 у правого бедра погребенного лежал массивный обоюдоострый железный меч с широким клинком (ширина 6,5 см) и с плоским волнитообразным навершием, откованным вместе с рукоятью. Общая длина меча — 73 см, длина рукояти вместе с навершием — 10 см, ширина — 2 см. Особое внимание обращает на себя слишком короткая рукоять, отсутствие перекрестья, а также резкое суживание клинка к острию от его середины. Посредине клинка проходит продольный желобок — нервюра шириной 1,2 см (рис. 4, 25). Меч из погребения 3 представляет собой особый интерес по той причине, что он имеет явные черты архаичности: мечи с волнитообразным навершием более широкое распространение имели в скифо-савроматское время³⁴. Позднее на территории обитания сарматов мечи этого типа еще продолжают встречаться, хотя лишь спорадически, вплоть до позднесарматского периода³⁵, что говорит об их длительном сосуществовании с другими типами мечей. Так, например, железные и биметаллические кинжалы с волнитообразной формой навершия найдены в сарматских погребениях I в. до н. э. — нач. I в. н. э. и II—III вв. н. э. Украины³⁶, Волгоградской³⁷ и Астраханской областей³⁸. На Северном Кавказе один экземпляр меча без перекрестья и с навершием в виде загнутых волнот происходит из Коба-Башинского склепа, датируемого Е. П. Алексеевой I в. до н. э. — III в. н. э.³⁹ Однако чегемский меч с волнитообразным навершием относится к более раннему времени, чем все перечисленные выше. Об этом в первую очередь свидетельствует комплекс вещей, сопровождавший погребение 3. Это сосуды с гальками и цепями, втульчатые наконечники стрел, железная пряжка с ~~неподвижным~~ ~~длин-~~ ком — характерные в целом для погребений II—I вв. до н. э. Чегемского кургана. Более обоснованно подтверждает эту дату обломок стеклянного канфара II в. до н. э., найденного в том же погребении.

4. В погребении 10 найден длинный (85 см) железный меч с незначительно выступающим за края клинка прямым перекрестьем и без навершия. Ширина клинка у пяты — 4 см. Рукоять меча имеет квадратно-прямоугольное сечение и откован вместе с клинком. Длина штыря — 13,2 см, ширина — 1—2 см (рис. 6, 4). На клинке рукояти сохранились следы от деревянных ножен и обкладок. Сформировавшись в конце IV—III вв. до н. э., мечи этого типа продолжают бытовать до позднесарматского времени⁴⁰. Однако типологически меч из погребения

³² Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 103; Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1959, № 1, с. 61; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 9—10; Скрипкин А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия. — СА, 1980, № 1, с. 273—275.

³³ Хазанов А. М. Указ. соч., с. 10.

³⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, с. 17, 18, рис. 2 и 3; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 105 и след., рис. 19, 17, 25.

³⁵ Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов. — СА, 1977, № 4, с. 285—287.

³⁶ Шаповалов Т. О. Сарматские похоронения поблизу с. Новолуганьське. — Археология, 1973, № 8, с. 85—87, рис. 5, 1.

³⁷ Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Указ. соч., с. 286, рис. 2.

³⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника. — СА, 1980, № 2, с. 236, рис. 1 и 2.

³⁹ Алексеева Е. Н. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. — Тр. КЧНИИ, Ставрополь, 1966, вып. 5, с. 151, табл. 9, рис. 2.

⁴⁰ Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 34; табл. 19, рис. 20, 22; Хазанов А. М. Указ. соч., с. 18.

ния 4 ближе всего к тем ранним образцам 1-го типа (по классификации А. М. Хазанова)⁴¹, которые известны на обширной территории евразийских степей в памятниках, датируемых последними веками до н. э.⁴² С учетом других категорий инвентаря из погребения 4 данный меч может быть датирован II—I вв. до н. э.

Стрелы. Одним из наиболее часто встречаемых предметов вооружения в Чегемском кургане являются стрелы. Всего в 20 погребениях II—I вв. до н. э. — рубежа н. э. обнаружено около 200 наконечников стрел, 73% которых приходится на катакомбы. Все они без исключения железные. Единственный бронзовый наконечник был найден в насыпи кургана (рис. 3, 19). По положению потревоженных наконечников можно предполагать, что они лежали в колчанах, остриями в одну сторону. Так, в погребении 4, слева от погребенного находились фрагменты кожаного колчана и двенадцать втульчатых наконечников с частично сохранившимися древками. Длина древков около 55 см, толщина 4—6 мм. На некоторых из них сохранились следы окраски в виде узких (4 мм) полос черного, красного и оранжевого цветов. Судя по длине древков, можно предположить, что чегемским стрелам соответствовали небольшие луки скифского типа⁴³. Положение пучка стрел относительно погребенных различно — то справа (4 случая), то в ногах (2 случая), однако в рассматриваемых погребениях стрелы чаще находились справа (9 случаев) от погребенного. В некоторых случаях местоположение стрел относительно костяка невозможно определить, поскольку они обнаруживаются и среди сдвинутых костей в катакомбах. В двух погребениях (31 и 81) стрелы были найдены в области паха и груди погребенных — убитых, по-видимому, ими⁴⁴. В одном случае (погр. 9) стрелы были положены внутрь сосуда. Число наконечников стрел в погребениях варьирует от одного (погр. 17, 31, 73, 74, 84) до нескольких десятков (погр. 3, 98, 113—20 экз.; погр. 42—25 и погр. 26—65 экз.).

Ограниченное число стрел в могилах вряд ли всегда можно объяснить каким-либо имущественным неравенством; скорее всего в подобных случаях они служили лишь символом реального оружия⁴⁵.

В погребениях II—I вв. до н. э. найдены только втульчатые наконечники стрел. Более подробный типологический разбор наконечников стрел дать невозможно в связи с тем, что большинство из них подверглось действию сильной коррозии. По наиболее сохранившимся образцам можно лишь отметить, что преобладающим были трехлопастные наконечники и реже — трехгранные, как это было зарегистрировано и на других синхронных памятниках⁴⁶. Размеры стрел невелики. Общая длина обычно равняется 3—4,5 см при длине головки 1,3—1,7 см (рис. 4, 5, 6, 34; рис. 5, 12, 13). Иногда в пределах одного колчана встречаются и более миниатюрные наконечники (погр. 85, 98, 113), едва достигающие в длину 2,2—2,5 см (рис. 16, 3, 4, 27—31) со слабо выраженной короткой (0,8 см) подтреугольной головкой.

Железные втульчатые наконечники на Северном Кавказе появляются в скифский период и становятся господствующей формой стрелкового оружия в сарматское время — вплоть до I в. н. э., когда последние вытесняются черешковыми наконечниками⁴⁷.

⁴¹ Хазанов А. М. Указ. соч., с. 17 и след.

⁴² Там же, с. 18—20; табл. IX, рис. 6—7; Смирнов К. Ф. Сарматы Илека. М., 1975, с. 101, рис. 34, 7, с. 105.

⁴³ Хазанов А. М. Указ. соч., с. 42.

⁴⁴ Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник, с. 23.

⁴⁵ Хазанов А. М. Указ. соч., с. 42—43.

⁴⁶ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 194, рис. 17; с. 195, рис. 18; с. 198, рис. 23; Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник, с. 23.

⁴⁷ Абрамова М. П. Указ. соч.; *ее же*. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья. — Сб.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы, М., 1978, с. 68.

Крючки. В 10 погребениях (4, 16, 22, 26, 28, 42, 57, 68, 73, 85) встречено 12 колчанных крючков. Большинство из них (7) найдено слева от погребенных. И все они, за исключением крюка из погребения 68, были обнаружены в могилах, содержащих наконечники стрел. Большинство крючков находится в фрагментарном состоянии, что не позволяет определить их форму. Изготовлены они из круглого или овального в сечении железного прута, утончающегося в нижней части. Характер оформления верхнего конца не совсем ясен. Некоторые экземпляры (погр. 85), по-видимому, имели округлое расширение в верхней части, с поперечной перекладиной на корпусе (рис. 10, 3; рис. 15, 16). Крюк из погребения 57 (рис. 12, 32) изготовлен в виде пластины, напоминающей тем самым II тип нижнеджулатских колчанных крючков без перекладины⁴⁸. Более сохранившийся крючок из погребения 42 представляет собой совершенно иную форму. Верхняя часть оформлена в виде продолговатой плоской пластинки (ширина — 2,5 см), на которой прикреплена перекладина, напоминающая по своей форме узкое бабочковидное, или сломанное под тупым углом, перекрестье на скифо-савроматских мечах (рис. 11, 22). На пластинке имеются два небольших отверстия, с помощью которых, по-видимому, крючок прикреплялся к поясу. Общая длина его 10,5 см. Средние размеры крючков 11,5—17 см.

В погребении 4 был найден бронзовый крючок, лежавший возле остатков колчана. Верхняя часть его, которая плавно отогнута, уплощена и имеет сквозное отверстие для прикрепления к поясу. Ниже отверстия крючок украшен орнаментом в виде поперечных насечек. Длина крючка — 15 см, диаметр сечения — 0,5 см (рис. 5, 24). К колчанным крючкам следует, по-видимому, отнести и бронзовую булаву позднекобанского типа (погр. 42) со сквозным отверстием в середине (рис. 11, 6). Несомненно вторичного использования, она была переделана в крючок, для чего согнули ее нижний конец. Вокруг отверстия сохранились следы от кожи (?), которой крючок привязывался к поясу. Верхний конец орнаментирован поперечными насечками.

В археологической литературе уже отмечалось, что появление и распространение колчанных крючков на Северном Кавказе следует связать с влиянием северных культур⁴⁹. Если в скифо-савроматское время это влияние прослеживается по отдельным образцам, то в последних двух столетиях до нашей эры колчанные крючки становятся частым атрибутом северокавказских погребений.

Другие предметы воинского снаряжения в чегемских погребениях единичны. К числу их принадлежат копье, топор-секира, железный штырь и бронзовый шлем.

Копье обнаружено в камере катакомбы 10 прямо у входа. Оно представляет собой массивный железный наконечник с широким листовидным пером. По всей длине пера проходит валикообразное продолжение втулки, постепенно сужающееся кверху (рис. 11, 18). Общая его длина — 30 см, длина втулки — 10 см, ширина пера в середине — 7 см.

Специалисты единодушно отмечают, что этот вид наступательного оружия не был характерен для сарматов и очень редко встречался у них⁵⁰, в то время как у северокавказских племен копье было самым излюбленным видом оружия еще с эпохи поздней бронзы⁵¹. Наконечник из погребения 42 на фоне других известных копий сарматского времени Северного Кавказа выглядит как анахронизм; копьё с листовид-

⁴⁸ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 24.

⁴⁹ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 24.

⁵⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 70—75; Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 35; Абрамова М. П. Указ. соч., с. 21; Хазанов А. М. Указ. соч., с. 44 и след.; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 122—123.

⁵¹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, 1951, № 23, с. 111 и след.

ным пером этого периода или совсем не имеют ребра, или оно не переходит во втулку⁵². В этом отношении анализируемый наконечник копья находит ближайшие аналогии среди памятников Северного Кавказа скифского времени⁵³. Однако погребение 42, в котором он найден, не может быть датирован столь ранним временем; сопутствующий комплекс вещей (меч с серповидным навершием, железные втульчатые наконечники стрел, бронзовая пряжка с неподвижным язычком и т. д. (рис. 11, 5, 17, 19, 20) более характерен для северокавказских погребений III—I вв. до н. э.

Топор-секира. Единственный экземпляр железного топора-секиры, найденный в погребении 4, находился во фрагментарном состоянии и сказать что-либо о его форме не представляется возможным.

Железный штырь. В погребении 4 вдоль левой плечевой кости погребенного лежал длинный (30 см) железный штырь. В верхнем конце штыря насажены плоская железная пластинка и кольцо, зафиксированные загнутой в виде спирали головкой (рис. 5, 4). Сечение в верхней части штыря квадратное (1×1 см), а в нижнем конце, который изогнут и заострен,— круглое.

Назначение штыря не совсем понятно. Можно лишь предположить, что он мог служить в качестве оружия для пробивания панциря. Среди археологического материала нам известны лишь два предмета, близко напоминающие находку из погребения 4. Так, в погребении 6 кургана 7 Мечетсайского могильника, относящегося к концу IV—III вв. до н. э., были найдены два длинных (65 см) стержневидных предмета из железа с заостренными концами и петлей на верхней части. Описывая эти находки, К. Ф. Смирнов называл их «стержневидными оружиями»⁵⁴. О существовании подобного рода оружия свидетельствуют и китайские источники («Шицзи», «Цяньханьшу»), упоминающие в самом конце III в. до н. э. о железном оружии у хуннов в виде палки, длиной 1 1/2 фута (около 45 см) и короче⁵⁵.

Шлем литой, конусовидной формы, с небольшим шишаком сверху (погр. 10) был положен в могилу в преднамеренно сплюсненном состоянии. Кроме того, в затылочной части шлема имеется след от удара мечом, нанесенный, неизвестно, до или после того, как его сплюснули. Высота шлема с шишаком 21 см, диаметр по нижней кромке 33 см. На шишаке сверху имеется в центре углубление со следами нижнего кончика султана. Вокруг нижнего ободка шлем украшен елочным орнаментом, ограниченным двумя горизонтальными полосами. В передней части этот орнамент дополнен спиралевидными узорами в виде бегущих волн (рис. 6, 1). На ободке, ближе к затылочной части, проделаны сгруппированные по два четыре симметрично расположенных отверстия, вероятно, для прикрепления нашечников или бармицы.

Реставрация шлема ко времени подготовки к публикации этой работы не произведена, и более конкретно сказать о его первоначальной форме не представляется возможным. Можно лишь отметить, что он в общих чертах напоминает шлемы из разрушенного кургана у хут. Веселого⁵⁶ и Антиповского клада⁵⁷, хотя последние имеют небольшой козырек спереди. И. И. Гушина, опубликовавшая шлем из Антиповского клада со ссылкой на Ж. Дешеллет и М. Эберта, отмечает, что

⁵² Хазанов А. М. Указ. соч., с. 46.

⁵³ Виноградов В. Б. Указ. соч., с. 347, рис. 31, 1, 3; с. 350, рис. 34, 2.

⁵⁴ Смирнов К. Ф. Сарматы Илека, с. 118, 119, рис. 41, 8.

⁵⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. 1, с. 50.

⁵⁶ Артамонов М. И. Работы на строительстве Манычского канала.— ИГЛАИМК, 1935, вып. 109, с. 208, рис. 181.

⁵⁷ Гушина И. И. Случайная находка в Воронежской области.— СА, 1961, № 2, с. 242, рис. 1, 1; Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, М., 1965, Д1—31, табл. 26, 1.

шлемы подобного типа являются италийского или греско-италйского происхождения и датируются IV—II вв. до н. э.⁵⁸. На территории СССР шлемов данного типа найдено всего четыре экземпляра, и все они в основном относятся ко II в. до н. э.⁵⁹ II—I вв. до н. э. следует датировать и шлем из погр. 10 по фибуле-броши (рис. 6, 29). Однако относить этот шлем к категориям импортных не позволяют результаты химико-металлургического анализа, произведенного Т. Б. Барцевой. Результаты свидетельствуют о том, что шлем из погребения 10 отлит из волжско-уральской бронзы⁶⁰. Возможно, в данном случае мы имеем дело с редким явлением — варварскому подражанию импортным шлемам.

Принадлежности конского убора редки в погребениях Чегемского кургана. Они обнаружены лишь в камере катакомбы 52, в дромосе которого находился костяк лошади. Это, во-первых, простые железные удила, оканчивающиеся петлей, в которую продевался ремень уздечки (рис. 12, 5), и, во-вторых, пять блях-фаларчиков из листовой бронзы (диаметры 3,7—4 см) с двумя сквозными дырочками для прикрепления, украшенные циркульным орнаментом (рис. 12, 18—22).

Орудия труда

Ножи. В 25 погребениях I хронологической группы найдено 28 железных ножей. Из них 9 находились в мисках или среди жертвенных костей животных. Расположение остальных ножей относительно костяка разное. Однако в большинстве случаев они обнаруживались слева (6 случаев) или справа (5) от костяка, ближе к берцовым костям, и изредка — в области пояса (3), что свидетельствует о различных способах их ношения. В основном встречаются ножи двух типов:

1. С прямым лезвием и горбатой спинкой (21 экз. — рис. 4, 21; рис. 7, 4). 2. Серповидные ножи (4 экз. — рис. 11, 23; рис. 13, 24).

На черенках большинства ножей сохранились следы от деревянных рукоятей. Лишь нож из погребения 42 имел костяную рукоять, украшенную циркульным орнаментом (рис. 11, 21). Средние размеры ножей 10—14,5 см, хотя встречаются и более миниатюрные (6—8 см); последние чаще всего обнаруживались рядом с жертвенными костями или в мисках с заупокойной пищей.

Оселки обнаружены в погребениях 10 и 68. Они изготовлены из черного сланца (погр. 68) либо из мягкого песчаника (погр. 10) и имеют сигарообразную форму (рис. 6, 7; рис. 13, 16) с овальным или круглым сечением. Плохо сохранившийся оселок из погребения 10 отличается изящной формой. Оба оселка снабжены в верхней части отверстиями для подвешивания.

Пряслица в целом малохарактерны для чегемских комплексов. Среди погребений I хронологической группы зафиксировано лишь одно пряслице (погр. 84 — рис. 15, 5) линзовидной формы из мягкого песчаника с орнаментом в виде расходящихся от центра сдвоенных линий.

Игольники найдены лишь в четырех погребениях (2, 4, 35, 73). Все они изготовлены из листовой бронзы, свернутой в трубочку. Длина их в среднем 3,4 см, диаметр 1,2 см (рис. 5, 16; рис. 14, 17). Игольник из погребения 2 в верхней части имел сквозное отверстие для подвешивания (рис. 4, 3).

Предметы одежды и украшения составляют значительную часть среди материалов Чегемского кургана.

Пряжки. В погребениях этого времени найдены 12 пряжек, которые

⁵⁸ Гуцина И. И. Указ. соч., с. 243, списки 3 и 4.

⁵⁹ Там же, с. 243—244.

⁶⁰ См. статью Т. Б. Барцевой в настоящем издании.

по способу оформления язычка можно разделить на два отдела: I — с неподвижным язычком и II — с подвижным язычком.

I. Пряжки с неподвижным язычком (7 экз.). Встречаются как железные (погр. 3, 11, 85), так и литые бронзовые (погр. 4, 10, 42, 57). Среди них выделяются два типа:

1. Кольцевые пряжки, овальные, круглые или плоские в сечении; на одной стороне кольца — неподвижный выступ (рис. 6, 5; рис. 7, 6; рис. 15, 15). На кольце бронзовых пряжек из погребений 42 и 57 имеются по три конических выступа-пуговиц (рис. 11, 5), причем на пряжке из погребения 57 они украшены семилепестковыми розетками (рис. 12, 35).

2. Восьмеркообразная бронзовая пряжка (погр. 4 — рис. 5, 20) является производным от первого типа пряжек путем прикрепления дополнительного кольца. На месте скрепления колец и на противоположной стороне неподвижного выступа-язычка имеются конические выступы-пуговицы.

Пряжки этого образца находят многочисленные аналогии в сарматских памятниках поволжско-уральских степей⁶¹. По мнению М. Г. Мошковой, кольцевые пряжки с неподвижным язычком появляются с III в. до н. э. и нередко доживают до I в. до н. э. включительно⁶². В это же время они получают распространение и на других территориях⁶³, в том числе и на Северном Кавказе⁶⁴. В отличие от памятников Поволжья и Приуралья, где бронзовые пряжки с неподвижным язычком не встречаются позже I в. до н. э., в памятниках горных районов Центрального Кавказа, отмеченных печатью консерватизма⁶⁵, они доживают до рубежа нашей эры включительно⁶⁶. Следует согласиться с мнением М. Г. Мошковой о том, что в каждой отдельной области (в том числе и на Кавказе) могли создаваться пряжки этих типов со своими характерными особенностями⁶⁷.

II. Пряжки с подвижным язычком (5 экз.). Все они изготовлены из круглого в сечении железного прута. Выделяются два типа:

1. Круглорамчатые (рис. 8, 4; рис. 17, 1). Найдены в трех погребениях (16—1 ярус, 26—1 ярус, 128).

2. Прямоугольнорамчатая. Найдена в погребении 72 (рис. 17, 7).

Помимо перечисленных, в катакомбе 10 обнаружен бронзовый язычок с небольшим прямоугольным щитком, украшенный параллельными насечками (рис. 6, 27).

Фибулы в погребениях Чегемского кургана встречаются не очень часто, причем некоторые из них такой плохой сохранности, что не всегда возможно определить их форму. Они найдены лишь в четырех погребениях этого времени (4, 10, 16—III ярус, 64).

Из погребения 4 происходит бронзовая фибула среднелатенской схемы «неапольского варианта» (рис. 5, 19), характерная для I в. до н. э.⁶⁸

⁶¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 40, табл. 25, рис. 1—3, 8—13, 22—24.

⁶² Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки.— МИА, 1960, № 78, с. 297.

⁶³ Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, 1961, № 96, с. 127, рис. 8, 5.

⁶⁴ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 25, рис. 2, 58; рис. 4, 30, 75; рис. 5, 1—3; рис. 7, 2; Петренко В. А. Об одной из разновидностей культовой посуды..., с. 278, рис. 2, 26; с. 279, рис. 3, 5.

⁶⁵ Кереев Б. М. Культура племен Центрального Предкавказья в сарматское время. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 24.

⁶⁶ Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры.— Сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ, М., 1974, с. 8, рис. III, 12; рис. IV, 4—5; рис. VIII, 20.

⁶⁷ Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 305.

⁶⁸ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, М., 1966, Д1—30, с. 22, табл. 2, 12, табл. 3, 5.

В погребении 16 (III ярус) найдена бронзовая фибула среднелатенской схемы с многовитковой пружиной и обмотанной бронзовой проволокой спинкой, на которую насажена бочковидная стеклянная бусина (рис. 8, 39). Фибулы аналогичной схемы известны из погребений II—I вв. до н. э. Нижне-Джулатского и Ханкальского (Чечено-Ингушетия) могильников⁶⁹.

Плохо сохранившаяся среднелатенская (?) фибула из погребения 64 изготовлена из очень тонкой бронзовой проволоки и имеет верхнюю тетиву (рис. 13, 8).

Обломки нескольких бронзовых фибул найдены и в погребениях 4 и 10 (рис. 5, 37—39; рис. 6, 14—17). Помимо них, в погребении 10 в засыпке камеры обнаружена фибула с насаженной на спинку большой (3,7×2,4×0,9 см) бусиной скарабеоидной формы из горного хрусталя (рис. 6, 29). Типологически она ближе всего к группе округлых фибул-брошей с пружиной, имеющих нередко двойные иглы. Последние были широко распространены у греков и римлян, под влиянием которых фибулы-броши во II—I вв. до н. э. становятся частым атрибутом меото-сарматской одежды⁷⁰. Фибула-брошь из погребения 10, по-видимому, имела также двойную иглу⁷¹, что подтверждается, в частности, характерной особенностью приемника. Вторая фибула-брошь аналогичной схемы, только более плохой сохранности, с бусиной из янтаря (3,9×2,2×0,9 см), насаженной на бронзовый стержень, была найдена в том же погребении у правого плеча одного из костяков (рис. 6, 32).

Булавки. Для погребений Чегемского кургана характерны как бронзовые, так и железные булавки. В 11 погребениях этого времени найдено 8 бронзовых и 13 железных булавок. Из последних 7 булавок фрагментированы или сильно подвержены коррозии, что затрудняет определение их типологии (погр. 2, 10, 27, 108, 119, 132 — 2 экз.). Среди всех булавок можно выделить четыре типа:

1. Булавки с конической головкой из круглого в сечении бронзового стержня (погр. 4 — 2 экз., 10, 16, 128 — рис. 5, 18; рис. 6, 20; рис. 8, 38; рис. 16, 81). Обломок, по-видимому, аналогичной булавки происходит из погребения 11 (рис. 7, 3). Длина 5—7,3 см.

2. Железная булавка с круглой или утолщенной (?) головкой. Длина 8—12 см (рис. 8, 3).

3. Булавки с загнутым в петлю верхним концом (5 экз.). Они сделаны из круглого в сечении железного стержня (рис. 5, 14; рис. 8, 34). Найдены в погребениях 4, 11, 16 — 2 экз., 73.

4. Бронзовые булавки с головкой в виде миниатюрного «черпака» (рис. 12, 7—8). Две булавки такого типа лежали в погребении 52 по обе стороны черепа. Длина 6,5—7,3 см. Служили, по-видимому, в качестве головных булавок.

Наряду с другими, булавки описанного типа имели широкое распространение в памятниках кобанской культуры как на раннем, так и позднем этапах ее развития⁷². В последние века до нашей эры и на рубеже нашей эры они становятся частой находкой и в памятниках предгорно-плоскостной зоны⁷³.

⁶⁹ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 26, рис. 12, 22; Петренко В. А. Указ. соч., с. 277, рис. 2, 27.

⁷⁰ Смирнов К. Ф. Северский курган, с. 29—30; Амброс А. К. Указ. соч., с. 30—31.

⁷¹ Искренне признателен А. К. Амбросу за ценную консультацию.

⁷² Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. — Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия историческая, 1949, № 13, с. 195, табл. II, 5—6; табл. IV, 9; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 427, табл. V, 10; с. 431, табл. IX, 7; с. 433, табл. XI, 1; Абрамова М. П. Памятники горных районов..., с. 5, 9—10; рис. I, 22; рис. V, 18; рис. VI, 8.

⁷³ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 26—27, рис. 2, 21; рис. 5, 53, 54; рис. 6, 65.

Гривны малохарактерны для материалов Чегемского кургана. Одна бронзовая гривна с заходящими друг за друга концами найдена в погребении 10. Сечение прута круглое. Диаметр гривны — 10,5—11,5 см (рис. 6, 3). Гривна имеет ровные, как бы обрубленные концы. Такие гривны хорошо известны в памятниках скифского времени Северного Кавказа⁷⁴ и как исключение встречаются в погребальных комплексах рубежа нашей эры горных районов Центрального Кавказа⁷⁵.

Браслеты. В трех погребениях найдены бронзовые браслеты.

1. Браслет из овального в сечении бронзового прута с несомкнутыми концами и прогнутой центральной частью. Слабо утолщенные его концы стилизованы наподобие змеиных головок и украшены елочным узором (погр. 2 — рис. 4, 1). Браслеты с несомкнутыми концами и прогнутой центральной частью были характерны для памятников Грузии эллинистического времени⁷⁶. По мнению М. П. Абрамовой, отличительной чертой браслетов для раннего периода позднекобанской культуры является оформление их концов змеиными и зооморфными головками, стилизация которых в более позднее время значительно усиливается⁷⁷.

2. В погребении 29 в области левой кисти подростка был обнаружен цельнолитый бронзовый предмет наподобие браслета (диаметр 5 см), на одной стороне которого расположены обращенные друг к другу мордами две головки баранов и головка зайца (рис. 10, 13). Корпус кольца между головками дополнительно украшен поперечными валиками. Сами скульптурные головки переданы в реалистичной манере. Четко оформлены рога баранов, завернутые в спираль; реалистично выполнены удлинённые их морды; выпуклые глаза всех трех животных инкрустированы серебром (?). В целом техника изготовления головок выдержана в лучших традициях мелкообъемной пластики кобанской культуры. Назначение предмета не совсем понятно. К категории браслетов его следует отнести условно, исходя лишь по месту находки у кисти костяка. Характерное расположение скульптурных головок животных (морда каждого из них выступает за внутренний круг кольца почти на 0,8 мм) как будто не соответствует практическому использованию его в качестве браслета. Аналогии этому предмету в археологической литературе нам неизвестны. Для сравнения можно лишь привести случайную находку из разрушенного кургана в окрестностях гор. Майского (Кабардино-Балкария)⁷⁸. Она представляет собой также цельнолитое бронзовое кольцо (диаметр 5,5 см), украшенное скульптурными головками трех быков и двух орлов. О широком распространении в кобанской пластике скульптурных форм различных птиц, головок баранов и быков общезвестно. Исключением в этом отношении является изображение на чегемском экземпляре головки зайца.

В целом можно отметить, что эти предметы, по-видимому, могли служить в качестве амулетов, хотя нельзя исключить их бифункциональное применение.

3. Бронзовый литой браслет, украшенный в 14 местах с внешней стороны тройными шишечками. Имеет небольшой (0,8 см) отросток (рис. 14, 41). Найден в погребении 82 у правого колена погребенного.

Браслеты этого типа считаются латенскими, и факт находки их в погребениях Восточной Европы рассматривается как следствие импор-

⁷⁴ Мунчаев Р. М. Луговой могильник.— Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 191, рис. 31, 2.

⁷⁵ Абрамова М. П. Памятники горных районов..., с. 11, рис. II, 7.

⁷⁶ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. 1, с. 35—37, рис. 8.

⁷⁷ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 13.

⁷⁸ Хранится в Кабардино-Балкарском краеведческом музее.

та⁷⁹. Аналогичные браслеты известны и в памятниках III—II вв. до н. э. Северного Кавказа⁸⁰.

Височные привески. В 13 катакомбах этого времени найдено 16 височных привесок в виде кольца из круглой проволоки, согнутой в 1,5 оборота. По характеру оформления концов они делятся на два типа.

1. Привески с гладкими обрубленными или слегка заостренными концами (7 экз.) сделаны из бронзы (рис. 16, 105—106; рис. 17, 18), иногда с позолотой (погр. 16 — рис. 8, 43), серебра (погр. 10 — рис. 6, 22) и золота (погр. 3 — рис. 4, 26).

2. Привески с концами в виде конических утолщений и спиральной парезки (5 серебряных и 4 бронзовых — рис. 9, 5—6; рис. 12, 11—12). Серебряная привеска из погребения 73 была с позолотой.

Привески рассматриваемых типов являются характерной принадлежностью памятников второй половины I тысячелетия до н. э. — I в. н. э. на широкой территории. Довольно многочисленная группа подобных височных привесок происходит из Нижне-Джулатского могильника⁸¹.

7. К височным привескам следует отнести и два небольших золотых сплюснутых преднамеренно предмета, выполненных техникой скани и зерни (рис. 11, 8—9).

Подвески, амулеты. В погребениях Чегемского кургана часто встречаются различные типы подвесок.

1. Бронзовая подвесочка в виде котла (погр. 4 — рис. 5, 26). Котловидные подвески известны в памятниках III—II вв. до н. э. сарматских степей⁸² и на Северном Кавказе⁸³.

2. Бронзовая подвеска, изображающая горит с луком (погр. 10 — рис. 6, 28). Аналогичная подвеска происходит из Верхне-Погремненского могильника (кург. 6, погр. 8 — III—II вв. до н. э.)⁸⁴.

3. В погребении 16 (III ярус) найдена бронзовая подвеска с петелькой (рис. 8, 56). Здесь же обнаружен бронзовый предмет, представляющий, возможно, амулет (рис. 8, 40).

4. Бронзовая статуэтка птицы с прижатыми крыльями, стоящая на трубочке (погр. 73 — рис. 14, 19).

5. В погребении 17 у левого локтя погребенного была найдена янтарная антропоморфная фигурка. В середине фигурки имеется отверстие для подвешивания (рис. 9, 8).

6. К категории подвесок следует отнести и две монеты с отверстиями, обнаруженные в двух погребениях Чегемского кургана:

а) медная монета Пантикапея 375—340 гг. до н. э.⁸⁵ (погр. 17 — рис. 9, 9); б) понтийская медная монета I в. до н. э.⁸⁶ (погр. 128 — рис. 16, 80).

7. Костяная пластиночка подпрямоугольной формы (3,7×0,8 см) с отверстием в верхней части (погр. 52 — рис. 12, 17).

К амулетам, по-видимому, относятся также клыки кабана, обнаруженные в двух погребениях (3 и 73). Один из клыков имел отверстие для подвешивания (рис. 14, 13—14). Кроме того, в погребении 132 у

⁷⁹ Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. — СА, 1959, № 1, с. 36, 37, рис. 2, 22—24.

⁸⁰ Коренько В. А., Найдено А. В. Погребения раннего железного века..., с. 235, рис. 4, 1.

⁸¹ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 27, рис. 2, 18, 20, рис. 6, 61.

⁸² Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 46, табл. 32, 32; Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник. — АЭБ, Уфа, 1964, т. 2, с. 222, рис. 4, 1.

⁸³ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А. Указ. соч., с. 103; Коренько В. А., Найдено А. В. Указ. соч., с. 235, рис. 4, 1; с. 243, списка 28.

⁸⁴ Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 46, табл. 32, 27.

⁸⁵ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, табл. LX, 18; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956.

⁸⁶ Определение Д. Б. Шелова, за что выражаю искреннюю признательность.

изголовья погребенной женщины был найден небольшой клык какого-то животного.

В пяти погребениях этого времени найдено шесть раковин, имевших какое-то магическое значение. В погребении 2 это была просверленная раковина типа *Cardium* sp., а в погребения 16 — типа *Sauri* (рис. 8, 16). В остальных (погр. 16, 52, 70, 73) большие морские раковины, две из которых имели отверстия (погр. 70, 73 — рис. 13, 17; рис. 14, 11).

Бляшки. В семи погребениях Чегемского кургана обнаружено 45 бляшек, делящихся по форме на несколько типов.

1. Полушарные нашивные бляшки. В погребении 42 — 7 бляшек из листовой бронзы, диаметром 0,4—0,5 см, в погребении 3 — 14 подобных золотых бляшек имели сквозные отверстия (рис. 4, 31).

2. Две бронзовые фигурные бляшки, штампованные из тонкого листа в виде выпуклой четырехлучевой звезды (погр. 14 — рис. 7, 25). Подобные бляшки известны в памятниках последних веков н. э. Северного Кавказа⁸⁷.

3. Бляшки, штампованные из листовой бронзы, квадратной формы с умбоном (19 экз.). Найдены в погребениях 28 и 85 (рис. 10, 5—6; рис. 15, 17—18).

4. Миниатюрные нашивные бляшечки с валиком по краю и небольшим умбоном в центре, сделанные из листового золота. Имеют по два сквозных отверстия (2 экз., погр. 42 — рис. 11, 10).

5. В погребении 119 найдена плохо сохранившаяся бронзовая миниатюрная круглая бляшка, имевшая гнездо со вставкой выпуклого стекла голубого цвета (рис. 16, 48).

Бусы представляют самый массовый вид украшений в материалах Чегемского кургана. Они найдены в 32 (64%) погребениях I хронологической группы. Особенно много бус встречается в катакомбах. Из 2220 бусин, обнаруженных в погребениях этого времени, лишь 303 (13,7%) приходятся на долю грунтовых могил. К тому же состав ожерелий в этих могилах как по материалу, так и тональности не отличается большим разнообразием.

Обычно бусы в могилах обнаруживались в районе черепа, шейных позвонков, а также в области грудной клетки костяка. Нередко они опоясывали запястья рук или каждую ногу в отдельности (погр. 10, 13, 16 — I ярус, 70, 119). Все это свидетельствует о том, что бусы служили не только в качестве шейного ожерелья, но и являлись украшением для одежды и, возможно, обуви.

И еще одна примечательная деталь. После зеркал ни для одной категории инвентаря среди материалов Чегемского кургана столь не характерен обряд преднамеренной порчи вещей, как для бус. Если для бус из мягкого материала эту особенность не всегда возможно уловить, то наглядным подтверждением преднамеренной порчи являются бусы из твердых материалов (халцедон, горный хрусталь, сердолик). Часто в погребениях (3, 4, 10, 18, 42, 64 и т. д.) встречается по несколько экземпляров разбитых бусин (рис. 4, 24; рис. 5, 21; рис. 6, 33—34; рис. 12, 24—25) из указанных материалов, не вызывающих сомнений в их преднамеренной порче.

В целом по кургану преобладают бусы из стекла, сердолика и гешира. Бусы из других материалов (коралл, янтарь, халцедон, горный хрусталь, кость) представлены сравнительно меньшим числом, хотя в некоторых погребениях бусы из этих материалов преобладают.

I. Одноцветные стеклянные бусы представлены самыми различными формами, среди которых доминируют округлые (рис. 6, 35, 42, 43),

⁸⁷ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильники сарматской эпохи у сел. Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня). — АЭС, Грозный, 1969, 3, с. 59, рис. 4, 5.

каплевидные (рис. 4, 10; рис. 17, 8—9) и кольцевидные (рис. 6, 52). Кроме них, в отдельных погребениях в наборе преобладают цилиндрические (рис. 8, 61), биконические (рис. 6, 53; рис. 7, 9) и трехрядно-бугристые бусины (рис. 4, 12). В основном они мелких размеров и сделаны как из прозрачного, так и глухого стекла желтого, синего, светло-зеленого и лимонного цветов.

Значительно реже встречаются крупные бусины и то лишь среди ребристых (рис. 4, 7).

Среди одноцветных в особую группу можно выделить бусы из так называемого «египетского фаянса»: цилиндрические (рис. 17, 19—23), округлые (рис. 10, 8; рис. 16, 57), дольчатые (рис. 10, 14, 34), четырехрядно-бугристые (рис. 9, 35), бочковидные (рис. 6, 45), столбиком из двух бусинок (рис. 7, 16) и вздутые с валиком (рис. 16, 14), имеющие чаще всего коричневый, белый, светло-голубой, синий и светло-зеленый цвета. В погребении 4 найден скарабей (рис. 5, 41) светло-зеленого цвета, а в погребении 128 — 4 экземпляра светло-зеленых бусин, имитирующих скарабеев (рис. 16, 88, 92).

Помимо указанных, в единичных погребениях встречался бисер.

II. Бусы с внутренней позолотой (около 270 экз.). Все они в основном мелкие; более крупные экземпляры (диаметром до 1 см) встречаются исключительно редко. По формам значительно преобладают округлые и бочковидные бусины, но встречаются и биконические, кольцевидные. Значительно реже бусы в виде столбиков из 2—3 бусин (рис. 16, 45, 46), вздутые с валиком (рис. 8, 47), бугристые (рис. 10, 42; рис. 13, 38). В погребении 119 были найдены вздутые с валиком и бусы в виде столбиков из 2—5 бусинок с внутренним посеребрением (рис. 16, 40, 41).

III. Полихромные бусы. Всего в погребениях этого времени найдены 74 такие бусины. Среди них наиболее распространены округлые цилиндрические, плоские, трапецевидные и каплевидные бусины. Для них характерны глазчатые (рис. 8, 62; рис. 9, 22), поперечно-линейные (рис. 8, 19—24), поперечно-волнистые (рис. 5, 40; рис. 6, 41) и фестонобразные (рис. 8, 5; рис. 10, 31) орнаменты. Нередко отдельные бусины покрывает комбинированный орнамент (рис. 7, 7, 15; рис. 10, 32). Среди сложноорнаментированных выделяются бусы с двумя поперечно перевитыми спиралями (орнамент «ретицелла» — рис. 7, 7; рис. 10, 18). Подобные бусы являлись наиболее характерными для эллинистического времени⁸⁸.

Полихромные бусы сделаны в основном из глухого стекла. Тональность орнаментов различна: среди глазчатых, полосатых и фестонобразных характерны бело-черные или бело-синие тона; для комбинированных и сложноорнаментированных — добавление к этим тонам различных цветовых оттенков.

IV. Сердоликовые бусы. В 19 погребениях найдены 534 сердоликовые бусины, абсолютное большинство которых бочковидной формы с двусторонним сверлением (рис. 4, 29; рис. 7, 10). Остальные имеют округлую цилиндрическую, шаровидную и неправильную формы (рис. 10, 17, 19). Окраска сердоликовых бусин характеризуется несколькими оттенками с различной густотой тона. В каждом погребении колорит ожерелий составляют матовый, розовый и вишневый цвета, хотя нередко набору присущ один вид тональности.

V. Бусы из горного хрусталя. В 8 погребениях обнаружена 21 бусина и обломки большого числа преднамеренно разбитых. Бусины имеют преимущественно округло-уплощенную форму. Встречаются единичные экземпляры плоскоовальных (погр. 70 — рис. 13, 28), шаровид-

⁸⁸ Автор пользуется случаем поблагодарить Е. М. Алексею за любезную консультацию.

ных (погр. 2 — рис. 4, 9). Среди разбитых бусин встречаются ребристые (погр. 10, 18 — рис. 6, 34; рис. 8, 64). В погребении 16 (III ярус) обнаружена крупная (1,7×2,3) бусина округлой формы (рис. 8, 55).

VI. Бусы из халцедона (16 экз.). Найдены в 7 погребениях. Форма их в основном округлая или округло-уплощенная (рис. 5, 21; рис. 9, 21). Среди преднамеренно разбитых находилась крупная (3,5×1,2×2 см) бусина плоскооальной формы (погр. 3 — рис. 4, 24). Цвет бусин чаще всего матовый или молочный.

VII. Гешировые бусы. В 13 погребениях встречено 325 гешировых бусин, в основном мелких. Помимо кольцевых (рис. 8, 70) и бочковидных (рис. 6, 48, 49), преобладающих в наборах, встречаются плоские цилиндрические, округлые и биконические бусины (рис. 6, 50, 53). В погребении 10 найдена округлая бусина с железным стержнем в канале (рис. 6, 44). В двух погребениях обнаружены разъединители: биноклевидный (погр. 3 — рис. 4, 32) и ромбовидной форм. Последний орнаментирован концентрическими окружностями (погр. 16, II ярус — рис. 8, 28).

VIII. Янтарные бусы. В 10 погребениях найдено 58 бусин самых разнообразных типов: плоские овальной формы (рис. 5, 22; рис. 6, 37, 38), округло-уплощенные (рис. 9, 10), трапециевидные (рис. 7, 8), подтреугольные (рис. 5, 32; рис. 13, 13) и каплевидные (рис. 9, 11—16, 18, 20). Отдельные экземпляры имеют по два перпендикулярно пересекающихся канала для использования в качестве разъединителей. Янтарь либо темно-красный, либо — матовый, покрытый корочкой.

IX. Бусы из кости. Таких бусин насчитывается 54 экземпляра, причем 52 из них происходит из погребения 119. Они имеют округлую (рис. 16, 58—61) и усеченно-бипирамидальную (рис. 16, 61a) формы. Еще одна цилиндрическая бусина из рога оленя найдена в погребении 9, а в погребении 3 встречена изящная костяная розетка (диаметр 2 см — рис. 4, 27).

X. Коралловые бусы. В четырех погребениях обнаружены 64 экземпляра коралловых бусин (погр. 2—4 экз.; погр. 70 — 42 экз.; погр. 73 — 6 и погр. 132 — 12 экз.). Наиболее распространенный тип — бочковидные и подцилиндрические, хотя встречаются и округлые и отдельные веточки (рис. 4, 13; рис. 13, 35, 39, рис. 16, 111).

XI. Бусы из других материалов. Помимо перечисленных выше, в некоторых погребениях Чегемского кургана встречены: 7 каменных (погр. 9 — 1 экз., погр. 128 — 6), неправильной формы (рис. 16, 82, 83, 86), 2 глиняные шаровидной (погр. 64 — рис. 13, 11) и округло-уплощенной (погр. 73 — рис. 14, 30) форм и 2 золотые пронизки цилиндрической (погр. 108, 119 — рис. 16, 25) формы.

Таковы бусы из погребений I хронологической группы Чегемского кургана. Более половины (51,2%) всех бус приходится на стеклянные; на втором месте стоят бусы из сердолика (24%), а гешировые составляют 14,1%.

Эти показатели, а также ассортимент материала, их форма и элементы орнамента, украшающего полихромные бусы, — еще одно свидетельство того, что Чегемские погребения II—I вв. до н. э. стоят в одном ряду с синхронными памятниками Юго-Восточной Европы, также характеризующимися аналогичным набором бус. В этом плане бусы Чегемского кургана указывают на тесные культурно-экономические контакты с различными ремесленными центрами, и в первую очередь — с Северным Причерноморьем.

Предметы неизвестного назначения. В трех погребениях этой хронологической группы были обнаружены костяные и железные предметы, назначение которых не удалось определить.

1. Обработанная кость ноги какого-то животного, верхняя и нижняя часть которой украшены горизонтально расположенными рельеф-

ными валиками (погр. 22). Длина изделия 11,7 см, ширина 4,6 см (рис. 9, 36).

2. Обработанная костяная трубочка со сквозными отверстиями на концах (погр. 73 — рис. 14, 12). Длина 12,2 см, диаметр 1,2×1,3 см.

3. Железный предмет цилиндрической формы, полый внутри. Длина 11 см, диаметр 1,2 см (рис. 15, 4). Найден в погр. 84.

Предметы туалета представлены в основном зеркалами. В 15 погребениях обнаружено 18 бронзовых зеркал. Все зеркала, за исключением двух (погр. 35 и 117), носят следы преднамеренной порчи. Очень часто в могилу помещался лишь обломок. В некоторых случаях на обломках заметны следы орудия, с помощью которого разрубался диск зеркала (погр. 82 и 84). По форме зеркала делятся на два типа.

1. Массивные круглые зеркала большого диаметра (15—20 см) с валикообразным утолщением по краю и ручкой либо в виде штыря, либо приставной, для прикрепления которой имелись отверстия (12 экз.). Найдено в 10 погребениях (4—2 экз., 11, 16, 17, 18—2 экз., 52, 64, 82, 84, 94). Наличие ручки-штыря не всегда удается определить из-за плохой сохранности зеркал или в связи с отсутствием большей части диска (рис. 14, 43; рис. 15, 10а). В погребении 52 вместе с зеркалом были обнаружены фрагменты деревянного футляра, обтянутого какой-то материей, и деревянная ручка, украшенная кольцевыми нарезками (рис. 12, 6). Одно из зеркал в погребении 18 на обратной стороне имело резной орнамент в виде двойных концентрических окружностей (рис. 8, 58). На зеркале из погребения 4 в отдельных местах прослеживаются следы позолоты.

В целом этот тип зеркал являлся одним из самых распространенных в памятниках евразийских степей во второй половине первого тысячелетия до н. э. В этом отношении чегемские зеркала с валиком по краю и боковой ручкой и стилистически, и хронологически непосредственно связаны с группой зеркал IV типа, по А. М. Хазанову (прохоровское и сусловское время)⁸⁹, или с 3-м типом II отдела, по М. Г. Мошковой (III—II вв. до н. э.)⁹⁰.

2. Зеркала из листовой бронзы в виде круглого диска (диаметр 8—13 см). Из 6 экземпляров, найденных в погребениях 10, 16, 27, 35, 73, 117, лишь два (погр. 35 и 117) оказались целыми. Судя по ним, зеркала этого типа имели по краям диска дырочки для прикрепления деревянной или костяной ручки (рис. 10, 28; рис. 16, 32). Зеркало из погребения 117 носит следы позолоты. Типологически несколько отличается от них зеркало из погребения 16 (III ярус). Диск зеркала округлой формы (диаметр 8,5 см) имеет небольшой плавный выступ со сквозным отверстием для прикрепления ручки. На обратной стороне зеркало украшено резными концентрическими линиями (рис. 8, 33). Данное зеркало было найдено совместно с зеркалом первого типа.

Дисковидные зеркала чрезвычайно характерны для сарматских захоронений I в. до н. э. — I в. н. э.⁹¹ Однако следует иметь в виду, что в сарматских захоронениях они встречаются и раньше — в III—II вв. до н. э.⁹² В Прикубанье зеркала этого типа известны в погребениях III — начала I вв. до н. э.⁹³

Таким образом, проведенный выше сравнительный анализ инвентаря свидетельствует о том, что ранняя группа чегемских захоронений

⁸⁹ Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, с. 58—59, 62—64.

⁹⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 28, 10—12, 15.

⁹¹ Шилов В. П. Калиповский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, т. 1, с. 454, рис. 52, 9—13; Хазанов А. М. Указ. соч., с. 63—64.

⁹² Мошкова М. Г. Указ. соч., с. 41, табл. 27, 3—9.

⁹³ Анфилов Н. В. Указ. соч., с. 185—186, рис. 13, 2.

содержит весьма многочисленный и выразительный материал, сосредоточенный, главным образом, в катакомбах (табл. VII, IX).

Погребальный инвентарь носит смешанный характер, однако преобладающую часть его составляют изделия местных, кавказских производственных центров — стрелы, булавки, пряжки, различные типы привесок, подвесок и браслеты, а также керамика. Анализ последней подтверждает, что во II—I вв. до н. э. в центральных районах Северного Кавказа существовал высокоразвитый очаг керамического производства⁹⁴. Вместе с тем определенная часть инвентаря ранних погребений Чегемского кургана (ритуальные сосуды, мечи, колчаные крючки, зеркала, отдельные типы подвесок и т. д.) явно тяготеет к степным районам.

Отдельную группу составляют предметы северопричерноморского импорта (стеклянные и красноглиняные сосуды, фибулы, бусы, монеты и т. д.).

В целом в материальной культуре погребений II—I вв. до н. э. прослеживается общность не только с другими северокавказскими районами, но и с более отдаленными областями, и прежде всего с синхронными памятниками сарматских степей.

2. Инвентарь погребений I—II вв. н. э.

Погребальный инвентарь этой хронологической группы сравнительно с первой менее разнообразен и малочислен (табл. IX, XI).

Керамика продолжает оставаться характерной принадлежностью погребального инвентаря, хотя в процентном отношении ее несколько меньше, чем в предшествующий период. Из 59 погребений этого времени сосуды встречены в 37. Всего в них найдено 67 (44,6% от общего числа) сосудов. Еще три сосуда происходят из насыпи кургана. Кроме того, в 6 могилах встречались обломки сосудов. В могилах ставили преимущественно по одному сосуду (23 случая), по 2 (8) или по 3 (7). Лишь в двух погребениях (53 и 131) было 5 и 8 сосудов. Расположение их в могилах разное, однако чаще всего их ставили в ногах и в стороне от туловища.

Как и в предшествующее время, большинство сосудов изготовлено на гончарном круге. Однако среди кухонной, и особенно ритуальной, посуды встречаются и лепные.

По сравнению с первым периодом значительно чаще встречается кухонная посуда. В этой связи обзор керамики проводится по трем отделам: А — столовая, Б — кухонная и В — ритуальные сосуды.

В основу типологической классификации положены те же принципы, что и при анализе керамики II—I вв. до н. э.

А. Столовая керамика. Этот отдел представлен 46 экземплярами, что составляет 63,9% всех сосудов I—II вв. н. э. В основном тонкостенные, они зачастую сделаны из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе обычно имеет темно- или светло-серый цвет, реже — черный или коричневый. Поверхность сосудов черно- или сероолошенная.

1. Кувшины. В погребениях этого времени найдено 18 экземпляров, которые по формальным признакам распределяются на типы.

1. Кувшины с грушевидным, расширяющимся книзу туловом, раструбчатым горлом и одной ручкой (4 экз. — погр. 60, 61, 116, 126). Кувшин из погребения 61 снабжен овальной в сечении петлевидной ручкой (рис. 23, 1). Остальные имеют в разной степени схематизированные зооморфные ручки (рис. 22, 43; рис. 26, 15; рис. 27, 19). Средняя высота кувшинов 17—20 см. Плечики кувшина из погребения 126

⁹⁴ Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. — СА, 1979, № 2, с. 31—50.

опоясывают горизонтально пролощенные желобки (рис. 27, 19). Сосуд из погребения 60 имеет поясик из штампованных треугольников — на плечиках и тройные вертикальные пучки — на тулове (рис. 22, 43).

К этому типу следует отнести и обломки сосудов из погребений 127 (рис. 27, 20) и 131. Последний орнаментирован горизонтально пролощенными желобками, а также двойными (на тулове) и сгруппированными по 5—6 (на горле) вертикальными линиями (рис. 28, 1).

2. Кувшины с шаровидным или округлым туловом и раструбчатым горлом (3 экз. — погр. 60, 65, 118). Сосуд из погребения 60 имел две петлевидные ручки (рис. 22, 44). Орнамент из горизонтально вдавленных полос (лощилом). Помимо этого, тулово остальных украшает орнамент из вертикально пролощенных двойных (рис. 23, 50) и одинарных (рис. 26, 24) линий.

3. Кувшины-энохойи. Найдены в двух погребениях (59, 110). В первом случае это сосуд со сферическим туловом и четко выделенным горлом-раструбом. Имеет длинную, круглую в сечении ручку, начинающуюся от края (рис. 22, 8; рис. 29, 2). Поверхность чернолощенная, высота 19 см.

Второй кувшин с расширяющимся книзу туловом и прямоугольной в сечении ручкой, начинающейся от края. Невысокое горло — раструбом. Тулово и плечики опоясаны горизонтально пролощенными линиями, а также фигурно выполненными налечами (рис. 25, 26; рис. 29, 4). Высота сосуда — 13 см.

Сюда же следует отнести и обломок кувшина с расширяющимся книзу туловом и петлевидной, плоской в сечении ручкой. Имеет небрежно выполненное горло со сливом (рис. 3, 16). Найден в насыпи кургана.

Аналогичные энохойи известны в погребениях I в. до н. э. — II в. н. э. Прикубанья⁹⁵ и Нижнего Поволжья⁹⁶. Однако типологически наиболее близки к чегемским подобные сосуды Кавказской Албании первых веков н. э.⁹⁷

4. Кувшины с прямой трубчатой ручкой, соединяющейся с горлом при помощи перемычки. Сосуды имеют грушевидное тулово и расширяющееся кверху горло. Таких сосудов найдены два — в погребении 46 (рис. 21, 20) и в насыпи кургана (рис. 3, 20).

Сосуды с ручкой-носиком получают широкое распространение на Северном Кавказе в первых веках нашей эры⁹⁸. Являясь продукцией местного производства, они генетически связываются с кавказскими образцами VI—IV вв. до н. э.⁹⁹ Известные в Центральном Предкавказье сосуды с ручкой-носиком указывают на тесные контакты с Дагестаном, где обнаружены самые ранние образцы подобных сосудов, датируемых рубежом н. э.¹⁰⁰

Сосуд из погребения 46 датируется I в. н. э. по луцковой фибуле (рис. 21, 22).

5. Кувшины с округлым туловом и четко выраженным высоким расширяющимся кверху горлом и петлевидной, круглой в сечении ручкой (погр. 96 и 129). На плечиках сосуда из погребения 96 имеется орнамент из горизонтальных желобков (рис. 24, 36; рис. 29, 3; рис. 27, 45;

⁹⁵ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник..., с. 192, с. 195, рис. 16, 1, 7.

⁹⁶ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 29, рис. 22.

⁹⁷ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 161, рис. 10; с. 169, рис. 20.

⁹⁸ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 191, рис. 21, № 251; с. 208, рис. 33, № 70; Абрамова М. П. К вопросу о связях..., с. 39, рис. 4, 6—8.

⁹⁹ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 38.

¹⁰⁰ Там же, с. 39; Давудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 181, табл. XI, 5, 7.

рис. 29, 6). Ручка кувшина из погребения 129 изогнута под прямым углом — характерная особенность многих кувшинов с высоким горлом первых веков нашей эры Центрального Предкавказья¹⁰¹.

6. Миниатюрный кувшинчик с биконическим туловом, горлом-раструбом и зооморфной ручкой (погр. 131 — рис. 28, 8), в верхней части которой имеются налесты, имитирующие уши животного, а в нижней — лапы и хвост. На дне сосуда изнутри имеется рельефное изображение спирали. Сосуды с подобными ручками известны в памятниках I—II вв. н. э. Северного Кавказа¹⁰² и Поволжья¹⁰³.

7. Чернолощенный кувшин с округлым туловом, горлом-раструбом и носиком-сливом. В нижней части горла проходит рельефный валик, на плечиках — два горизонтальных желобка и штампованные треугольнички. На широкой части тулова — два симметрично расположенных налеста. Сосуд имел плоскую в сечении ручку (погр. 112 — рис. 26, 9; рис. 29, 5).

Кружки, кубки (18 экз.), как и в предшествующее время, продолжают оставаться одним из самых разнообразных по форме видов посуды.

1. Кружки с грушевидным, расширяющимся книзу туловом и одной петлевидной ручкой (8 экз. — погр. 40, 53, 59, 91, 100, 110, 122, 131). Четыре из них имеют в разной степени стилизованные зооморфные ручки (рис. 22, 7; рис. 25, 7; рис. 27, 1).

У кружки из погребения 110 эта зооморфизация выражена брусковидным налестом в верхней части ручки (рис. 25, 19). Остальные кружки снабжены плоскими в сечении петлевидными ручками (рис. 20, 19; рис. 22, 2; рис. 28, 23).

Орнамент встречается редко; он отмечен лишь на трех кружках. Это либо горизонтально пролощенные желобки (погр. 59, 100 — рис. 22, 7; рис. 29, 9; рис. 25, 7), либо каннелюры (погр. 131 — рис. 28, 23). Средняя высота кружек 7—13,5 см.

2. Кружка с шаровидным туловом и плоской в сечении зооморфной ручкой. Венчик отогнут наружу. Поверхность чернолощенная (погр. 62). Орнаментирована горизонтальными желобками и пояском из штампованных кружочков, по тулову проходят вертикально пролощенные одинарные линии (рис. 23, 38).

3. Кружки или кубки с подцилиндрическим, расширяющимся кверху туловом и прямыми стенками (5 экз.). Пропорции сосудов различные (рис. 20, 20; рис. 21, 1, 2, 51). Ручки в сечении плоские, за исключением кружки из погребения 44 (рис. 21, 1), и имеют либо петлевидную (рис. 20, 20), либо кольцевидную (рис. 21, 2; рис. 29, 7; рис. 28, 3) формы. Лишь кружка из погребения 47 (II ярус) имела плоскую ручку с двумя полуовальными отверстиями в виде стилизованной фигурки животного (рис. 21, 51; рис. 29, 8).

Отдельные сосуды очень тщательно сформованы, имеют четкие профили стенок (погр. 44, 131) и вставное дно. Поверхность их чернолощенная, доведенная до блеска.

4. Кружка с прямыми стенками и расширяющимся книзу туловом (погр. 125 — рис. 27, 15). Имеет петлевидную ручку с утолщением в верхней части в виде сильно схематизированной фигурки.

В эту группу сосудов, очевидно, можно включить и цилиндрическую кружку более грубой выделки с петлевидной, плоской в сечении, ручкой из погребения 67 (рис. 23, 61).

5. Миниатюрная кружечка с бочковидным туловом. Имела, по-видимому, петлевидную ручку (погр. 53 — рис. 22, 4).

¹⁰¹ Абрамова М. П. К вопросу о связях..., с. 39, рис. 5, 5—11.

¹⁰² Виноградов В. Б. Сарматы..., с. 212, рис. 39, 8; с. 216, рис. 43, 5; Абрамова М. П. Указ. соч., с. 39, рис. 4, 14—17.

¹⁰³ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). — МИА, 1959, № 60, т. 1, с. 87, рис. 23, 11.

Миски. В погребениях этого времени встречено 10 мисок, среди которых выделяется пять типов.

1. Миска с загнутым внутрь краем (погр. 1 — рис. 18, 1). Имеет едва выраженное ребро. Бортик орнаментирован сгруппированными по три короткими, вертикально проложенными линиями, а тулово опоясывает выполненный лощилом желобок.

Этот тип мисок был широко распространен в предшествующий хронологический период.

2. Миски с четко профилированным бортиком и прогнутыми стенками. Этот тип мисок, неизвестный в предшествующее время, является ведущей формой в погребениях I—II вв. н. э. Они найдены в четырех погребениях (44, 46, 53, 111 — рис. 21, 3, 21; рис. 22, 3; рис. 25, 29). Отличаются плотной, хорошо отмученной глиной, тщательной формовкой и прекрасным обжигом. Миски имеют черную блестящую лощеную поверхность (рис. 29, 10, 13).

3. Миски с желобчатым бортиком (рис. 19, 1; рис. 23, 2). Сделаны из коричневой глины, имеют лощеную поверхность. Миски этого типа являются характерной особенностью для памятников первых веков нашей эры¹⁰⁴. Известны они и в погребениях II—III вв. н. э. Нижне-Джулатского могильника¹⁰⁵.

4. Миски триподы (2 экз.). Найдены в погребениях 96 и 131 (рис. 24, 33; рис. 28, 5; рис. 29, 14). Стенки четко профилированы, а миска из погребения 96 имеет прогнутые стенки, напоминая по форме миски второго типа. Поверхность мисок чернолощенная.

Триподы не характерны для северокавказских погребений. Различные формы триподов бытовали в Закавказье еще в эпоху бронзы, и особенно начиная с середины I тысячелетия до н. э. — в период ялой-лутепинской культуры¹⁰⁶. Чегемские миски, в отличие от них, имеют еле выступающие ножки. Тем не менее местное их производство под влиянием традиции керамического производства Кавказской Албании первых веков нашей эры не должно вызывать сомнения.

5. Сероглиняная чашечка на поддоне. Найдена в погребении 131 (рис. 28, 7).

Б. Кухонная посуда представлена в погребениях I—II вв. н. э. 15 экземплярами, что составляет 20,8%. Среди них насчитывается всего четыре лепных сосуда, остальные сформованы на гончарном круге. Черепок в изломе дает темно-серый или коричневый цвет; значительно реже сосуды из светло-серой глины. Характерной особенностью этой группы является наличие в составе теста инородных примесей — в основном крупнозернистого песка и кварцита. Лишь отдельные сосуды имеют следы небрежного лощения. Зачастую поверхность покрыта пятнами различного цвета — от бурого до черного. Помимо того, повсеместно прослеживаются следы копоти — результат частого пребывания на огне.

И. Кувшины. Найдены в трех погребениях (21, 24 и 32). Среди них выделяются три типа.

1. С грушевидным туловом и петлевидной ручкой (рис. 19, 58); горло опоясывает слабо выраженные каннелюры, а на дне проделаны три сквозных отверстия, расположенных треугольником. Поверхность со следами лощения.

¹⁰⁴ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник..., с. 195, рис. 16, 6; его же. Тахтамукаевский могильник. — СМАА, 1961, т. 2, с. 199, табл. 1, 5, 8; Дитлер П. А. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс. — Там же, с. 145, табл. VII, 3; Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. — МИА, 1961, № 98, с. 24, 25, табл. XVIII, 1; Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона. — КСИА АН СССР, 1973, № 133, с. 77, 78, рис. 30, 2.

¹⁰⁵ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 34, рис. 8, 41.

¹⁰⁶ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 99, 100; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре..., с. 159, рис. 8.

2. Высокий сосуд с вытянутым туловом (погр. 21 — рис. 18, 36). Имел петлевидную ручку.

3. Сосуд с яйцевидным туловом и небольшим горлом-раструбом. Имеет плоскую в сечении ручку, начинающуюся от края (рис. 19, 3).

II. Горшки (7 экз.)

1. С округлым туловом и высоким горлом (погр. 8, 61, 131). В нижней части горла горшка из погребения 8 — горизонтальные желобки (рис. 18, 5; рис. 29, 1). Сформованы из коричневой (погр. 61) и светло- или темно-серой глины (погр. 8, 134). Поверхность со следами лощения. Высота их 17—19 см (рис. 23, 22; рис. 28, 31).

2. Лепной горшок с яйцевидным туловом (погр. 124 — рис. 27, 12). Глина темно-серая с примесью толченого кварцита. На плечиках слабые следы горизонтально пролощенных желобков.

Обломки еще двух горшков гончарной выделки найдены в погребении 47 (рис. 21, 26) и 111 (рис. 25, 30).

3. Горшок с приземистым асимметричным туловом лепной выделки. Найден в насыпи кургана (рис. 3, 21). Глина темно-серая, поверхность слабо заглажена, со следами копоти.

III. Кружки (5 экз.)

1. Сосуды типа большой кружки разных пропорций с петлевидной ручкой, начинающейся от края. Найдены в погребениях 47, 50 (рис. 21, 25, 44) и 53 (рис. 22, 1). Черепок в изломе темно-серый, поверхность со следами сильной копоти. На ручке кружки из погребения 53 нанесены косые насечки. Средняя высота кружек 11—15 см.

2. Толстостенная кружка с асимметричным туловом и маленькой петлевидной ручкой лепной выделки (погр. 131 — рис. 28, 4).

3. Толстостенная лепная кружка типа чаши с петлевидной ручкой, начинающейся от края (погр. 53 — рис. 22, 5). Ручка отбита в древности. Внутренняя и наружная поверхности сильно закопчены.

В. Ритуальные сосуды. В погребениях I—II вв. н. э., в отличие от I хронологического периода, найдено всего 11 культовых сосудишков. Это составляет лишь 20,3% всех ритуальных сосудишков Чегемского кургана и 15,3% всей керамики II хронологического периода. Они, как и в предшествующее время, разнообразны по форме.

1. Сосудишки с приземисто-полусферическим туловом, имеющие в верхней части широкий плоский валик, в двух случаях украшенные горизонтальными каннелюрами. Найдены в трех погребениях (8, 69 и 116). Первый из них более вытянутых пропорций (рис. 18, 6), остальные круглодонные (рис. 23, 44; рис. 29, 15; рис. 26, 16). Верхние части сосудишков (валики) имеют чернолощеную блестящую поверхность, а нижние же части слабо заглажены и имеют более грубую, пористую поверхность. Наружные стенки сосудишков со следами светлоглиняной обмазки. Высота сосудишков 6—7 см.

Аналогичные культовые сосудишки известны в погребениях I—II вв. н. э. Подкумского могильника¹⁰⁷, материалы которого, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

2. Лепные чашечки полусферической формы (погр. 24, 34 — III ярус) со следами копоти и какого-то маслянистого вещества. Вылеплены из светлой глины. Внутри на дне имеются по три небрежно выполненные сосцевидные выпуклины (рис. 19, 2; рис. 20, 5). Высота сосудишков 2,2—3,0 см, диаметр 5—8 см.

Аналогичные мисочки с коническими выступами были найдены в погребениях первых веков нашей эры Нижне-Джуглатского могильника¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Абрамова М. П. Отчет о раскопках могильника у ст. Подкумок близ г. Кисловодска в 1972 г. — Архив ИА АН СССР, инв. № 4704, погр. 1, 3.

¹⁰⁸ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 34, рис. 9, 24; *ее же*. К вопросу о связях..., с. 41, рис. 6, 21, 22.

3. Миниатюрный сосудик с незначительно отогнутым венчиком и округлым туловом. Глина серо-охристая с примесью песка, имеет чернолощеную поверхность. Тулово отбито в двух местах. По-видимому, сосуд был двойным (рис. 18, 7).

Сдвоенные сосудики были известны еще в эпоху бронзы в Иране и Закавказье¹⁰⁹, продолжая бытовать в период Ялойлу-тепе¹¹⁰. На Северном Кавказе сдвоенные сосуды появляются в кобано-скифское время¹¹¹, однако, наиболее частыми находками они становятся в первых веках нашей эры. В это время они известны не только на Северном Кавказе¹¹², но и на сарматских территориях¹¹³, где они делались из алебастра.

4. Лепной сосудик подцилиндрической формы (погр. 21) со слабо выраженным горлом (рис. 18, 37), внутри находились следы мела. Близкий по форме сосуд найден в погребении 59 (рис. 22, 9; рис. 29, 12). Внутри сосуда на стенках прослеживаются тонкие линии, нанесенные каким-то маслянистым веществом темного цвета.

5. Сосуд с усеченно-коническим туловом. Найден в погребении 122 (рис. 27, 2; рис. 29, 16). Этот тип культовых сосудиков был наиболее широко распространен в предшествующее время.

6. Сероглиняный сосудик горшкообразной формы (погр. 21 — рис. 18, 35; рис. 29, 11). Поверхность темного цвета, слабо заглажена.

7. Миниатюрный горшочек грушевидной формы. Черепок в изломе светло-серый. Внутри сосудика следы какого-то серого порошка. Найден в погребении 131 (рис. 28, 22).

Такова керамика I—II вв. н. э. Сравнительный анализ двух хронологических групп показывает, что для некоторой ее части прослеживается преемственность форм (кувшины и кружки с грушевидным и шаровидным туловом, миски с загнутым внутрь краем). В то же время появляются и другие формы сосудов, которые не были характерны для I хронологической группы: энохейвидные кувшины, сосуды с трубчатой ручкой, миски с прогнутыми стенками, триподы и т. д. Значительное распространение получают сосуды с ручкой, начинающейся от края, и кружки с подцилиндрическим туловом.

Наметившиеся изменения коснулись и орнаментации сосудов. При всем том, что основные мотивы сохраняются, становится очевидным сокращение числа орнаментированных сосудов и тенденция к обеднению орнаментальных композиций. В численном соотношении оно выражается 46:24 соответственно I и II хронологических групп.

Наконец, эти изменения более наглядно демонстрирует культовая посуда. Здесь наблюдается не только сокращение в целом количества ритуальных сосудов, соотношение которых выражается 79,7 и 20,3%. Оно коснулось как и самих форм сосудиков, так и сопровождавших их атрибутов; в это время сохраняется лишь обычай обмазки сосудов светлой глиной. Полное отсутствие в погребениях I—II вв. н. э. ритуальных мисок-курильниц, сосудов с гальками и железными цепями свидетельствует, по-видимому, и о некоторых изменениях в области религиозных представлений.

Помимо перечисленных выше глиняных сосудов, в погребении 24 найден фрагмент миниатюрного алебастрового сосуда (рис. 19, 10a),

¹⁰⁹ Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 104.

¹¹⁰ Абрамова М. П. К вопросу о связях... с. 37, рис. 3, 22.

¹¹¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. 8, табл. XLII, 11; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 478, табл. LVIII, 1.

¹¹² Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 19, рис. 6, 36.

¹¹³ Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МНА, 1960, № 78, с. 45, рис. 45, 3; Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики..., с. 174, рис. 1, тип. IX, а₁, а₂.

а в погребении 131 ручка сосуда (рис. 28, 28а) из голубого стекла второй половины I — начала II вв. н. э.¹¹⁴

Предметы вооружения очень малочисленны в погребениях I—II вв. н. э. и представлены лишь железными наконечниками стрел и колчанными крючками.

Стрелы встречены лишь в пяти могилах (в погр. 24—13 экз., погр. 62—10, погр. 111—ок. 20, погр. 116—32, погр. 122—10 экз.). Стрелы были положены у левой кисти и правого локтя (погр. 24, 62). В погребении 116 вдоль правой руки женского костяка были зафиксированы следы колчана в виде древесного тлена и отдельных частиц ярко-оранжевой краски, которой были, по-видимому, раскрашены древки стрел. Здесь же, остриями к ногам, лежало около 26 железных черешковых стрел. Стрелы также находились у правого бедра и между бедренными костями.

В погребениях этого времени найдены как втульчатые, так и черешковые стрелы. Оба типа стрел встречены в погребении 24 (9 втульчатых и 4 черешковые), 62 (6 и 4), 122 (4 и 6).

Втульчатые стрелы представлены, как и в предшествующее время, трехлопастными. Средние размеры их 3,5—4,0 см (рис. 19, 7, рис. 23, 39, 40), но есть и единичные экземпляры более мелких стрел, длиной 2,5 см (рис. 19, 8). В погребении 122 найден крупный наконечник длиной 5 см (рис. 27, 5).

Черешковые стрелы (62 экз.) представлены двумя типами. Первый (преобладающий) — наконечники (длина 3,0—4,5 см) с подтреугольной головкой, имеющие широкие лопасти (рис. 19, 9, 10; рис. 23, 41; рис. 25, 33, 37). В погребении 116 найден один атипичный экземпляр двухлопастной формы (рис. 26, 21).

Второй тип — наконечники с четырехгранной головкой (2 экз.). Найдены в погребении 122. Черешки обломаны и поэтому трудно судить об их длине. Длина головок 2,0—2,5 см (рис. 27, 7, 8).

На примере этих погребений четко прослеживается процесс вытеснения железных втульчатых наконечников стрел черешковыми, происходивший в I в. н. э. Если в погребениях 24 и 62 еще преобладают первые, то в погребении 122 — черешковые. А в погребениях 111 и 116 в колчанах находятся только лишь последние.

Железные крючки найдены в двух погребениях (24 и 122). Первый сделан из круглого в сечении стержня, уплощенная верхняя часть которого имеет вид пластины шириной 1,8 см. На ней расположена поперечная перекладина, укрепленная заклепкой (рис. 19, 4). Длина крюка 10 см. От второго крюка сохранился лишь его нижний конец, сделанный из плоского в сечении стержня (рис. 27, 4).

Помимо крючков, в погребении 131 найден разбитый на части каменный предмет, напоминающий по форме застёжки от колчанов (рис. 28, 28).

Орудия труда

Ножи. Найдены в 13 погребениях. Встречаются в основном два типа: прямые ножи (рис. 22, 12; рис. 25, 32; рис. 26, 26) и с горбатой спинкой (рис. 22, 45; рис. 23, 24, 43). Наиболее распространен первый тип. В погребении 59 найден нож с костяной рукоятью (рис. 22, 12), а в погребении 60 нож имел на рукоятке деревянную обкладку (рис. 22, 45). Наиболее сохранившиеся экземпляры имеют в длину 8—12 см. В погребении 124 был найден массивный железный нож серповидной формы (длина его 16 см — рис. 27, 13), который лежал у левой кисти.

Оселки. В пяти погребениях (7, 91, 96, 100, 131) найдено шесть

¹¹⁴ Определение Н. П. Сорокиной, за что выражаю искреннюю признательность.

оселков. Материал — черный или с зеленоватым отливом сланец (погр. 7, 91, 100), а также мягкий песчаник (погр. 131). По форме делаются на сигаровидные (рис. 18, 3) и плоские (рис. 24, 22; рис. 25, 8; рис. 28, 20, 21). Длина оселков 10,5—12,0 см. В погребении 96 в засыпке камеры находился грубо обработанный массивный камень в виде точила (рис. 24, 35). За исключением последнего, все оселки в верхней части имеют отверстия для подвешивания, причем в отверстии оселка из погребения 7 сохранился фрагмент железа, по-видимому, от кольца.

Пряслица. В трех погребениях (56, 125, 131) найдено пять пряслиц. Четыре из них сделаны из стенки сосуда светло-коричневой глины (рис. 27, 16—18; рис. 28, 27). Диаметры 3,5—5,0 см. В погребении 56 у левого бедра лежало каменное биконическое пряслице.

В нескольких погребениях (8, 106, 111, 112) были обнаружены отдельные куски кремня с отработанной поверхностью.

Предметы одежды и украшения

Пряжки. В 19 погребениях этого времени встречены 22 пряжки. За исключением одной, все они сделаны из железа. Среди них выделяются четыре типа:

1. Круглорамчатые (17 экз.). Сделаны из круглого в сечении железного прута (рис. 23, 25; рис. 25, 17, 34; рис. 26, 13, 14, 27). Найдены в 14 погребениях. Одна такая же бронзовая пряжка обнаружена в погребении 96 (рис. 24, 34).

2. Прямоугольнорамчатые. Встречены в погребении 8 (рис. 18, 29), 32 (рис. 19, 57) и 49 (рис. 21, 43).

3. Овальнорамчатая пряжка была найдена в погребении 112 (рис. 26, 9a).

4. В погребении 62 обнаружена оригинальная фигурная пряжка из цельного, овального в сечении железного прута в виде удлиненного равнобедренного треугольника, заканчивающегося овальной головкой, к основанию которой прикреплен длинный стержень, служащий язычком. Длина пряжки 7,5 см (рис. 23, 42). Аналогичные пряжки были широко распространены в памятниках I—II вв. н. э.¹¹⁵

Фибулы встречены только в двух погребениях. Из погребения 46 происходит одночленная бронзовая фибула типа первого варианта лучковых фибул (по классификации А. К. Амброза)¹¹⁶. Характерна для первой половины I в. н. э.¹¹⁷ В погребении 131 найдены две бронзовые фибулы этой же серии, но характеризующиеся признаками второго варианта¹¹⁸. Датируются второй половиной I — началом II в. н. э.

Булавки. В 17 погребениях было найдено около 25 булавок. Абсолютное большинство их очень плохой сохранности, а головки некоторых покрыты коррозией, что не позволяет более точно определить форму. Булавки находились на груди, у черепа или среди сдвинутых костей. В погребении 59 три экземпляра железных булавок были связаны какой-то грубой ниткой и лежали возле левой кисти одного из погребенных.

1. Булавки с конической головкой (погр. 90 — рис. 24, 18). Длина 6 см. Железная булавка из погребения 131, по-видимому, имела аналогичную головку (рис. 28, 25).

¹¹⁵ Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 133, 134, рис. 66, 7 (см. библиографию там же).

¹¹⁶ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР, с. 48, табл. 9, 2; Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). — СА, 1977, № 2, с. 102, рис. 2, 1—3.

¹¹⁷ Амброз А. К. Указ. соч., с. 48, 49; Скрипкин А. С. Указ. соч., с. 105.

¹¹⁸ Амброз А. К. Указ. соч., с. 49, табл. 9, 6; Скрипкин А. С. Указ. соч., с. 102, рис. 2, 4, 5, с. 107.

2. Железные булавки с округлой или утолщенной головкой (рис. 21, 5; рис. 22, 11; рис. 23, 4, 26; рис. 27, 21, 22).

3. Булавка с загнутым в петлю плоским верхним концом. Найдена в погребении 122 (рис. 27, 11). Сделана из круглого в сечении бронзового стержня. Две железные булавки с загнутым в петлю верхним концом обнаружены также в погребении 107 (рис. 25, 18, 18a).

4. Железные булавки с расширением в верхней части стержня, в котором сделано отверстие. Головки не сохранились (погр. 61 — рис. 23, 3, 5).

Браслеты. В погребениях этого времени найдены три браслета.

1. Браслеты с завязанными концами. Сделаны из овального (погр. 71 — рис. 24, 2) и плоского (погр. 111 — рис. 25, 31) в сечении бронзового прута. На браслете из погребения 111 были насажены четыре (одна распалась) бусины из стекла, пасты и гешира.

Подобные браслеты были широко распространены в памятниках I—III вв. н. э. Северного Причерноморья¹¹⁹. В это же время известны они и среди материалов северокавказских погребений¹²⁰.

2. Кольцевидный браслет из круглого в сечении бронзового прута (погр. 1). Корпус обмотан плотными рядами бронзовой проволоки и украшен дуговидными выступами (рис. 18, 2).

Этот тип браслета характерен для первых веков нашей эры.

Височные привески в погребениях этого времени встречаются значительно реже. Они найдены лишь в трех погребениях (59, 61, 131). Выделяются два типа привесок.

1. Бронзовые привески в виде кольца из круглой проволоки, согнутой в 1,5 оборота с гладко обрубленными концами (погр. 59 — рис. 22, 34, 35). Аналогичные привески, но более миниатюрные и с заостренными концами были найдены в погребении 131 (рис. 28, 29, 30).

2. Петлевидные привески с отогнутыми в разные стороны концами (3 экз.). Найдены в погребении 61. Сделаны из круглой в сечении бронзовой и серебряной проволоки (рис. 23, 27, 28).

Подобные привески были наиболее характерны для погребений I—II вв. н. э. Дагестана¹²¹. Несколько экземпляров их также обнаружено в погребениях Нижне-Джудатского и Подкумского могильников¹²².

Подвески, амулеты. Как и в предшествующее время, в погребениях I—II вв. н. э. встречаются различные формы подвесок, имевшие, по-видимому, магическое значение.

1. Бронзовые колокольчики. Найдены в трех погребениях (44, 71, 131). Два из них — ажурные (рис. 24, 1; рис. 28, 24), третий отличается своей миниатюрностью (рис. 21, 6).

2. Подвеска-амулет из двух маленьких цилиндров, согнутых из тонкой пластинки и вставленных в них бронзовых же пластинок в виде петельчатых привесок с размокнутыми концами (погр. 131 — рис. 28, 11).

Эти так называемые ведеркообразные подвески были широко рас-

¹¹⁹ Гущина И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму. — КСИА АН СССР, 1970, № 124, с. 42, рис. 15, 10; *ее же*. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). — Сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ, М., 1974, с. 42.

¹²⁰ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник, с. 196, рис. 17, 15; Абрамова М. П. Нижне-Джудатский могильник, с. 27, рис. 5, 56; рис. 7, 32; аналогичные браслеты происходят из погребений Подкумского могильника (см.: Абрамова М. П. Отчет о раскопках могильника у ст. Подкумок..., погр. 9 и 11).

¹²¹ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 179, рис. 10, № 201; с. 189, рис. 19; № 376; с. 195, рис. 24, № 265; с. 210, рис. 35, № 81; Пикун М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 139, рис. 26, 21.

¹²² Абрамова М. П. Нижне-Джудатский могильник, с. 28, 36, рис. 6, 76; рис. 8, 8; *ее же*. Отчет о раскопках могильника у ст. Подкумок..., погр. 13.

пространены в позднескифских погребениях I—II вв. н. э. Северного Причерноморья¹²³.

Помимо перечисленных, в погребении 24 были обнаружены две крупные просверленные морские раковины (рис. 19, 6), а в погребении 129 — клык кабана и копыто животного (рис. 27, 33, 34).

В трех погребениях этого времени встречались альчики (в погр. 34—1 экз.; 71—8; 131—2). Некоторые из них имели сквозные отверстия.

Предметы неизвестного назначения. Как и в предшествующее время, в одном погребении (24) найден обломок железного предмета цилиндрической формы, полый внутри (рис. 19, 5). Длина его 6 см, диаметр 1,1 см.

Из погребения 131 происходит круглая в сечении костяная палочка длиной 18 см (рис. 28, 6).

Бусы продолжают оставаться наиболее распространенным видом украшений, хотя ассортимент их значительно видоизменяется.

В 31 могиле найдены 3373 бусины, что составляет 60,3% всех бус Чегемского кургана. Из них абсолютное большинство (2939, или 87,5%) обнаружено в 18 катакомбах, причем число их в отдельных могилах доходило до нескольких сотен (в погр. 8—630; 21—866).

В 13 грунтовых могилах найдено лишь 434 бусины. Если же учесть, что в погребении 67 было 199 бусин, а в четырех (36, 37, 50 и 80) — от 20 до 50, то остальные погребения содержали лишь от 1 до 10 бусин.

В погребениях I—II вв. н. э. встречаются преимущественно стеклянные бусы (92,3%). По сравнению с предшествующим периодом число бус из других материалов значительно сокращается.

I. Одноцветные стеклянные бусы (2785 бусин, или 82,5%). Значительно преобладают мелкие бусины округлых форм (рис. 18, 39—41; рис. 21, 27—37), сделанные преимущественно из глухого стекла белого, светло-зеленого, синего, желтого и голубого цветов. Некоторые экземпляры имеют продольные насечки, имитирующие ребристые бусины (рис. 18, 42, 43). Широко представлены мелкие рубчатые пронизы (рис. 22, 37—42), биконические из синего и голубого стекла (рис. 19, 38, 39, 42; рис. 26, 29—32), цилиндрические (рис. 19, 52, 53; рис. 21, 38, 40—42), и в виде столбиков из 1—5 бусин (рис. 18, 23; рис. 19, 35, 51). Реже встречаются в составах ожерелий вздутые с валиком (рис. 19, 31, 32; рис. 21, 39, 48) и четырнадцатигранные (1 экз. — рис. 24, 6). В погребении 8 найден скарабей из светло-голубой пасты (рис. 18, 8), а в погребении 111 — подвеска-амфориск (рис. 25, 35).

II. Бусы с внутренней позолотой (309 экз. — 9%). Найдены в 16 погребениях. Представлены в основном округлыми (рис. 18, 11; рис. 28, 18, 19), бочковидными (рис. 22, 23—27), кольцевидными (рис. 18, 46) бусинами. Часто встречаются бусы в виде столбиков из 2—3 бусин (рис. 18, 47—49; рис. 23, 30, 34, 35, 56) и значительно реже — вздутые с валиком (рис. 23, 10; рис. 25, 27).

III. Полихромные бусы. В четырех погребениях (24, 61, 71, 131) найдено 20 таких бусин, причем 13 из них происходят из погребения 24. Бусы сделаны из глухого стекла белого, зеленого и темно-синего цветов. Округлые и кольцевидные бусы украшены синими и белыми глазками (рис. 19, 12, 13, 17; рис. 23, 15; рис. 28, 16), а также сетчатым орнаментом (рис. 19, 18), веретеновидные — продольным волнистым орнаментом (рис. 19, 29, 30) и накладными глазками (рис. 19, 28). Две округлые бусины (погр. 24) из глухого зеленого стекла имеют по три прямоугольные вставки темно-синего цвета. На этом фоне в цветном

¹²³ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса, с. 28, табл. XXXV, 5; Вязьмитина М. И. Указ. соч., с. 150, рис. 71, 1, 5, 11; Сымонович Э. А. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье. — ПСА, 1971, с. 71, рис. 3, VIIa-e, с. 72.

(белое туловище, красные лапки и клюв) изображении нанесены фигуры лебедей (рис. 19, 11). И, наконец, в погребении 71 обнаружен обломок удлиненно-бочковидной крупной пронизи из коричневого стекла с тремя рядами выпуклых глазков, по три в каждом (рис. 24, 7).

IV. Бусы из сердолика. В 9 погребениях найдено 16 сердоликовых бусин: бочковидных (рис. 21, 23, 24; рис. 28, 14), округлых (рис. 19, 54, 55), шаровидная (рис. 21, 10), рубчатая (рис. 23, 29), цилиндрическая (рис. 18, 12) и шестигранно-цилиндрическая (рис. 19, 26). Сердолик либо розовый, либо красно-охристый и ярко-коричневый.

V. Бусы из халцедона. Всего обнаружено три бусины округлой формы, причем одна из них имеет ребристую поверхность (рис. 19, 16; рис. 28, 12, 13). Кроме них, в погребении 116 найден обломок крупной бусины скарабеоидной формы (рис. 26, 17).

VI. Гешировые бусы (231 шт.—6%) были найдены в пяти погребениях. Подавляющее большинство представлено мелкими нарезными бусинами (рис. 18, 50—54; рис. 23, 59). Из погребения 21 происходит 170 экземпляров таких бусин. Остальные бусины имеют разнообразные формы: бочковидную (рис. 18, 19, 21; рис. 19, 33, 36, 37), подквадратную (рис. 23, 36), усеченно-пирамидальную (рис. 19, 46, 47) и веретеновидную с ложновитым корпусом (рис. 19, 27).

VII. Янтарные бусы. Янтарь матовый, покрыт корочкой. Встречены две кольцевидные (рис. 18, 10; рис. 26, 22) и одна бусина неправильной формы (рис. 18, 17).

VIII. Бусы из коралла (4 экз.). Найдены в погребениях 24 и 44. Имеют цилиндрическую (рис. 21, 7, 8) и неправильную форму. Коралл светло-оранжевый.

IX. Бусы из кости. В погребении 118 — одна дисковидная бусина (рис. 26, 28).

Из произведенного анализа видно, что в погребениях I—II вв. н. э., как и в предшествующее время, значительно преобладают бусы из стекла, хотя доля полихромных сократилась более чем в три раза; в таком же примерно соотношении находится и орнамент, украшающий эти бусы. Такая же тенденция наблюдается и в отношении бус из других материалов. В это время они либо отсутствуют (бусы из горного хрусталя), либо единичны (сердолик, халцедон, коралл, янтарь и кость). Исключение составляют разве лишь гешировые бусы, число которых в целом мало изменилось, что, по-видимому, объясняется кавказским¹²⁴ (скорее всего северокавказским)¹²⁵ их производством.

В целом формы бусин такие же, как и в погребениях II—I вв. до н. э., хотя нельзя не заметить отсутствие в это время дольчатых, ребристых, каплевидных и бугристых бусин. В то же время новыми формами являются четырнадцатигранные, призматические или усеченно-пирамидальные бусины и крупные бочковидные пронизи с выпуклыми глазками. Все эти признаки наиболее характерны для бус первых веков нашей эры Северного Причерноморья¹²⁶.

Предметы туалета представлены лишь зеркалами. В погребениях I—II вв. н. э. найдено 7 зеркал (погр. 21, 39, 44, 61, 67, 86, 118). Пять из них носят следы преднамеренной порчи. Все они представляют собой небольшие зеркала-привески (диаметр 5,0—6,5 см) с короткой прямоугольной ручкой, имеющей отверстие для подвешивания, с выпуклым валиком по краю и коническим утолщением в центре (рис. 20, 17;

¹²⁴ Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60, т. 1, с. 469, 490; *его же*. Очерки по истории древних племен..., с. 121; *Абрамова М. П.* Ниже-Джугатский могильник, с. 32.

¹²⁵ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— САН, М., 1978, Г1—12, с. 10.

¹²⁶ Алексеева Е. М. Указ. соч., с. 62; *ее же*. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975, с. 68.

рис. 21, 4; рис. 23, 23, 60; рис. 24, 17; рис. 26, 25). Зеркало из погребения 21 имеет рельефное украшение в виде креста (рис. 18, 38).

Зеркала этого типа относятся к I варианту (по М. П. Абрамовой)¹²⁷ IX типа (по А. М. Хазанову)¹²⁸ и датируются в основном I в. н. э. Лишь во II в. н. э. зеркала-привески становятся менее профилированными и на обратной стороне появляется рельефный орнамент¹²⁹. Исходя из этого, зеркало из погребения 21 можно отнести к началу II в. н. э.

В специальной статье, посвященной зеркалам горных районов Северного Кавказа, М. П. Абрамова отмечает, что 87,2% всех известных зеркал этого варианта происходят с Северного Кавказа, причем подавляющее большинство находок (60%) картографируется в пределах горной зоны Центрального Кавказа¹³⁰. Все это позволило автору сделать вывод о кавказском их производстве по заимствованным образцам¹³¹, чему не противоречат и результаты металлографического анализа¹³².

Завершая анализ инвентаря погребений I—II вв. н. э., необходимо отметить, что он (пожалуй, за исключением керамики) по сравнению с предшествовавшим периодом становится довольно однообразным. В материальной культуре заметно отсутствие или уменьшение числа ярко выраженных степных элементов, которыми столь изобильно были представлены погребения II—I вв. до н. э. Сравнительная характеристика материалов двух хронологических групп показывает также резкое сокращение ассортимента определенных групп инвентаря, в первую очередь — предметов вооружения.

В целом наметившаяся во II—I вв. до н. э. общность материальной культуры с культурой сопредельных (а порой, и довольно отдаленных) районов теперь вырисовывается значительно рельефнее.

Глава IV

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ ЧЕГЕМСКОГО КУРГАНА

(Вместо заключения)

В результате исследования Чегемского кургана-кладбища, как было показано выше, получено большое количество разнообразного вещественного материала и, что особенно важно, существенные данные о верованиях и обрядах, а также широких культурных связях населения, хоронившего своих умерших в кургане. В совокупности все это не только дополняет имеющиеся материалы сарматского времени Центрального Предкавказья, но и выявляет совершенно новые особенности исторического развития региона в ту эпоху.

Научную значимость кургана-кладбища трудно переоценить. В этом смысле особого внимания заслуживает тот факт, что мы имеем большое количество захоронений, к тому же совершенных в насыпи одного кургана, что представляет исключительно новое явление не

¹²⁷ Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры.—Сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Тр. ГИМ, М., 1971, с. 121.

¹²⁸ Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал, с. 64—66, рис. 2.

¹²⁹ Абрамова М. П. Указ соч., с. 129.

¹³⁰ Там же, с. 125.

¹³¹ Там же, с. 131.

¹³² Барцева Т. Б. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа.—Сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 133—138.

только для археологии Кабардино-Балкарии, но и всего Северного Кавказа. До сих пор нам были известны лишь грунтовые могильники, содержавшие значительное число захоронений. В этом плане Чегемский курган занимает особое место среди синхронных памятников Северного Кавказа. Помимо всего прочего, погребения кургана почти вдвое увеличили известные комплексы сарматского времени Центрального Предкавказья.

Сравнивая археологические материалы, добытые в Чегемском кургане, с материалами раскопок предшествующих лет на Центральном Предкавказье, нельзя не отметить большое культурное единство населения этого региона в сарматское время, которое выражается в единстве материальной культуры и погребальных обрядов. Почти во всех памятниках этого периода наблюдается одинаковая картина — сочетание разнотипных могил с различным преобладанием их в каждом конкретном могильнике. Не составляет исключения и рассматриваемый памятник: он содержал в основном впускные могилы простейших форм и катакомбы, по сравнению с которыми подбор можно считать спорadicеским явлением.

Грунтовые могилы в виде простых ям с индивидуальными и парными захоронениями, как правило, относят к местным племенам Северного Кавказа, поскольку этот тип погребального сооружения, с различными вариациями в оформлении, был широко распространен среди аборигенов как в горах, так и на равнине на протяжении первого тысячелетия до нашей эры¹.

В связи с этим, грунтовые погребения Чегемского кургана с какой-то долей вероятности можно связать с автохтонными племенами — носителями кобанской культуры на позднем ее этапе. Некоторая условность подобной этнической интерпретации обусловлена тем, что по сравнению с предшествующей эпохой в погребальном обряде аборигенов ощутимы некоторые отличительные признаки, которые следует объяснить не только как результат внутреннего развития общества, но и усилившимися связями с сопредельными регионами, а также непосредственным воздействием сарматов. Отражением всего этого являются сарматские элементы в похоронном ритуале грунтовых могил Чегемского кургана. Основными среди них следует признать: подогнутые и перекрещенные в голенях ноги (18,7%); различные манипуляции, связанные с укладкой рук, и особенно кистей (60%); жертвенные кости в могилах и преднамеренная порча зеркал. Приоритет в распространении этих элементов ритуала среди местного населения принадлежит сарматским племенам. В археологической литературе неоднократно отмечалось, что подобные отклонения в похоронном обряде аборигенов скифо-сарматского времени — ярчайшее свидетельство влияния кочевнических культур². Кроме того, необходимо подчеркнуть, что все грунтовые могилы Чегемского кургана являются впускными — одна из характернейших особенностей кочевнических памятников плоскостных

¹ Пиотровский Б. Б. и Иессен А. А. Моздокский могильник. — Археологические экспедиции Эрмитажа. Л., 1940, вып. 1; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 64—67; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972; Абрамова М. П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. — СА, 1968, № 3, с. 125; ее же. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 7—8; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 38—39; Козенкова В. И. Раннекобанский могильник у с. Сержен-Юрт. — СА, 1969, № 4, с. 171—183.

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 385—391; Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе с. Тарки. — МИА, 1951, № 23, с. 240 и след.; Виноградов В. Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. — Уч. зап. КБНИИ, Нальчик, 1967, 25, с. 134—143; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 88—93; Кереев Б. М. К вопросу о сарматизации племен центральной части Северного Кавказа (I этап). — Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. 1, с. 52—68.

районов края скифо-сарматского времени. В этой связи возможно даже, что наиболее ранние впускные погребения кургана оставлены определенной группой сарматских племен. В этом отношении примечательны впускные кочевнические погребения II—I вв. до н. э. из других курганов бассейна р. Чегема³, почти тождественные ранним грунтовым могилам кургана-кладбища. Во всяком случае, если эти погребения оставлены местными племенами, то принятие аборигенами принципа подкурганного захоронения для родового кладбища совместно с носителями катакомбного обряда должно свидетельствовать о том, что они представляли собой сильно сарматизированное общество.

Более сложен вопрос об этнической принадлежности катакомбных захоронений Чегемского кургана.

До недавнего времени наиболее ранние катакомбы на Северном Кавказе датировались I в. н. э. и их аланская принадлежность не вызывала особых возражений. Более того, эта дата вполне соответствовала данным письменных источников, приурочивающих появление алан на этой территории к I в. н. э.

Теперь же в связи с передатировкой М. П. Абрамовой целого ряда катакомб Нижне-Джуглатского могильника (II—I вв. до н. э. и даже концом III в. до н. э.)⁴ и открытием большой группы катакомб последних веков до нашей эры в Чегемском кургане это соответствие несколько нарушилось и стало возможным по-иному взглянуть на прежние устоявшиеся положения.

Как известно, большинство исследователей связывает появление катакомбного обряда захоронения в северокавказском регионе с сармато-аланами⁵.

Однако в настоящее время сарматская принадлежность северокавказских катакомб ставится под сомнение М. П. Абрамовой⁶. Какие же аргументы она приводит, оспаривая сарматскую принадлежность этого обряда захоронения?

Это прежде всего тот факт, что катакомбы малохарактерны для сарматской культуры. Действительно, на основной территории обитания сарматов, по последней сводке К. Ф. Смирнова, известны всего 34 катакомбы V—I вв. до н. э.⁷, что составляет не более 2% от общего числа исследованных могил⁸. Тем не менее чегемские катакомбы II—I вв. до н. э. (кстати, как и нижнеджуглатские), не имеющие генетических корней в северокавказском регионе предшествующей эпохи, наиболее близки катакомбам поволжско-приуральских степей. Эта близость,

³ Мизиев И. М., Кереев Б. М. Новый комплекс сарматского времени из Кабардино-Балкарии.— Учен. зап. КБНИИ, Нальчик, 1974, т. 26, с. 223—228; Бетров Р. Ж. Отчет о раскопках курганов у с. Кишпек в 1974 г. Архив КБНИИФЭ, инв. 2206; Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Отчет о раскопках курганов в бассейне реки Чегем в 1973 г. Архив КБНИИФЭ, инв. № 2187.

⁴ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник, с. 39; *ее же*. Некоторые вопросы аланской культуры Северного Кавказа.— Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. (Тезисы докладов). М., 1976, с. 5—6; *ее же*. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья.— Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 64—70.

⁵ Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья.— КСИИМК, 1952, № 46; Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 151—159; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, с. 14; Виноградов В. Б. Сарматы..., с. 94 и след.; Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976, с. 134 и след.

⁶ Абрамова М. П. Некоторые вопросы аланской культуры..., с. 5—6; *ее же*. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях..., с. 70—71.

⁷ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 73—80.

⁸ Абрамова М. П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях..., с. 70.

иногда доходящая до тождества, наблюдается и в типологических особенностях катакомб. Так, выделенные нами в Чегемском кургане катакомбы I и II типов находят близкие аналоги среди поволжско-приуральских катакомб⁹. Что касается катакомб II типа, то К. Ф. Смирнов находил возможным выводить их из сарматского степного мира¹⁰. Правда, последние в Чегемском кургане представлены единицами. Однако непрослеженность входных ям большинства катакомб не позволяет установить истинное соотношение типов катакомб в кургане-кладбище. Тем не менее в Нижне-Джулатском могильнике, например, наиболее распространенным был именно этот тип катакомбы¹¹.

В первой публикации материалов Нижне-Джулатского могильника М. П. Абрамова отмечала, что одним из существенных отличий катакомб Центрального и Северо-Восточного Кавказа от поволжских и прикубанских является отсутствие у последних узкого входа, соединяющего дромос с камерой¹². В то же время наличие у катакомб центральных районов Северного Кавказа I—XI—XII вв. н. э. узкого прохода или устья, соединяющего дромос с камерой, подчеркивает, по мнению М. П. Абрамовой, своеобразие аланской культуры этого района¹³. Однако этот вывод не совсем подтверждается на материалах кургана. Так, из 12 катакомб, конструктивные особенности которых были прослежены (именно на них и базировалась наша типология), 7 характеризуются отсутствием суженного устья. Тем самым выявляется еще одна характерная деталь, сближающая катакомбы Чегемского кургана с поволжско-приуральскими.

Отмечаемая близость между двумя регионами не ограничивается сходством конструктивных особенностей в устройстве катакомб. В полной мере она проявляется при разборе других особенностей погребального обряда, являющегося одним из важнейших этнографических признаков. Это, во-первых, преобладание южной ориентировки с отклонениями к западу или востоку, подогнутые и перекрещенные в голенях ноги, положение кистей рук у таза, заупокойная пища (чаще нога барана с лопаткой), обильная меловая подсыпка дна катакомб и различные формы проявления культа огня. Сарматский характер этих деталей похоронного ритуала не вызывает особых сомнений у большинства исследователей¹⁴. Помимо всего прочего, важной ритуальной деталью для сарматов прохоровской культуры является обычай класть в могилу разбитое зеркало или его обломки¹⁵. Этот обычай ярко представлен в Чегемском кургане, и особенно в катакомбах. 80% зеркал кургана-кладбища разбиты. В целом преднамеренная порча вещей (зеркал, бус из твердых материалов, ножей и стрел) наблюдается в каждой четвертой катакомбе. Кроме того, отдельные женские захоронения в катакомбах кургана, выделявшиеся либо относительным богатством (например,

⁹ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 74—75.

¹⁰ Там же, с. 78.

¹¹ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 9; *ее же*. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях..., с. 65.

¹² Абрамова М. П. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г.—КСИА АН СССР, 1970, № 124, с. 94.

¹³ Там же.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия.—КСИМК, 1950, № 134, с. 97—114; *его же*. Савроматы. М., 1964., с. 92—94; *его же*. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.—II в. н. э. (историко-археологический очерк).—СА, 1974, № 3, с. 33—44; *его же*. Сарматы Илека. М., 1975, с. 156—162; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.—САИ, 1963, Д1—10, с. 19—24; Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э.—СА, 1959, № 1, с. 52—69; Виноградов В. Б. Сарматы..., с. 61; *его же*. Рец. на кн.: Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник.—СА, 1975, № 1, с. 305; Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан..., с. 12—17.

¹⁵ Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.—СЭ, 1964, № 3, с. 89—96.

катакомбы 17 с канфаром и 52, в дромосе которой лежал костяк лошади), либо предметами вооружения (катакомба 116 с колчаном стрел), находят аналоги в сарматском мире, где были наиболее сильны пережитки материнского рода и женщины занимали почетное место в коллективе, нередко принимая участие в военных действиях¹⁶.

Итак, перечисленные главные черты погребального обряда чегемских катакомб ярко свидетельствуют, с одной стороны, об их связи со степным сарматским миром, а с другой стороны, говорят и о некоторых различиях между ними. Оно и понятно, на всех этапах исторического развития кочевнических культуры, соприкасавшиеся с оседло-земледельческими культурами периферии степи, если не радикально, то, по крайней мере, ощутимо меняли свою окраску, что временами сопровождалось переходом части номадов к оседлому быту. Отсюда и специфические особенности одноэтнических кочевнических культур в различных географических областях.

Именно этими причинами обусловлены, по-видимому, своеобразные черты северокавказских катакомб.

Одной из примечательных особенностей чегемских катакомб, в отличие от сарматских, является использование их для коллективных захоронений. Эту черту обряда М. П. Абрамова связывает с традициями кобанской культуры, подчеркивая тем самым роль местных элементов в создании катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе¹⁷.

Так ли это на самом деле? Ведь общезвестно, что грунтовые погребения плоскости начиная со скифского времени характеризуются, за редким исключением, индивидуальными захоронениями, в то время как коллективные более свойственны для горной зоны¹⁸. Здесь же, в высокогорье, по справедливому замечанию М. П. Абрамовой¹⁹, в сарматское время намечается общая тенденция к изменению погребального обряда по сравнению с предшествующим временем, и среди известных памятников уже заметно преобладают индивидуальные захоронения.

Между тем необходимо отметить, что и сарматским племенам на основной территории их обитания (не говоря даже о контактных зонах) не был чужд обычай коллективных захоронений и отличительной особенностью их, как и северокавказских, являются сдвинутые кости ранее умерших, а также ярусное расположение костяков²⁰.

В этой связи представляет определенный интерес вывод А. М. Хазанова, сделанный на материалах позднескифских коллективных захоронений. По его мнению, этот обряд следует связать с процессом седентаризации, поскольку распространение коллективных захоронений становится массовым или преобладающим в тех районах, где происходило оседание кочевников²¹. По-видимому, это закономерный исторический процесс, и чегемские катакомбы с коллективным обрядом захоро-

¹⁶ Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3, с. 100—112; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 97; Смирнов К. Ф. Сарматы Илека, с. 173—174.

¹⁷ Абрамова М. П. Нижне-Джунатский могильник, с. 10—11, 39.

¹⁸ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 190, 239.

¹⁹ Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры.— Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 24 и след.

²⁰ Смирнов К. Ф. О коллективных (семейных) захоронениях у ранних кочевников Южного Приуралья.— Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 109; его же. Сарматы на Илеке, с. 81—82; Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска.— Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 31; ее же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 49; Березин Я. Б., Савенко С. Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе.— Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 39, примеч. 27.

²¹ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 67.

нения отражают это явление. Начало данного процесса в Чегемском кургане в хронологическом отношении недостаточно четко улавливается. Можно лишь отметить, что оседание пришлого кочевого населения началось, скорее всего, где-то на рубеже II—I вв. до н. э. с последующим его нарастанием.

О том, что носители катакомбного обряда захоронения Чегемского кургана были пришлым населением, свидетельствует еще один факт, заслуживающий самого пристального внимания. Нет необходимости напоминать, что центральные районы Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э. являлись одним из крупных очагов металлопроизводства²². Поэтому находки отдельных изделий из некавказского металла можно рассматривать как результат торговых обменов или военных походов. Однако когда эти изделия составляют компактную группу на памятниках, отмеченных печатью сильного влияния со стороны инородных этнических групп, то становится возможным более уверенно ставить вопрос о проникновении этих групп в местную этническую среду.

В этом плане примечательны результаты спектрального анализа цветного металла Чегемского кургана, произведенного Т. Б. Барцевой²³. Из 81 изделия, подвергнувшегося анализу, 29% по своим химико-металлургическим составам ближайшие соответствия находят среди волжско-уральского металла. Это, в первую очередь, бронзовые зеркала большого диаметра с валиком по краю, различные культовые подвески (бронзовые модели горита с луком, котла), бронзовые шлем, иглы и иглы и несколько булавок. На первый взгляд может возникнуть сомнение в том, что они являются все-таки предметами импорта. Однако эти изделия встречались исключительно лишь в ранних (II—I вв. до н. э.) катакомбах, в то время как в грунтовых могилах обеих хронологических групп и катакомбах I—II вв. н. э. (за исключением булавок из погр. 90) изделия из волжско-уральского металла совершенно отсутствуют. Причем в ранних катакомбах вещи из северокавказской и волжско-уральской бронзы встречаются в различных сочетаниях: в большинстве случаев преобладает северокавказский металл, а в пяти катакомбах найдены изделия лишь из волжско-уральской бронзы²⁴.

Следовательно, концентрация значительного числа изделий из волжско-уральской бронзы в Чегемском кургане подтверждает приведенные выше аргументы о пришлом характере населения, оставившего ранние чегемские катакомбы, и в какой-то степени указывает на исходный ареал их продвижения.

К этой же этнической группе следует отнести и носителей подбойных захоронений кургана-кладбища, поскольку погребальный обряд последних мало чем отличается от похоронного ритуала катакомбных захоронений.

В свое время К. Ф. Смирнов пришел к важному выводу относительно подбойно-катакомбных захоронений в сарматских степях. Он считал, что различные камерные могилы с соответствующим им ритуалом и вещевым сопровождением (южная ориентировка погребенных, обильная меловая подсыпка, разнотипные курительницы, длинные железные мечи, зеркала больших диаметров и т. д.) чаще всего встречались у той части сарматских племен, которые могли соответствовать аорсам и верхним аорсам Страбона последних веков нашей эры²⁵. В свете этого можно предположить, что центрально-предкавказские подбойно-

²² См., напр.: Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 316 и след.; Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Автореф. канд. дис. М., 1974.

²³ См. статью Т. Б. Барцевой в настоящем издании.

²⁴ Там же.

²⁵ Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения..., с. 77; его же. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги..., с. 39.

катакомбные могилы II—I вв. до н. э. принадлежали каким-то племенным подразделениям аорской конфедерации племен.

К. Ф. Смирнов писал, что аорский союз племен «объединял группы кочевого населения разного происхождения»²⁶. О возможном включении в этот союз других, родственных им племен, в частности, среднеазиатских, а также о той значительной роли последних в формировании прохоровской культуры Приуралья высказывалось неоднократно²⁷. И, наконец, в одной из последних работ К. Ф. Смирнов более определенно указывал, что сарматы-аорсы являются выходцами из дахо-массагетской среды²⁸.

В этой связи определенный интерес представляют среднеазиатские подбойно-катакомбные погребения с южной ориентацией погребенных последних веков до нашей эры, число которых с каждым годом все возрастает²⁹.

Вопрос об их происхождении до сих пор окончательно не решен и остается предметом дискуссии. Существуют мнения как о местном³⁰, так и о скифо-сарматском³¹ происхождении населения, оставившего могильники с данным обрядом захоронения. Последняя точка зрения, на наш взгляд, является наиболее убедительной на сегодняшний день. В частности, О. В. Обельченко писал, что «возникновение могильника (Лявандакского.— Б. К.) во второй половине II в. до н. э. на территории Бухарского оазиса, скифо-сарматский облик инвентаря, а также характер погребального ритуала позволяют связать его появление с эпохой завоевания Средней Азии народами, известными в истории под названием «юечжи»³². Предполагая скифо-сарматское происхождение последних, О. В. Обельченко считает территории от Алтая до Приуралья, а также степного Казахстана исходным ареалом их вторжения в Среднюю Азию³³. В настоящее время близкого мнения придерживается и Б. И. Вайнберг, которая предполагает связь «наиболее массовой группы курганных могильников с захоронениями в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой с юечжийской группой племен, отличной от кушан и принадлежавшей к сарматскому кругу племен (в широком смысле этого понятия)»³⁴. В то же время А. М. Мандельштам указывает на наличие более восточной группы сарматских племен, чем это принято было считать ранее и для которых также характерны ката-

²⁶ Смирнов К. Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги..., с. 39.

²⁷ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 39—40; его же. Сарматские племена Северного Прикаспия, с. 102—103; его же. Сарматы Илека, с. 156—174; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры, с. 39—51.

²⁸ Смирнов К. Ф. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 74—77.

²⁹ Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры.— СА, 1956, № 26, с. 97—117; Обельченко О. В. Лявандакский могильник.— ИМКУ, Ташкент, 1961, вып. 2, с. 97—176; Лоховиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик.— Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ, 11). М., 1979, с. 134—147; Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присаракамышская дельта Амударьи).— Там же, с. 167—177.

³⁰ Сорокин С. С. Указ. соч.; Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.

³¹ Обельченко О. В. Лявандакский могильник, с. 170—176; его же. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1954; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв.— СА, 1982, № 2, с. 48—49.

³² Обельченко О. В. Лявандакский могильник, с. 173.

³³ Там же.

³⁴ Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977, с. 73—77; ее же. Курганные могильники Северной Туркмении..., с. 176; ее же. Скотоводческие племена в Древнем Хорезме.— Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 128.

комбные захоронения с южной ориентировкой³⁵. Считается также, что именно из этих районов могли появиться кочевники, в числе которых были и юечжи³⁶, разгромившие Греко-Бактрийское царство в 140—130 гг. до н. э.

II в. до н. э.— время массового продвижения сарматов из поволжско-уральских степей на запад — на Кубань и украинские степи³⁷ и период завоевания Скифии сарматскими племенами³⁸. Синхронность этих событий — падение Греко-Бактрийского царства на юго-востоке, активизация кочевников на Северном Кавказе и завоевание Скифии на западе — исследователи склонны объяснять тем, что в них могли принять участие одни и те же племена³⁹. Это косвенно подтверждается еще и тем, что идентичность тамг, наблюдаемая на обширной территории от Западной Монголии до Северного Причерноморья, по мнению ряда исследователей, не может быть случайной, и она отражает родство оставших их племен, что, в свою очередь, позволяет проследить «пути продвижения кочевых племен от Западной Монголии и Джунгарии через Казахстан и Среднюю Азию в Восточную Европу, через ареал, где проживали ираноязычные племена — юечжи и сарматы»⁴⁰.

Таким образом, причины появления на Северном Кавказе значительной группы катакомб II—I вв. до н. э. связаны не только с судьбами племенных подразделений сарматов, но и с широким расселением центрально- и среднеазиатских кочевых племен, завоевавших Греко-Бактрийское царство⁴¹. Отсюда следует, что в вопросе происхождения центрально-предкавказских катакомб II—I вв. до н. э. решающую роль в конечном итоге могут сыграть среднеазиатские материалы. Во всяком случае, поиски истоков этого обряда уводят нас за пределы Северного Кавказа прежде всего хотя бы потому, что он не находит генетических корней в данном регионе предшествующей эпохи.

³⁵ Мандельштам А. М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных.— *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. М., 1974, т. 1, с. 193—194; *его же*. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы.— *Проблемы советской археологии*. М., 1978, с. 139—141.

³⁶ Последних большинство исследователей идентифицируют с тохарами (см. напр.: Рерих Ю. Н. Тохарская проблема.— *НЛА*, 1963, № 6, с. 118—123).

³⁷ Абрамова М. П. Сарматская культура..., с. 67.

³⁸ Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— *ВССА*. М., 1955, с. 209—210; *его же*. О начале проникновения сарматов в Скифию.— *ПСА*, М., 1971, с. 191—196.

³⁹ Толстов П. С. Древний Хорезм. М., 1948; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 140 и след.; Десятчиков Ю. М. Сатархи.— *ВДИ*, 1973, № 1, с. 131—144; Алиев И., Асланов Г. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане.— *Древний Восток*, Ереван, 1976, вып. 2, с. 223, примеч. 17, с. 224, примеч. 18; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 96—109. Кстати, с событиями в закаспийских степях в первой половине и середине II в. до н. э. связывает Д. А. Мачинский появление в южнорусских степях роксолан, являющихся, по его мнению, «передовой группой аланского этнического массива, восточное, а точнее массагетское происхождение которого несомненно» (Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии Восточноевропейских степей.— *АСГЭ*, 1974, вып. 16, с. 127).

⁴⁰ Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и гаммах Монголии.— *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. М., 1976, с. 66—72; Новгородова Э. А. Периодизация петроглифов Монголии.— *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье*. М., 1981, с. 39—40. См. также: Толстов П. С. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 147; Обельченко О. В. Лявандакский могильник, с. 174—176.

⁴¹ Десятчиков Ю. М. Сатархи, с. 143.

Инфильтрация кочевников в предкавказские степи, а затем их оседание происходили и в течение всего скифо-савроматского времени⁴². Несомненно, что ко времени начала функционирования Чегемского кургана в степных районах центральной части Северного Кавказа существовал определенный пласт ираноязычного населения с культурой синкретического характера. Все это способствовало сравнительно быстрой адаптации (возможно, в течение жизни первого поколения) новых пришельцев, установивших непосредственные и, по-видимому, достаточно тесные связи с аборигенными жителями края. В этом плане примечателен вывод М. П. Абрамовой о том, что «катакомбный обряд, распространяясь на определенной территории, сразу же перенимал и усваивал ряд черт, характерных для местного населения данного района»⁴³. Этими причинами и объясняется преобладание местных форм материальной культуры в большинстве ранних катакомб Чегемского кургана. Это, во-первых, результат взаимных контактов и, во-вторых, следствие начавшегося процесса оседания недавних кочевников, вынужденных приспособить свои запросы к хозяйственным и природно-климатическим особенностям местных условий, более соответствовавших оседлому быту, нежели кочевому образу жизни. Все это не могло не привести и к некоторой трансформации религиозных воззрений прошлого населения. Тем не менее на этом этапе еще достаточно ощутима их связь со степным кочевым миром, чего нельзя уже сказать в отношении катакомбников I—II вв. н. э., вполне успешно преодолевших аккомодационный период. Материалы этой группы катакомб имеют уже вполне кавказский облик и в какой-то степени опровергают традиционное представление о появлении на данной территории новой волны кочевников. Поздние катакомбы Чегемского кургана, как и Нижне-Джугатского могильника⁴⁴, генетически связаны с ранними и являются дальнейшим их развитием в местных условиях. В целом произошедшие изменения связаны, в основном, с процессом внутреннего развития общества⁴⁵, а также с существовавшими в то время обширными межплеменными сношениями и торговыми связями. При этом необходимо учитывать, что в первый хронологический период (II—I вв. до н. э.) наиболее тесные связи прослеживаются не только со степью, но и с меотами Прикубанья, а также с северопричерноморскими колониями,

⁴² Виноградов В. Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром.— ПСА, М., 1971, с. 177—183; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 25 и след. См. также работу: Батчаев В. М. Курганы скифского времени у сел. Нартан (в настоящем издании).

⁴³ Абрамова М. П. Раннесредневековые погребения Нижне-Джугатского могильника.— Уч. зап. КБНИИ, 1967, т. 25, с. 156.

⁴⁴ Абрамова М. П. Нижне-Джугатский могильник, с. 45.

⁴⁵ Этот вывод в какой-то степени подтверждает точку зрения о том, что аланы являются выходцами из аорского племенного союза (Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия, с. 108). Касаясь этого вопроса, К. Ф. Смирнов писал, что на азиатской территории «дело шло не столько о большой волне передвижения, сколько о политической перегруппировке, приведшей к усилению значения северокавказских и волго-донских сарматских племен» (там же, с. 109). Возможно, аналогичный процесс происходил и среди северокавказских сарматов [Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников.— Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 79; Керемов Б. М. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время.— VIII Крупновские чтения. (Тезисы докладов). Нальчик, 1978; с. 18.], поскольку «первые исторические известия об аланах заставляют их на тех же местах, где до того времени жили аорсы» (Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 108). В то время, когда был сформулирован этот тезис, наличный материал не позволял включать центральные районы Северного Кавказа в зону обитания аорского племенного союза; по той причине К. Ф. Смирнов и оговорил, что указанный регион составляет как бы исключение из общего правила. Теперь же, когда ситуация изменилась, наше предположение не является столь гипотетичным.

подтверждением чего служит значительное число импортных вещей (бусы, красноглиняные и стеклянные сосуды, фибулы, различного рода привески и браслеты, а также монеты и т. д.) из этих областей. Начиная с I в. н. э. влияние северо-восточных областей Северного Кавказа, а также Кавказской Албании в керамическом производстве становится наиболее ощутимым. Влияние Кавказской Албании и вообще Закавказья на керамическое производство центральных районов Северного Кавказа, по-видимому, наблюдалось и в последних веках до нашей эры⁴⁶, однако на материалах Чегемского кургана оно не прослеживается столь отчетливо.

В целом материалы Чегемского кургана-кладбища позволяют охарактеризовать широкий круг вопросов, связанных с историческим развитием данного региона в течение почти четырех столетий. Однако делать широкие обобщения и окончательные выводы на основании анализа одного кургана было бы неверно. Поэтому мы вынуждены были ограничиться некоторыми выводами, вытекающими из рассмотренных материалов.

⁴⁶ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. — СА, 1979, № 2, с. 31—50.

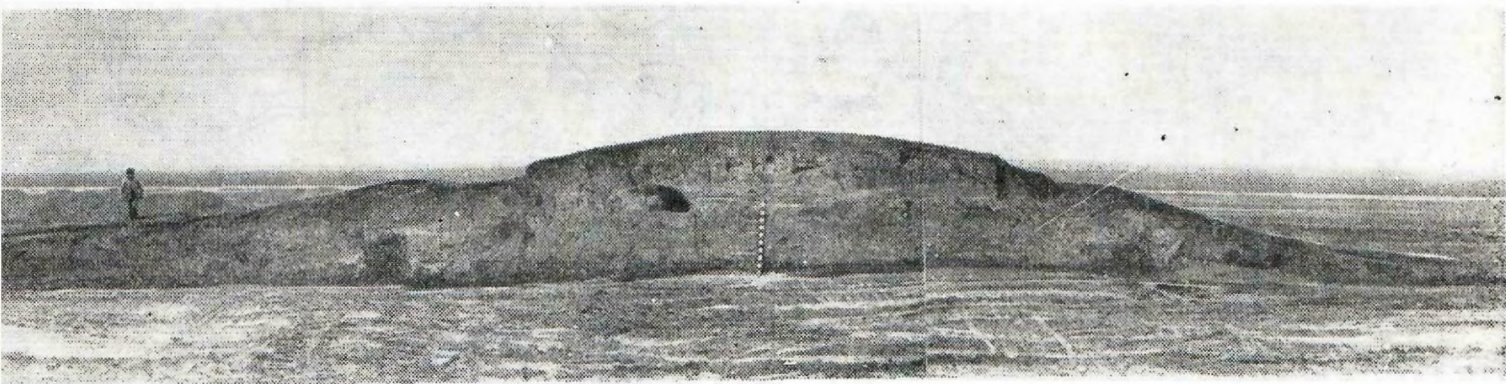

Рис. 1. Профиль кургана; вид с юга

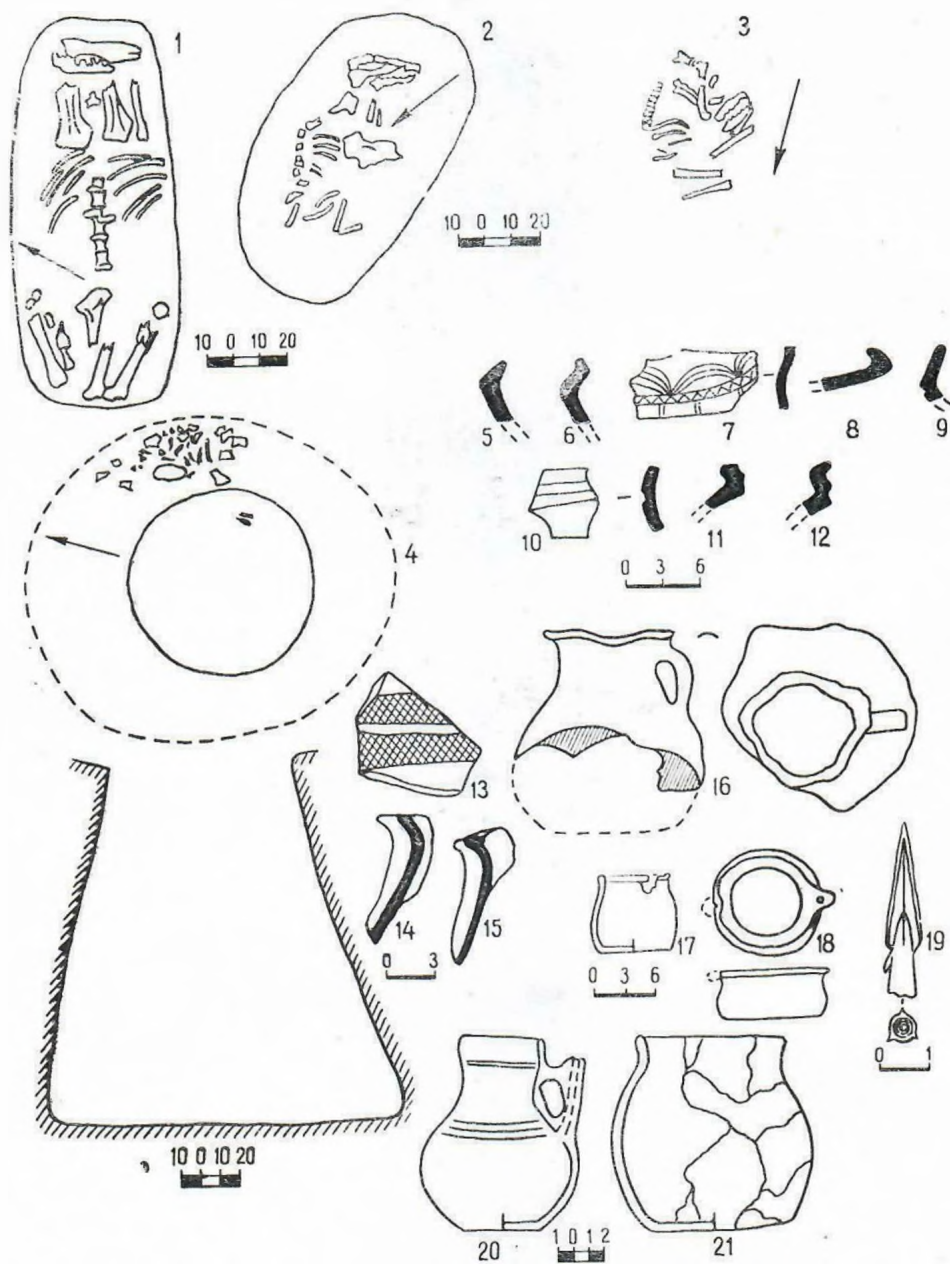

Рис. 3. Захоронения животных и находки в насыпи кургана (1—21)

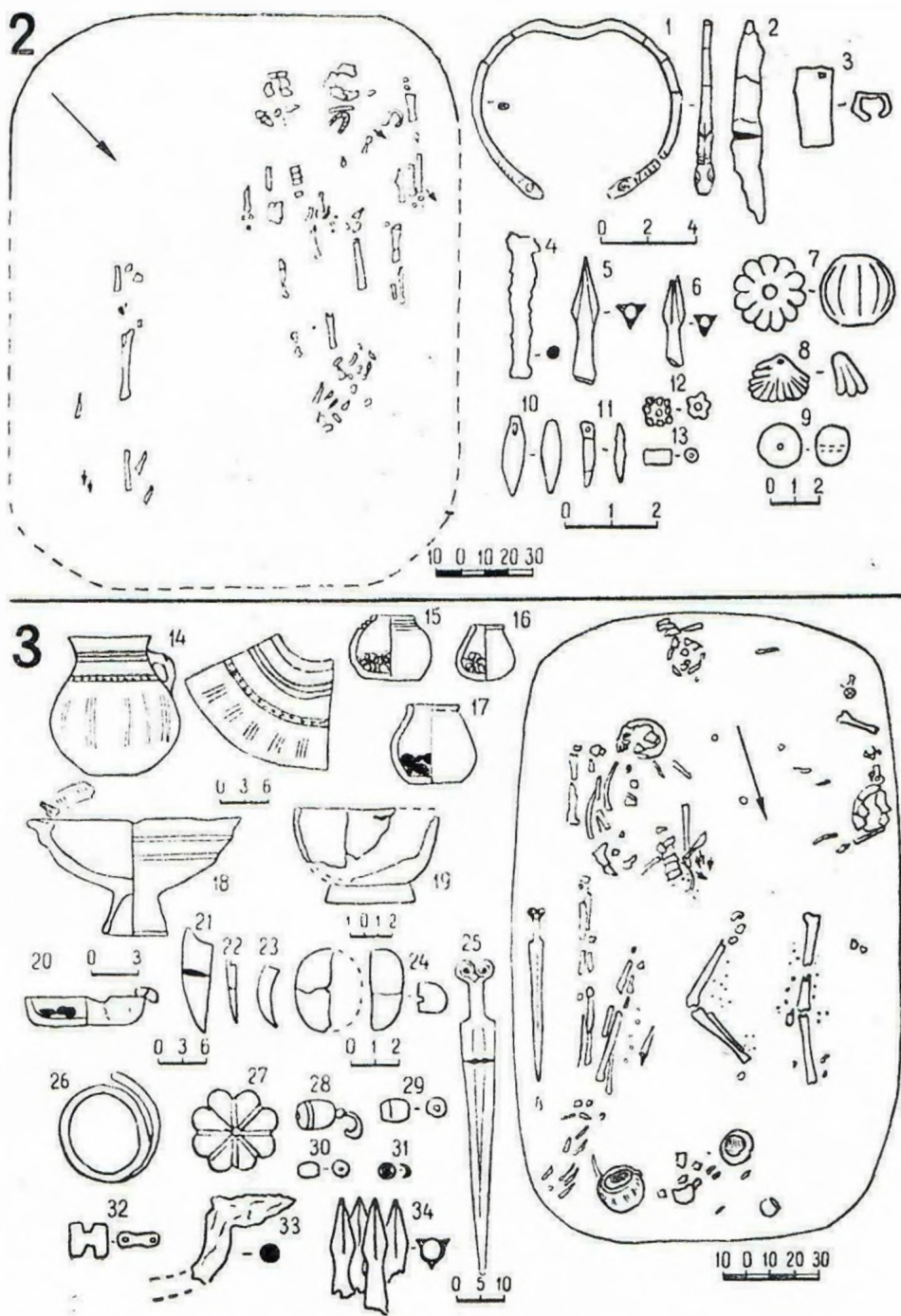

Рис. 4. Погребения II—I вв. до н. э.

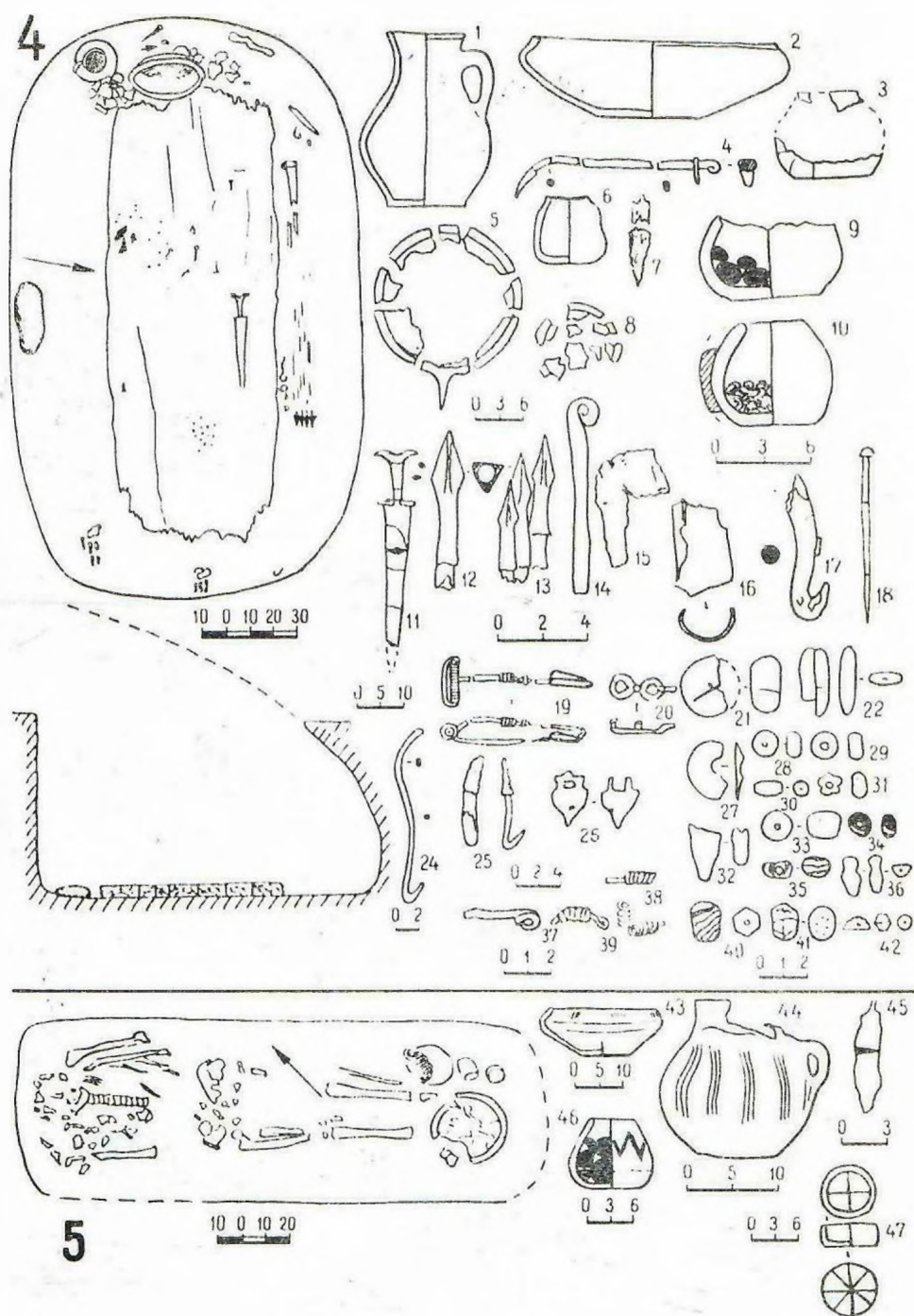

Рис. 5. Погребения II—I вв. до н. э.

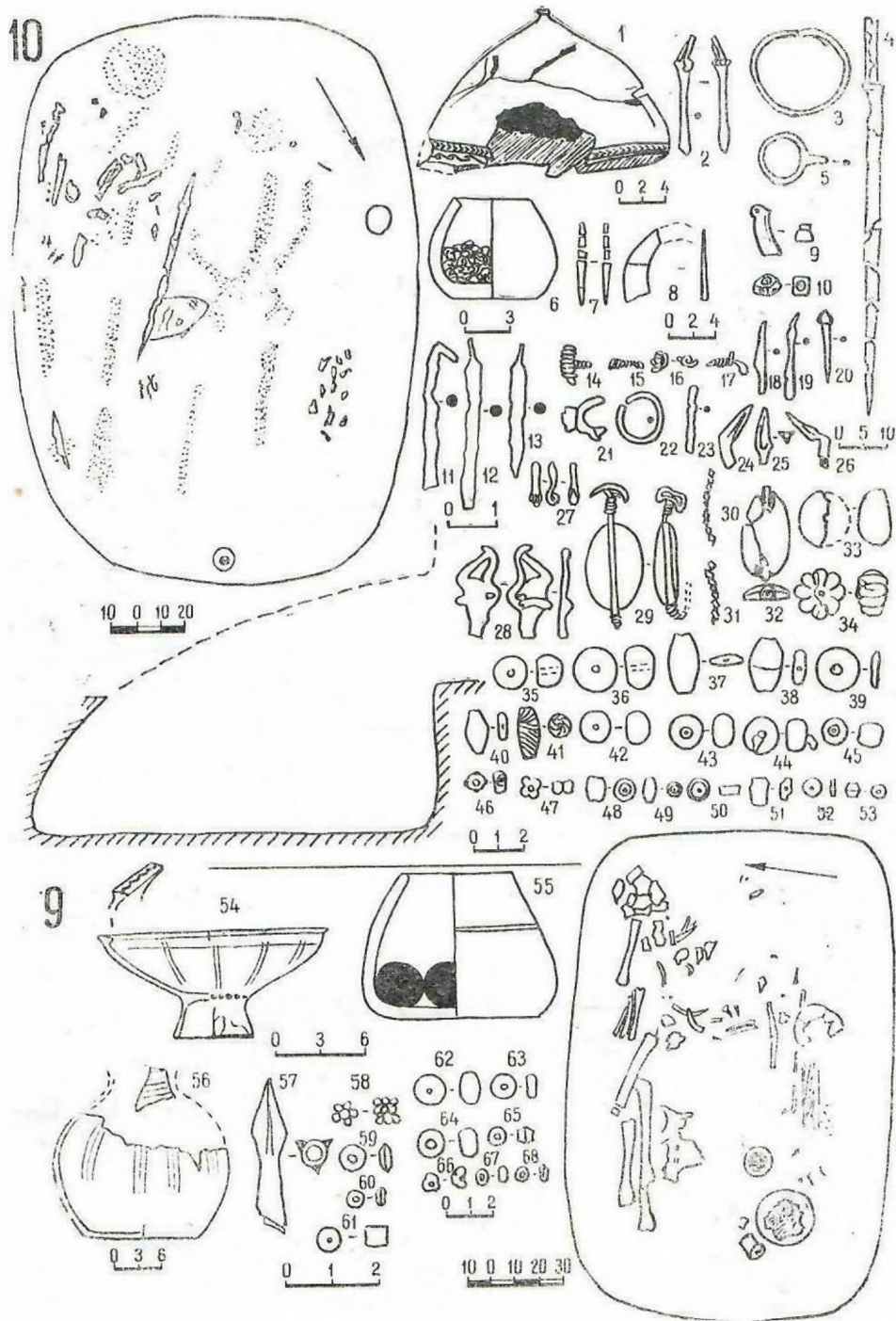

Рис. 6. Погребения II—I вв. до н. э.

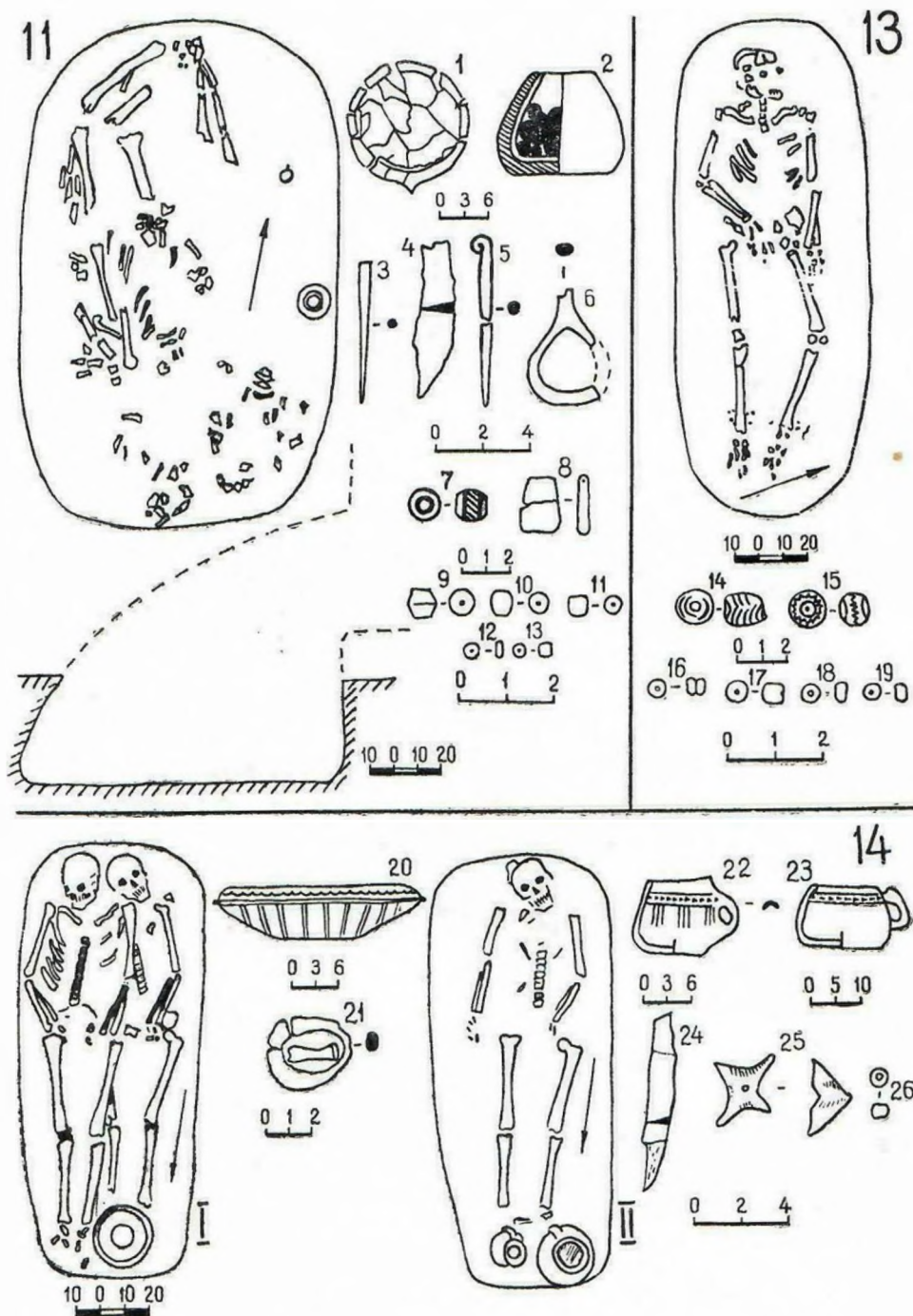

Рис. 7. Погребения II—I вв. до н. э.

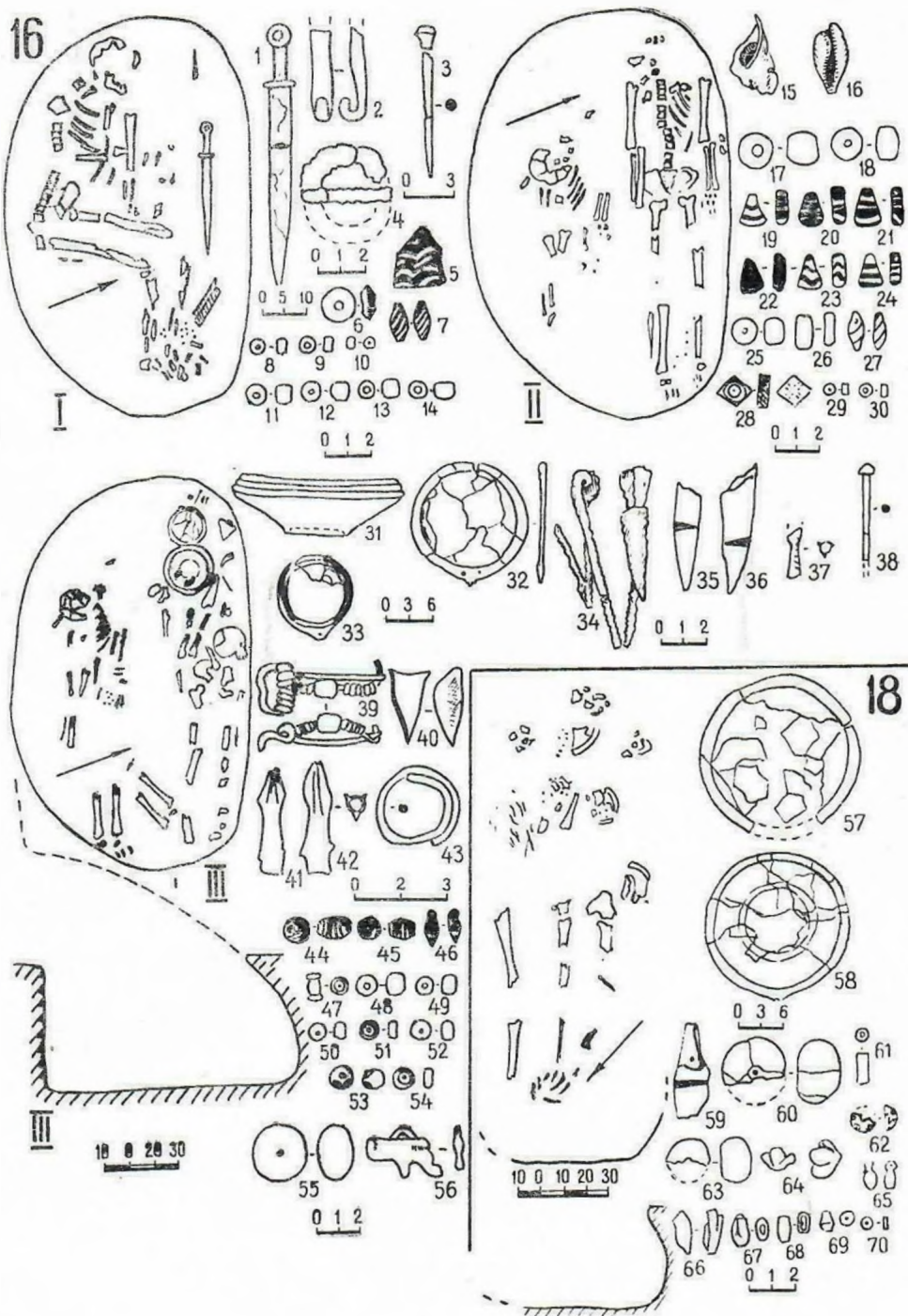

Рис. 8. Погребения II—I вв. до н. э.

17

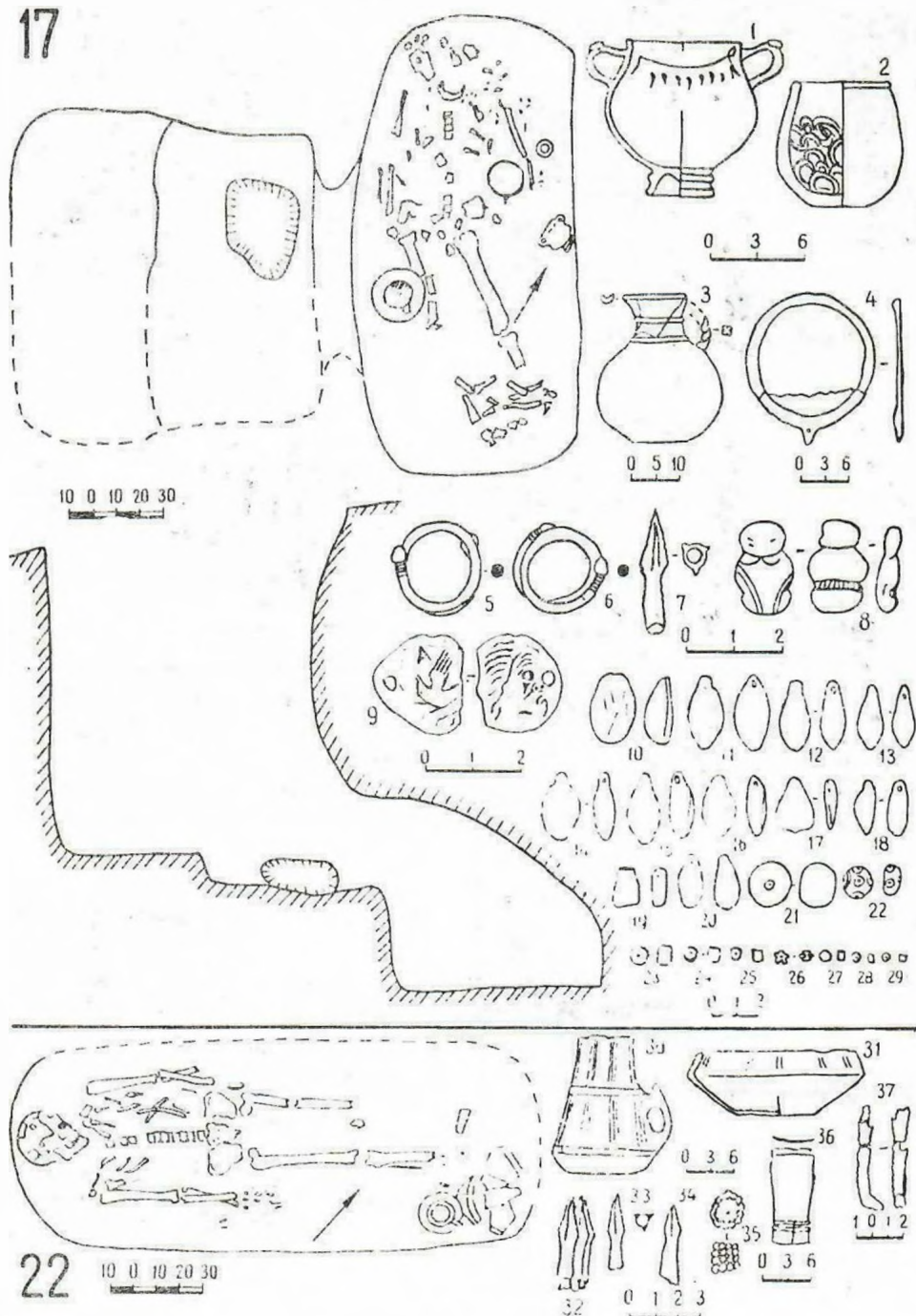

Рис. 9. Погребения II—I вв. до н. э.

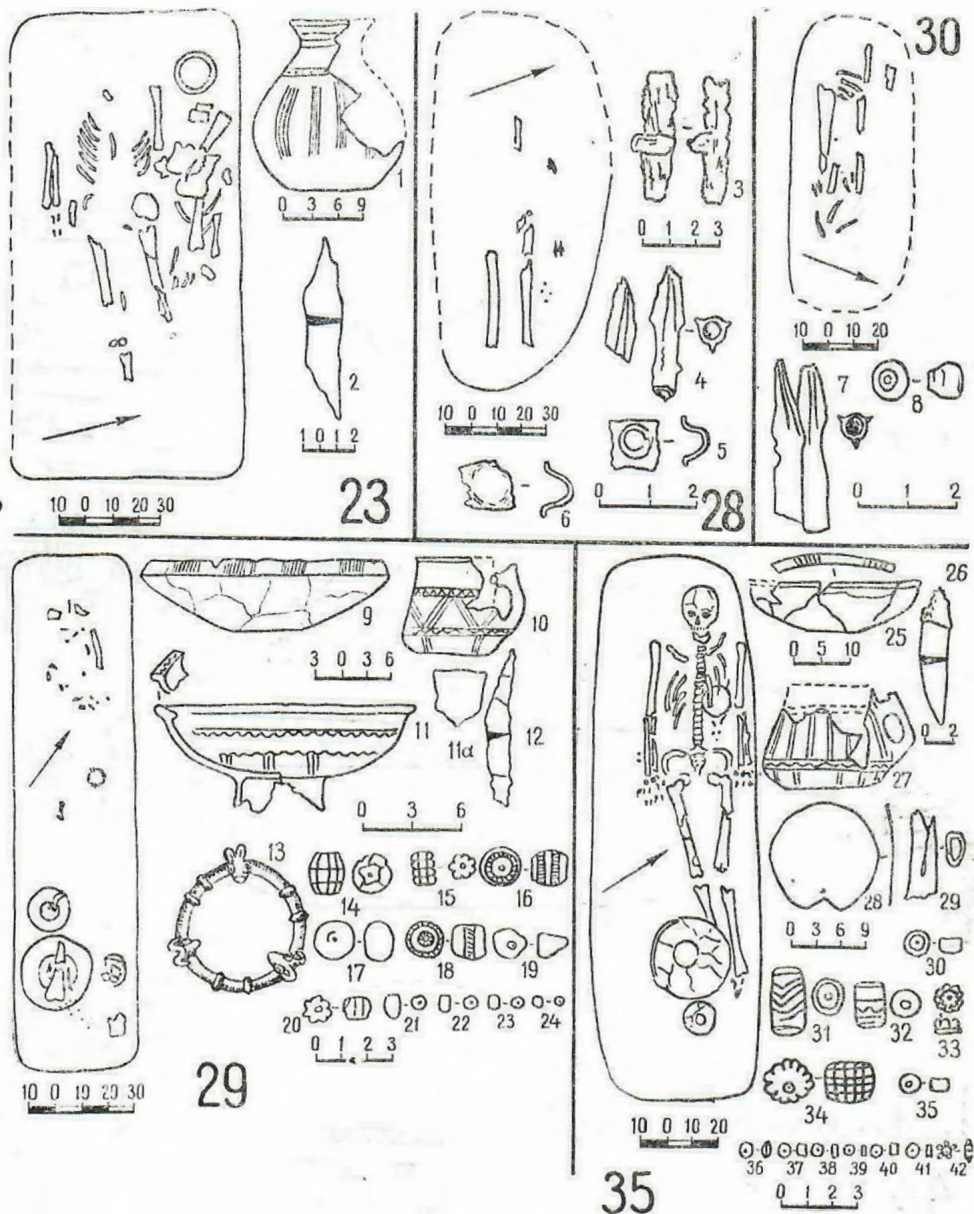

Рис. 10. Погребения II—I вв. до н. э.

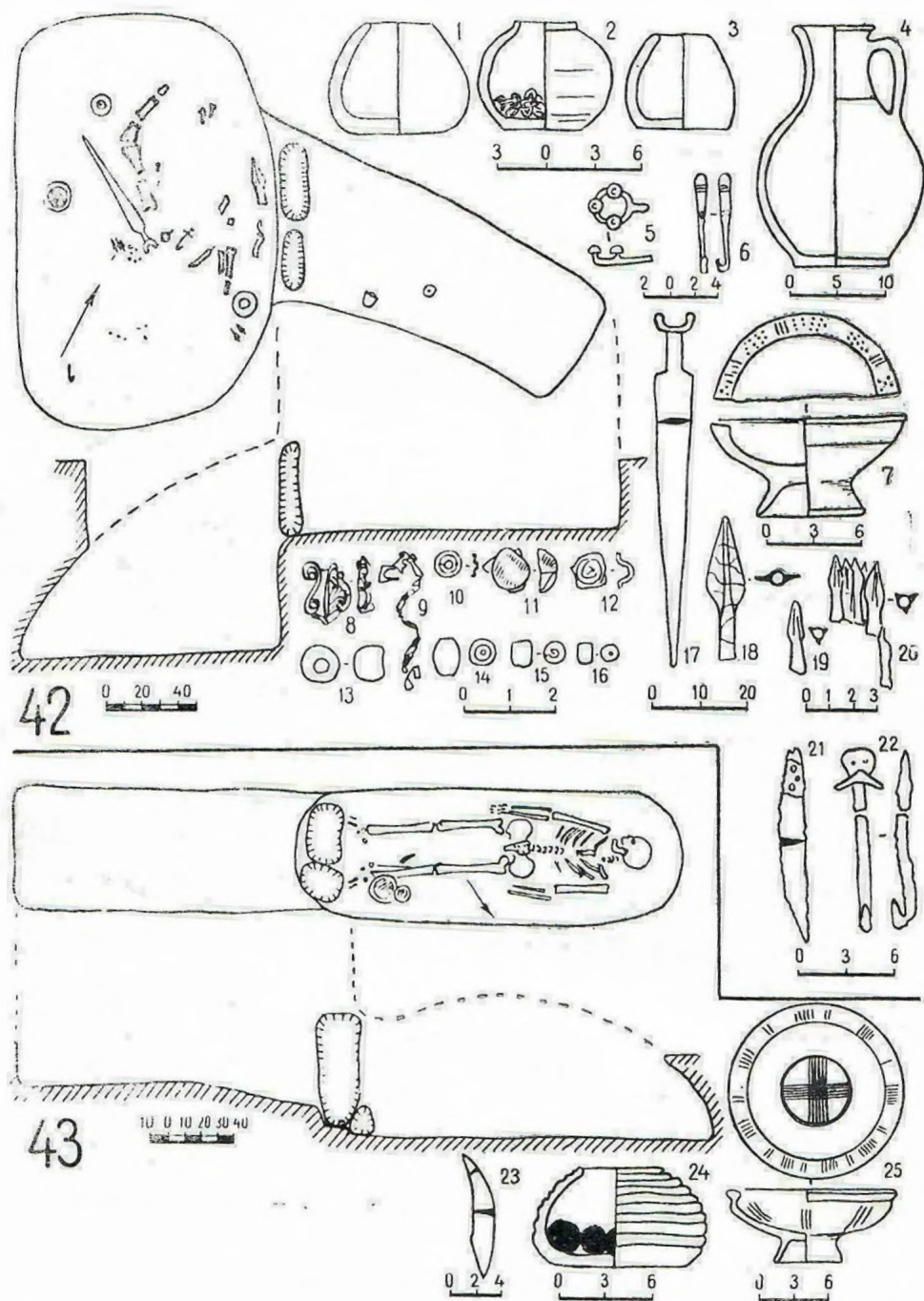

Рис. 11. Погребения II—I вв. до н. э.

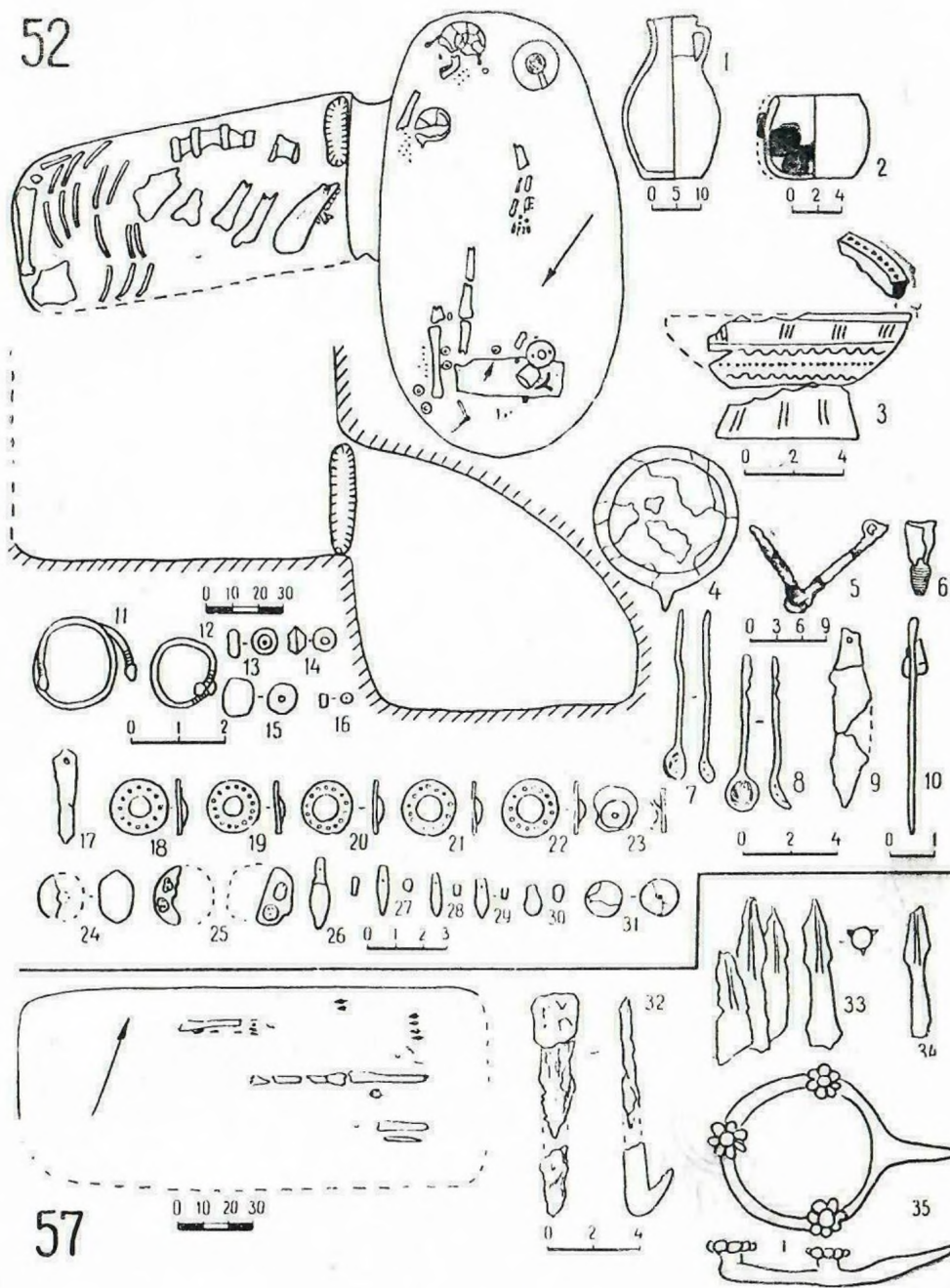

Рис. 12. Погребения II—I вв. до н. э.

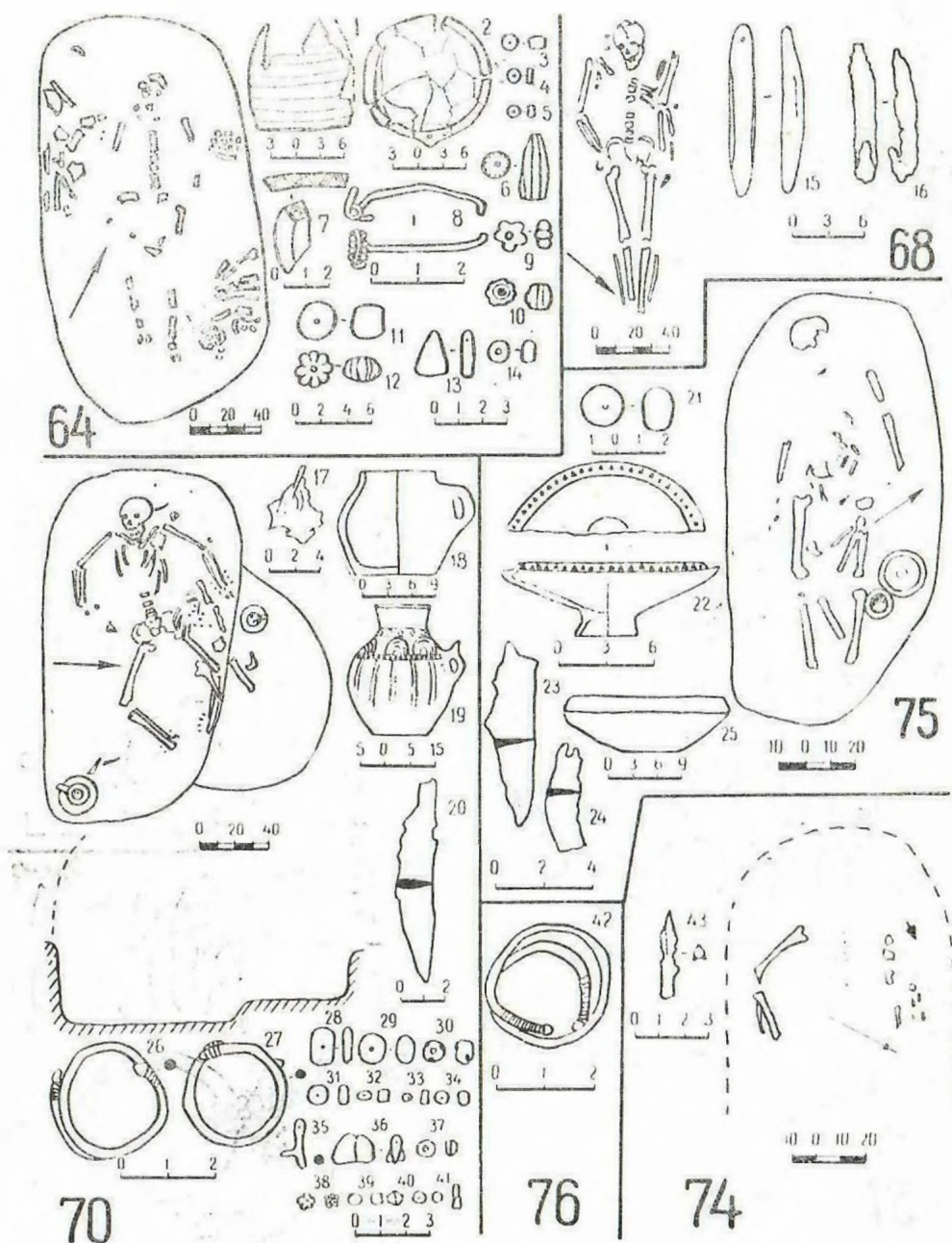
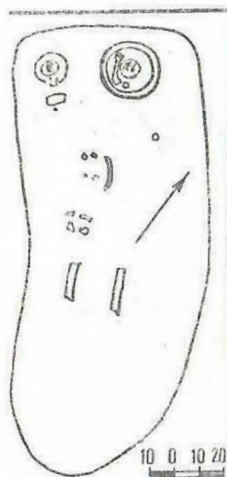
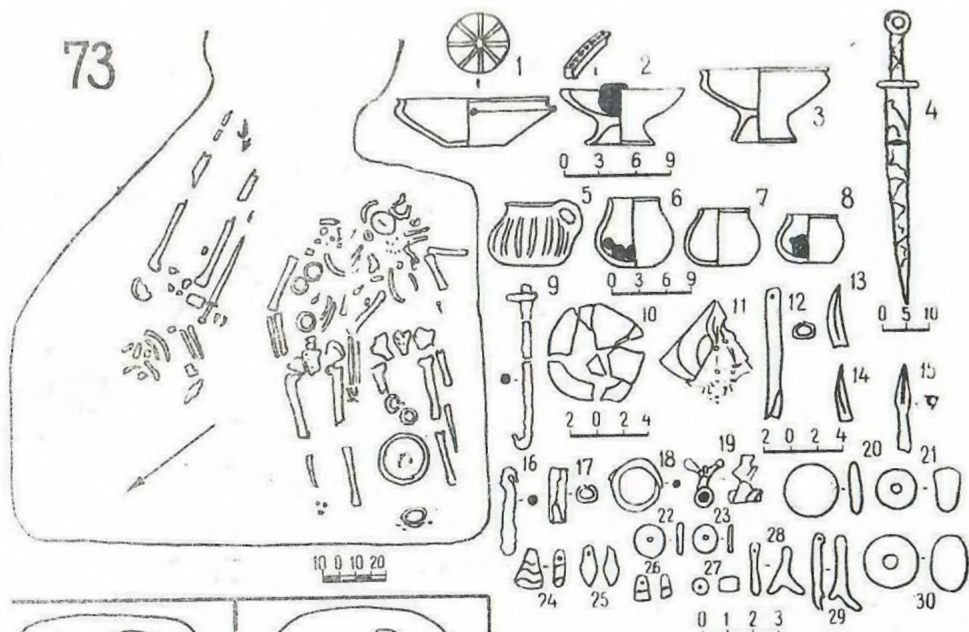
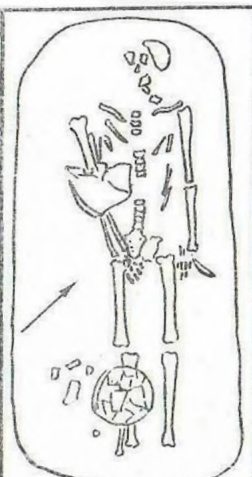

Рис. 13. Погребения II—I вв. до н. э.

73

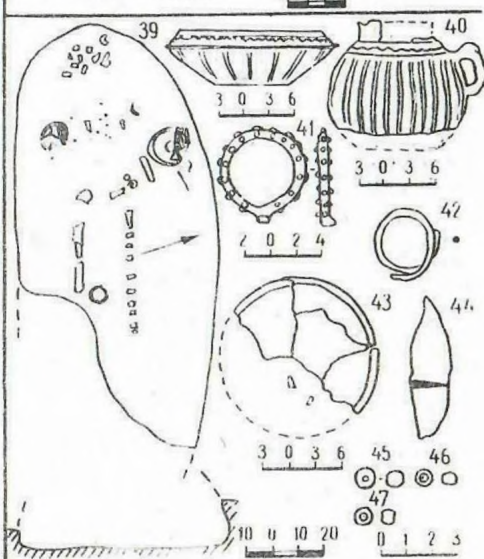
78

79

81

82

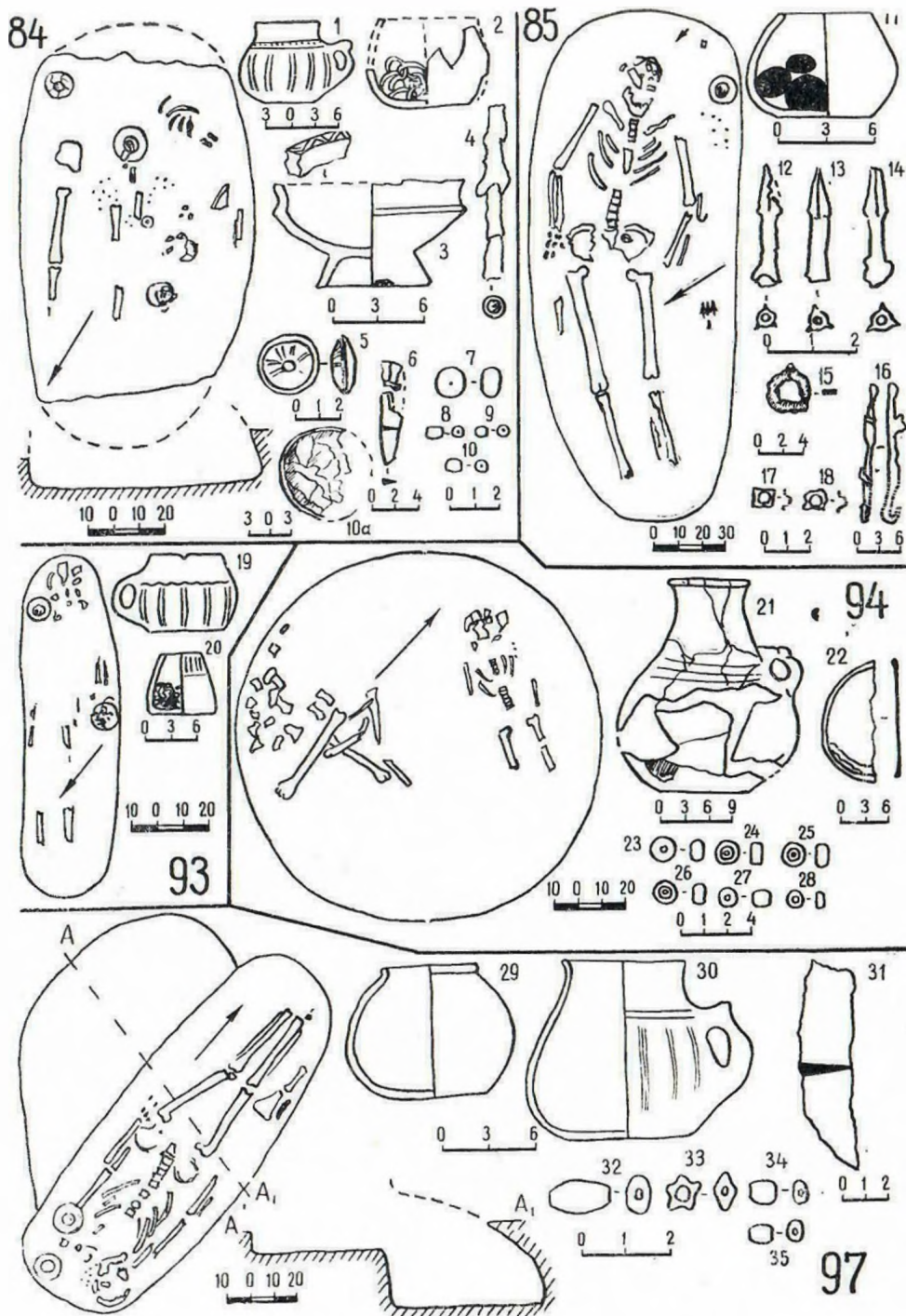

Рис. 15. Погребения II—I вв. до н. э.

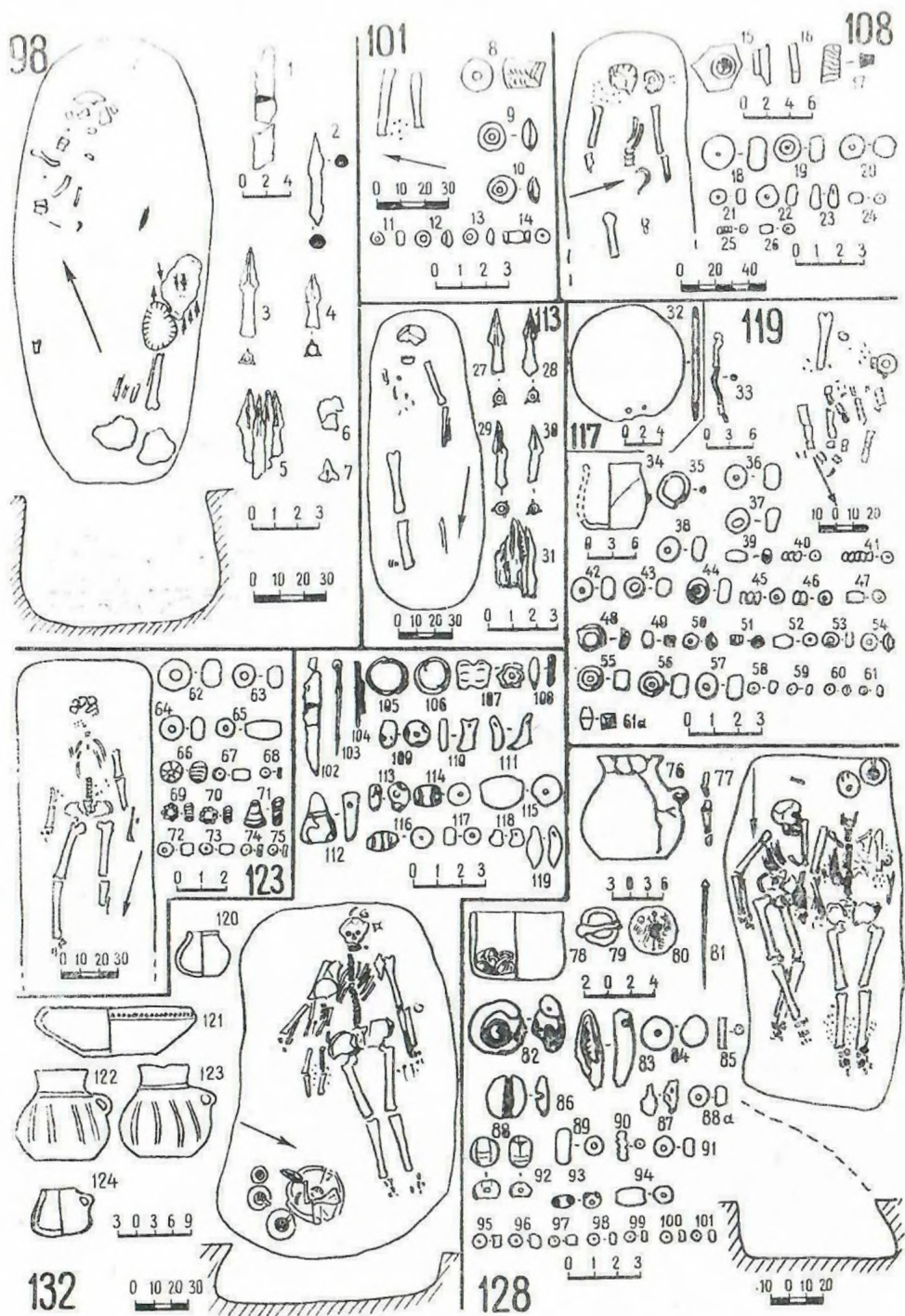

Рис. 16. Погребения II—I вв. до н. э.

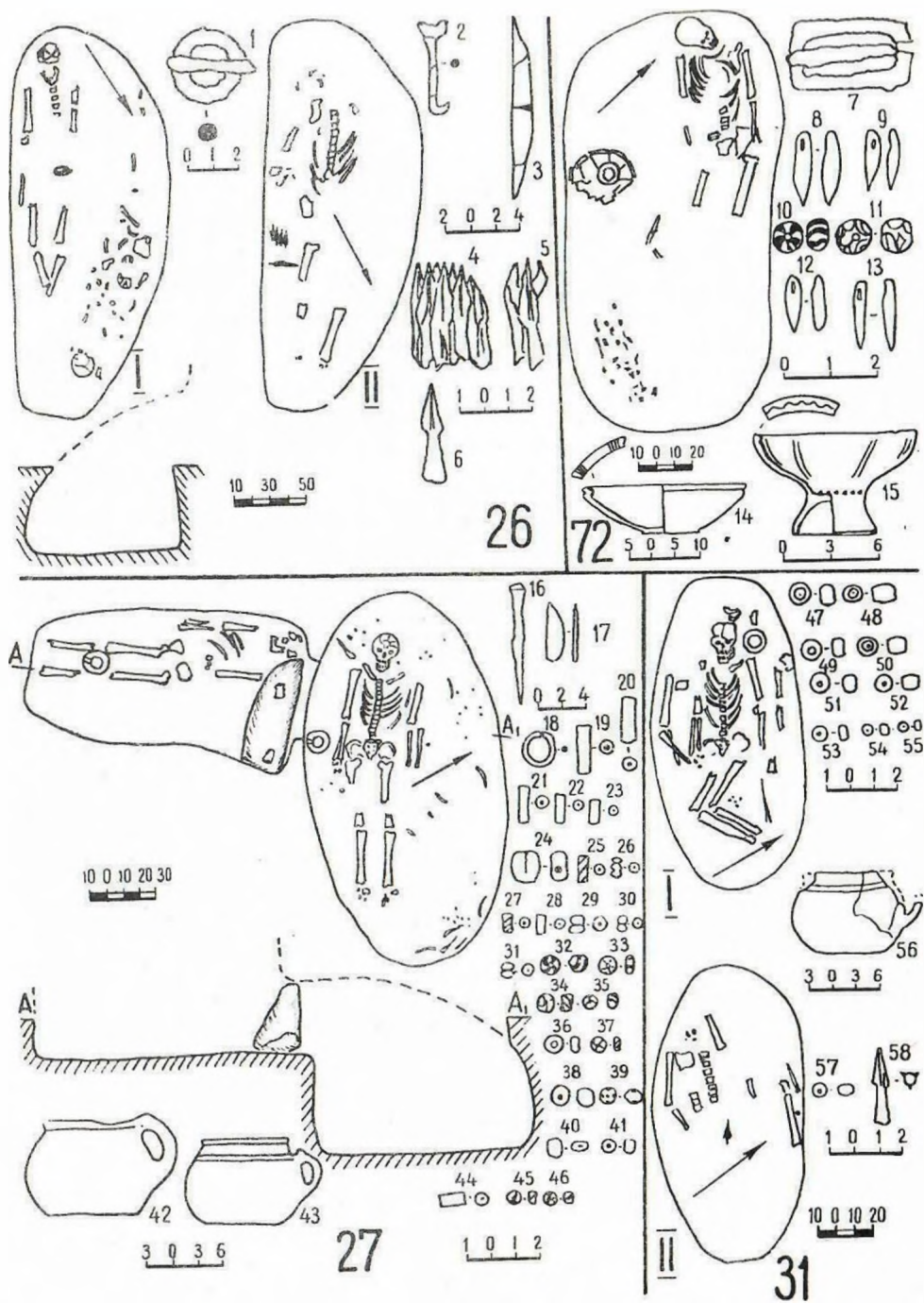

Рис. 17. Погребения рубежа н. э.

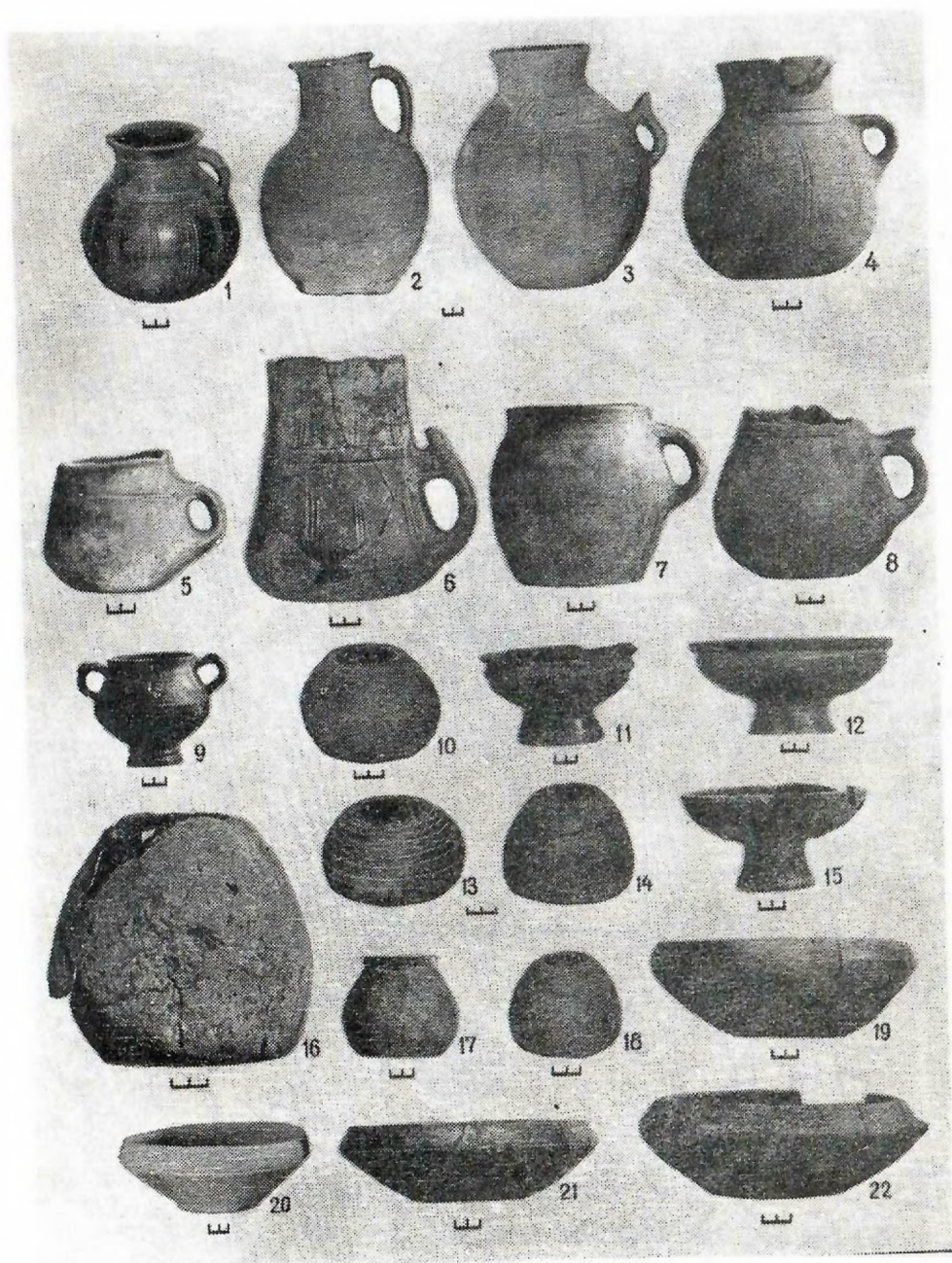

Рис. 17а. Керамика погребений II—I вв. до н. э. (1—22)

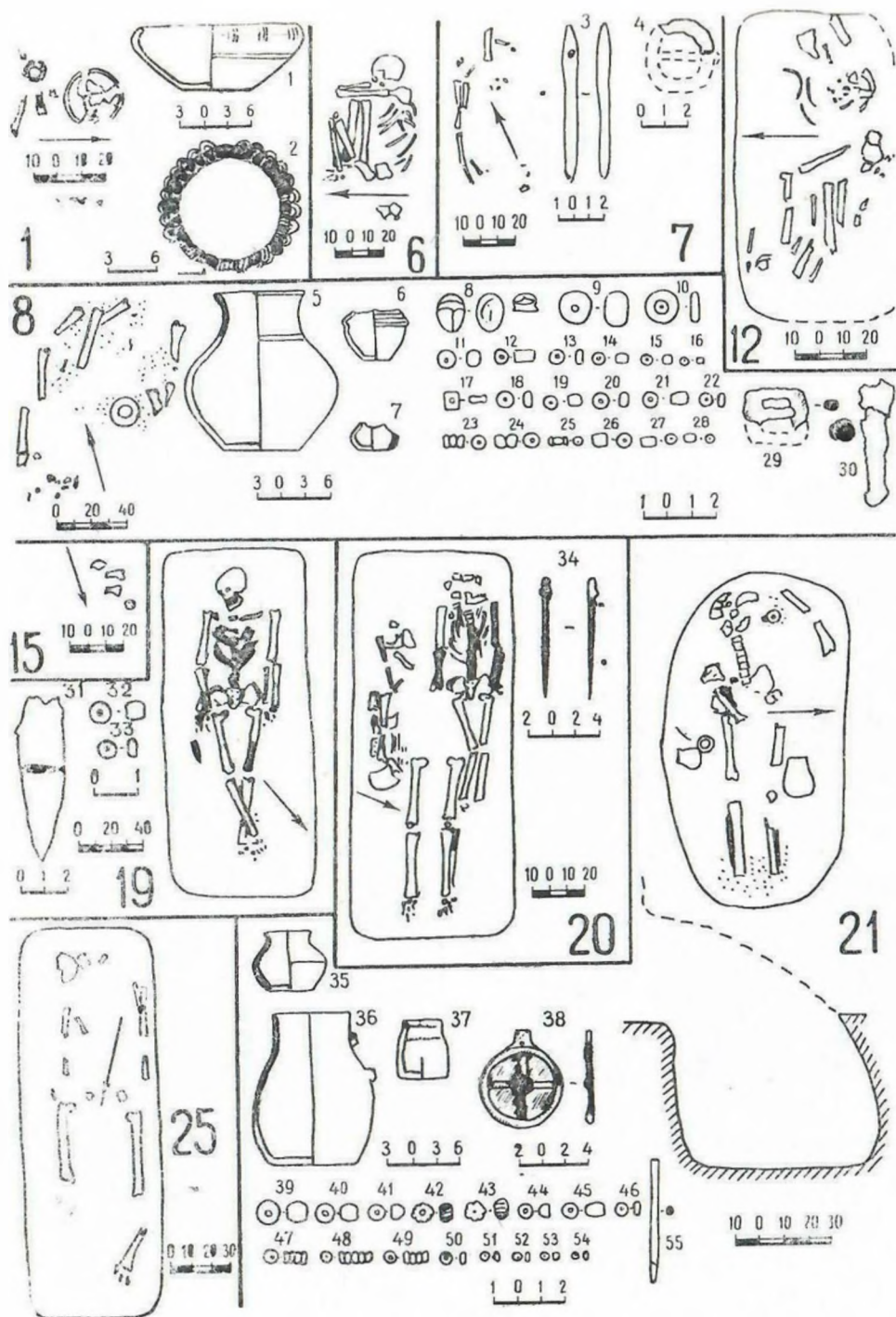
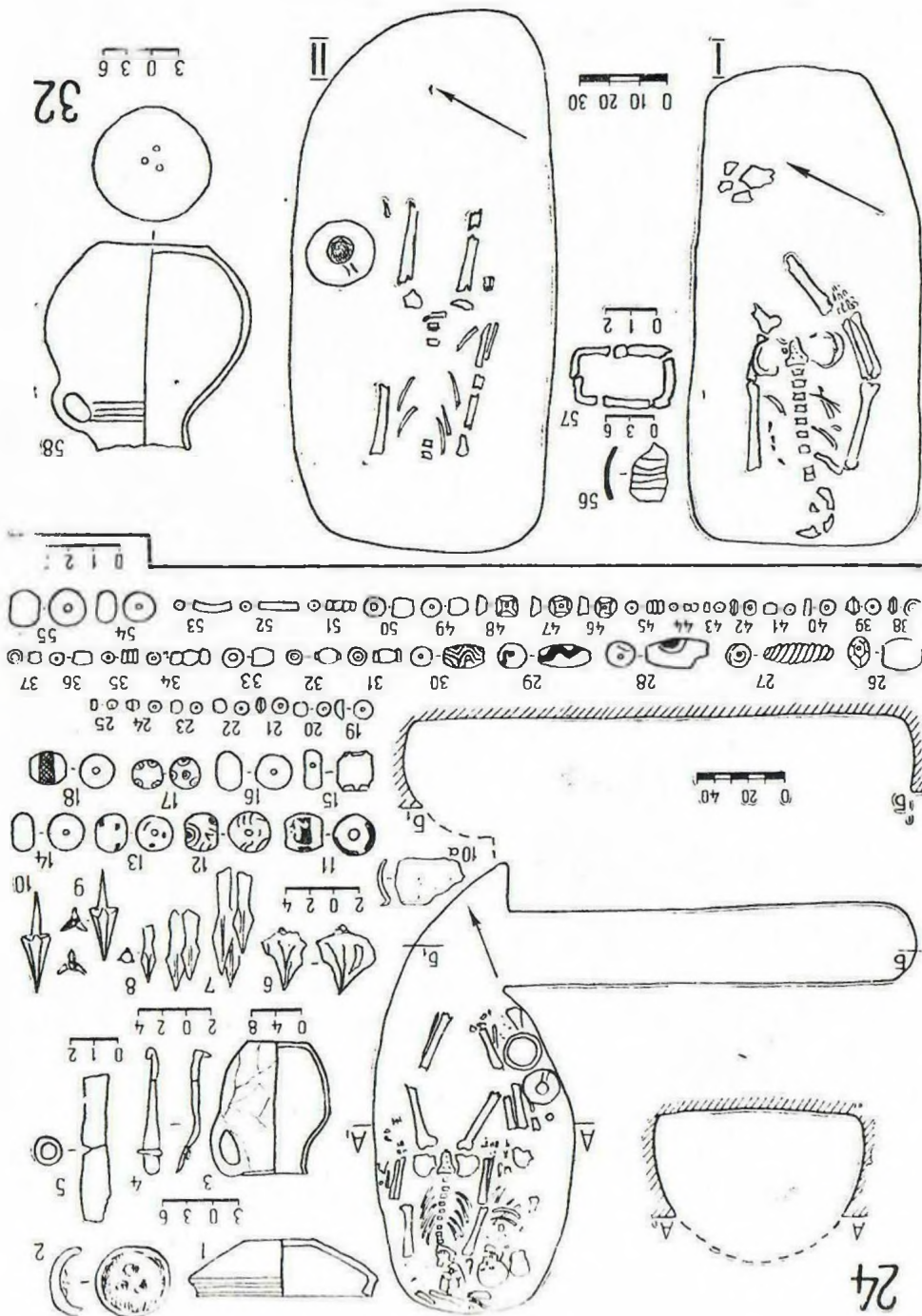

Рис. 18. Погребения I—II вв. н. э.

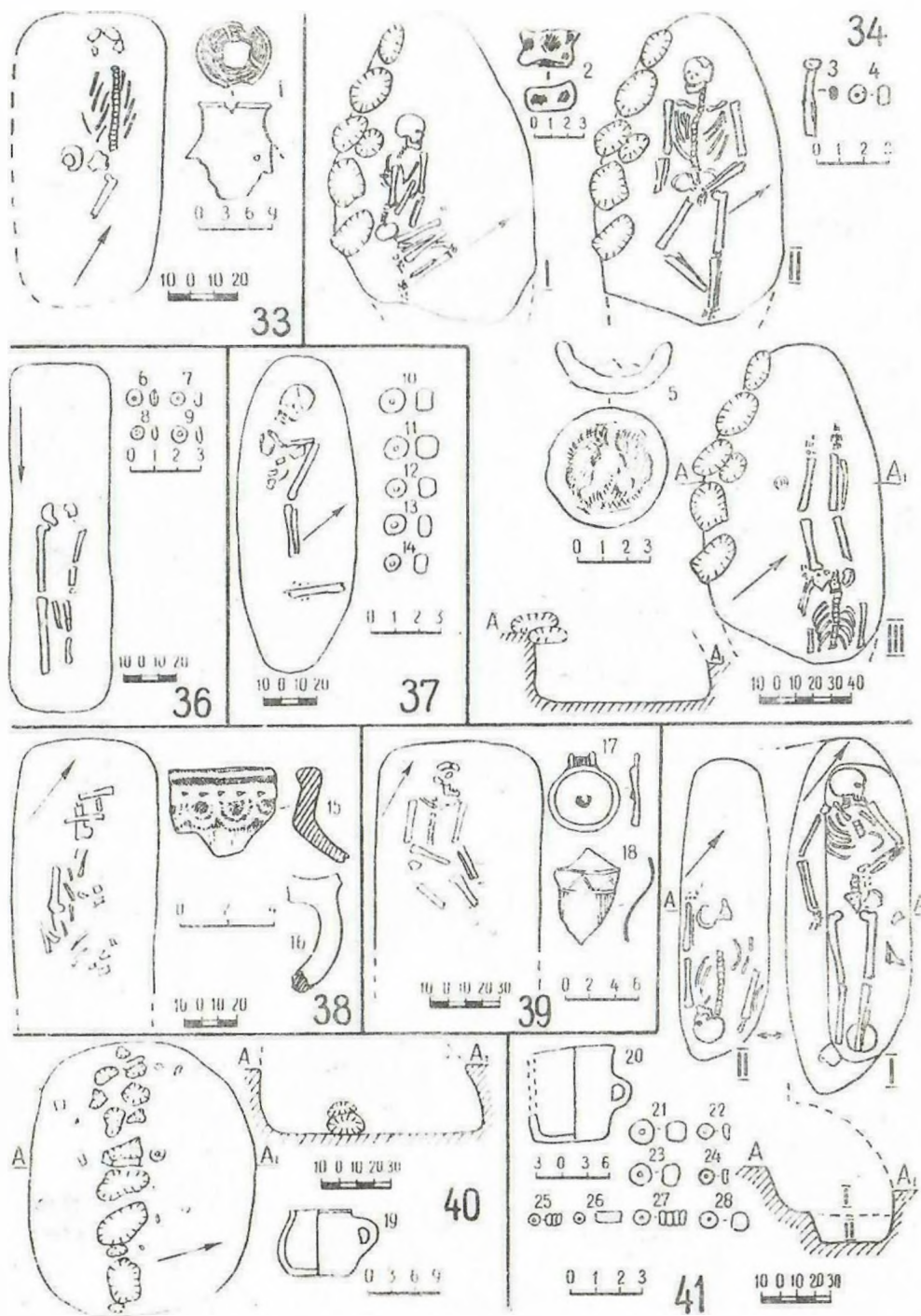
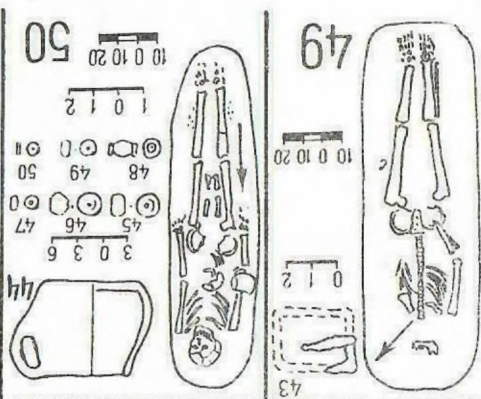
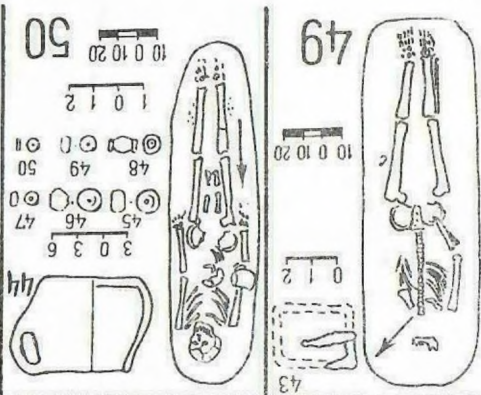
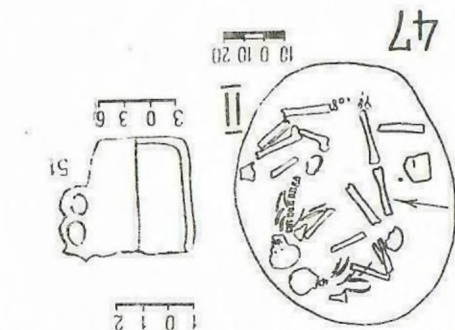
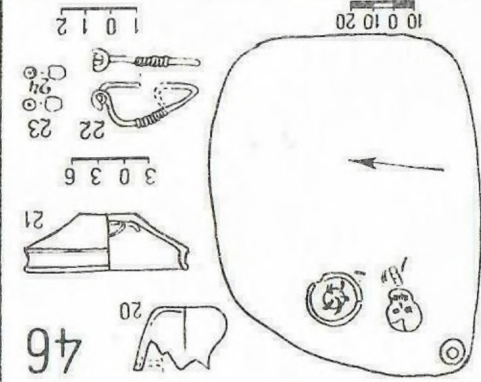
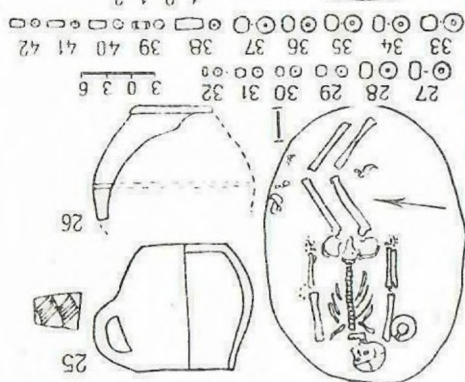
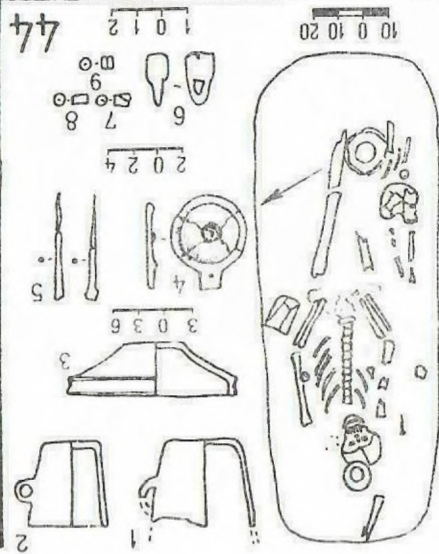
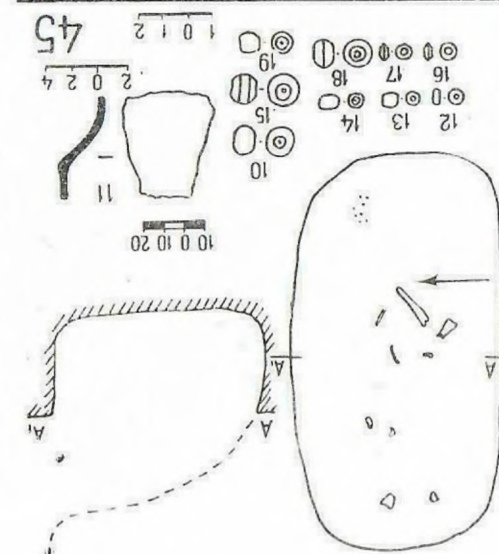

Рис. 20. Погребения I-II вв. н.э.

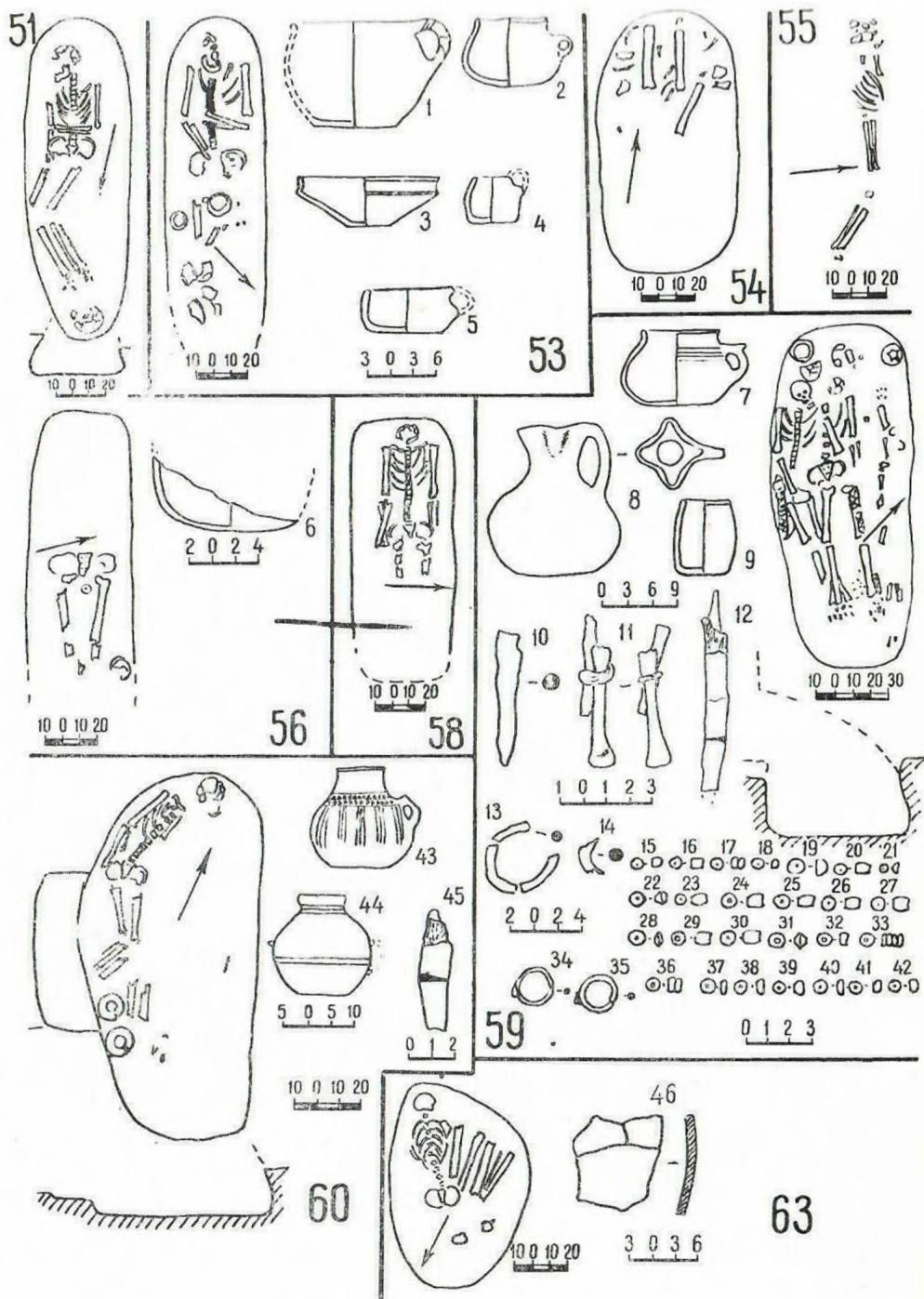

Рис. 22. Погребения I—II вв. н. э.

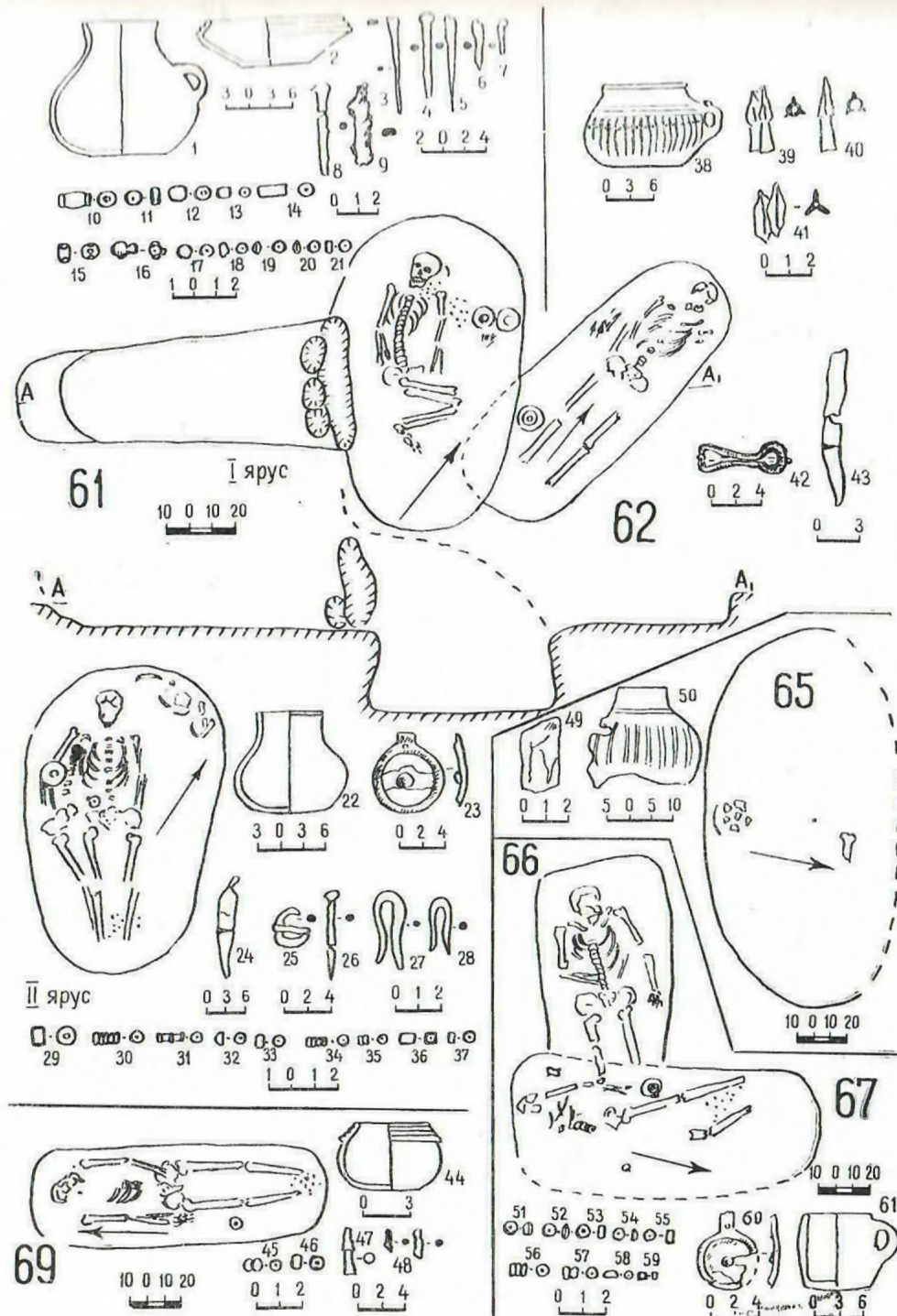

Рис. 23. Погребения I—II вв. н. э.

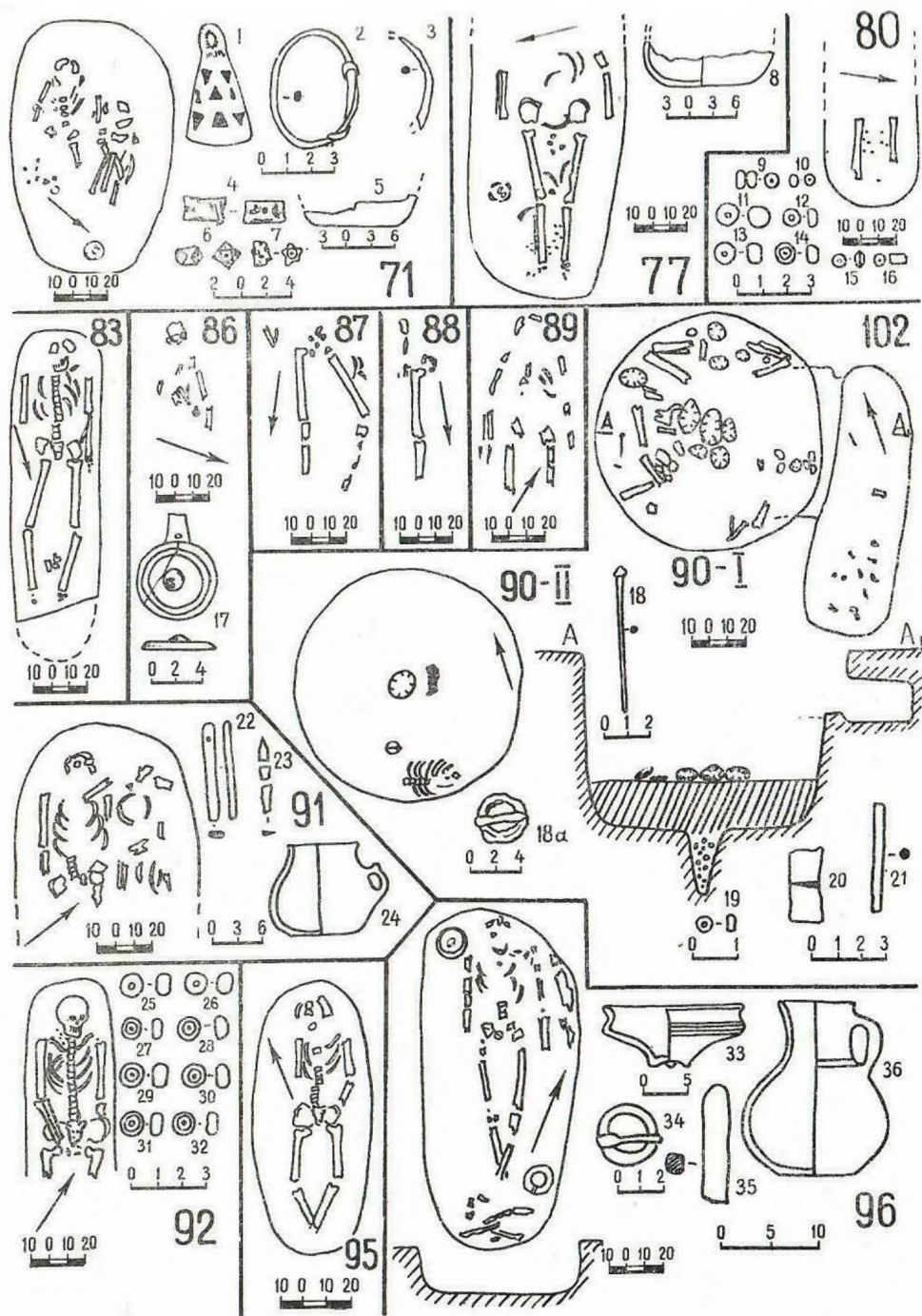

Рис. 24. Погребения I—II вв. н. э.

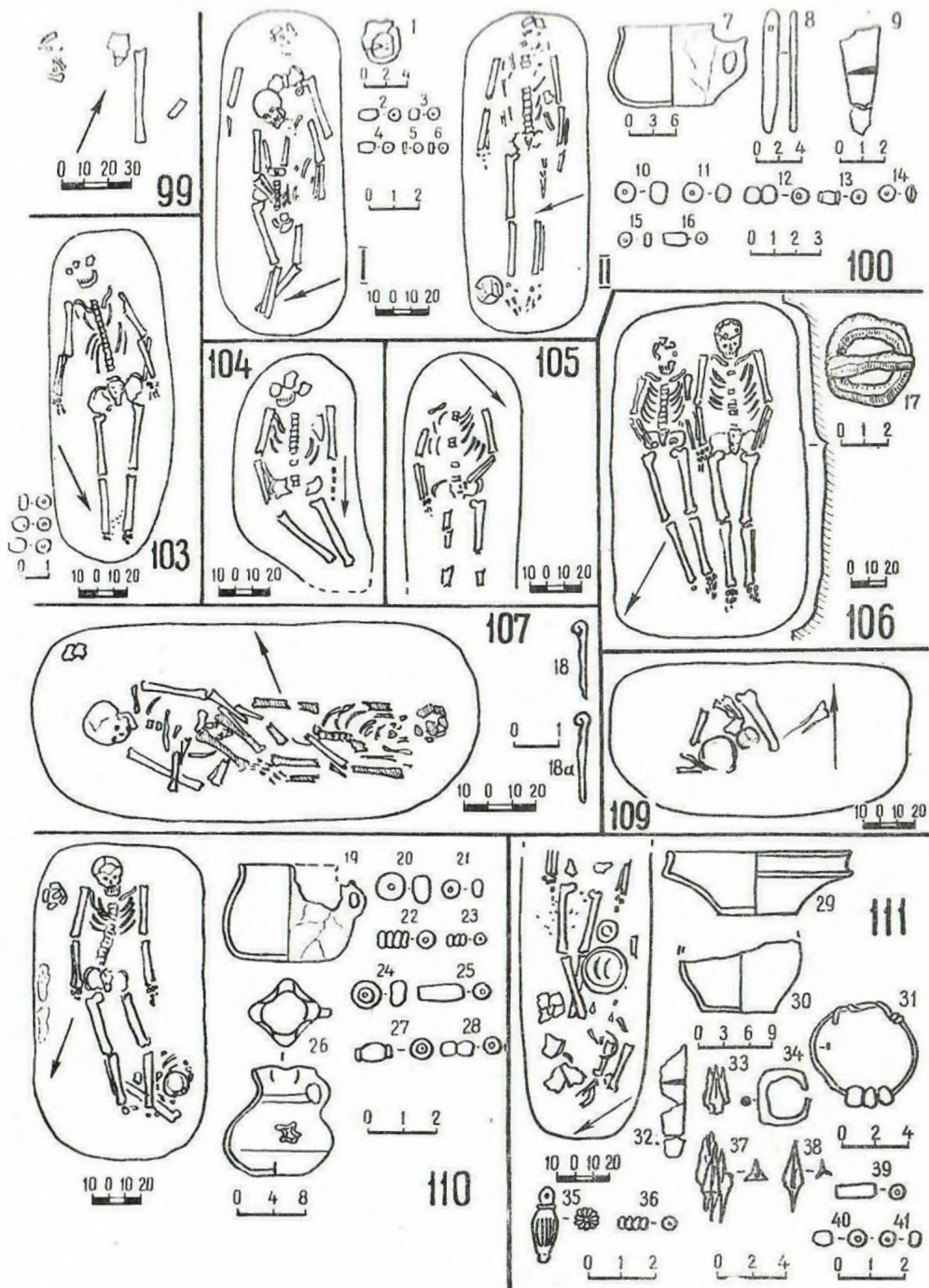

Рис. 25. Погребения I—II вв. н. э.

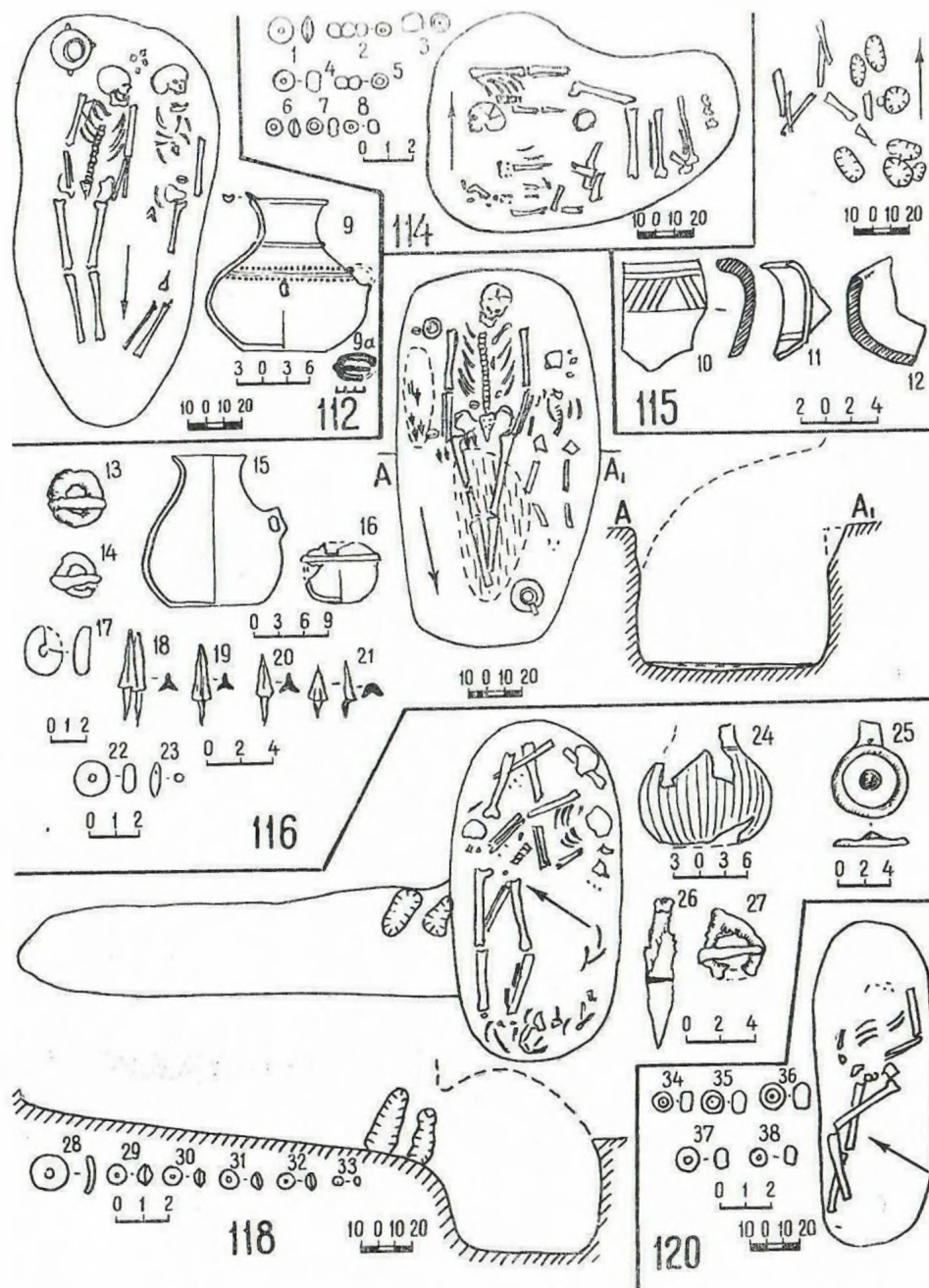

Рис. 26. Погребения I—II вв. н. э.

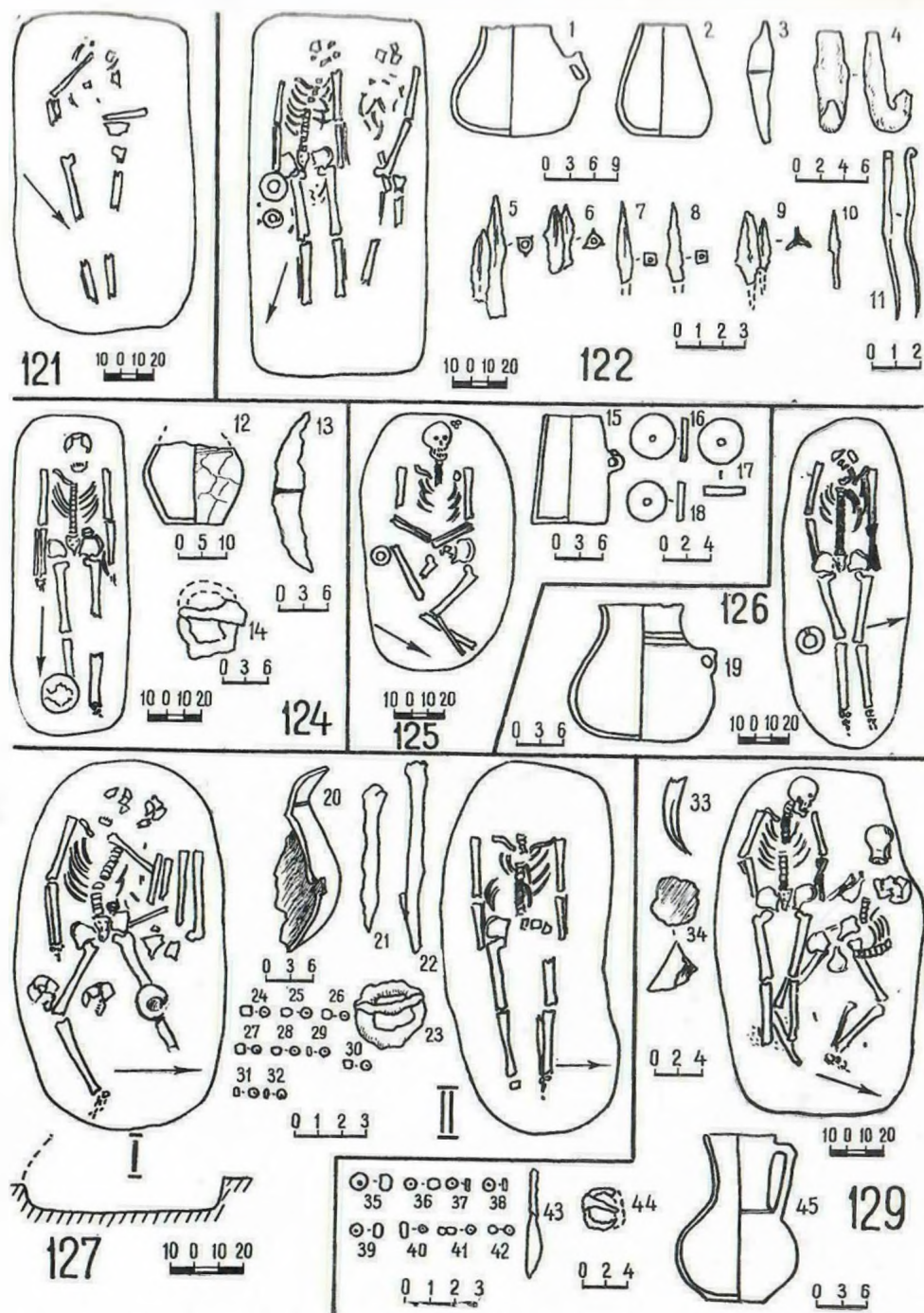

Рис. 27. Погребения I—II вв. н. э.

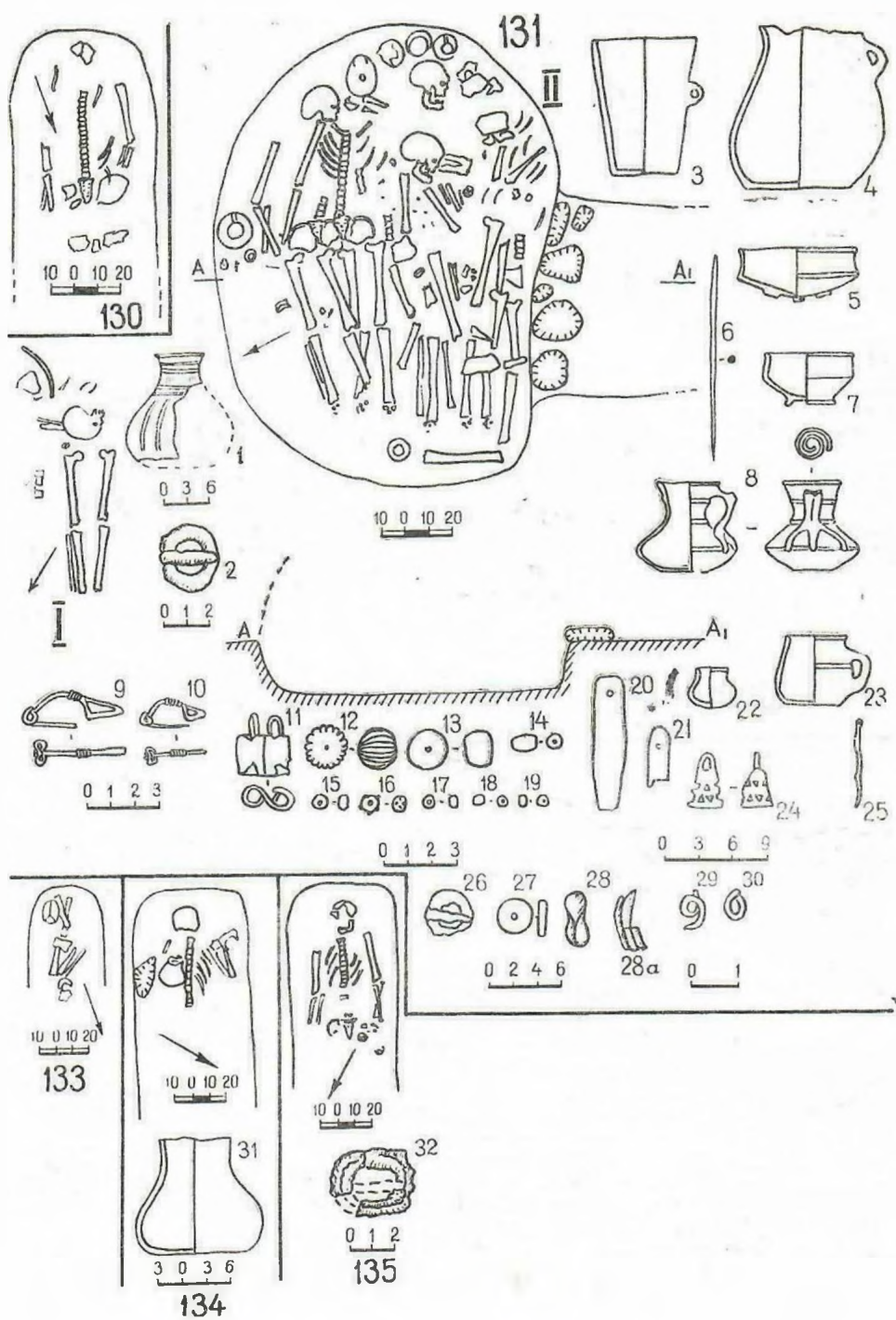

Рис. 28. Погребения I—II вв. н. э.

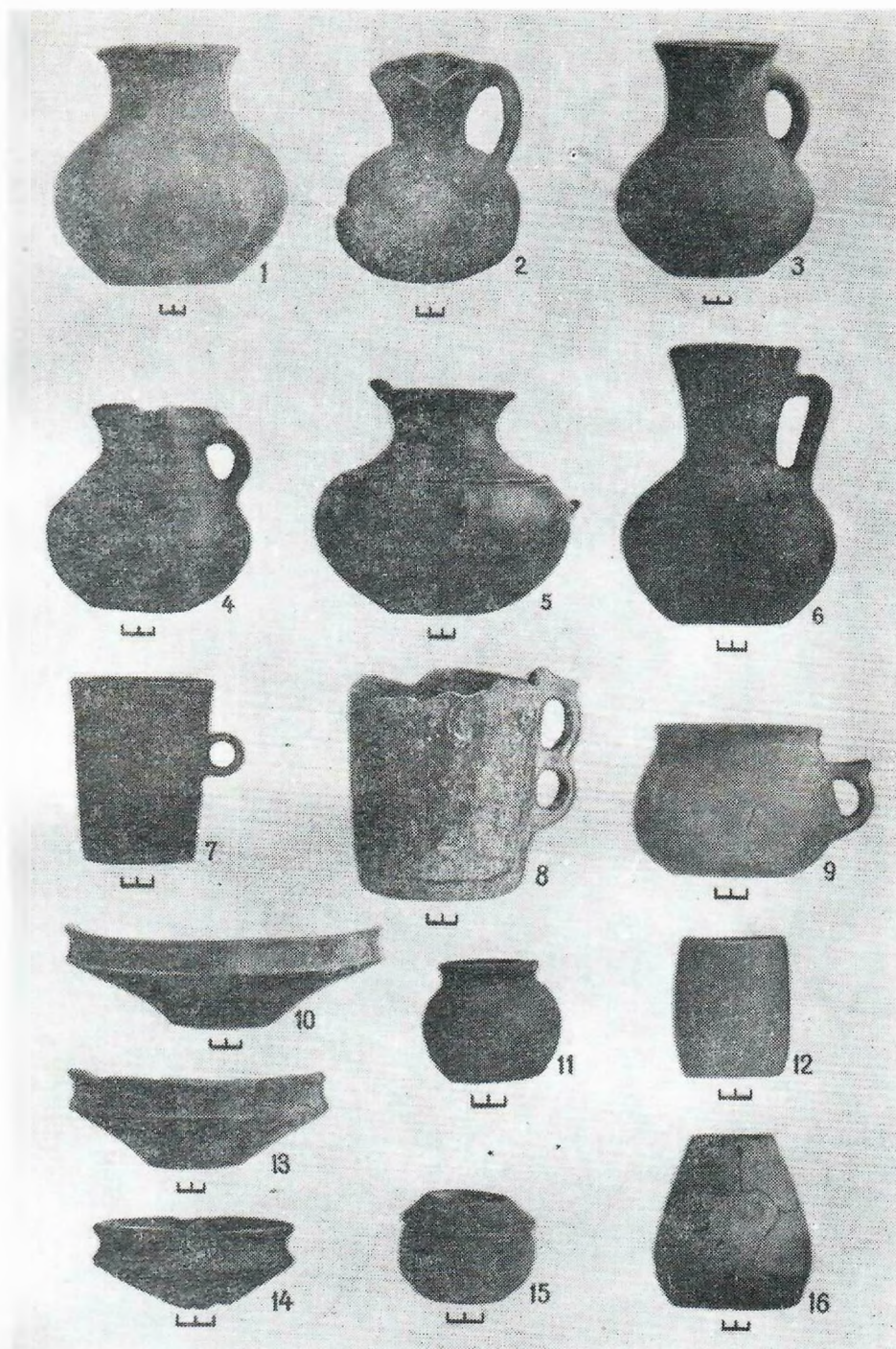

Рис. 29. Керамика погребений I—II вв. н. э. (1—16)

Рис. 31. Катакомба II—
I вв. до н. э. (128)

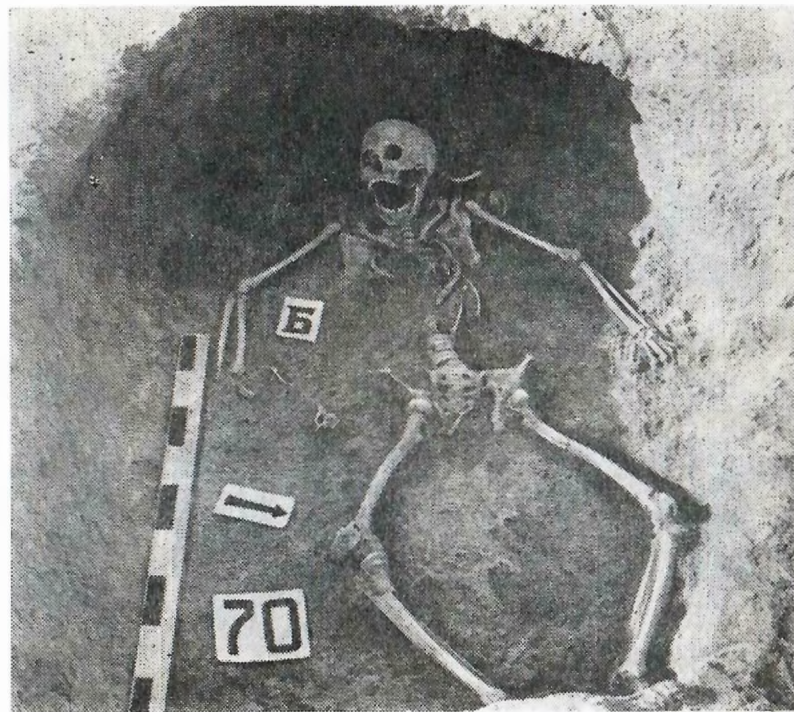

Рис. 30. Катакомба II—I вв. до н. э. (70)

Рис. 33. Катакомба I—II вв. н. э. (129)

Рис. 32. Катакомба I—
II вв. н. э. (112)

Т. Б. Барцева

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ЧЕГЕМСКОГО КУРГАНА

Предметом специального изучения с помощью метода спектрального анализа стала обширная коллекция бронзовых и медных вещей, добытых в 1975 году при раскопках Б. М. Керсеровым погребений сарматской поры в кургане Чегем II в Кабардино-Балкарии. По определению автора раскопок, хронологические рамки существования Чегемского кургана-кладбища довольно широки и охватывают время со II века до нашей эры по II век нашей эры¹. Чегемский курган был родовым кладбищем группы аорско-аланских племен. Однако среди многообразия типов погребальных сооружений удается выделить простые грунтовые ямы, которые связаны с захоронениями представителей местных племен, находившихся под сильным сарматским влиянием².

Среди коллекций, подвергавшихся специальному спектрально-аналитическому изучению, цветной металл Чегемского комплекса в настоящее время, пожалуй, единственный столь полно представлен для района Кабардино-Балкарии³. В общей сложности был определен химико-металлургический состав восьмидесяти одного изделия, происшедшего из тридцати пяти закрытых комплексов. Все аналитические данные сведены в общую таблицу 1, приложенную в конце настоящей работы. Полученные результаты были обработаны методом математической статистики, уже довольно широко и давно применяемыми при работе с археологическими материалами⁴. Спектральные исследования каждой из проб выявили чрезвычайно разнообразие химико-металлургического состава металла. Удалось установить, что в меди изученных образцов представлено до одиннадцати микропримесей в самых различных концентрациях (табл. 1; рис. 1). Обычно металл содержал олово и свинец от тысячных до целых долей процента. Цинк, как правило, не превышает тысячных — сотых долей процента, хотя иногда его концентрации поднимаются и до целых долей, достигая двадцатипятипроцентного рубежа. В тысячных долях процента представлены висмут и кобальт, а никель — в сотых долях. Определенную многоступенчатость обнаруживают гистограммы серебра, сурьмы и мышьяка. Для серебра следует отметить два его пика: в области десяти-тысячных — тысячных долей процента и сотых (до одной десятой) долей. Обращает на себя внимание и область низких концентраций сурьмы (тысячные доли процента), хотя основной центр тяжести смещен в область сотых и десятых долей процента. Концентрации мышьяка чаще всего зафик-

¹ Керсеров Б. М., Нагоев А. Х. Отчет о раскопках кургана-кладбища сарматского времени у сел. Чегем II в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6452, 6452а, с. 183.

² Там же, с. 184.

³ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Канд. дис. ИА АН СССР, 1974. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2130, с. 80 и след.

⁴ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1960, с. 11—12; его же. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 75—83.

спированы в сотых — десятых долях, изредка он отмечен и в целых (до полутора процентов), а иногда наоборот — отсутствует полностью. Таким образом, первичная частотная обработка спектрально-аналитических данных выявила, что на роль легирующих компонентов, искусственно введенных в медь, могут претендовать лишь олово, свинец, изредка цинк и мышьяк. Еще более четко роль этих компонентов в качестве легирующих видна на графиках корреляционной зависимости, которые определяют не только взаимосвязь ведущих компонентов, но также и границы каждой из металлургических групп. На корреляционном графике олово — свинец (рис. 2а) и олово — цинк (рис. 2б) граница искусственного ввода олова четко фиксируется, начиная с одного процента. Для свинца эта граница более расплывчата и находится в пределах 0,5—0,6 процента. С одного процента эта граница у свинца проявляется уже безо всяких сомнений. Граница искусственного ввода цинка (рис. 2б) отчетливо отмечена в пределах одного процента. На корреляционных полях олово — свинец и олово — цинк выделяется небольшая группа, насыщенность которых ведущими микропримесями не превышает или равняется 0,3 процента. Фактически это чистомедные изделия, где все отмеченные микропримеси не поднимаются до предела значимых.

В особую металлургическую группу следует выделить медно-серебряные сплавы — биллоны, где серебро, являясь основой, превышает пятидесятипроцентный рубеж. (№ 29.062; 29.075; 29.076; 29.084; 29.087). Таким образом, после статистической обработки удалось установить четыре рецепта, или металлургические группы, для Чегемской коллекции. Ведущей в количественном отношении оказалась группа оловянисто-свинцовистых бронз, где олово обычно присутствует в концентрациях от одного до двадцати пяти процентов, а свинец — от 0,9 до пятнадцати процентов. На корреляционном графике олово — свинец (рис. 2а) эта группа очень компактно расположена в верхнем правом углу поля. Все остальные примеси в этой группе не поднимаются выше 0,3 процента. В виде исключения в эту же группу включены и два образца (№ 29.047 и 29.088), в меди которых, помимо олова и свинца, в десятых — целых долях процента (0,8 и 1,5%), отмечен мышьяк. По рецептам оловянисто-свинцовых бронз отлито тридцать пять предметов, что составляет сорок три процента от всей изученной коллекции. Немногим уступает этой группе другая — оловянистые бронзы. Для нее характерно преобладание олова над всеми иными элементами. Обычно оно фиксируется в целых долях процента (от 1 до 18%), притом что другие микропримеси не выше 0,3 процента. Исключение составляют четыре изделия (№ 29.044; 29.077; 29.078; 29.107), в меди которых отмечен мышьяк более 0,5—0,8 процента. В группу оловянистых бронз попадает двадцать девять изделий, или тридцать шесть процентов от общего количества. Небольшая группа из шести образцов образует сложные многокомпонентные сплавы на медной основе, где в целых долях процента отмечен цинк (от 1 до 90%).

По разработанной ранее номенклатуре, это I тип сплава — латунь⁵. На корреляционном поле олово — цинк (рис. 2б) латуни располагаются в нижнем правом углу поля, при этом наглядно демонстрируется отрицательная взаимосвязь цинка с оловом. В двух образцах, помимо цинка, до полутора процентов поднимаются концентрации свинца (№ 29.110; 29.116). Один раз отмечен сложный многокомпонентный сплав (№ 29.089), где кроме цинка в целых долях присутствуют олово и свинец (III тип)⁶. Общий процент цинковых рецептов невысок и со-

⁵ Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 58, табл. 1.

⁶ Там же.

ставляет девять процентов (или 7 изделий). Столь же немногочисленны группы чистой меди (№ 29.046; 29.066; 29.094; 29.102; 29.119) и биллонов — по пять предметов, или шесть процентов.

Не менее интересным оказалось распределение чегемского металла и по химическим группам, характеризующим источники сырья. Как уже отмечалось выше, определенная асимметричность гистограмм серебра, сурьмы, мышьяка и частично свинца позволяет сделать вывод о неоднородности геохимических характеристик меди, из которой отлиты медные и бронзовые изделия Чегемского комплекса. Корреляционные графики серебро — свинец (рис. 2в), серебро — сурьма (рис. 2г), сурьма — мышьяк (рис. 2д) наглядно демонстрируют наличие двух сильно отличающихся друг от друга групп. Для одной из них будет характерна насыщенность металла свинцом (от 0,03 до 15 процентов, причем целые проценты, как уже писалось, связаны с металлургическими рецептами), серебром (от 0,01 до более 0,3 процента). На графике серебро — свинец эта группа расположена в верхнем правом углу поля (рис. 2в). В группе обычно в сотых — десятых долях процента присутствует сурьма и в десятых долях процента — мышьяк (рис. 2д, г — верхняя правая часть полей). Подобная насыщенность цветного металла указанными микроэлементами довольно обычна для металла северокавказских памятников на протяжении всего раннежелезного периода⁷. Эту группу мы назовем северокавказской (СК). По всей видимости, она базировалась на местной сырьевой базе. Однако специальных археологических поисков рудников, достоверно использовавшихся в скифо-сарматское время, и работ по изучению руд с привлечением данных спектрального анализа в широком масштабе еще не проводилось. Поэтому конкретизировать тот или иной источник представляется преждевременным. Лучше ограничиться фактом, что местный металл был широко использован древними мастерами-бронзолитейщиками при изготовлении части вещей Чегемского памятника. Всего из металла северокавказского круга было отлито сорок девять предметов, или семьдесят один процент от всей коллекции. Наряду с обширной северокавказской группой металла нельзя не отметить еще одну, которая, в отличие от первой, имеет весьма низкие показатели по содержанию всех микроэлементов. На корреляционных полях (рис. 2в, д) эта группа расположена в нижнем левом углу. Серебро в ней обычно представлено в десятитысячных — тысячных долях процента, сурьма и свинец — в тысячных. Диапазон концентраций мышьяка более широк — от «необнаружено» до десятых долей процента с перевесом его концентраций в области сотых долей процента. Ближайшие соответствия наша вторая химическая группа находит среди металла типа ЕУ, выделенного Е. Н. Черных на материалах Волго-Уралья⁸.

Из металла группы ЕУ отлито двадцать изделий, что составляет двадцать девять процентов от всей коллекции.

Подводя итоги, можно заключить, что весь цветной металл Чегемского комплекса распадается на четыре металлургические и две химические группы. В количественном отношении каждая из них представлена неравнозначно. Для наглядности данные распределения сведены в таблицу (1).

Полученные химико-металлургические анализы были сопоставлены с каждой из изученных вещественных категорий. Изучение соотношения «тип — химико-металлургическая группа» помогает определить, из какого металла предпочитали древние мастера лить тот или иной тип украшений, зеркал или пряжек. Оно также предоставляет возможность определить систему импортов, что, в свою очередь, будет указывать на

⁷ Барцева Т. Б. Цветная металлургия..., рис. 7, 9.

⁸ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, с. 31, рис. 24.

Распределение чегемского цветного металла
по химико-металлургическим группам

	Кол-во	Cu	Cu + Sn	Cu + + Sn + Pb	Cu + Zn	Cu + Ag	Всего
Типы сплавов	81	$\frac{5}{6\%}$	$\frac{29}{36\%}$	$\frac{35}{43\%}$	$\frac{7}{9\%}$	$\frac{5}{6\%}$	$\frac{81}{100\%}$
Химические группы	69*						
СК		$\frac{3}{4\%}$	$\frac{13}{19\%}$	$\frac{33}{48\%}$	—	—	$\frac{49}{71\%}$
ЕУ		$\frac{2}{3\%}$	$\frac{16}{23\%}$	$\frac{2}{3\%}$	—	—	$\frac{20}{29\%}$

определенную локализацию производства и на наличие связей между различными производственными центрами. Соотношение «тип — химико-металлургическая группа» непостоянно. Оно позволяет выделить изделия как полностью безразличные или тяготеющие к нескольким группам, так и полностью повторяющие характеристики единой группы. В нашем распоряжении были фактически все бронзовые вещи, обнаруженные в погребальных комплексах кургана. Среди них, пожалуй, самую представительную группу составляют зеркала различных типов: зеркала с валиком по краю и ручкой-штырем (одиннадцать штук, № 29.050—29.051; 29.057—29.060; 29.072; 29.079; 29.081; 29.085; 29.111), простые зеркала-диски с приставной ручкой (шесть штук, № 29.064, 29.068, 29.082, 29.097, 29.104, 29.115), зеркала-подвески с прямоугольной ручкой, валиком по краю, умбоном в центре и изредка с орнаментом на диске (семь штук, № 29.069, 29.086, 29.098, 29.103, 29.105, 29.108). В общей сложности были проанализированы 24 зеркала, что фактически составляет треть цветного металла всей коллекции. Кроме зеркал, анализу подвергались пряжки с округлой дужкой и подвижным язычком (две штуки, № 29.046, 29.099) и литые пряжки с неподвижным язычком-крюком на одном конце рамки. Иногда рамка украшена тремя выпуклыми коническими выступами или розетками (№ 29.090, 29.106, 29.117). Одна пряжка этой серии имела восьмеркообразную форму (№ 29.112). Несколько экземпляров сильнопрофилированных и лучковых фибул северопричерноморских типов и их фрагментов (№ 29.044, 29.054, 29.088, 29.096)⁹. По одному экземпляру представлены браслеты различных типов. Некоторые из них хорошо известны в памятниках горных районов Центрального Кавказа у местного северокавказского населения (прогнутые, массивные кольца со звериными головками, № 29.040, 29.042, 29.114), другие — среди латенских древностей (29.061)¹⁰. Широко в памятниках рубежа первых веков нашей эры представлены также проволочные подвески-серьги в полтора оборота, булавки с конической или загнутой в петлю головкой, простые колокольчики иногда с треугольными прорезями на тулове, крючки. Все эти типы вещей многочисленны аналогии имеют в городских некропо-

* При подсчете химических групп не учтены биллоны и цинковые изделия, так как это только качественный анализ. Для цинковых изделий (№ 29.089; 29.092; 29.096; 29.110; 29.116) — источники руд особые, но совпадающие с выделенными.

⁹ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, Д1-30, М., 1966, с. 40, 47 и след., табл. 8, 9.

¹⁰ Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. — СА, 1959, № 1; Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры. — Тр. ГИМ, М., 1974, с. 11—13.

лях Северного Причерноморья, могильниках Прикубанья, Крыма, а также и в горных районах Северного Кавказа (№ 29.047, 29.048, 29.052, 29.055, 29.056, 29.062, 29.063, 29.067, 29.070, 29.071, 29.075, 29.076, 29.080, 29.083, 29.084, 29.087, 29.089, 29.092, 29.093, 29.094, 29.095, 29.107, 29.109, 29.110, 29.116). Очень интересную группу образуют вещи-амулеты Чегемского кургана. Всего исследовано пять амулетов из четырех комплексов: амулет-котелок (№ 29.113 из погребения 4), модель горита с луком (№ 29.119 из погребения 10), фигурка «собачки» (№ 29.102 из погребения 16), амулет-зуб (№ 29.101 из погребения 16) и фигурка «птички» (№ 29.066 из погребения 73). Нередки в чегемских могилах и находки игольниц, выполненных из очень тонких бронзовых пластин, свернутых в трубочку (№ 29.041, 29.045, 29.049, 29.053, 29.065). К уникальным вещам, обнаруженным в кургане, следует отнести конической формы шлем, орнаментированный насечками (№ 29.120). Нельзя не упомянуть и небольшой кусочек бронзы (№ 29.066).

Большинство изученных вещественных категорий образуют довольно четкую взаимосвязь с определенными химико-металлургическими показателями. В единую группу попадают все зеркала-диски с валиком по краю и ручкой-штырем, многочисленные аналоги которым можно найти в прохоровских могилах Поволжья III—II веков до нашей эры¹¹. Все они были отлиты из оловянистой бронзы, из руды ЕУ, отличающейся большой чистотой химического состава. Олово в этих бронзах не поднимается выше восемнадцати процентов. Единобразие химико-металлургических и типологических показателей позволяет считать эти изделия продукцией единого производственного центра или круга мастеров. Скорее всего, они были завезены на территорию Кабардино-Балкарии из исходных районов их основного распространения — Нижнего Поволжья. Проведенные ранее Н. В. Рындиной химико-технологические изучения группы зеркал такой же серии полностью согласуются с нашими выводами. По ее данным, рецептура зеркал прохоровской поры соответствует третьей металлургической группе, а производство их было налажено «не в постоянно действующем центре металлообработки, а во временных спорадически возникавших... мастерских, технические достижения которых находились на низком уровне»¹².

Наряду с разобранными выше зеркалами, из металла ЕУ отлиты также конический шлем, часть амулетов (№ 29.102, 29.113, 29.119), обломки стержней от булавок (?) и булавка из погребения 90 (№ 29.100), а также игольница (№ 29.049). К этой же группе следует отнести и небольшой кусочек бронзы (№ 29.066). В отличие от зеркал, изделия иного функционального назначения отлиты либо из бронз, где олово не поднимается выше трех процентов, либо из медно-оловянно-свинцовистого сплава (№ 29.080, № 29.113), либо из чистой меди (№ 29.066, 29.102, 29.119). Расхождения в рецептуре, скорее всего, свидетельствуют о наличии нескольких центров со своими производственными традициями, но использующих сырье единого геохимического происхождения. Полную аналогию металла зеркал с валиком по краю и ручкой-штырем можно отметить только у игольницы из погребения 35 (№ 29.049) и у обломка стержня (№ 29.048).

В противоположность изделиям, отлитым из металла ЕУ с определенным преобладанием оловянистых бронз, группы вещей, аналоги которым многочисленны в местной среде, дают иную картину. Как правило, они отлиты из медно-оловянно-свинцовистого сплава из руд северокавказского круга (СК). Так, из этого металла отлиты все без

¹¹ Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, рис. 1, 79; рис. 7, 2; с. 26—27.

¹² Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья. — В сб.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 127.

исключения зеркала-подвески, о кавказском производстве которых уже писалось ранее М. П. Абрамовой и автором¹³. Аналогичный металл зафиксирован и у простых зеркал-дисков с приставной ручкой и без нее, что также позволяет считать их изделиями кавказских мастеров (№ 29.043, 29.064, 29.068, 29.097, 29.104, 29.115). Особое внимание при этом следует обратить на химический состав зеркала-диска с орнаментом из концентрических кругов и приставной ручкой из погребения 16 (№ 29.082). Высокое содержание никеля и особенно кобальта (0,08%, рис. 2-е), не было характерно для кавказского металла. Это наблюдение тем более интересно, поскольку сходные показатели отмечены и в металле браслета, украшенного группой шариков из погребения 82 (№ 29.061). Подобные браслеты были типичны на территории Восточной Европы в латенское время¹⁴. Возможно, что зеркало из погребения 16 и браслет из погребения 82 — не местные северокавказские изделия.

Продукцией местного производства можно считать пряжки-рамочки с неподвижным языком-крюком (№ 29.090, 29.106, 29.117) и восьмеркообразную пряжку (№ 29.112), в меди которой, правда, фиксируется небольшое преобладание примесей свинца и мышьяка над оловом. Как уже писалось в специальной литературе, подобная форма пряжек, заимствованная из Средней Азии, была распространена в Поволжье, в Приуралье, в Крыму и на Кавказе. При этом каждая из областей создавала свои типы с характерными особенностями, что говорит о местном их производстве в разных районах, в том числе и на Кавказе¹⁵. Проведенное ранее и настоящее спектрально-аналитическое исследование кавказских пряжек этой серии не противоречит высказанному мнению о их производстве на месте¹⁶. К серии местных изделий относятся также браслеты (исключение № 29.061, о котором речь шла выше), массивное кольцо, украшенное по ободу звериными головками (№ 29.114), колокольчики, бляшки-фалары, крючки, копоушка; обойма для перекрестия ремней, часть булавок и игольниц. Все эти предметы отлиты из СК местного сырья, иногда с несколько повышенным содержанием сурьмы и мышьяка (десятые доли процента). Расхождения касаются рецептуры. Она в равных долях представлена и оловянистыми, и оловянно-свинцовистыми бронзами. Скорее всего, подобные различия свидетельствуют о работе нескольких мастерских. Подтверждает это заключение металл булавок и колокольчиков. Последние, орнаментированные треугольниками по тулову (№ 29.063, 29.093), отлиты по рецепту оловянно-свинцовистых бронз, неорнаментированные — по рецепту оловянистых бронз (№ 29.070).

Булавки с округлой головкой, а также и их фрагменты изготовлены из медно-оловянно-свинцового сплава (№ 29.047, 29.055—29.056, 29.083), а булавка с головкой, свернутой в трубочку (29.071), — из медно-оловянного. Отличия в составе металла у единых по функциональному назначению вещей в сочетании с индивидуальностью внешнего оформления, вероятно, не противоречат высказанному выше предположению.

Многочисленные простые провололочные подвески в полтора оборота с биконическими шишечками на концах обычно отлиты из биллонов с преобладанием серебра над иными микропримесями (№ 29.062, 29.067,

¹³ Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. — В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 131; Барцева Т. Б. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа. — Там же, с. 137.

¹⁴ Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей..., с. 36.

¹⁵ Абрамова М. П. Памятники горных районов..., с. 8; Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, 1960, № 78, с. 298.

¹⁶ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка..., с. 92.

29.075, 29.076, 29.084, 29.087). Только две подвески этой серии (№ 29.092, 29.110) латунные, где содержание цинка превышает восемнадцать — двадцать пять процентов. Подвески лировидной формы из погребения 61 (№ 29.089) изготовлены из сложного многокомпонентного сплава с добавками цинка, олова и свинца. Помимо подвесок, из латуны отлиты также лучковая фибула (№ 29.096), пряжка с подвижным язычком (№ 29.099) и гривна из погребения 10 (№ 29.116). Показательно, что в качестве отличительного признака в меди латуней и иных цинковых сплавов обычно отсутствует или представлена на границе ее определяемости микропримесь мышьяка. Вероятно, цинковые сплавы, равно как и вещи, отлитые по этой рецептуре, — импорт на Северном Кавказе. Многочисленные аналогии этим изделиям находятся во всех северопрichernоморских памятниках рубежа и первых веков нашей эры¹⁷. Будучи чуждыми местным традициям, цинковые рецепты не нашли широкого применения у кавказских мастеров-ювелиров. Доля их весьма невысока (табл. 1) и значительно уступает традиционным сплавам с добавками олова и свинца. Показательно, что даже новые для себя типы ювелирных изделий местные мастера продолжают отливать из кавказского сырья по старым рецептам. Например, из оловянно-свинцовистых и оловянных бронз с высоким (десятые доли процента) содержанием мышьяка изготовлены сильнопрофилированные и лучковые фибулы из комплексов четыре, десять, шестьдесят четыре (№ 29.044, 29.054, 29.088).

Суммируя результаты проведенного химико-металлургического исследования Чегемского комплекса, хочется еще раз подчеркнуть выявленную четкую взаимосвязь определенных типов вещей с выделенными химико-металлургическими группами. А это, в свою очередь, позволяет связать их с одним кругом мастеров или районов. Некоторые из них в виде импорта попали на территорию Кабардино-Балкарии. Однако кавказские мастера-ювелиры стойко придерживались местных производственных традиций, подтверждением чему являются многие чегемские изделия, изготовленные их руками.

И в заключение коротко хочется остановиться на распределении выявленных химико-металлургических групп по погребальным комплексам. Весь изученный цветной металл происходит из тридцати пяти закрытых комплексов с различными типами погребальных сооружений. В семи случаях захоронения были совершены в прямоугольных ямах, в остальных (в двадцати семи) — в катакомбах иногда со следами дерева, дромосом и почти всегда с обильной меловой подсыпкой. Одно погребение (№ 117) сильно разрушено, и его погребальный обряд не восстанавливается¹⁸. Выделенные химико-металлургические группы металла по комплексам распределились неравномерно. Так, в катакомбных захоронениях представлен металл типа ЕУ и СК с перевесом последнего (2, 4, 10, 16, 21, 27, 42, 52, 64, 73, 82, 96, 118, 122, 131, 132). Исключения — катакомбы 11, 17, 18, 84, 90, где были вещи, отлитые только из металла ЕУ. В грунтовых ямах содержался лишь металл типа СК (№ 1, 29, 35, 39, 57, 67, 86). Все катакомбы, в которых ведущим оказался металл ЕУ, наиболее ранние по времени: II—I века до нашей эры (и не позже рубежа нашей эры)¹⁹. В погребениях, относящихся к рубежу и первым векам нашей эры, за исключением погребения 90, металл типа ЕУ не встречается (№ 1, 21, 27, 39, 44, 61, 67, 71, 86, 96, 118, 122, 131). Вероятно, наиболее тесные контакты местного населения со степными кочевниками-сарматами активнее всего проявлялись в конце I тысячелетия до нашей эры. Ответить на вопрос, были

¹⁷ Барцева Т. Б. Указ. соч., с. 87 и след.

¹⁸ Керэфов Б. М., Нагоев А. Х. Отчет о раскопках..., с. 155.

¹⁹ Керэфов Б. М., Нагоев А. Х. Указ. соч., с. 183.

ли ранние катакомбные погребения захоронениями пришлых кочевников, можно, лишь детально проработав весь материал комплексов. Однако наличие в них импортного металла, возможно, может сыграть не последнюю роль в решении этой важной проблемы.

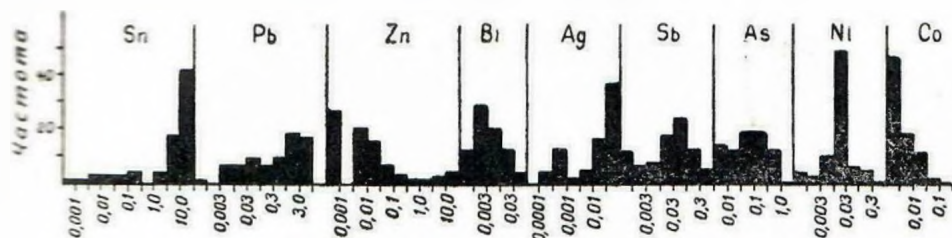

Рис. 1. Гистограмма распределения концентрации примесей к меди из Чегемского кургана

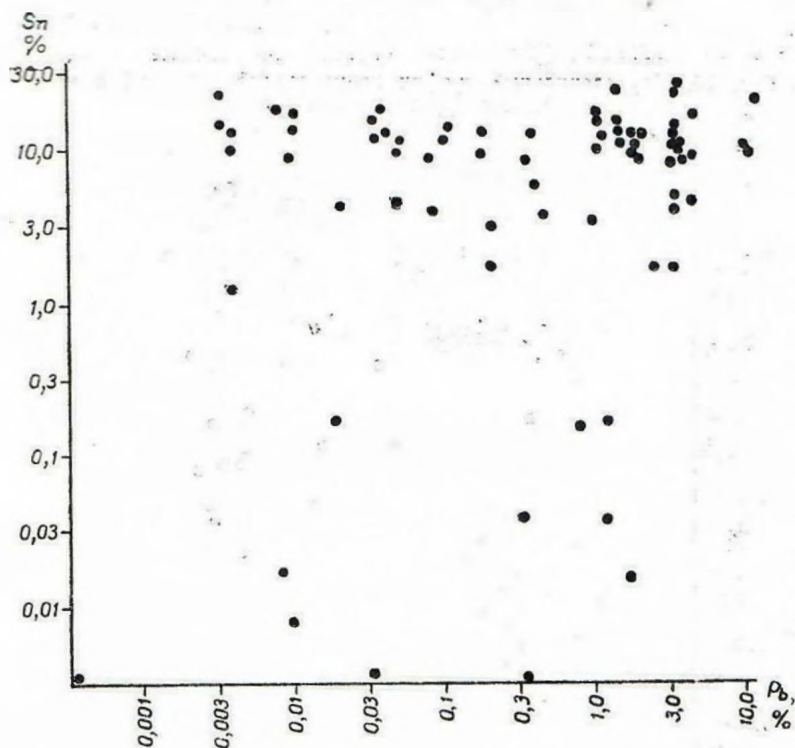

Рис. 2а. Корреляционный график концентраций примесей к меди Чегемского кургана (олово — свинец)

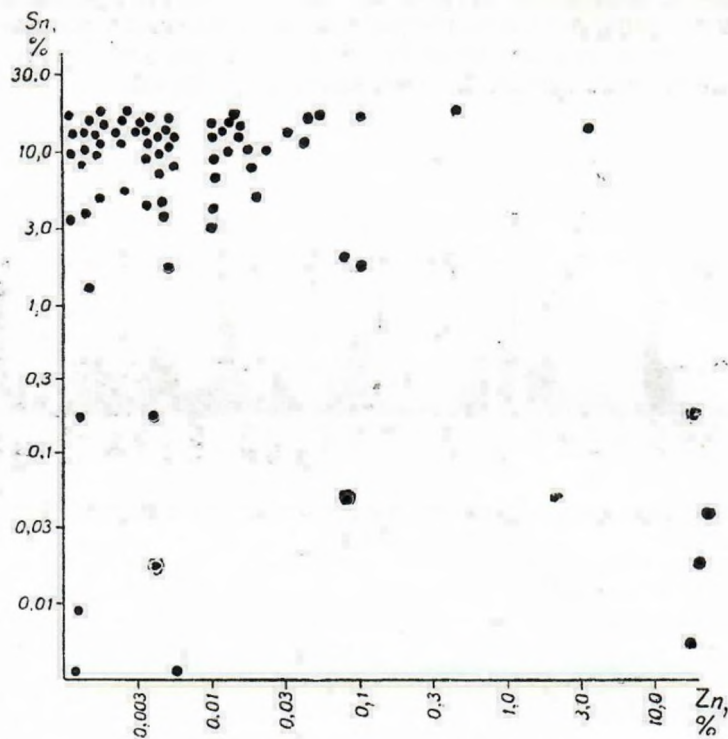

Рис. 26. Корреляционный график концентраций примесей к меди
Чегемского кургана (олово — цинк)

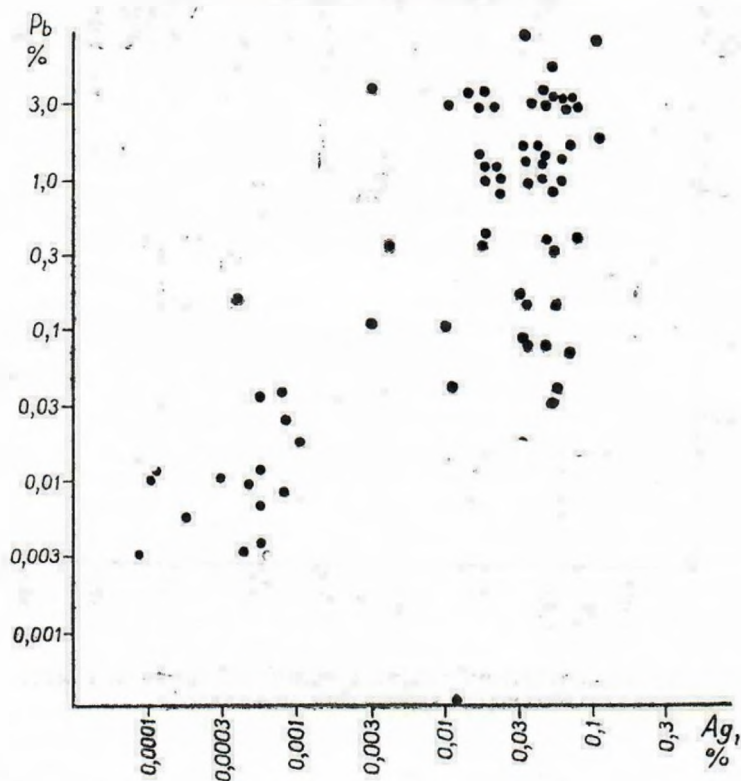

Рис. 2в. Корреляционный график концентраций примесей к меди
Чегемского кургана (серебро — свинец)

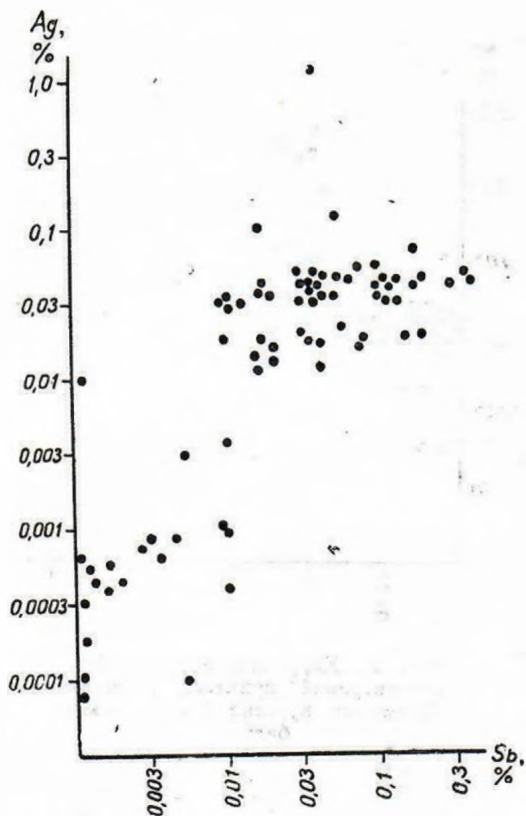

Рис. 2г. Корреляционный график концентраций примесей к меди Чегемского кургана (серебро — сурьма)

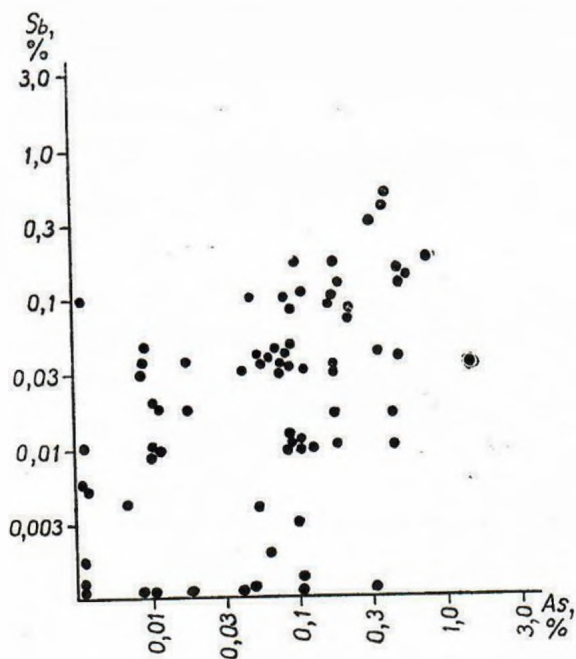

Рис. 2д. Корреляционный график концентраций примесей к меди Чегемского кургана (мышьяк — сурьма)

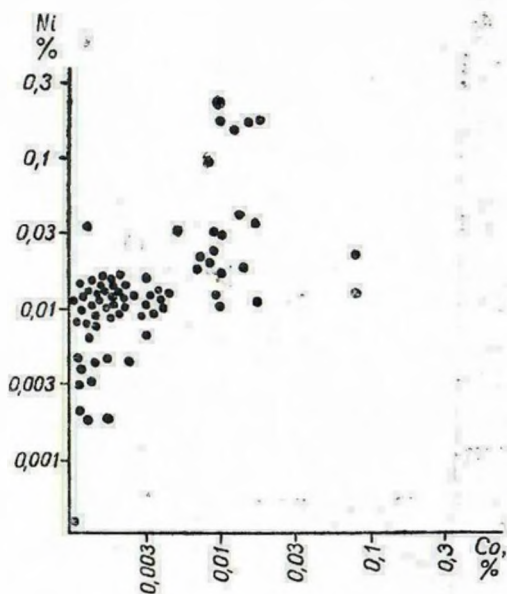

Рис. 2е. Корреляционный график концентраций примесей к меди Чегемского кургана (никель — кобальт)

Результаты спектрального анализа медных и бронзовых вещей из кургана Чегем II

Ш и ф р	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
29.040	основа	13,0	3,0	?	0,01	0,05	0,20	0,25	0,008	0,015	0,004
29.041	«	10,0	0,2	?	0,001	0,03	0,015	0,08	0,005	0,01	0,001
29.042	«	15,0	1,0	0,035	0,015	0,05	0,15	0,20	0,004	0,20	0,02
29.043	«	25,0	1,30	?	0,001	0,02	0,01	0,15	0,025	0,20	0,01
29.044	«	4,0	0,08	—	0,003	0,05	0,15	0,50	0,002	0,01	?
29.045	«	10,0	2,0	0,007	0,0015	0,03	0,01	0,10	0,09	0,01	0,003
29.046	«	0,05	0,3	0,08	0,0005	0,05	0,1	?	0,20	0,015	?
29.047	«	3,50	0,50	?	0,015	0,05	0,04	1,50	0,1	0,025	0,009
29.048	«	9,0	0,01	?	0,0004	0,0001	?	0,3	0,15	0,02	0,008
29.049	«	13,0	0,035	?	0,002	0,0008	0,003	0,1	0,01	0,01	0,01
29.050	«	15,0	0,01	?	0,002	0,0003	0,001	0,02	0,20	0,03	0,01
29.051	«	14,0	0,005	?	0,0015	0,0002	?	—	0,35	0,004	0,002
29.052	«	12,0	0,10	0,01	0,002	0,015	0,02	0,20	0,007	0,01	0,002
29.053	«	13,0	0,050	0,003	0,0015	0,05	0,02	0,05	0,15	0,003	?
29.054	«	15,0	1,0	0,006	0,005	0,02	0,07	0,20	0,20	0,03	0,01
29.055	«	14,0	1,70	?	0,02	0,02	0,25	0,50	0,03	0,003	0,001
29.056	«	5,0	3,0	?	0,005	0,02	0,03	0,04	0,60	0,005	0,001
29.057	«	15,0	0,01	?	0,003	0,0005	0,002	0,1	0,40	0,04	0,025
29.058	«	18,0	0,04	?	0,03	0,0006	0,001	0,01	0,05	0,02	0,002
29.059	«	15,0	0,01	0,006	0,018	0,0005	—	0,035	0,45	0,015	0,004
29.060	«	14,0	0,003	?	0,005	0,0006	?	0,007	0,07	0,01	0,002
29.061	«	13,0	2,0	0,004	0,002	0,02	0,20	0,10	0,01	0,15	0,07

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
29.062	<10,0	мало	есть	—	мало	~90,0	—	—	есть	мало	?	много
29.063	осн.	0,2	1,30	?	0,005	0,05	0,1	0,06	0,01	0,01	?	0,001 — 0,003
29.064	осн.	18,0	15,0	0,02	0,05	0,04	0,04	0,01	0,45	0,01	0,002	~ 0,001
29.065	«	4,50	0,9	?	0,002	0,05	0,06	0,01	0,07	0,0025	0,001	<0,001
29.066	«	0,002	0,0005	?	0,0003	0,015	—	0,05	0,001	0,10	0,008	~ 0,001
29.067	< 1,0	есть	есть	>90,0	есть	мало	есть	следы	есть	мало	—	—
29.068	осн.	10,0	2,0	0,005	0,001	0,05	0,02	0,015	0,02	0,02	0,002	<0,001
29.069	«	15,0	3,0	0,01	0,003	0,01	0,035	0,06	0,02	0,015	0,003	~ 0,001
29.070	«	15,0	0,20	0,015	0,05	0,05	0,50	0,35	0,008	0,015	?	— 0,001 — 0,003
29.071	«	9,0	0,40	0,006	0,003	0,04	0,30	0,30	0,015	0,02	0,009	— 0,003 — 0,01
29.072	«	15,0	0,10	0,025	0,008	0,003	0,005	0,06	0,4	0,02	0,009	<0,001
29.073	«	10,0	0,06	0,005	0,005	0,03	0,035	0,20	0,005	0,01	0,002	~ 0,001
29.074	«	10,0	3,0	0,02	0,003	0,02	0,015	0,015	0,1	0,01	0,025	~ 0,001
29.075	<50,0	следы	есть	?	есть	~ 50,0	—	—	следы	—	—	много
29.076	<10,0	мало	есть	?	много	~ 90,0	—	—	мало	мало	—	много
29.077	осн.	10,0	0,06	?	0,01	0,015	0,02	0,5	0,003	0,015	0,002	<0,001
29.078	«	5,0	0,025	0,007	0,006	0,001	0,01	0,6	0,001	0,01	0,001	<0,001
29.079	«	18,0	0,008	?	0,002	0,0005	0,005	0,006	0,1	0,008	0,002	—
29.080	«	6,0	5,0	0,004	0,002	0,003	0,01	0,08	0,08	0,006	0,003	~ 0,001
29.081	«	18,0	0,003	—	0,002	0,0004	0,002	0,008	0,6	0,01	0,004	—
29.082	«	10,0	1,0	0,004	0,002	0,02	0,015	0,20	0,35	0,025	0,08	— 0,001 — 0,003
29.083	«	9,0	4,0	0,01	0,002	0,015	0,015	0,07	0,02	0,01	0,002	<0,001
29.084	<1—3	мало	есть	—	много	осн.	—	мало	есть	—	—	много
29.085	осн.	15,0	0,03	0,004	0,007	0,0007	0,003	0,1	0,045	0,05	0,02	<0,001
29.086	«	23,0	3,0	0,1	0,01	1,50	0,035	0,06	0,025	0,02	0,01	— 0,01 — 0,03
29.087	<1,0	мало	есть	—	много	осн.	—	—	есть	—	—	много
29.088	осн.	13,0	1,80	0,025	0,008	0,05—0,1	0,2	0,8	0,008	0,035	0,002	— 0,001 — 0,003
29.089	«	12,0	2,20	4,0	0,015	0,05—0,1	0,04	0,02	0,06	0,01	0,001	— 0,001 — 0,003
29.090	«	10,0	3,0	0,02	0,004	0,04	0,15	0,15	0,08	0,01	0,002	— 0,001 — 0,003

Таблица 1 (окончание)

18 Закал № 6743

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
29.091	осн.	20,0	3,0	0,6	0,004	0,04	0,1	0,08	0,20	0,03	0,005	<0,001
29.092	«	0,0003	0,35	18,0	0,002	0,004	0,015	—	0,03	0,002	?	<0,001
29.093	«	10,0	10,0	0,02	0,002	0,05	0,035	0,04	0,6	0,015	0,003	<0,001
29.094	«	0,004	0,03	0,007	0,0005	0,05	0,035	0,008	0,07	0,01	?	— 0,001 0,003
29.095	«	12,0	1,0	0,007	0,01	0,03	0,1	0,20	0,035	0,02	0,003	<0,001
29.096	«	0,25	0,02	>25,0	0,0005	0,03	0,02	0,01	0,20	0,005	?	<0,001
29.097	«	5,0	3,0	0,01	0,015	0,02	0,08	0,1	0,005	0,01	0,001	~ 0,001
29.098	«	8,0	1,50	0,007	0,002	0,1	0,025	0,02	0,025	0,01	0,001	~ 0,001
29.099	<1,0	есть	есть	>90,0	мало	следы	есть	—	есть	мало	—	—
29.100	«	3,30	0,25	0,01	0,0003	0,0004	0,01	0,015	0,25	0,003	?	<0,001
29.101	«	1,80	0,25	0,10	0,0005	0,03	0,01	0,01	0,015	0,0025	0,001	<0,001
29.102	«	0,02	0,008	0,004	0,0002	0,0007	0,005	—	0,005	0,015	?	<0,001
29.103	«	14,0	1,30	0,03	0,01	0,03	0,03	0,15	0,008	0,01	0,003	~ 0,001
29.104	«	10,0	3,0	0,04	0,002	0,03	0,04	0,08	0,025	0,008	0,001	<0,001
29.105	«	15,0	4,0	0,03	0,006	0,05	0,04	0,07	0,07	0,025	0,002	— 0,001 0,003
29.106	«	13,0	0,4	?	0,002	0,02	0,08	0,20	0,006	0,02	0,001	<0,001
29.107	«	3,50	0,05	0,005	0,002	0,05	0,20	0,50	0,002	0,02	0,001	~ 0,001
29.108	«	8,0	3,0	0,01	0,002	0,05	0,03	0,06	0,02	0,015	0,005	— 0,001 0,003
29.109	«	7,0	0,08	0,007	0,002	0,03	0,03	0,07	0,004	0,01	0,002	<0,001
29.110	«	0,02	1,50	>25,0	0,02	0,03	0,035	0,20	0,08	0,20	0,015	— 0,001 0,003
29.111	«	10,0	0,004	0,006	0,001	0,0004	0,002	?	0,35	0,005	0,001	?
29.112	«	0,20	0,70	0,004	0,002	0,02	0,04	0,60	0,006	0,015	?	~ 0,001
29.113	«	1,80	2,50	0,006	0,0006	0,001	0,01	0,015	0,003	0,01	0,001	<0,001
29.114	«	8,0	3,0	0,02	0,005	0,05	0,06	0,35	0,02	0,02	0,025	— 0,001 0,003
29.115	«	2,0	3,0	0,08	0,05	0,05	0,60	0,40	0,03	0,015	?	<0,001
29.116	«	0,04	1,20	>25,0	0,006	0,04	0,1	0,20	0,06	0,20	0,01	— 0,001 0,003
29.117	«	10,0	10,0	0,025	0,002	0,1	0,06	0,08	0,1	0,01	0,006	— 0,001 0,003
29.118	«	6,0	0,4	0,02	0,003	0,02	0,03	0,05	0,025	0,02	0,002	<0,001
29.119	«	0,007	0,01	?	0,0001	0,0001	0,005	—	0,002	0,01	—	—
29.120	«	1,40	0,004	?	0,0003	0,0002	—	—	0,07	0,0003	?	—

Пояснение к таблице I

Зеркала — погребение 10 (№ 29.043); погребение 4 (№ 29.050, 29.051); погребение 18 (№ 29.057, 29.058); погребение 82 (№ 29.059); погребение 84 (№ 29.060); погребение 73 (№ 29.064); погребение 27 (№ 29.068); погребение 44 (№ 29.069); погребение 52 (№ 29.072); погребение 11 (№ 29.079); погребение 16 (№ 29.081, 29.082); погребение 64 (№ 29.085); погребение 67 (№ 29.086); погребение 61 (№ 29.091); погребение 94 (№ 29.097); погребение 86 (№ 29.098); погребение 118 (№ 29.103); погребение 117 (№ 29.104); погребение 39 (№ 29.105); погребение 21 (№ 29.108); погребение 17 (№ 29.111); погребение 35 (№ 29.115).

Браслеты — погребение 1 (№ 29.040); погребение 2 (№ 29.042); погребение 82 (№ 29.061); погребение 29 (№ 29.114). **Гривна** — погребение 10 (№ 29.116). **Игольницы** — погребение 2 (№ 29.041); погребение 10 (№ 29.045); погребение 35 (№ 29.049); погребение 4 (№ 29.053); погребение 73 (№ 29.065). **Фибулы** — погребение 10 (№ 29.044); погребение 4 (№ 29.054); погребение 64 (№ 29.088); погребение 131 (№ 29.096). **Кусочек бронзы** — погребение 73 (№ 29.066). **Копушка** — погребение 52 (№ 29.077). **Обойма** — погребение 10 (№ 29.118). **Шлем** — погребение 10 (№ 29.120). **Амулеты** — погребение 10 (№ 29.119); погребение 4 (№ 29.113); погребение 16 (№ 29.101, 29.102); погребение 73 (№ 29.109). **Пряжки** — погребение 10 (№ 29.046); погребение 57 (№ 29.090); погребение 96 (№ 29.099); погребение 42 (№ 29.106); погребение 4 (№ 29.112); погребение 10 (№ 29.117);

Булавки — погребение 10 (№ 29.047 — 29.048); погребение 4 (№ 29.055 — 29.056); погребение 122 (№ 29.071); погребение 52 (№ 29.078); погребение 11 (№ 29.080); погребение 16 (№ 29.083); погребение 90 (№ 29.100). **Крючки** — погребение 42 (№ 29.107); погребение 4 (№ 29.052).

Подвески — погребение 73 (№ 29.110); погребение 16 (№ 29.084); погребение 61 (№ 29.089); погребение 59 (№ 29.092); погребение 131 (№ 29.094); погребение 132 (№ 29.095); погребение 82 (№ 29.062); погребение 27 (№ 29.067); погребение 52 (№ 29.075, 29.076); погребение 70 (№ 29.087).

Колокольчики — погребение 71 (№ 29.063); погребение 44 (№ 29.070); погребение 131 (№ 29.093). **Бляшки** — погребение 52 (№ 29.073, 29.074).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВДИКБ* — Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа.
АЭС — Археолого-этнографический сборник.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИМКУ — Известия материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КБИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики.
КБКМ — Кабардино-Балкарский краеведческий музей.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
НАА — Народы Азии и Африки.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ПСА — Проблемы скифской археологии.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.
СЭ — Советская этнография.
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея.
ТОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры. Ленинград.
Тр. КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета.
ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть 1	
<i>Батчаев В. М.</i> ДРЕВНОСТИ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ПЕРИОДОВ	7
Глава I. Новые материалы к археологической карте Кабардино-Балкарии	7
Глава II. Курганы скифского времени у селения Нартан	19
<i>Барцева Т. Б.</i> ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛЕНИЯ НАРТАН. (По данным спектрального анализа)	116
Часть 2	
<i>Керефов Б. М.</i> ЧЕГЕМСКИЙ КУРГАН-КЛАДБИЩЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ	135
Глава I. Характеристика памятника	136
Глава II. Общая характеристика и хронология погребений Чегемского кургана	165
Глава III. Анализ погребального инвентаря	184
Глава IV. Историко-культурная характеристика и этническая атрибуция Чегемского кургана. (Вместо заключения)	219
<i>Барцева Т. Б.</i> ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ЧЕГЕМСКОГО КУРГАНА	260
Список сокращений	275

Валерий Муратович Батчаев

Тамара Борисовна Барцева

Бетал Мурадинович Керефов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА НОВОСТРОЙКАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

в 1972—1979 гг.

Том 2

Редактор

О. Л. Опришко

Художник

И. Г. Абрамов

Художественный редактор

Ю. М. Алиев

Технические редакторы:

Н. М. Рахаева, С. А. Мусукаева

Корректор

Л. Т. Юркова

ИБ № 1389

Сдано в набор 24.07.85. Подписано к печати 21.10.85. Ч02553. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
24,5+вклейка 0,18. Усл. кр.-отт. 25,02. Уч.-изд. л. 23,99+вклейка 0,21. Тираж 1500 экз.
Заказ № 6743. Цена 1 р. 70 коп.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6
Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33

Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керефов Б. М.

- А 874** Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Том 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н. э.—II в. н. э.). — Нальчик: Эльбрус, 1985.— 280 с., ил.

В пер.: 1 р. 70 к. 1500 экз.

В книге дается характеристика, систематизация и анализ археологического материала эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н. э.—II в. н. э.), полученного при раскопках могильников в районах новостроек Кабардино-Балкарской АССР.